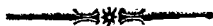

Arizona Tepees

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

А. П. ЧЕХОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

СОЧИНЕНИЯ
В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А. П. ЧЕХОВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ

ПЬЕСЫ

1878—1888

МОСКВА — 1988

Ч $\frac{4702010100-340}{042(02)-86}$ Подписное

© Издательство «Наука»,
1986 г.

А. П. ЧЕХОВ
Фотография 1883 г.

⟨БЕЗОТЦОВЩИНА⟩

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Анна Петровна Войничева, молодая вдова, генеральша.

Сергей Павлович Войничев, сын генерала Войничева от первого брака.

Софья Егоровна, его жена.

Порфирий Семенович Глагольев 1.

Кирилл Порфирьевич Глагольев 2,
его сын.

Герасим Кузьмич Петрин.

Павел Петрович Щербук.

Марья Ефимовна Грекова,
девушка 20 лет.

Иван Иванович Трилецкий, полковник в отставке.

Николай Иванович, его сын, молодой
лекарь.

Абрам Абрамович Венгерович 1, богатый еврей.

Исак Абрамович, его сын, студент.

Тимофей Гордеевич Бугров, купец.

Михаил Васильевич Платонов, сельский учитель.

Александра Ивановна (Саша), его жена, дочь
И. И. Трилецкого.

Осип, малый лет 30, конокрад.

Марко, рассыльный мирового судьи, маленький старичок.

Василий

Яков

Катя

} прислуга Войничевых.

Гости, прислуга.

} Помещики,
соседи
Войничевых.

Действие происходит в имении Войничевых
в одной из южных губерний.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в доме Войницевых. Стеклянная дверь в сад и две двери во внутренние покои. Мебель старого и нового фасона, смешанная. Рояль, возле нее пиюитр со скрипкою и нотами. Фисгармония. Картины (олеография) в золоченых рамках.

ЯВЛЕНИЕ I

Анна Петровна сидит за роялью, склонив голову к клавишам.
Николай Иванович Трилецкий входит.

Трилецкий (*подходит к Анне Петровне*). Что?
Анна Петровна (*поднимает голову*). Ничего... Скучненько...

Трилецкий. Дайте, *mon ange*¹, покурить! Плоть ужасно курить хочет. С самого утра почему-то еще не курил.

Анна Петровна (*подает ему папирсы*). Берите больше, чтобы потом не беспокоить.

Закуривают.

Скучно, Николая! Тоска, делать нечего, хандра... Что и делать, не знаю...

Трилецкий берет ее за руку.

Анна Петровна. Вы это за пульсом? Я здорова...

Трилецкий. Нет, я не за пульсом... Я чмокнуть...

Целует руку.

---

¹ мой ангел (*франц.*).

В вашу руку целуешь, как в подушечку... Чем это вы моете свои руки, что они у вас такие белые? Чудо руки! Даже еще раз поцелую.

Целует руку.

В шахматы, что ли?

А н н а П е т р о в н а. Давайте...

Смотрит на часы.

Четверть первого... Небось, наши гости проголодались...

Т р и л е ц к и й (*приготавливает шахматную доску*). По всей вероятности. Что касается меня, то я страшно голоден.

А н н а П е т р о в н а. Я о вас и не спрашиваю... Вы всегда голодны, хоть и едите каждую минуту...

Садятся за шахматы.

Ходите вы... Уж и пошел... Надо сперва подумать, а потом уже и идти... Я сюда... Вы всегда голодны...

Т р и л е ц к и й. Вы так пошли... Тэк-с... Голоден-с... Обедать скоро будем?

А н н а П е т р о в н а. Не думаю, чтобы скоро... Повар изволил ради нашего приезда нализаться и теперь без ног. Завтракать скоро будем. Серьезно, Николай Иванович, когда вы будете сыты? Ест, ест, ест... без конца ест! Ужас что такое! Какой маленький человек и такой большой желудок!

Т р и л е ц к и й. О да! Удивительно!

А н н а П е т р о в н а. Забрался в мою комнату и не спросясь съел полпирога! Вы знаете ведь, что это не мой пирог? Свинство, голубчик! Ходите!

Т р и л е ц к и й. Ничего я не знаю. Знаю только, что он у вас там прокиснет, если я его не съем. Вы так? Можете-с... А я этак... Если я много ем, то я, значит, здоров, а если здоров, то, с вашего позволения... *Mens sana in corpore sano*¹. Зачем думаете? Ходите, милая дамочка, не думая... (*Поет*). Я хочу вам рассказать, рассказать...

А н н а П е т р о в н а. Молчите... Вы мешаете мне думать.

---

¹ Здоровый дух в здоровом теле. (*лат.*)

Т р и л е ц к и й. Жаль, что вы, такая умная женщина, ничего не смыслите в гастрономии. Кто не умеет хорошо поесть, тот урод... Нравственный урод!.. Ибо... Позвольте, позвольте! Так не ходят! Ну? Куда же вы? А, ну это другое дело. Ибо вкус занимает в природе таковое же место, как и слух и зрение, то есть входит в число пяти чувств, которые всецело относятся к области, матушка моя, психологии. Психологии!

А н н а П е т р о в н а. Вы, кажется, острить собираетесь... Не острите, дорогой мой! И надоело, и не к лицу вам... Вы заметили, что я не смеюсь, когда вы острите? Пора, кажется, заметить...

Т р и л е ц к и й. Ваш ход, *votre excellence!*¹ Берегите коня. Не смеетесь, потому что не понимаете... Так-с...

А н н а П е т р о в н а. Чего глазаете? Ваш ход! Как полагаете? Ваша «она» будет сегодня у нас или нет?

Т р и л е ц к и й. Обещала быть. Дала слово.

А н н а П е т р о в н а. Пора уж ей быть в таком случае. Первый час... Вы... извините за нескромность вопроса... Вы и с этой «да так» или же серьезно?

Т р и л е ц к и й. То есть?

А н н а П е т р о в н а. Откровенно, Николай Иванович! Не ради сплетен спрашиваю, по-приятельски... Что Грекова для вас и что вы для нее? Откровенно и без острот, пожалуйста... Ну? Ей-ей, по-приятельски спрашиваю...

Т р и л е ц к и й. Что она для меня и что я для нее? Пока неизвестно-с...

А н н а П е т р о в н а. По крайней мере...

Т р и л е ц к и й. Езжу к ней, болтаю, надоедаю, ввожу ее маменьку в расход по кофейной части и... больше ничего. Ваш ход. Езжу, надо вам сказать, через день, а иногда и каждый день, гуляю по темным аллеям... Я толкую ей про свое, она толкует мне про свое, причем держит меня за эту пуговку и снимает с моего воротника пушок... Я ведь вечно в пуху.

А н н а П е т р о в н а. Ну?

Т р и л е ц к и й. Ну и ничего... Что собственно тянет меня к ней, определить трудно. Скука ли то, любовь ли, или что-либо другое прочее, не могу знать... Знаю,

---

¹ ваше превосходительство!.. (*франц.*)

что после обеда мне бывает страшно скучно за ней... По случайно наведенным справкам оказывается, что и она скучает за мной...

А н н а П е т р о в н а. Любовь, значит?

Т р и л е ц к и й (пожимает плечами). Очень может быть. Как вы думаете, люблю я ее или нет?

А н н а П е т р о в н а. Вот это мило! Вам же лучше знать...

Т р и л е ц к и й. Э-э... да вы не понимаете меня!.. Ваш ход!

А н н а П е т р о в н а. Хожу. Не понимаю, Николая! Женщине трудно понять вас в этом отношении...

Пауза.

Т р и л е ц к и й. Она хорошая девочка.

А н н а П е т р о в н а. Мне нравится. Светленькая головка... Только вот что, приятель... Не наделайте-ка вы ей как-нибудь неприятностей!.. Как-нибудь... За вами этот грех водится... Пошляетесь, пошляетесь, наговорите кучу вадора, наобещаете, разнесете славу и тем и покончите... Мне ее жалко будет... Что она теперь подельывает?..

Т р и л е ц к и й. Читает...

А н н а П е т р о в н а. И химией занимается?

Смеется.

Т р и л е ц к и й. Кажется.

А н н а П е т р о в н а. Славная... Потихе! Вы рукавом свезете! Нравится она мне со своим острым носиком! Из нее мог бы выйти недурной ученый...

Т р и л е ц к и й. Дороги не видит, бедная девочка!

А н н а П е т р о в н а. Вот что, Николая... Попросите Марью Ефимовну, чтобы она поехала ко мне немного... Я с ней познакомлюсь и... Я, впрочем, макле-ровать не стану, а так только... Мы ее вместе раскусим и или отпустим с миром, или же примем ее к сведению... Авось...

Пауза.

Я считаю вас малюточкой, ветерком, а потому и вмешиваюсь в ваши дела. Ваш ход. Мой совет таков. Или не трогать ее вовсе, или же жениться на ней... Только жениться, но... не далее! Паче чаяния жениться захоти-

те, извольте подумать сперва... Извольте рассмотреть ее со всех сторон, не поверхностно, подумать, помыслить, порассуждать, чтоб потом не плакать... Слышите?

Т р и л е ц к и й. Как же... Уши развесил.

А н н а П е т р о в н а. Знаю я вас. Всё делаете не думая и женитесь не думая. Вам только палец покажи женщина, так вы уж готовы на всякую всячину. Посоветоваться с близкими людьми должны... Да... На свою глупую голову не надейтесь. *(Стучит о стол.)* Вот она у вас, ваша голова! *(Свистит.)* Свистит, матушка! Мозгу в ней много, да толку что-то не видно.

Т р и л е ц к и й. Свистит, точно мужик! Удивительная женщина!

Пауза.

Ездить она к вам не станет.

А н н а П е т р о в н а. Почему?

Т р и л е ц к и й. Потому что к вам шляется Платонов... Она терпеть не может его после тех его выходов. Вообразил человек, что она дура, вбил себе это в свою нечесаную голову, и теперь черт его не разубедит! Считает почему-то своею обязанностью надоедать дурам, выделять над ними разные штуки... Ходите!.. А разве она дура? Понимает же он людей!

А н н а П е т р о в н а. Пустяки. Мы не позволим ему лишнего. Скажите ей, чтоб не боялась. А чего это Платонова так долго нет? Давно уж пора ему быть... *(Смотрит на часы.)* Невежливо с его стороны. Шесть месяцев не видались.

Т р и л е ц к и й. Когда я ехал к вам, в школе ставни были наглухо закрыты. Должно быть, спит еще. Каналья человек! Я его сам давно уж не видел.

А н н а П е т р о в н а. Здоров он?

Т р и л е ц к и й. Он всегда здоров. Жив курилка!

Входят Г л а г о л ь е в 1 и В о й н и ц е в.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же, Г л а г о л ь е в 1 и В о й н и ц е в.

Г л а г о л ь е в 1 *(входя)*. Так-то, милейший Сергей Павлович. В этом отношении мы, заходящие светила, лучше и счастливее вас, восходящих. И мужчина

не был, как видите, в проигрыше, и женщина была в выигрыше.

Садятся.

Сядемте, а то я утомился... Мы любили женщин, как самые лучшие рыцари, веровали в нее, поклонялись ей, потому что видели в ней лучшего человека... А женщина лучший человек, Сергей Павлович!

Анна Петровна. Зачем же мошенничать?

Трилецкий. Кто мошенничает?

Анна Петровна. А кто эту шашку сюда поставил?

Трилецкий. Да вы же сами поставили!

Анна Петровна. Ах да... Pardon...

Трилецкий. То-то что pardon.

Глагольев 1. У нас были и друзья... Дружба в наше время не была так наивна и так ненужна. В наше время были кружки, арзамасы... За друзей у нас, между прочим, было принято в огонь лазить.

Войницев *(зевает)*. Славное было время!

Трилецкий. А в наше ужасное время пожарные на то есть, чтоб в огонь лазить за друзьями.

Анна Петровна. Глупо, Николая!

Пауза.

Глагольев 1. В прошлую зиму в Москве на опере я видел, как один молодой человек плакал под влиянием хорошей музыки... Ведь это хорошо?

Войницев. Пожалуй, что и очень даже хорошо.

Глагольев 1. И я так думаю. Но зачем же, скажите вы мне, пожалуйста, глядя на него, улыбались близь сидящие дамочки и кавалеры? Чему они улыбались? И он сам, заметив, что добрые люди видят его слезы, завертелся на кресле, покраснел, соорудил на своем лице скверную улыбочку и потом вышел из театра... В наше время не стыдились хороших слез и не смеялись над ними...

Трилецкий *(Анне Петровне)*. Умереть этому медоточивому от меланхолии! Страсть не люблю! Уши режет!

Анна Петровна. Тссс...

Глагольев 1. Мы были счастливее вас. В наше время понимающие музыку не выходили из театра,

досиживали оперу до конца... Вы зеваете, Сергей Павлович... Я оседлал вас...

В о й н и ц е в. Нет... Подводите же итог, Порфирий Семеныч! Пора...

Г л а г о л ь е в 1. Ну-с...И так далее, и так далее... Если теперь подвести итог всему мною сказанному, то и получится, что в наше время были любящие и ненавидящие, а следовательно, и негодующие и презирующие...

В о й н и ц е в. Прекрасно, а в наше время их нет, что ли?

Г л а г о л ь е в 1. Думаю, что нет.

Войнищев встает и идет к окну.

Отсутствие этих-то людей и составляет современную чахотку...

Пауза.

В о й н и ц е в. Голословно, Порфирий Семеныч!

А н н а П е т р о в н а. Не могу! От него так несет этими песносными пачулями, что мне даже дурно делается. *(Кашляет.)* Отодвиньтесь немного назад!

Т р и л е ц к и й *(отодвигается)*. Сама проигрывает, а бедные пачули виноваты. Удивительная женщина!

В о й н и ц е в. Грешно, Порфирий Семенович, бросать в лицо обвинение, основанное на одних только догадках и пристрастии к минувшей молодости!..

Г л а г о л ь е в 1. Может быть, я и ошибаюсь.

В о й н и ц е в. Может быть... В данном случае не должно иметь места это «может быть»... Обвинение нешуточное!

Г л а г о л ь е в 1 *(смеется)*. Но... вы сердиться, милый мой, начинаете... Гм... Одно уж это доказывает, что вы не рыцарь, что вы не умеете относиться с должным уважением к взглядам противника.

В о й н и ц е в. Одно уж это доказывает, что я умею возмущаться.

Г л а г о л ь е в 1. Я не всех, разумеется, поголовно... Есть и исключения, Сергей Павлович!

В о й н и ц е в. Разумеется... *(Кланяется.)* Покорнейше вас благодарю за уступочку! Вся прелесть ваших приемов заключается в этих уступках. Ну, а что если

бы наскочил на вас человек неопытный, вас не знающий, верующий в ваше знание? Ведь вам удалось бы убедить его, что мы, то есть я, Николай Иванович, тамаш и вообще всё более или менее молодое, не умеем негодовать и презирать...

Г л а г о л ь е в 1. Но... вы уж... Я не говорил...

А н н а П е т р о в н а. Я хочу Порфирия Семеновича слушать. Давайте бросим! Довольно.

Т р и л е ц к и й. Нет, нет... Играйте и слушайте!

А н н а П е т р о в н а. Довольно. *(Встает.)* Надоело. После доиграем.

Т р и л е ц к и й. Когда проигрываю, она сидит, как приклеенная, а как только начну выигрывать, у нее является желание слушать Порфирия Семеновича! *(Глагольеву.)* И кто вас просит говорить? Мешаете только! *(Анне Петровне.)* Извольте сесть и продолжать, в противном же случае я буду считать вас проигравшей!

А н н а П е т р о в н а. Считайте! *(Садится против Глагольева.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Т е ж е и В е н г е р о в и ч 1.

В е н г е р о в и ч 1 *(входит)*. Жарко! Эта жара напоминает мне, жиду, Палестину. *(Садится у рояли и перебирает клавиши.)* Там, говорят, очень жарко!

Т р и л е ц к и й *(встает)*. Так и запишем. *(Вынимает из кармана записную книжку.)* Так и запишем-с, добрая женщина! *(Записывает.)* За генеральшей... за генеральшей три рубля... Итого с прежними — десять. Эге! Когда я буду иметь честь получить с вас эту сумму?

Г л а г о л ь е в 1. Эх, господа, господа! Не видали вы прошлого! Другое бы запели... Поняли бы... *(Вздыхает.)* Не понять вам!

В о й и ц е в. Литература и история имеет, кажется, более прав на нашу веру... Мы не видели, Порфирий Семеныч, прошлого, но чувствуем его. Оно у нас очень часто вот тут чувствуется... *(Бьет себя по затылку.)* Вот вы так не видите и не чувствуете настоящего.

Т р и л е ц к и й. Прикажете считать за вами, votre excellence, или сейчас заплатите?

Анна Петровна. Перестаньте! Вы не даёте слушать!

Трилецкий. Да зачем вы их слушаете? Они до вечера будут говорить!

Анна Петровна. Сержень, дай этому юродивому десять рублей!

Войницев. Десять? *(Внимает бумажник.)* Давайте-ка, Порфирий Семенович, переменим разговор...

Глагольев 1. Давайте, если он вам не нравится.

Войницев. Люблю вас слушать, но не люблю слушать то, что отзывается клеветой... *(Подает Трилецкому десять рублей.)*

Трилецкий. Мерси. *(Бьет по плечу Венгеровича.)* Вот как нужно жить на этом свете! Посадил беззащитную женщину за шахматы да и обчистил ее без зазрения совести на десять целкачей. Каково? Похвально?

Венгерович 1. Похвально. Вы, доктор, настоящий иерусалимский дворянин!

Анна Петровна. Перестаньте же, Трилецкий! *(Глагольеву.)* Так женщина лучший человек, Порфирий Семенович?

Глагольев 1. Лучший.

Анна Петровна. Гм... По-видимому, вы большой женолюбец, Порфирий Семенович!

Глагольев 1. Да, я люблю женщин. Я им поклоняюсь, Анна Петровна. Я вижу в них отчасти всё то, что я люблю: и сердце, и...

Анна Петровна. Вы им поклоняетесь... Ну а стоят они ваших поклонов?

Глагольев 1. Стоят.

Анна Петровна. Вы убеждены в этом? Сильно убеждены или только заставляете себя так думать?

Трилецкий берет скрипку и водит по ней смычком.

Глагольев 1. Сильно убежден. Достаточно знать мне одну только вас, чтобы быть убежденным в этом...

Анна Петровна. Серьезно? В вас какая-то особенная закваска.

Войницев. Он романтик.

Глагольев 1. Может быть... Что ж? Роман-

тизм вещь не безусловно дурная. Вы изгнали романтизм... Хорошо сделали, но боюсь, что вы изгнали вместе с ним что-то другое...

А н н а П е т р о в н а. Не сводите, друг мой, на полемику. Не умею спорить. Изгнали или не изгнали, но во всяком случае умней стали, слава богу! Ведь умней, Порфирий Семеныч? А это главное... *(Смеется.)* Были бы умные люди, да умнели бы, а остальное само собой приложится... Ах! Не рипите, Николай Иванович! Положите скрипку!

Т р и л е ц к и й *(вешает скрипку).* Хороший инструмент.

Г л а г о л ь е в 1. Удачно однажды выразился Платонов... Мы, сказал он, поумнели по части женщин, а поумнеть по части женщин значит втоптать самого себя и женщину в грязь...

Т р и л е ц к и й *(хохочет).* Должно быть, именинником был... Хватил лишнее...

А н н а П е т р о в н а. Это он сказал? *(Смеется.)* Да, он любит иногда отпускать такие изречения... Но да ведь он для красного словца... Кстати, к слову пришлось... Кто такой, что за человек, на ваш взгляд, этот Платонов? Герой или не герой?

Г л а г о л ь е в 1. Как вам сказать? Платонов, по-моему, есть лучший выразитель современной неопределенности... Это герой лучшего, еще, к сожалению, ненаписанного, современного романа... *(Смеется.)* Под неопределенностью я разумею современное состояние нашего общества: русский беллетрист чувствует эту неопределенность. Он стал в тупик, теряется, не знает, на чем остановиться, не понимает... Трудно понять ведь этих господ! *(Указывает на Войницеву.)* Романы донельзя плохи, натянуты, мелочны... и немудрено! Всё крайне неопределенно, непонятно... Всё смешалось до крайности, перепуталось... Вот этой-то неопределенности, по моему мнению, и является выразителем наш умнейший Платонов. Он здоров?

А н н а П е т р о в н а. Говорят, что здоров.

Пауза.

Славный человечек...

Г л а г о л ь е в 1. Да... Его грешно не уважать. Я зимой несколько раз заезжал к нему и никогда не за-

буду тех немногих часов, которые мне посчастливилось провести с ним.

Анна Петровна *(смотрит на часы)*. Пора уже ему быть. Сергей, ты посылай за ним?

Войницев. Два раза.

Анна Петровна. Вы всё врете, господа. Трилецкий, бегите, пошлите за ним Якова!

Трилецкий *(потягивается)*. Приказать на стол собирать?

Анна Петровна. Я сама прикажу.

Трилецкий *(идет и сталкивается у двери с Бугровым)*. Пыхтит, как локомотив, бакалейный человек! *(Хлопает его по животу и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Анна Петровна, Глагольев 1, Венгерович 1,
Войницев и Бугров.

Бугров *(входя)*. Уф! Страсть как жарит! Перед дождем, знать.

Войницев. Вы из сада?

Бугров. Из сада-с...

Войницев. Софи там?

Бугров. Какая Софи?

Войницев. Моя жена. Софья Егоровна! ¹

Венгерович 1. Я сейчас... *(Уходит в сад.)*

ЯВЛЕНИЕ V

Анна Петровна, Глагольев 1, Войницев,
Бугров, Платонов и Саша
(в русском костюме).

Платонов *(в дверях Саше)*. Пожалуйста! Милости просим, молодая женщина! *(Входит за Сашей.)* Вот мы и не дома, наконец! Кланяйся, Саша! Здравствуйте, ваше превосходительство! *(Подходит к Анне Петровне, целует у нее одну руку и потом другую.)*

Анна Петровна. Жестокий, нелюбезный... Можно ли заставлять ждать себя так долго? Ведь вы знаете, как я нетерпелива? Дорогая Александра Ивановна... *(Целуется с Сашей.)*

¹ Далее утрачен лист рукописи.

П л а т о н о в. Вот мы и не дома, наконец! Слава тебе, господи! Шесть месяцев не видели мы ни паркета, ни кресел, ни высоких потолков, ниже даже людей... Всю зиму проспали в берлоге, как медведи, и только сегодня выползли на свет божий! Сергею Павловичу! *(Целуется с Войничевым.)*

В о й н и ц е в. И вырос, и пополнил и... черт знает чего только... Александра Ивановна! Батюшки, как пополнила! *(Жмет Саше руку.)* Здоровы? Похорошела и пополнила!

П л а т о н о в *(пожимает руку Глагольеву)*. Порфирий Семенович... Очень рад вас видеть...

А н н а П е т р о в н а. Как поживаете? Как живете-можете, Александра Ивановна? Да садитесь же, господа! Рассказывайте-ка... Сядем!..

П л а т о н о в *(хохочет)*. Сергей Павлович! Он ли это? Господи! Где же длинные волосы, блузочка и сладенький тенорок? А ну-ка, скажите-ка что-нибудь!

В о й н и ц е в. Я дурандас. *(Смеется.)*

П л а т о н о в. Бас, совершенный бас! Ну? Сядем... Подвигайтесь-ка, Порфирий Семеныч! Я сажусь. *(Садится.)* Садитесь, господа! Ф-ф-ф... Жара... Что, Саша! Нюхаешь?

Садятся.

С а ш а. Нюхаю.

Смех.

П л а т о н о в. Человечьим мясом пахнет. Прелесть что за запах! Мне кажется, что мы уже сто лет не видались. Черт знает, как долго эта зима тянется! А вои мое кресло! Узнаешь, Саша? На нем шесть месяцев тому назад просиживал я дни и ночи, отыскивая с генеральшей причину всех причин и проигрывая твои блестящие гривеннички... Жарко...

А н н а П е т р о в н а. Я заждалась, терпение потеряла... Здоровы?

П л а т о н о в. Очень здоровы... Надо вам доложить, ваше превосходительство, что вы и пополнили, и чуточку похорошели... Сегодня и жарко, и душно... Я уж начинаю скучать за холодом.

А н н а П е т р о в н а. Как они оба варварски пополнили! Экий счастливый народ! Как жилось, Михаил Васильич?

П л а т о н о в. Скверно по обыкновению... Всю

зиму спал и шесть месяцев не видел неба. Пил, ел, спал, Майя Рида жене вслух читал... Скверно!

С а ш а. Жилось хорошо, только скучно, разумеется...

П л а т о н о в. Не скучно, а очень скучно, душа моя. За вами скучал страшно... Как кстати для меня теперь мои глаза! Видеть вас, Анна Петровна, после долгого, томительнейшего безлюдья и сквернолюдья — да ведь это непростительная роскошь!

А н н а П е т р о в н а. Нате вам за это папироску!
(Дает ему папиросу.)

П л а т о н о в. Merci.

Закуривают.

С а ш а. Вы вчера приехали?

А н н а П е т р о в н а. В десять часов.

П л а т о н о в. В одиннадцать видел у вас огни, да побоялся зайти к вам. Небось утомлены были?

А н н а П е т р о в н а. И что б зайти! Мы до двух часов проболтали.

Саша шепчет Платонову на ухо.

П л а т о н о в. Ах черт возьми! (Бьет себя по лбу.) Вот память-то! Что же ты раньше молчала? Сергей Павлович!

В о й н и ц е в. Что?

П л а т о н о в. А он и молчит! Женился и молчит!
(Встает.) Я забыл, а они и молчат!

С а ш а. И я забыла, пока он тут говорил... Поздравляю вас, Сергей Павлович! Желаю вам... всего, всего!

П л а т о н о в. Честь имею... (Кланяется.) Совет да любовь, милый человек! Чудо сотворил, Сергей Павлович! Я от вас такого важного и отважного поступка никак не ожидал! Как скоро и как быстро! Кто мог ожидать от вас такой ереси?

В о й н и ц е в. Каков я? И скоро, и быстро! (Хочет.) Я сам не ожидал от себя такой ереси. Вмиг, батенька, склеилось дело. Влюбился и женился!

П л а т о н о в. Без «влюбился» не проходила ни одна зима, а в эту зиму еще и женился, цензурой обзавелся, как говорит наш поп. Жена — это самая ужасная, самая придирчивая цензура! Горе, если она глупа! Местечко нашли?

В о й н и ц е в. Предлагают место в прогимназии, да не знаю, как быть. Не хотелось бы мне в прогимназию! Жалованья мало, да и вообще...

П л а т о н о в. Берете?

В о й н и ц е в. Пока еще решительно ничего не знаю. Вероятно, нет...

П л а т о н о в. Гм... Гулять, значит, будем. Три года прошло с тех пор, как вы кончили университет?

В о й н и ц е в. Да.

П л а т о н о в. Так... *(Вздыхает.)* Бить вас некому! Нужно будет жене вашей сказать... Прогулять три хороших года! а?

А н н а П е т р о в н а. Жарко теперь толковать о высоких материях... Мне зевать хочется. Чего ради вы так долго не являлись, Александра Ивановна?

С а ш а. Времени не было... Миша клетку починял, а я в церковь ходила... Клетка поломалась, и нельзя было соловья так оставить.

Г л а г о л ь е в 1. А в церкви же что сегодня? Праздник какой?

С а ш а. Нет... Ходила заказывать отцу Константину обедню. Сегодня именинник Мишин отец покойник, и неловко как-то не помолиться... Панихиду отслужила...

Пауза.

Г л а г о л ь е в 1. Сколько прошло с тех пор, как скончался ваш отец, Михаил Васильич?

П л а т о н о в. Года три, четыре...

С а ш а. Три года и восемь месяцев.

Г л а г о л ь е в 1. Ну-те? Боже мой! Как быстро время летит! Три года и восемь месяцев! Давно ли, кажется, мы виделись с ним в последний раз? *(Вздыхает.)* В последний раз виделись мы в Ивановке, присяжными заседателями оба были... И тогда же произошел случай, как нельзя лучше характеризующий покойника... Судили, помню, одного бедняцкого и пьяненького казенного землемера за лихоимство и *(смеется)* оправдали... Василий Андреич, покойник, настоял... Часа три настаивал, доводы приводил, горячился... «Не обвиню его, кричит, пока вы не присягнете, что вы сами не берете взятки!» Нелогично, но... ничего с ним нельзя было поделать! Утомились мы страшно по его милости... С нами тогда был и покойный генерал Вой-

лицев, ваш супруг, Анна Петровна... Тоже человек в своем роде.

А н н а П е т р о в н а. Ну этот не оправдал бы...

Г л а г о л ь е в 1. Да, он настаивал на обвинении... Помню обоих, красных, клокочущих, свирепых... Крестьяне держали сторону генерала, а мы, дворяне, сторону Василия Андреича... Мы пересилили, разумеется... (*Смеется.*) Ваш отец вызвал генерала на дуэль, генерал назвал его... извините, подлецом... Потеха была! Мы напоили после их пьяными и помирили... Нет ничего легче, как мирить русских людей... Добряк был ваш отец, доброе имел сердце...

П л а т о н о в. Не доброе, а безалаберное...

Г л а г о л ь е в 1. Великий человек был в своем роде... Я уважал его. Мы были с ним в прекраснейших отношениях!

П л а т о н о в. Ну а вот я так не могу похвалиться этим. Я разошелся с ним, когда у меня не было еще ни волоска на подбородке, а в последние три года мы были настоящими врагами. Я его не уважал, он считал меня пустым человеком, и... оба мы были правы. Я не люблю этого человека! Не люблю за то, что он умер спокойно. Умер так, как умирают честные люди. Быть подлецом и в то же время не хотеть сознавать этого — страшная особенность русского негодяя!

Г л а г о л ь е в 1. De mortuis aut bene, aut nihil ¹, Михаил Васильич!

П л а т о н о в. Нет... Это латинская ересь. По моему: de omnibus aut nihil, aut veritas ². Но лучше veritas, чем nihil, поучительнее, по крайней мере... Полагаю, что мертвые не нуждаются в уступке...

Входит И в а н И в а н о в и ч.

ЯВЛЕНИЕ VI

Т е ж е и И в а н И в а н о в и ч.

И в а н И в а н о в и ч (*входит*). Та-та-та... Зять и дочка! Светила из созвездия полковника Трилецкого! Здравствуйте, голубчики! Салют вам из крупновской пушки! Господи, как жарко! Мишенька, голубчик мой...

¹ О мертвых или хорошо, или ничего (*лат.*).

² обо всех или ничего, или правда (*лат.*).

П л а т о н о в *(встает)*. Здравствуй, полковник!
(Обнимает его.) Здоров?

И в а н И в а н о в и ч. Я всегда здоров... Терпит господь и не наказывает. Сашенька... *(Целует Сашу в голову)*. Давно я вас не лицезрел... Здорова, Сашенька?

С а ш а. Здорова... Ты здоров?

И в а н И в а н о в и ч *(садится рядом с Сашей)*. Я всегда здоров. Во всю жизнь мою ни разу не был болен... Давно уж я вас не видел! Каждый день все собираюсь к вам, внучка повидать да с зятьком свет белый покритиковать, да никак не соберусь... Занят, ангелы мои! Позавчера хотел к вам поехать, новую двустволочку желал показать тебе, Мишенька, да исправник остановил, в преферанс засадил... Славная двустволочка! Аглицкая, сто семьдесят шагов дробью наповал... Внучек здоров?

С а ш а. Здоров, тебе кланяется...

И в а н И в а н о в и ч. Разве он умеет кланяться?

В о й н и ц е в. Сие нужно понимать духовно.

И в а н И в а н о в и ч. Ну да, ну да... Духовно... Скажи ему, Сашурка, чтоб скорей рос. На охоту возьму с собой... Для него я уже и двустволочку маленькую приготовил... Охотника из него сделаю, чтоб было кому после смерти свои охотничьи причиндалы оставить...

А н н а П е т р о в н а. Душка этот Иван Иваныч! Мы с ним на Петров день перепелов стрелять поедем.

И в а н И в а н о в и ч. Го-го! Мы, Анна Петровна, на бекасов поход устроим. Мы на Бесово болотце полярную экспедицию устроим...

А н н а П е т р о в н а. Попробуем вашу двустволочку...

И в а н И в а н о в и ч. Попробуем. Диана божественная! *(Целует ее руку.)* Помните, матушка, прошлый год? Ха-ха! Люблю таких особ, побей меня бог! Не люблю малодушия! Вот она где самая-то и есть эмансипация женская! Ее в плечико нюхаешь, а от нее порохом, Ганнибалами да Гамилькарами пахнет! Воевода, совсем воевода! Дай ей эполеты, и погиб мир! Поедем! И Сашку с собой возьмем! Всех возьмем! Покажем им, что значит кровь военная, Диана божественная, ваше превосходительство, Александра Македонская!

Платонов. А ты уже клюкнул, полковник?

Иван Иванович. Разумеется... Sans doute...!

Платонов. То-то ты так и раскудахтался.

Иван Иванович. Я приехал сюда, братец ты мой, часов в восемь... Все еще спали... Пришел сюда, да и давай ногами стучать... Смотрю, выходит она... смеется... Бутылочку мадерки распили. Диана три рюмочки вышила, а я остальное...

Анна Петровна. А нужно это рассказывать!

Вбегает Трилецкий.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Трилецкий.

Трилецкий. Господам родственникам!

Платонов. А-а-а... Плохой лейб-медик ее превосходительства! Argentum nitricum... aquae destillatae...² Очень рад видеть, любезный! Здоров, сияет, блещет и пахнет!

Трилецкий (*целует Сашу в голову*). Да и разнесли же черти твоего Михаила! Бык, настоящий бык!

Саша. Фи, как от тебя духами пахнет! Здоров?

Трилецкий. Здоровехонек. Умно сделали, что пришли. (*Садится.*) Как дела, Мишель?

Платонов. Какие?

Трилецкий. Твои, разумеется.

Платонов. Мои? А кто их знает, каковы они! Долго, брат, рассказывать, да и неинтересно. Где это ты так шикарно остригся? Хороша прическа! Стоит целковый?

Трилецкий. Меня не цирюльник чешет... У меня на это дамы есть, а дамам я не за прическу плачу целковые... (*Ест мармелад.*) Я, братец ты мой...

Платонов. Состричь хочешь? Ни, ни, ни... Не беспокойся! Избавь, пожалуйста.

---

¹ Без сомнения (*франц.*).

² Ляпис... дистиллированной воды (*лат.*).

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же, Петрин и Венгерович 1.

Петрин входит с газетой и садится. Венгерович 1 садится в угол.

Трилецкий (*Ивану Ивановичу*). Заплачь, отче!

Иван Иванович. Для чего мне плакать?

Трилецкий. Да вот, например, хоть от радости... Взгляни на меня! Это сын твой!.. (*Указывает на Сашу.*) Это дочь твоя! (*Указывает на Платонова.*) Этот юноша зять твой! Дочь-то одна чего стоит! Это перл, папаша! Один только ты мог породить такую воспитательную дочь! А зять?

Иван Иванович. Чего же мне, друг мой, плакать? Плакать не нужно.

Трилецкий. А зять? О... это зять! Другого такого не сыщешь, хоть обрыскай всю вселенную! Честен, благороден, великодушен, справедлив! А внук?! Что это за мальчишка разанафемский! Машет руками, тянется вперед этак и всё пищит: «дедь! дедь! где дедь? Подайте-ка мне сюда его, разбойника, подайте-ка мне сюда его усищи!»

Иван Иванович (*вытаскивает из кармана платок*). Чего же плакать? Ну и слава богу... (*Плачет.*) Плакать не нужно.

Трилецкий. Ты плачешь, полковник?

Иван Иванович. Нет... Зачем? Ну и слава тебе, господи!.. Что ж?..

Платонов. Перестань, Николай!

Трилецкий (*встает и садится рядом с Бугровым*). Жаркий нонче темперамент в воздухе, Тимофей Гордеич!

Бугров. Это действительно. Жарко, как в бане на самой верхней полочке. Темперамент в градусов тридцать, надо полагать.

Трилецкий. Что бы это значило? Отчего это так жарко, Тимофей Гордеич?

Бугров. Вам это лучше знать.

Трилецкий. Я не знаю. Я по докторской части шел.

Б у г р о в. А по-моему-с, оттого так жарко, что мы засмеялись бы с вами, ежели б в июне месяце было холодно.

Смех.

Т р и л е ц к и й. Так-с... Теперь понимаю... Что лучше для травы, Тимофей Гордеич, климат или атмосфера?

Б у г р о в. Все хорошо, Николай Иванович, только для хлеба дождик нужней... Что толку с климата, ежели дождя нет? Без дождя он и гроша медного не стоит.

Т р и л е ц к и й. Так... Это правда... Вашими устами, надо полагать, гласит сама мудрость. А какого вы мнения, господин бакалейный человек, касательно остального прочего?

Б у г р о в (*смеется*). Никакого.

Т р и л е ц к и й. Что и требовалось доказать. Умнейший вы человек, Тимофей Гордеич! Ну, а какого вы мнения насчет того астрономического фокуса, чтобы Анна Петровна дала нам поесть? а?

А н н а П е т р о в н а. Подождите, Трилецкий! Все ждут, и вы ждите!

Т р и л е ц к и й. Аппетитов она наших не знает! Не знает она, как нам с вами, а в особенности вам со мной выпить хочется! А славно мы выпьем и закусим, Тимофей Гордеич! Во-первых... Во-первых... (*Шепчет Бугрову на ухо.*) Плохо? Это за галстух... Crematum simplex...¹ Там всё есть: и распивочно и навынос... Икра, балык, семга, сардины... Далее — шести- или семиэтажный пирог... Во какой! Начинен всевозможными чудесами флоры и фауны Старого и Нового Света... Скорей бы только... Сильно голоден, Тимофей Гордеич? Откровенно...

С а ш а (*Трилецкому*). Не так тебе есть хочется, как бунт поднимать! Не любишь, когда люди покойно сидят!

Т р и л е ц к и й. Не люблю, когда людей голодом морят, толстухка!

П л а т о н о в. Ты сейчас сострил, Николай Иванович, отчего же это не смеются?

А н н а П е т р о в н а. Ах, как он надоел! Как

---

¹ Простой продукт (*лат.*).

он надоел! Нахален до безобразия! Это ужасно! Ну подождите же, скверный человек! Я вам дам поесть! (Уходит.)

Т р и л е ц к и й. Давно бы так.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же, кроме А н н ы П е т р о в н ы.

П л а т о н о в. Впрочем, не мешало бы... Который час? Я тоже голоден...

В о й н и ц е в. Где же моя жена, господа? Платонов ведь ее не видел еще... Надо познакомить. (Встает.) Пойду ее искать. Ей так понравился сад, что она никак не расстанется с ним.

П л а т о н о в. Между прочим, Сергей Павлович... Я просил бы вас не представлять меня вашей супруге... Мне хотелось бы знать, узнает она меня или нет? Я когда-то был с ней знаком немножко и...

В о й н и ц е в. Знакомы? С Соней?

П л а т о н о в. Был во время оно.... Когда еще был студентом, кажется. Не представляйте, пожалуйста, и молчите, не говорите ей ни слова обо мне...

В о й н и ц е в. Хорошо. Этот человек со всеми знаком! И когда он успевает знакомиться? (Уходит в сад.)

Т р и л е ц к и й. А какую я важную корреспонденцию поместил в «Русском курьере», господа! Читали? Вы читали, Абрам Абрамыч?

В е н г е р о в и ч 1. Читал.

Т р и л е ц к и й. Не правда ли, замечательная корреспонденция? Вас-то, вас, Абрам Абрамыч, каким я людоедом выставил! Такое про вас написал, что вся Европа ужаснется!

П е т р и н (хохочет). Так это вот про кого?! Вот кто этот В.! Ну, а кто же Б.?

Б у г р о в (смеется). Это я-с. (Вытирает лоб.) Бог с ними!

В е н г е р о в и ч 1. Что ж! Это очень похвально. Если бы я умел писать, то непременно писал бы в газеты. Во-первых, деньги за это дают, а во-вторых, у нас почему-то принято пишущих считать очень умными людьми. Только не вы, доктор, написали эту корреспонденцию. Ее написал Порфирий Семеныч.

Г л а г о л ь е в 1. Вы откуда это знаете?

В е н г е р о в и ч 1. Знаю.

Г л а г о л ь е в 1. Странно... Я писал, это правда, но откуда вам это известно?

В е н г е р о в и ч 1. Всё можно узнать, лишь бы только желание было. Вы заказным посылали, ну а приемщик на нашей почте имеет хорошую память. Вот и всё... И разгадывать нечего. Мое еврейское ехидство тут ни при чем... *(Смеется.)* Не бойтесь, мстить не стану.

Г л а г о л ь е в 1. Я и не боюсь, но... мне странно!

Входит Г р е к о в а.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Г р е к о в а.

Т р и л е ц к и й *(вскакивает)*. Марья Ефимовна! Вот это так мило! Вот это так сюрприз!

Г р е к о в а *(подает ему руку)*. Здравствуйте, Николай Иваныч! *(Кивает всем головой.)* Здравствуйте, господа!

Т р и л е ц к и й *(снимает с нее тальму)*. Стащу с вас тальмочку... Живы, здоровы? Здравствуйте еще раз! *(Целует руку.)* Здоровы?

Г р е к о в а. Как всегда... *(Конфузится и садится на первое попавшееся стуло.)* Анна Петровна дома?

Т р и л е ц к и й. Дома. *(Садится рядом.)*

Г л а г о л ь е в 1. Здравствуйте, Марья Ефимовна!

И в а н И в а н о в и ч. Это Марья Ефимовна? Насилу узнал! *(Подходит к Грековой и целует у нее руку.)* Имею счастье видеть... Весьма приятно...

Г р е к о в а. Здравствуйте, Иван Иваныч! *(Кашляет.)* Ужасно жарко... Не целуйте мне, пожалуйста, рук... Я себя неловко чувствую... Не люблю...

П л а т о н о в *(подходит к Грековой)*. Честь имею кланяться!.. *(Хочет поцеловать руку.)* Как поживаете? Дайте же руку!

Г р е к о в а *(отдергивает назад руку)*. Не нужно...

П л а т о н о в. Почему? Недостойн?

Г р е к о в а. Не знаю, достойны вы или недостойны, но... вы ведь искренно?

Платонов. Неискренно? Почему же вы знаете, что неискренно?

Грекова. Вы не стали бы целовать моей руки, если бы я не сказала, что я не люблю этого целования... Вы вообще любите делать то, чего я не люблю.

Платонов. Сейчас уж и заключение!

Трилецкий *(Платонову)*. Отойди!

Платонов. Сейчас... Как ваш клоповый эфир, Марья Ефимовна?

Грекова. Какой эфир?

Платонов. Я слышал, что вы добываете из клопов эфир... Хотите обогатить науку... Хорошее дело!

Грекова. Вы всё шутите...

Трилецкий. Да, он всё шутит... Итак, значит, вы приехали, Марья Ефимовна... Как ваша тата поживает?

Платонов. Какая вы розовенькая! Как вам жарко!

Грекова *(встает)*. Для чего вы мне это всё говорите?

Платонов. Поговорить хочу с вами... Давно с вами не беседовал. Зачем же сердиться? Когда же, наконец, вы перестанете на меня сердиться?

Грекова. Я замечаю, что вы чувствуете себя не в своей тарелке, когда видите меня... Не знаю, чем я вам мешаю, но... Я делаю вам удовольствие и по возможности избегаю вас... Если бы Николай Иванович не дал мне честного слова, что вы здесь не будете, то я не приехала бы сюда... *(Трилецкому)*. Стыдно вам лгать!

Платонов. Стыдно тебе лгать, Николай! *(Грековой)*. Вы плакать собираетесь... Поплачьте! Слезы приносят иногда облегчение...

Грекова быстро идет к двери, где встречается с Анной Петровной.

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же и Анна Петровна.

Трилецкий *(Платонову)*. Глупо... глупо! Понимаешь ты? Глупо! Еще раз и... мы враги!

Платонов. Ты-то тут при чем?

Трилецкий. Глупо! Ты не знаешь, что ты делаешь!

Глагольев 1. Жестоко, Михаил Васильич!

Анна Петровна. Марья Ефимовна! Как я рада! *(Пожимает Грековой руку.)* Очень рада... Вы такая редкая у меня гостья... Вы приехали, и я вас люблю за это... Сядемте...

Садятся.

Очень рада... Спасибо Николаю Ивановичу... Он потрудился выклянчить вас из вашей деревеньки...

Трилецкий *(Платонову)*. А если я ее люблю, положим?

Платонов. Люби... Сделай такое одолжение!

Трилецкий. Не знаешь ты, что ты говоришь!

Анна Петровна. Как вы поживаете, моя дорогая?

Грекова. Благодарю.

Анна Петровна. Вы утомлены... *(Смотрит ей в лицо.)* Проехать двадцать верст мудрено без прищипки...

Грекова. Нет... *(Подносит к глазам платок и плачет.)* Нет...

Анна Петровна. Что с вами, Марья Ефимовна?

Пауза.

Грекова. Нет...

Трилецкий ходит по сцене.

Глагольев 1 *(Платонову)*. Надо вам извиниться, Михаил Васильич!

Платонов. Для чего?

Глагольев 1. Вы спрашиваете?! Вы были жестоки...

Саша *(подходит к Платонову)*. Объяснись, а то я уйду!.. Извинись!

Анна Петровна. Я сама имею обыкновенские плакать после дороги... Нервы расстраиваются!..

Глагольев 1. Наконец... Я хочу этого! Не любезно! Не ожидал я от вас!

Саша. Извинись, тебе говорят! Бессовестный!

А н н а П е т р о в н а. Понимаю... *(Смотрит на Платонова.)* Успел уж... Извините меня, Марья Ефимовна. Я забыла поговорить с этим... с этим... Я виновата...

П л а т о н о в *(подходит к Грековой).* Марья Ефимовна!

Г р е к о в а *(поднимает голову).* Что вам угодно?

П л а т о н о в. Извиняюсь... Публично прошу прощения... Сгораю от стыда на пятидесяти кострах!.. Давайте же руку... Клянусь честью, что искренно... *(Берет ее руку.)* Помирился... Не будем хныкать... Мир? *(Целует руку.)*

Г р е к о в а. Мир. *(Закрывает платком лицо и убегает.)*

За ней уходит Т р и л е ц к и й.

ЯВЛЕНИЕ XII

Те же, кроме Грековой и Трилецкого.

А н н а П е т р о в н а. Не думала, что вы позволите себе... Вы!

Г л а г о л ь е в 1. Осторожность, Михаил Васильич, ради бога осторожность!

П л а т о н о в. Довольно... *(Садится на диван.)* Бог с ней... Я сделал глупость, что заговорил с ней, а глупость не стоит того, чтобы о ней много говорили...

А н н а П е т р о в н а. Для чего Трилецкий пошел за ней? Не всем женщинам приятно, если видят их слезы.

Г л а г о л ь е в 1. Уважаю я в женщинах эту чуткость... Особенного ничего ведь вы... не сказали ей, кажется, но... Один намек, словечко...

А н н а П е т р о в н а. Нехорошо, Михаил Васильич, плохо.

П л а т о н о в. Я извинился, Анна Петровна.

Входят Войницев, Софья Егоровна
и Венгерович 2.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же, Войницев, Софья Егоровна,
Венгерович 2 и потом Трилецкий.

Войницев (*вбегает*). Идет, идет! (*Поет.*) Идет!
Венгерович 2 становится у дверей, скрестив на груди
руки.

Анна Петровна. Наконец-то Софи надоел
этот несносный зной! Милости просим!

Платонов (*в стороне*). Соня! Творец небесный,
как она изменилась!

Софья Егоровна. Я так заболталась с т-г
Венгеровичем, что совершенно забыла про зной...
(*Садится на диван на аршин от Платонова.*) Я в
восторге от нашего сада, Сергей.

Глагольев 1 (*садится возле Софьи Егоровны*).
Сергей Павлович!

Войницев. Что прикажете?

Глагольев 1. Софья Егоровна, милейший мой
друг, дала мне слово, что в четверг вы все будете у меня.

Платонов (*в сторону*). На меня посмотрела!

Войницев. Мы и сдержим это слово. Прика-
тим к вам целой компанией...

Трилецкий (*входит*). О женщины, женщины!
сказал Шекспир и сказал неправду. Нужно было ска-
зать: ах вы, женщины, женщины!

Анна Петровна. Где Марья Ефимовна?

Трилецкий. Я ее в сад проводил. Пусть себе
пошляется с горя!

Глагольев 1. Вы у меня еще ни разу не были,
Софья Егоровна! У меня вам, надеюсь, понравится...
Сад получше вашего, река глубокая, лошадки есть
хорошие...

Пауза.

Анна Петровна. Молчание... Дурак ро-
дился.

Смех.

Софья Егоровна (*тихо Глагольеву, кивая
на Платонова*). Кто это такой? Вот этот, что рядом
со мной сидит!

Глагольев 1 (*смеется*). Это наш учитель...
Фамилии не знаю...

Б у г р о в (*Трилецкому*). Скажите мне на милость, Николай Иванович, вы всякие болезни лечить можете или не всякие?

Т р и л е ц к и й. Всякие.

Б у г р о в. И сибирку?

Т р и л е ц к и й. И сибирку.

Б у г р о в. А ежели собака бешеная укусит, и это можете?

Т р и л е ц к и й. А вас бешеная собака укусила? (*Отодвигается от него.*)

Б у г р о в (*конфузится*). Боже меня сохрани! Что это вы, Николай Иванович! Христос с вами!

Смех.

А н н а П е т р о в н а. Как к вам ехать, Порфирий Семеныч? Через Юсновку?

Г л а г о л ь е в 1. Нет... Круг дадите, если поедете через Юсновку. Езжайте прямо на Платоновку. Я обитаю почти что в самой Платоновке, в двух верстах от нее.

С о ф ь я Е г о р о в н а. Я знаю эту Платоновку. Она всё еще существует?

Г л а г о л ь е в 1. Как же...

С о ф ь я Е г о р о в н а. Я когда-то с ее помещиком была знакома, с Платоновым. Сергей, ты не знаешь, где теперь этот Платонов?

П л а т о н о в (*в сторону*). Спросила бы она у меня, где он.

В о й н и ц е в. Кажется, знаю. Не помнишь ли, как его зовут? (*Смеется.*)

П л а т о н о в. Я тоже когда-то был с ним знаком. Его зовут, кажется, Михаилом Васильичем.

Смех.

С о ф ь я Е г о р о в н а. Да, да... Его зовут Михаилом Васильичем. Когда я была с ним знакома, он был еще студентом, почти мальчиком... Вы смеетесь, господа... А я, право, ничего не нахожу остроумного в моих словах...

А н н а П е т р о в н а (*хохочет и указывает на Платонова*). Да узнайте же его, наконец, а то он лопнет от нетерпения!

Платонов поднимается.

Софья Егоровна (*поднимается и смотрит на Платонова*). Да... он. Что же вы молчите, Михаил Васильич?.. Неужели... это вы?

Платонов. Не узнаете, Софья Егоровна? И немудрено! Прошло четыре с половиной года, почти пять лет, а никакие крысы не в состоянии изгрызть так хорошо человеческую физиономию, как мои последние пять лет.

Софья Егоровна (*подает ему руку*). Я теперь только начинаю узнавать вас. Как вы изменились!

Войничев (*подводит к Софье Егоровне Сашу*). А это, рекомендую тебе, его жена!.. Александра Ивановна, сестра остроумнейшего из людей — Николая Иваныча!

Софья Егоровна (*подает Саше руку*). Очень приятно. (*Садится.*) Вы уж и женаты!.. Давно ли? Впрочем, пять лет...

Анна Петровна. Молодец, Платонов! Он нигде не бывает, но всех знает. Это, Софи, рекомендую вам, наш друг!

Платонов. Этой роскошной рекомендации достаточно для того, чтобы иметь право спросить вас, Софья Егоровна, как вы вообще поживаете? Как ваше здоровье?

Софья Егоровна. Поживаю вообще очень сносно, но здоровье плоховато. Вы как поживаете? Что поделяете теперь?

Платонов. Со мной судьба моя сыграла то, чего я ни в каком случае не мог предполагать в то время, когда вы видели во мне второго Байрона, а я в себе будущего министра каких-то особенных дел и Христофора Колумба. Я школьный учитель, Софья Егоровна, только всего.

Софья Егоровна. Вы?

Платонов. Да, я...

Пауза.

Пожалуй, что немножко и странно...

Софья Егоровна. Невероятно! Почему же... Почему же не больше?

Платонов. Мало одной фразы, Софья Егоровна, чтобы ответить на ваш вопрос...

Пауза.

Софья Егоровна. Университет вы по крайней мере кончили?

Платонов. Нет. Я его бросил.

Софья Егоровна. Гм... Это все-таки не мешает ведь вам быть человеком?

Платонов. Виноват... Я не понимаю вашего вопроса...

Софья Егоровна. Я неясно выразилась. Это вам не мешает быть человеком... тружеником, хочу сказать, на поприще... ну хоть, например, свободы, эмансипации женщин... Не мешает это вам быть служителем идеи?

Трилецкий *(в сторону)*. Завралась!

Платонов *(в сторону)*. Вот как! Гм... *(Ей.)* Как вам сказать? Пожалуй, что это и не мешает, но... чему же мешать-то? *(Смеется.)* Мне ничто не может мешать... Я лежачий камень. Лежачие камни сами созданы для того, чтоб мешать...

Входит Щербук.

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Щербук.

Щербук *(в дверях)*. Лошадям овса не давай: плохо везли!

Анна Петровна. Ура! Мой кавалер пришел!

Все. Павел Петрович!

Щербук *(молча целует у Анны Петровны и Саши руку, молча кланяется мужчинам, каждому отдельно и отдает общий поклон)*. Друзья мои! Скажите мне, недостойному субъекту, где та особа, видеть которую душа моя стремится? Подозрение имею и думаю, что эта особа — оне! *(Указывает на Софью Егоровну.)* Анна Петровна, позвольте мне просить вас отрекомендовать меня им, чтобы они знали, что я такой за человек!

Анна Петровна *(берет его под руку и подводит к Софье Егоровне)*. Отставной гвардии корнет Павел Петрович Щербук!

Щербук. А касательно чувств?

Анна Петровна. Ах да... Наш приятель, сосед, кавалер, гость и кредитор.

Щ е р б у к. Действительно! Друг первейший его превосходительства покойничка генерала! Под предводительством его брал крепости, именуемые женским полонезом. *(Кланяется.)* Позвольте ручку-с!

С о ф ь я Е г о р о в н а *(протягивает руку и отдергивает ее назад)*. Очень приятно, но... не нужно.

Щ е р б у к. Обидно-с... Вашего супруга на руках носил, когда он еще под стол пешком ходил... Я от него знак имею и знак сей в могилу унесу. *(Открывает рот.)* В-во! Зуба нет! Замечаете?

Смех.

Я его на руках держал, а он, Сереженька-то, пистолетом, коим забавляться изволил, мне по зубам реприманду устроил. Хе, хе, хе... Шалун! Вы его, матушка, не имею чести знать имени и отчества, в строгости содержите! Красотой своей вы мне одну картину напоминаете... Носик только не такой... Не дадите ручки?

Петрич подсаживается к Вешгеровичу 1 и читает ему вслух газету.

С о ф ь я Е г о р о в н а *(протягивает руку)*. Если вы уж так...

Щ е р б у к *(целует руку)*. Мерси вас! *(Платонову.)* Как здоровье, Мишенька? Молодец-то какой вырос! *(Садится.)* Я знал тебя еще в тот период, когда ты на свет божий с недоумением глядел... И всё растет, и всё растет... Тьфу! чтоб не сглазить! Молодчина! Красавец-то какой! Ну чего, купидон, по военной не идешь?

П л а т о н о в. Грудью слаб, Павел Петрович!

Щ е р б у к *(указывает на Трилецкого)*. Он сказал? Верь ему, свистуну, так без головы останешься!

Т р и л е ц к и й. Прошу не ругаться, Павел Петрович!

Щ е р б у к. Он мне поясницу лечил... Того не ешь, другого не ешь, на полу не спи... Ну и не вылечил. Я его и спрашиваю: «Зачем же ты деньги взял, а не вылечил?» А он и говорит: «Что-нибудь из двух, говорит, или лечить, или деньги брать». Каков молодец?

Т р и л е ц к и й. Для чего же врать, Вельзевул Буцефалович? Сколько вы мне дали денег, позвольте вас спросить? Припомните-ка! Съездил я к вам шесть раз

и получил только всего рубль, да еще порванный рубль... Хотел его нищему дать, да нищий не взял. «Порван, говорит, очень, номеров нет!»

Щ е р б у к. И ездил шесть раз не потому, что я болен был, а потому, что у моего арендатора дочка кельк шоз¹.

Т р и л е ц к и й. Платонов, ты близко к нему сидишь... Щелкни его раз от моего имени по лысине! Сделай милость!

Щ е р б у к. Отстань! Довольно! Не раздражай спящего льва! Молод еще, еле видим! (*Платонову.*) И отец твой был молодец! Мы с ним, с покойничком, большие друзья были. Штукарь он был! Теперь таких и нет проказников, какими мы с ним были... Эхх. Прошло время... (*Петрину.*) Герася! Побойся всевышнего! Мы здесь беседуем, а ты вслух читаешь! Имей деликатность!

Петрин продолжает читать.

С а ш а (*толкает Ивана Ивановича в плечо*). Папа! Папа, не спи здесь! Стыдно!

Иван Иванович просыпается и чрез минуту опять засыпает.

Щ е р б у к. Нет... Не могу я говорить!.. (*Встает.*) Его слушайте... Он читает!..

П е т р и н (*встает и подходит к Платонову*). Что вы сказали-с?

П л а т о н о в. Решительно ничего...

П е т р и н. Нет, вы что-то сказали-с... Вы сказали что-то про Петрина...

П л а т о н о в. Вам приснилось, должно быть...

П е т р и н. Критикуете-с?

П л а т о н о в. Ничего я не говорил! Уверяю вас, что вам это приснилось!

П е т р и н. Можете говорить, сколько вам угодно... Петрин... Петрин... Что Петрин? (*Кладет газету в карман.*) Петрин, может быть, в университете обучался кандидат прав, может быть... Вам это известно?.. Ученое звание за мной до гроба останется... Так-то-с. Надворный советник... Вам это известно? И пожил по-

---

¹ кое-что (*франц.* quelque chose).

больше вашего. Шестой десяточек, слава богу, доживаю.

Платонов. Очень приятно, но... что же из этого следует?

Петрин. Поживите с мое, душенька, так узнаете! Жизнь пережить не шутка! Жизнь кусается...

Платонов (*пожимает плечами*). Право, не знаю, что вы хотите этим сказать, Герасим Кузьмич... Я вас не понимаю... Начали вы о себе, а с себя съехали на жизнь... Что может быть общего между вами и жизнью?

Петрин. Вот как ломает вас жизнь, потрясет хорошенечко, тогда сами на молодых с предостережением смотреть станете... Жизнь, сударь мой... Что такое жизнь? А вот что-с! Когда рождается человек, то идет на одну из трех дорог жизненных, кроме которых других путей не имеется: пойдешь направо — волки тебя съедят, пойдешь налево — сам волков съешь, пойдешь прямо — сам себя съешь.

Платонов. Скажите... Гм... Вы пришли к этому умозаключению путем науки, опыта?

Петрин. Путем опыта.

Платонов. Путем опыта... (*Смеется.*) Говорите, почтенный Герасим Кузьмич, кому-нибудь другому, а не мне... Вообще бы я вам советовал не говорить со мной о высоких материях... И смеюсь, и, ей-богу, не верю. Не верю я вашей старческой, самоделковой мудрости! Не верю, друзья моего отца, глубоко, слишком искренно не верю вашим простым речам о мудреных вещах, всему тому, до чего вы дошли своим умом!

Петрин. Да-с... Действительно... Из молодого деревца всё сделаешь: и домик, и корабль, и всё... а старое, широкое да высокое, ни к чёрту не годится...

Платонов. Я не говорю вообще про стариков, я говорю про друзей моего отца.

Глаголев 1. Я тоже был другом вашего отца, Михаил Васильич!

Платонов. Мало ли у него было друзей... Бывало, весь двор был запружен каретами да колясками.

Глаголев 1. Нет... Но, значит, и мне вы не верите? (*Хохочет.*)

Платонов. Гм... Как вам сказать?.. И в вас, Порфирий Семеныч, плохо верю.

Г л а г о л ь е в 1. Да? *(Протягивает ему руку.)* Спасибо, дорогой мой, за откровенность! Ваша откровенность еще более привязывает меня к вам.

П л а т о н о в. Вы добряк... Я даже глубоко уважаю вас, но... но...

Г л а г о л ь е в 1. Пожалуйста, говорите!

П л а т о н о в. Но... но нужно быть слишком доверчивым, чтобы веровать в тех фонвизинских солидных Стародумов и сахарных Милонов, которые всю свою жизнь ели щи из одной чашки со Скотиниными и Простаковыми, и в тех сатрапов, которые потому только и святы, что не делают ни зла, ни добра. Не рассердитесь, пожалуйста!

А н н а П е т р о в н а. Не люблю я подобных бесед, а в особенности, если они ведутся Платоновым... Всегда плохо оканчиваются. Михаил Васильич, рекомендую вам нашего нового знакомого! *(Указывает на Венгеровича 2.)* Исак Абрамович Венгерович, студент...

П л а т о н о в. А... *(Встает и идет к Венгеровичу 2.)* Очень приятно! Очень рад. *(Протягивает руку.)* Дорого я дал бы теперь, чтобы иметь право опять называться студентом...

Пауза.

Я вам руку подаю... Берите же мою или давайте мне свою...

В е н г е р о в и ч 2. Я не сделаю ни того, ни другого...

П л а т о н о в. Что?

В е н г е р о в и ч 2. Я не подам вам своей руки.

П л а т о н о в. Загадка... Почему-с?

А н н а П е т р о в н а *(в сторону)*. Чёрт знает что!

В е н г е р о в и ч 2. Потому что я имею на это основание... Я презираю таких людей, как вы!

П л а т о н о в. Брависсиме... *(Осматривает его.)* Я сказал бы вам, что это мне ужасно нравится, если бы это не пощекотало вашего самолюбия, которое нужно поберечь для будущего...

Пауза.

Вы смотрите на меня, точно великан на пигмея. Может быть, вы и в самом деле великан.

Венгерович 2. Я честный человек и не пошляк.

Платонов. С чем вас и поздравляю... Странно было бы видеть в молодом студенте нечестного человека... О вашей честности вас никто и не спрашивает... Не дадите руки, юноша?

Венгерович 2. Я не подаю милостыни.

Трилецкий плачет.

Платонов. Не подаете? Ваше дело... Я о приличии говорю, а не о милостыне... Сильно презираете?

Венгерович 2. Насколько это возможно для человека, всей душой ненавидящего пошлость, тунеядство, фиглярство...

Платонов (*вздыхает*). Давно уж я не слышал таких речей... Что-то слышится родное в звонких песнях ямщика!.. И я когда-то был мастером рассыпаться... Только, к сожалению, всё это фразы... Милые фразы, но только фразы... Чутьочку бы искренности... Фальшивые звуки ужасно действуют на непривычное ухо...

Венгерович 2. Не прекратить ли нам этот разговор?

Платонов. Для чего? Нас охотно слушают, да и мы еще не успели надоесть друг другу... Давайте еще побеседуем в том же духе...

Вбегает Василий и за ним Осип.

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же и Осип.

Осип (*входит*). Кгм... Честь имею и удовольствие поздравить ваше превосходительство с приездом...

Пауза.

Желаю вам всего того, что вы от бога желаете.

Смех.

Платонов. Кого вижу?! Чёртов кум! Самый страшный из людей! Ужаснейший из смертных!

Анна Петровна. Скажите, пожалуйста! Вас недоставало! Зачем пришел?

О с и п. Поздравить.

А н н а П е т р о в н а. Очень нужно! Проваливай!

П л а т о н о в. Ты ли это, во тьму ночей и в свет дня вселяющий грозный ужас? Давно уж я не видел тебя, человекоубийца, шестьсот шестьдесят шесть! Ну, приятель? Распространись о чем-нибудь! Вонмем великому Осипу!

О с и п *(кланяется)*. С приездом, ваше превосходительство! Сергею Павлычу! С браком с законным! Дай бог, чтоб всё... что касательно семейства выходило лучше... всего! Дай бог!

В о й н и ц е в. Спасибо! *(Софье Егоровне.)* Это, Софи, рекомендую тебе, наше войницевское пугало!

А н н а П е т р о в н а. Не держите его, Платонов! Пусть уходит! Я на него сердита. *(Осипу.)* Скажешь на кухне, чтобы тебе дали пообедать... Экие ведь какие зверские глаза! Много за зиму нашего леса накрал?

О с и п *(смеется)*. Деревца три-четыре...

Смех.

А н н а П е т р о в н а *(смеется)*. Врешь, больше! У него и цепочка есть! Скажите! Это золотая цепочка? Позвольте узнать, который час?

О с и п *(смотрит на стенные часы)*. Двадцать две минуты второго... Позвольте мне вашу ручку поцеловать!

А н н а П е т р о в н а *(подносит к его губам руку)*. На, целуй...

О с и п *(целует руку)*. Очень вам благодарен, ваше превосходительство, за ваше сочувствие! *(Кланяется.)* Что вы за меня держитесь, Михаил Васильич!

П л а т о н о в. Боюсь, чтобы ты не ушел. Люблю тебя, милый! Какой молодец, чёрт тебя задержи совсем! Каким это образом, мудрый, тебя угораздило попасть сюда?

О с и п. За дураком гнался, за Василием, да и зашел кстати.

П л а т о н о в. Умный гнался за дураком, а не наоборот! Честь имею, господа, представить! Интереснейший субъект! Одно из интереснейших кровожадных животных современного зоологического музея! *(Поворачивает Осипа на все стороны)*. Известен всем и каждому как Осип, конокрад, чужеяд, человекоубийца и вор.

Родился в Войнищевке, грабил и убивал в Войнищевке и пропадет в той же Войнищевке!

Смех.

О с и п *(смеется)*. Чудной вы человек, Михаил Васильич!

Т р и л е ц к и й *(рассматривает Осипа)*. Чем занимаешься, любезный?

О с и п. Воровством.

Т р и л е ц к и й. Гм... Приятное занятие... Какой же ты, однако, циник!

О с и п. Что значит циник?

Т р и л е ц к и й. Циник слово греческое, в переводе на твой язык значущее: свинья, желающая, чтобы весь свет знал, что она свинья.

П л а т о н о в. Он улыбается, боги! Что это за улыбка! А лицо-то, лицо! В этом лице сто пудов железа! Не скоро разобьешь его о камень! *(Подводит его к зеркалу.)* Посмотри-ка, чудовище! Видишь? И ты не удивляешься?

О с и п. Самый обыкновенный человек! Даже хуже...

П л а т о н о в. Будто бы? А не богатырь? Не Илья Муромец? *(Хлопает его по плечу.)* О храбрый, победоносный росс! Что мы теперь значим с тобой? Шляемся из угла в угол мелкими людишками, чужеядами, места своего не знаем... Нам бы с тобой пустыню с витязями, нам бы с тобой богатырей с стопудовыми головами, с шином, с посвистом! Уколотил бы Соловья Разбойника? а?

О с и п. А кто ж его знает!

П л а т о н о в. Уколотил бы! Ведь у тебя силища! Это не мускулы, а канаты! Кстати, отчего ты не на каторге?

А н н а П е т р о в н а. Кончите, Платонов! Право, надоело.

П л а т о н о в. Ты сидел хоть раз в остроге, Осип?

О с и п. Случается... Каждую зиму сижу.

П л а т о н о в. Так и следует... В лесу холодно — иди в острог. Но отчего же ты не на каторге?

О с и п. Не знаю... Пустите, Михаил Васильич!

П л а т о н о в. Ты не от мира сего? Ты вне времени и пространства? Ты вне обычаев и закона?

О с и п. Позвольте-с... В законе написано, что только тогда пойдешь в Сибирь, когда на тебя обстоятельно докажут или на месте преступления поймают... Всякому, положим, известно, что я, положим, вор да разбойник (*смеется*), да не всякий доказать это может... Гм... Не смел нонче народ стал, глуп, неумный то есть... Боится всего... Ну и доказать боится... Выслать бы мог, да законов не понимает... Всё ему страшно... Осел нонче народ стал, одним словом... Всё норовит исподтишка, артелью... Пакостный народ, плевым... Невежество... И обижать такой народ не жалко...

П л а т о н о в. Как он важно рассуждает, подлец! Своим умом дошел, отвратительное животное! И он ведь на основании теорий... (*Вздыхает.*) Какая гадость еще возможна в России!..

О с и п. Не один я так рассуждаю, Михаил Васильич! Все нонче так рассуждают. Да вот, например, хоть Абрам Абрамыч...

П л а т о н о в. Да, но и этот тоже незаконный... Всяк знает, да не всяк докажет.

В е н г е р о в и ч 1. Меня, полагаю, можно оставить в покое...

П л а т о н о в. Про него и толковать нечего... Это подобие твое; разница только в том, что он умней тебя и счастлив, как аркадский пастушок. Ну и... в глаза нельзя назвать, а тебя можно. Одного поля ягоды, но... Шестьдесят кабаков, друг мой, шестьдесят кабаков, а у тебя и шестидесяти копеек нет!

В е н г е р о в и ч 1. Шестьдесят три кабака.

П л а т о н о в. Через год будет семьдесят три... Он благодеяния делает, обеды дает, всеми уважаем, все перед ним шапку ломают, ну а ты... ты великий человек, но... жить, брат, не умеешь! Не умеешь жить, вредный человек!

В е н г е р о в и ч 1. Вы начинаете фантазировать, Михаил Васильич! (*Встает и садится на другой стул.*)

П л а т о н о в. На этой голове и громоотводов больше... Проживет преспокойно еще столько же, сколько и жил, если не больше, и умрет... и умрет ведь спокойно!

А н н а П е т р о в н а. Перестаньте, Платонов!

В о й н и ц е в. Помирней, Михаил Васильич! Осип, уходи отсюда! Своим присутствием ты только раздражаешь платоновские инстинкты.

Венгерович 1. Ему хочется выгнать меня отсюда, но не удастся!

Платонов. Удастся! Не удастся, сам уйду.

Анна Петровна. Платонов, вы не перестанете? Вы не распространяйтесь, а прямо говорите: перестанете вы или нет?

Саша. Замолчи, ради бога! *(Тихо.)* Непрлично! Ты меня срамишь!

Платонов *(Осипу)*. Проваливай! От души желаю тебе скорейшего исчезновения!

Осип. У Марфы Петровны есть попугайчик, который всех людей да собак называет дураками, а как завидит коршуна или Абрама Абрамыча, то и кричит: «Ах ты, проклятый!» *(Хохочет.)* Прощайте-с! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же без Осипа.

Венгерович 1. Кто бы, да не вы, молодой человек, позволяли себе читать мне мораль и еще в такой форме. Я гражданин и, скажу правду, полезный гражданин... Я отец, а вы кто? Кто вы, молодой человек? Извините, хлыщ, промотавшийся помещик, взявший в свои руки святое дело, на которое вы не имеете ни малейшего права, как испорченный человек...

Платонов. Гражданин... Если вы гражданин, то это очень нехорошее слово! Ругательное слово!

Анна Петровна. Он не перестанет! Платонов, зачем отравлять нам день своим резонерством? Зачем говорить лишнее? И имеете ли вы право?

Трилецкий. Не покойно живетсся с этими справедливейшими и честнейшими... Всюду вмешиваются, везде у них дело, всё до них касается...

Глагольев 1. Начали, господа, о здравии, а оканчиваете за упокой...

Анна Петровна. Не следует, Платонов, забывать того, что если гости бранятся, то хозяйева чувствуют себя очень неловко...

Бойницева. Это справедливо, а посему с этой же минуты всеобщее тсс... Мир, согласие и тишина!

Венгерович 1. Не дает и минуты покоя! Что я ему сделал? Это шарлатанство!

В о й н и ц е в. Тссс...

Т р и л е ц к и й. Пусть себе бранятся! Нам же веселей.

Пауза.

П л а т о н о в. Как поглядишь вокруг себя, да подумаешь серьезно, в обморок падаешь!.. И что хуже всего, так это то, что всё мало-мальски честное, сносное молчит, мертвецки молчит, только смотрит... Всё смотрит на него с боязнью, всё кланяется до земли этому ожиревшему, позолочепному выскочке, всё обязано ему от головы до пяток! Честь в трубу вылетела!

А н н а П е т р о в н а. Успокойтесь, Платонов! Вы начинаете прошлогоднюю историю, а я не выношу этого!

П л а т о н о в (*пьет воду*). Ладно. (*Садится.*)

В е н г е р о в и ч 1. Ладно.

Пауза.

Щ е р б у к. Мученик я, друзья мои, мученик!

А н н а П е т р о в н а. Что там еще?

Щ е р б у к. Горе мне, друзья мои! Лучше в гробу лежать, чем с женою ехидною жить! Опять материя была! Чуть не убила меня неделю тому назад со своим дьяволом, рыжим Дон-Жуаном. Сплю я себе на дворе под яблонькой, сны вкушаю, на прошлые картины во сне с завистью поглядываю... (*Вздыхает.*) Вдруг... Вдруг как шарахнет меня кто-то по голове моей! Господи! Конец, думаю, пришел! Землетрясение, борьба стихий, потоп, дождь огненный... Открываю глаза, а передо мной рыжий... Схватил меня рыжий за бока, да как даст со всего размаху по этим местам, а потом шлеп меня о землю! Подскочила лютая... Схватила меня за мою невинную бороду (*хватает себя за бороду*), а тут не пообедает! (*Бьет себя по лысине*). Чуть не убили... Думал, что богу душу отдам...

А н н а П е т р о в н а. Вы преувеличиваете, Павел Петрович...

Щ е р б у к. Старуха ведь, старей всех на свете, ни кожи, ни рожи у старой кочерги, а туда же... любовь! Ах ты, ведьма! А рыжему это и на руку... Ему денежки нужны мои, а любовь ее ему не нужна...

Я к о в входит и подает Анне Петровне визитную карточку.

В о й н и ц е в. От кого это?

А н н а П е т р о в н а. Перестаньте, Павел Петрович! (*Читает.*) «Comte Glagolief»¹. К чему эти церемонии? Пожалуйста, проси! (*Глагольеву I.*) Ваш сын, Порфирий Семеныч!

Г л а г о л ь е в 1. Мой сын?! Откуда он мог взяться? Он за границей!

Входит Г л а г о л ь е в 2.

ЯВЛЕНИЕ XVII

Т е ж е и Г л а г о л ь е в 2.

А н н а П е т р о в н а. Кирилл Порфирыч! Как это любезно!

Г л а г о л ь е в 1 (*встает*). Ты, Кирилл... приехал? (*Садится.*)

Г л а г о л ь е в 2. Здравствуйте, mesdames! Платонову, Венгеровичу, Трилецкому... И чудак Платонов здесь... Салют, почет и уважение! Ужасно жарко в России... Прямо из Парижа! Прямехонько из французской земли! Ф-ф... Не верите? Честное и благородное слово! Домой только чемодан завез... Ну, да и Париж же, господа! Вот город!

В о й н и ц е в. Садитесь, французский человек!

Г л а г о л ь е в 2. Нет, нет, нет... Я не в гости приехал, я так только... Мне одного только отца нужно видеть... (*Отцу.*) Ты что же это, послушай?

Г л а г о л ь е в 1. Что такое?

Г л а г о л ь е в 2. Ты ссориться хочешь? Ты зачем не присылал мне денег, когда я просил, а?

Г л а г о л ь е в 1. Дома об этом потолкуем.

Г л а г о л ь е в 2. Почему ты не присылал мне денег? Ты смеешься? Тебе всё шутки? Ты шутишь? Господа, можно за границей жить без денег?

А н н а П е т р о в н а. Как вам жилось в Париже? Вы сядьте, Кирилл Порфирыч!

Г л а г о л ь е в 2. По его милости я воротился с одной только зубочисткой! Я послал ему из Парижа тридцать пять телеграмм! Почему ты не присылал мне денег, я тебя спрашиваю? Краснеешь? Стыдно?

¹ «Граф Глагольев» (*франц.*).

Т р и л е ц к и й. Не кричите, пожалуйста, ваше сиятельство! Будете кричать, пошлю судебному следователю вашу визитную карточку и привлеку вас к судебной ответственности за присвоение не принадлежащего вам графского титула! Неприлично!

Г л а г о л ь е в 1. Не делай, Кирилл, скандала! Я полагал, что шести тысяч будет достаточно. Успокойся!

Г л а г о л ь е в 2. Дай мне денег, я опять поеду! Давай сейчас! Сейчас давай! Еду! Давай скорей! Я спешу!

А н н а П е т р о в н а. Куда вы так спешите? Успеете! Расскажите-ка нам лучше что-нибудь из своего путешествия...

Я к о в (*входит*). Готово-с!

А н н а П е т р о в н а. Да? В таком случае, господа, идемте есть!

Т р и л е ц к и й. Есть? Ура-а-а! (*Хватает одной рукой за руку Сашу, а другой Глагольева 2 и бежит.*)

С а ш а. Пустите! Пустите, сорванец! Я сама пойду!

Г л а г о л ь е в 2. Пустите! Что за свинство? Я не люблю шуток! (*Вырывается.*)

С а ш а и Т р и л е ц к и й убегают.

А н н а П е т р о в н а (*берет Глагольева 2 под руку*). Пойдемте-ка, парижанин! Нечего кипятиться попусту! Абрам Абрамыч, Тимофей Гордеич... Прошу! (*Уходит с Глагольевым 2.*)

Б у г р о в (*встает и потягивается*). Пока дождешься этого завтрака, так весь слюной изойдешь. (*Уходит.*)

П л а т о н о в (*подает Софье Егоровне руку*). Вы позволите? Какие у вас удивленные глаза! Для вас этот мир — неведомый мир! Это мир (*тише*) глупцов, Софья Егоровна, глупцов набитых, невылазных, безнадежных... (*Уходит с Софьей Егоровной.*)

В е н г е р о в и ч 1 (*сыну*). Теперь видел?

В е н г е р о в и ч 2. Это оригинальнейший негодяй! (*Уходит с отцом.*)

В о й н и ц е в (*толкает Ивана Исановича*). Иван Иваныч! Иван Иваныч! Завтракать!

И в а н И в а н о в и ч (*вскакивает*). А? Кто?

Войницев. Никто... Завтракать идемте!
Иван Иванович. Очень хорошо, душенька!

Уходит с Войницевыми и Щербуком.

ЯВЛЕНИЕ XVIII

Петрин и Глагольев 1.

Петрин. Хочешь?

Глагольев 1. Я не прочь... Я уже говорил тебе!

Петрин. Голубчик... Непременно женишься?

Глагольев 1. Не знаю, братец. Захочет ли она еще?

Петрин. Захочет! Побей меня бог, захочет!

Глагольев 1. Кто знает? Предполагать не следует... Чужая душа потемки. Ты-то чего так хлопчешь?

Петрин. О ком же мне хлопотать, душенька? Ты человек хороший, она такая славная... Хочешь, я с ней поговорю?

Глагольев 1. Я и сам поговорю. Ты молчи пока и... если можно, пожалуйста, не хлопчи! Я и сам сумею жениться. *(Уходит.)*

Петрин *(один)*. Вот ежели б сумел! Святые угодники, войдите в мое положение!.. Выйди генеральша за него, я богатый человек! По векселям получу, святые угодники! Даже аппетит пропал от этой радостной мысли. Венчаются рабы божии Анна и Порфирий или, то бишь, Порфирий и Анна...

Входит Анна Петровна.

ЯВЛЕНИЕ XIX

Петрин и Анна Петровна.

Анна Петровна. Вы же чего не идете завтракать?

Петрин. Матушка, Анна Петровна, можно вам намек сделать?

Анна Петровна. Делайте, только поскорей, пожалуйста... Мне некогда...

Петрин. Гм... Не дадите вы мне немножко денег, матушка?

Анна Петровна. Какой же это намек? Это далеко не намек. Сколько вам нужно? Рубль, два?

Петрин. Сделайте умаление векселям. Надоело глядеть на векселя эти... Векселя — это одна только обманчивость, мечта туманная. Они говорят: ты владеешь! А на деле-то выходит, что ты вовсе не владеешь.

Анна Петровна. Вы всё про те же шестнадцать тысяч толкуете? Как вам не стыдно? Неужели вас ничто не коробит, когда вы клянчите этот долг? Как вам не грешно? На что вам, старику холостому, сдались эти нехорошие деньги?

Петрин. Они мне сдались, потому что они мои, матушка.

Анна Петровна. Вы эти векселя выманили у моего мужа, когда он был не трезв, болен... Вы это помните?

Петрин. Что ж такое матушка? А на то они и векселя, чтоб по ним денсжки требовались и платились. Деньги счет любят.

Анна Петровна. Хорошо, хорошо... Довольно. Денег у меня нет и не будет для вашего брата! Убирайтесь, протестуйте! Эх вы, кандидат прав! Ведь вы на днях умрете, для чего же мошенничаете? Чудак вы!

Петрин. Можно вам, матушка, намек сделать?

Анна Петровна. Нельзя. *(Идет к двери.)* Ступайте жевать!

Петрин. Позвольте, матушка! Родненькая, на минуточку? Вам Порфиша нравится?

Анна Петровна. Вам какое дело? Какое вам дело до меня, кандидат вы этакий!

Петрин. Какое дело? *(Бьет себя по груди.)* А кто, позвольте вас спросить, первым другом покойного генерал-майора был? Кто ему глаза на смертном одре закрыл?

Анна Петровна. Вы, вы, вы! Молодец вы за это!

Петрин. Пойду выпью за упокой его души... *(Вздыхает.)* И за ваше здравие! Горды и надменны, сударыня! Гордость порок есть... *(Уходит.)*

Входит Платонов.

ЯВЛЕНИЕ XX

Анна Петровна и Платонов.

Платонов. Чёрт знает что за самолюбие! Его гонишь, а он сидит, как ни в чем не бывало... Вот уж воистину хамское барышническое самолюбие! О чем мыслите, превосходительная?

Анна Петровна. Вы успокоились?

Платонов. Успокоился... Но не будем сердиться... *(Целует ее руку.)* Все они, наша дорогая генеральша, достойны того, чтобы всякий имел право выгнать их из вашего дома...

Анна Петровна. С каким удовольствием я сама бы, невыносимый Михаил Васильич, прогнала этих гостей!.. В том и вся наша беда, что честь, о которой вы сегодня трактовали на мой счет, удобоварима только в теории, но никак не в практике. Ни я и ни ваше красноречие не имеем права прогнать их. Ведь всё это наши благодетели, кредиторы... Погляди я на них косо — и завтра же нас не будет в этом имении... Или имение, или честь, как видите... Выбираю имение... Понимайте это, милый пустослов, как хотите, и если вам угодно, чтобы я не уехала из прекрасных здешних мест, то не напоминайте мне о чести и не трогайте моих гусей... Меня зовут там... Сегодня после обеда едем кататься... Не смей уходить! *(Бьет его по плечу.)* Заживем! Идемте есть! *(Уходит.)*

Платонов *(после паузы)*. А все-таки я его выгоню... Я всех выгоню!.. Глупо, нетактично, но... выгоню... Дал себе слово не трогать этого свинства, но что поделаешь? Характер — стихия, а бесхарактерность и подавно...

Входит Венгерович 2.

ЯВЛЕНИЕ XXI

Платонов и Венгерович 2.

Венгерович 2. Послушайте, господин учитель, я советовал бы вам не трогать моего отца.

Платонов. Мersi за совет.

Венгерович 2. Я не шучу. Мой отец знаком

с очень многими и поэтому легко может лишить вас места. Я вас предостерегаю.

П л а т о н о в. Великодушный юноша! Как вас зовут?

В е н г е р о в и ч 2. Исаак.

П л а т о н о в. Авраам, значит, роди Исака. Благодарю вас, великодушный юноша! В свою очередь потрудитесь передать вашему папаше, что я желаю ему и его многим провалиться сквозь землю! Идите кушать, а то там всё поедят без вас, юноша!

В е н г е р о в и ч 2 (*пожимает плечами и идет к двери*). Странно, если не глупо... (*Останавливается.*) Не думаете ли вы, что я сержусь на вас за то, что вы не даете покоя моему отцу? Ничуть. Я поучаюсь, а не сержусь... Я изучаю на вас современных Чацких и... я понимаю вас! Если бы вам было весело, если бы не было так бездельнически скучно, то, поверьте, вы не трогали бы моего отца. Вы, господин Чацкий, не правды ищете, а увеселяетесь, забавляетесь... Дворни у вас теперь нет, надо же кого-нибудь распекаать! Ну и распекаете всех и вся...

П л а т о н о в (*смеется*). Ей-богу, славно! А у вас, знаете ли, есть этакое маленькое соображение...

В е н г е р о в и ч 2. Замечательно то отвратительное обстоятельство, что вы никогда не ссоритесь с моим отцом с глазу на глаз, tête-à-tête; вы выбираете для своих увеселений гостиную, где бы вы были видны глупцам во всем своем величии! О, театрал!

П л а т о н о в. Желал бы я поговорить с вами лет через десять, даже пять... Как-то вы сохранитесь? Останется ли нетронутым этот тон, этот блеск очей? А ведь попортитесь, юноша! По наукам у вас хорошо идут дела?.. По лицу вижу, что плохо... Попортитесь! Впрочем, идите есть! Я не буду больше беседовать с вами. Мне не нравится ваша злая физиономия...

В е н г е р о в и ч 2 (*смеется*). Эстетик. (*Идет к двери.*) Лучше злая физиономия, чем физиономия, напрашивающаяся на пощечину.

П л а т о н о в. Да, лучше... Но... ступайте есть!

В е н г е р о в и ч 2. Мы не знакомы... Не забудьте, пожалуйста... (*Уходит.*)

П л а т о н о в (*один*). Мало знающий, много думающий и из-за угла много говорящий юноша. (*Смот-*

рит в дверь столовой.) А вон и Софья. По сторонам смотрит... Меня ищет своими бархатными глазами. Какая она еще хорошенькая! Сколько в ее лице красивого! Волосы всё те же! Тот же цвет, та же прическа... Сколько раз приходилось мне целовать эти волосы! Славные воспоминания навеивает на меня эта головка...

Пауза.

Неужели и для меня уже настала пора довольствоваться одними только воспоминаниями?

Пауза.

Воспоминания вещь хорошая, но... неужели мне-то... уж конец? Ох, не дай бог, не дай бог! Лучше смерть... Надо жить... Жить еще... Молод я еще!

Входит Войницев.

ЯВЛЕНИЕ XXII

Платонов и Войницев и потом Трилецкий.

Войницев (*входит и вытирает губы салфеткой*). Идемте за здоровье Софи пить, нечего прятаться!.. Ну что?

Платонов. Смотрю и люблюсь на вашу супругу... Чудо барыня!

Войницев смеется.

Платонов. Большой вы счастливчик!

Войницев. Да... Я сознаю... Я счастлив. Не то чтобы счастлив, а с точки зрения... нельзя сказать, чтобы совершенно... Но вообще очень счастлив!

Платонов (*смотрит в дверь столовой*). Я давно уже знаю ее, Сергей Павлович! Я ее знаю, как свои пять пальцев. Как она хороша, но как она была хороша! Жаль, что вы ее не знали тогда! Как она хороша!

Войницев. Да.

Платонов. Глаза-то?!

Войницев. А волосы?!

Платонов. Она была чудной девушкой! (*Смеется*.) А моя-то Саша, моя Авдотья, Матрена, Пелагея... Вон она сидит! Чуть видна из-за графина с водкой!

Раздражена, взволнована, возмущена моим поведением! Терзается, бедная, мыслью, что все теперь осуждают и ненавидят меня за то, что я поругался с Венгровичем!

В о й н и ц е в. Извини за нескромность вопроса... Ты счастлив с ней?

П л а т о н о в. Семья, брат... Отними ты у меня ее, и я, кажется, окончательно пропал... Гнездо! Поживешь, узнаешь. Жаль только, что ты мало собачился, цены семье не знаешь. Я свою Сашку и за миллион не продам. Мы с ней сошлись как нельзя лучше... Она глупа, а я никуда не годен...

Т р и л е ц к и й входит.

(Трилецкому.) Натрескался?

Т р и л е ц к и й. Страсть. (Бьет себя по животу.) Твердыня! Пойдемте-ка, гуси лапчатые, выпьем... Надо бы, господа, для приезда господ... Эх, братцы... (Обнимает их обоих вместе.) Да и выпьем же! Эх! (Потягивается.) Эх! Жизнь наша человеческая! Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых... (Потягивается.) Гуси вы лапчатые! Жулики...

П л а т о н о в. У своих больных ты сегодня был?

Т р и л е ц к и й. Об этом после... Или вот что, Мишель... Говорю тебе раз навсегда. Меня не трогай! Надоед ты мне пуще горькой редьки своими поучениями! Будь человеколюбив! Убедись наконец, что я стена, а ты горох! Или уж если тебе так приспичило, если чешется твой язык, то изложи мне письменно всё то, что тебе нужно. Наизусть выучу! Или, наконец, даже читай мне поучения в определенный час. Даю тебе час в сутки... От четырех до пяти пополудни, например... Хочешь? Я даже платить тебе буду по рублю за этот час. (Потягивается.) Целый день, целый день...

П л а т о н о в (Войницеву). Объясни мне, пожалуйста, что значит объявление в «Ведомостях»? Неужели в самом-таки деле пришла пора?

В о й н и ц е в. Нет, не беспокойся! (Смеется.) Это маленькая коммерческая комбинация... Будут торги, и имение наше купит Глагольев. Порфирий Семеныч освобождает нас от банка, и мы ему, а не банку, будем платить проценты. Это его выдумка.

П л а т о н о в. Не понимаю. Какая ему тут выгода?

Дарит он, что ли? Не понимаю я этого подарка, да и едва ли он вам... нужен.

В о й н и ц е в. Нет... Впрочем, я сам не совсем понимаю... Спроси у мамап, она растолкует... Знаю только, что имение после продажи останется за нами и что выплачивать за него мы будем Глагольеву. Мамап сейчас же выдает ему своих пять тысяч в уплату. Во всяком случае с банком не так удобно вести дела, как с ним. Ох, да и надоел же мне этот банк! Ты не надоел так Трилецкому, как мне надоел этот банк! Бросим коммерцию! *(Берет Платонова под руку.)* Пойдем, выпьем за наше «ты»! Николай Иванович! Пойдем, брат! *(Берет Трилецкого под руку.)* Выпьемте за наши хорошие отношения, друзья! Пусть судьба лишает меня всего! Пусть пропадут к черту все эти коммерческие комбинации! Были бы живы да здоровы люди, которых я люблю, вы, да моя Соня, да моя мачеха! В вас моя жизнь! Пойдем!

П л а т о н о в. Иду. Я выпью за всё и выпью, должно быть, всё! Я давно уже не был пьян, и мне хочется напиться.

А н н а П е т р о в н а *(в дверь)*. О дружба, это ты! Хороша тройка! *(Поет.)* Запрягу ль я тройку борзых...

Т р и л е ц к и й. Темно-карих лошадей... С коньяка начинать, ребята!

А н н а П е т р о в н а *(в дверь)*. Идите, дармоеды, есть! Простыло всё!

П л а т о н о в. Ох, о дружба, это ты! Всегда везло мне в любви, но никогда не везло в дружбе. Боюсь, господа, чтоб и вам не пришлось плакать от моей дружбы! Выпьем за благополучный исход всех дружб, в том числе и нашей! Да будет конец ее так же не бурен и постепенен, как и начало! *(Уходят в столовую.)*

К о н е ц п е р в о г о д е й с т в и я

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Сад. На первом плане цветник с круговой аллеякой. В центре цветника статуя. На голове статуи плошка. Скамьи, стулья, столики. Направо фасад дома. Крыльцо. Окна открыты. Из окон несутся смех, говор, звуки рояля и скрипки (кадриль, вальсы и проч.). В глубине сада китайская беседка, увешанная фонарями. Над входом в беседку вензель с литерами «С. В». За беседкой игра в кегли; слышны катание шаров и возгласы: «Пять хороших! Четыре нехороших!» и т. п. Сад и дом освещены. По саду снуют гости и прислуга. В а с и л и й и Я к о в (в черных фраках, пьяные) развешивают фонари и зажигают плошки.

ЯВЛЕНИЕ I

Б у г р о в и Т р и л е ц к и й (*в фуражке с кокардой*).

Т р и л е ц к и й (*выходит из дома под руку с Бугровым*). Дай же, Тимофей Гордеич! Ну что тебе стоит дать? Взаимы ведь прошу!

Б у г р о в. Верьте богу, не могу-с! Не обижайте, Николай Иваныч!

Т р и л е ц к и й. Можешь, Тимофей Гордеич! Ты всё можешь! Ты можешь всю вселенную купить и выкупить, только не хочешь! Ведь взаимы прошу! Пойми ты, чудак! Честное слово, не отдам!

Б у г р о в. Видите-с, видите-с? Проговорились касательно неотдачи!

Т р и л е ц к и й. Ничего не вижу! Вижу одно только твое бесчувствие. Дай, великий человек! Не дашь? Дай, тебе говорят! Прошу, умоляю наконец! Неужели ты такой бесчувственный? Где же твое сердце?

Б у г р о в (*вздыхает*). Э-хе-хех, Николай Иваныч! Исцелять-то вы не исцеляете, а деньгú тащите...

Т р и л е ц к и й. Ты хорошо сказал! (*Вздыхает.*) Ты прав.

Б у г р о в (*вынимает бумажник*). И насмешка тоже по вашей части... Чуть что, сейчас: ха-ха-ха! Нешто можно так? То-то, что не можно... Хоть необразованные, а все же крещеные, как и ваш брат ученый... Ежели я глупо говорю, то вы должны наставить, а не смеяться... Так-то. Мы люди мужики, не пудренные, кожа на нас дубленая, с нас мало и спрашивайте, извиняйте... (*Открывает бумажник.*) В последний раз, Николай Иваныч! (*Считает.*) Один... шесть... двенадцать...

Т р и л е ц к и й (*смотрит в бумажник*). Батюшки! А еще говорят, что у русских денег нет! Где ты их набрал столько?

Б у г р о в. Пятьдесят... (*Подает ему деньги.*) В последний раз.

Т р и л е ц к и й. А это что за бумажка? И ее ты дай. Она на меня так умильно смотрит! (*Берет деньги.*) Дай же и эту бумажку!

Б у г р о в (*дает еще*). Получите-с! Жадности в вас много, Николай Иваныч!

Т р и л е ц к и й. И всё рублевки, и всё рублевки... Милостыню ты собирал, что ли? А они у тебя не фальшивые?

Б у г р о в. Пожалуйте назад, ежели фальшивые!

Т р и л е ц к и й. Отдал бы назад, ежели бы они тебе были нужны... Мегсі, Тимофей Гордеич! Желаю тебе еще больше потолстеть и медаль получить. Скажи мне, пожалуйста, Тимофей Гордеич, зачем ты такую ненормальную жизнь ведешь? Пьешь много, говоришь басом, потеешь, не спишь, когда следует... Например, отчего ты сейчас не спишь? Ты человек полнокровный, желчный, вспыльчивый, бакалейный, тебе рано ложиться нужно! У тебя и жил больше, чем у других. Можно ли так убивать себя?

Б у г р о в. Но?

Т р и л е ц к и й. Вот тебе и но! Впрочем, не пугайся... Шучу... Рано тебе еще умирать... Поживешь! Много у тебя денег, Тимофей Гордеич?

Б у г р о в. Хватит на наш век.

Т р и л е ц к и й. Хороший, умный ты человек, Тимофей Гордеич, но большой мошенник! Ты меня извини... Я по дружбе... Ведь мы друзья? Большой мошенник! Для чего ты векселя Войницева скупаешь? Для чего ему деньги даешь?

Б у г р о в. Не вашего ума это дело, Николай Иванович!

Т р и л е ц к и й. Хочешь с Венгеровичем шахты генеральшины схापать? Генеральша, мол, скалится над пасынком, не даст ему погибнуть, отдаст тебе свои шахты? Великий ты человек, но мошенник! Плут!

Б у г р о в. Вот что-с, Николай Иванович... Я пойду усну где-нибудь около беседочки маленько, а вы, когда станут ужин подавать, меня и разбудите.

Т р и л е ц к и й. Прелестно! Иди спи.

Б у г р о в (*идет*). А ежели не будут ужина подавать, то разбудите в половину одиннадцатого! (*Уходит к беседке.*)

ЯВЛЕНИЕ II

Т р и л е ц к и й и потом В о й н и ц е в.

Т р и л е ц к и й (*рассматривает деньги*). Мужиком пахнут... Надрал, каналья! Куда же мне их девать? (*Василию и Якову.*) Эй, вы, вольнонаемники! Василий, позови сюда Якова, Яков, позови сюда Василия! Ползите сюда! Живо!

Я к о в и В а с и л и й подходят к Трилецкому.

Они во фраках! Ах, черт возьми! Ужасно вы на господ похожи! (*Дает Якову рубль.*) Это тебе рубль! (*Василию.*) Это тебе рубль! Это вам за то, что у вас носы длинные.

Я к о в и В а с и л и й (*кланяются*). Много довольны, Николай Иванович!

Т р и л е ц к и й. Что же вы, славяне, качаетесь? Пьяны? Оба как веревки? Будет же вам от генеральши, коли узнает! По мордасам отлупит! (*Дает еще по рублю.*) Натe еще по рублю! Это за то, что тебя Яковым зовут, а его Василием, а не наоборот. Кланяйтесь!

Яков и Василий кланяются.

Совершенно верно! А это вам еще по рублю за то, что меня Николаем Ивановичем, а не Иваном Николаевичем зовут! (*Дает еще*). Кланяйтесь! Так! Смотрите, не пропить! Горького лекарства пропущу! Ужасно вы на господ похожи! Ступайте фонари зажигать! Марш! Довольно с вас!

Яков и Василий отходят. Войницев проходит через сцену.

(Войницеву.) На тебе три рубля!

Войницев берет деньги, машинально кладет их в карман и уходит в глубину сада.

Поблагодари же!

Выходят из дома Иван Иванович и Саша.

ЯВЛЕНИЕ III

Трилецкий, Иван Иванович и Саша.

Саша *(входя)*. Боже мой! Когда же всему этому конец будет? И за что ты так наказал меня? Этот пьян, Николай пьян, Миша тоже... Хоть бы бога вы побоялись, бессовестные, если людей не стыдитесь! Все смотрят на вас! Мне-то, мне-то каково видеть, как все на вас пальцем указывают!

Иван Иванович. Не то, не то! Постой... Ты меня запутала... Постой...

Саша. Вас в благородный дом пускать нельзя! Не успели войти, как уже и пьяны! У, безобразный! А еще тоже старый! Ты должен пример им подавать, а не то что вместе с ними пить!

Иван Иванович. Постой, постой... Ты меня запутала... О чем бишь я? Да! И не лгу, брат Саша! Верь! Послужи я еще лет пять, генералом был бы! А что ты думаешь, не был бы генералом? Фи!.. *(Хохочет.)* С моим характером да не быть генералом? С моим образованием? Не понимаешь же ты ничего после этого... Ты, значит, не понимаешь...

Саша. Пойдем! Генералы не пьют так.

Иван Иванович. От восторга все пьют! Был бы генералом! Да молчи ты, сделай милость! Вся в мать! Зу-зу-зу... Господи, ей-богу! Та, бывало, день и ночь, день и ночь... То не так, другое не так... Зу-зу-зу... О чем бишь я? Да! И вся ты в покойницу мать, моя крошечка! Вся ты... Вся... И глазки, и волосочки... И ходила та тоже так, как гусочка... *(Целует ее.)* Ангел мой! Вся ты в покойницу... Страсть как любил покойницу! Не уберег, старый Шут Иваныч Балалайкини!

С а ш а. Будет тебе... Идем! Серьезно, папа... Пора уже тебе оставить выпивку и скандалы. Предоставь это тем здоровилам... Они молодые, а тебе все-таки, старику, не к лицу, право...

И в а н И в а н о в и ч. Слушаю, друг мой! Понимаю! Не буду... Слушаю... Ну да, ну да... Понимаю... О чем бишь я?

Т р и л е ц к и й *(Ивану Ивановичу)*. На тебе, ваше высокоблагородие, сто копеек! *(Дает ему рубль.)*

И в а н И в а н о в и ч. Так-с... Беру, сын мой! Мегсі... От чужого не возьму, но от сына своего всегда возьму... Возьму и возрадуюсь... Не люблю, деточки, чужих финансов. И, боже мой, как не люблю! Честен, дети! Честен ваш отец! В жизнь мою ни разу не грабил ни отечества, ни пенатов! А стоило только чуточку руку кое-куда запустить, и был бы богат и славен!

Т р и л е ц к и й. Похвально, но не нужно, отец, хвастать!

И в а н И в а н о в и ч. Не хвастаю я, Николай! Поучаю, дети мои! Вразумляю... За вас ответ перед творцом дам!

Т р и л е ц к и й. Куда это вы?

И в а н И в а н о в и ч. Домой. Провожая вот эту жужелицу... Проводи да проводи... Ввязалась... Вот и провожаю. Самой страшно. Я провожу ее, да опять сюда приду.

Т р и л е ц к и й. Разумеется, приходи. *(Саше.)* И тебе дать? На и тебе, и тебе на! Три целковых! Тебе три целковых!

С а ш а. Прибавь кстати и еще два. Мише на летние панталоны куплю, а то у него только одни. А хуже нет, как иметь одни! Во время стирки приходится надевать суконные...

Т р и л е ц к и й. Я ему никаких бы не дал, ни летних, ни суконных, если бы это от меня зависело: ходи, как знаешь! Но что с тобой поделаешь? На, возьми еще два! *(Дает деньги.)*

И в а н И в а н о в и ч. О чем бишь я? Да... Как теперь помню... Ну да... В генеральном штабе служил, дети мои... Я головой против неприятеля действовал, мозгами турецкую кровь проливал... Штыка не знаю, нет, не знаю... Ну да...

С а ш а. Что же мы стоим? Пора уже. Прощай, Коля! Идем, папа!

И в а н И в а н о в и ч. Постой! Замолчи ты Христа ради! Тар-тар-тар... Цысарка! Шкворец! Вот как жить надо, дети мои! Честно, благородно, беспорочно... Ну да, ну да... Владимира третьей степени получил...

С а ш а. Будет тебе, папа! Пойдем!

Т р и л е ц к и й. Мы и без разглагольствований знаем, что ты за человек... Ступай, провожай!

И в а н И в а н о в и ч. Умнейший ты человек, Николай! Быть тебе Пироговым!

Т р и л е ц к и й. Ступай, ступай...

И в а н И в а н о в и ч. О чем бишь я? Да... Видал я Пирогова... Когда еще в Киеве был... Ну да, ну да... Умнейший человек... Ничего себе... Так я иду... Идем, Сашурка! Я, дети, ослабел... На панихиду похож стал... Ох, господи, прости нас, грешных! Согрешихом, согрешихом... Ну да, ну да... Грешен, деточки! Теперь Мамону служу, а в молодости богу не молился. Базаристей меня и человека не было... Материя! Штоф унд крафт! ¹ Ах, господи... Ну да... Молитесь, деточки, чтоб я не умер! Ты уж пошла, Сашурочка? Где ты? Вот где ты... Идем...

Анна Петровна смотрит в окно.

Т р и л е ц к и й. А сам ни с места... Зарапортовался малый... Ну, ступайте! Мимо мельницы не ходите, собаки порвут.

С а ш а. На тебе, Коля, его фуражка... Отдай ему, а то простудится...

Т р и л е ц к и й (*снимает фуражку и надевает ее на отца*). Шествуй, старче! Налево кругом... марш!

И в а н И в а н о в и ч. Полу-о-брот нааале... вво! Ну да, ну да... Справедлив ты, Николай! Видит бог, что ты справедлив! И Михайло, зять, справедлив! Вольнодумен, но справедлив! Иду, иду... (*Идут.*) Идем, Саша... Ты идешь? Дай я тебя понесу!

С а ш а. Вот еще глупости!

И в а н И в а н о в и ч. Дай я тебя понесу! Всегда я мать носил... Несу, бывало, а сам качаюсь... Раз с пригорка загремел с ней вместе... Засмеялась тель-

¹ Материя и сила (*нем.* Stoff und Kraft).

ко, голубка, ничуть не рассердилась... Дай я тебя понесу!

С а ш а. Не выдумывай... Надень картуз как следует. *(Поправляет ему фуражку.)* Какой ты еще молодец у нас!

И в а н И в а н о в и ч. Ну да, ну да...

Уходят. Входят Петрини Щербук.

ЯВЛЕНИЕ IV

Трилецкий, Петрини Щербук.

Петрин *(выходит из дому под руку с Щербуком)*. Положи ты передо мной пятьдесят тысяч, и я украду... Честное слово, украду... Лишь бы только ничего за это не было... Украду... Положи перед тобой, и ты украдешь.

Щ е р б у к. Не украду, Герася! Нет!

П е т р и н. Положи рубль, и рубль украду! Честность! Фи-фи! Кому нужна твоя честность? Честный значит дурак...

Щ е р б у к. Я дурак... Пускай я дурак...

Т р и л е ц к и й. Натяните вам, старцы, по рублю! *(Дает им по рублю.)*

П е т р и н *(берет деньги)*. Давайте...

Щ е р б у к *(хохочет и берет деньги)*. Мерси, господин доктор!

Т р и л е ц к и й. Напузырились, господа почтенные?

П е т р и н. Малость...

Т р и л е ц к и й. А это вам еще по рублю на поминовение душ ваших! Ведь грешны? Берите же! Вам бы по кукишу следовало, да так уж ради праздника... расщедрюсь, чёрт возьми!

А н н а П е т р о в н а *(в окно)*. Трилецкий, дайте и мне рубль! *(Скрывается.)*

Т р и л е ц к и й. Вам не рубль, а пять рублей, генерал-майорская вдова! Сейчас! *(Уходит в дом.)*

П е т р и н *(смотрит на окно)*. Скрылась фея?

Щ е р б у к *(смотрит на окно)*. Скрылась.

П е т р и н. Не терплю! Нехорошая женщина! Гордыни много... Женщина должна быть смиренная, уважительная... *(Качает головой.)* Видал Глагольева? Вот

тоже еще чучело! Сидит, как гриб, на одном месте, молчит да глазами лупает! Разве так ухаживают за дамами?

Щ е р б у к. Женится!

П е т р и н. Когда он женится? Через сто лет? Покорнейше вас благодарю! Через сто лет мне не нужно.

Щ е р б у к. Не нужно, Герася, жениться ему, старику... Женился бы, коли уж так жениться понадобилось, на какой-нибудь простушечке... И он для нее не годится... Она молодая, огненная, дама европейская, образованная.

П е т р и н. Вот ежели б женился! То есть так мне этого хочется, что и выразить словесно не умею! Ведь у них ровно ничего нету от самой смерти покойничка генерала, царство ему небесное! Есть у ней шахты, да на те Венгерович метит... Где мне с Венгеровичем тягаться? Что я теперь могу получить по векселям с них? Протестуй я теперь, что я получу?

Щ е р б у к. Nihil ¹.

П е т р и н. А ежели она замуж за Глагольева пойдет, то я буду знать, с чего мне получить... Векселя сейчас протестую, запрещение наложу... Небось не даст пасынку погибнуть, выплатит! Эх-ех-ох! Исполнись, мечтание мое! Шестнадцать тысяч, Павочка!

Щ е р б у к. А мне три тысячи... Приказывает моя кочерга, чтоб я получил... Как я получу? Не умею я получать... Это не мужики... Это друзья... Пусть сама едет сюда и получает... Пойдем, Герася, во флигель!

П е т р и н. Зачем?

Щ е р б у к. К дамскому полонезу баллады нашептывать...

П е т р и н. А Дувяща во флигеле?

Щ е р б у к. Там. *(Идут.)* У них веселей... *(Поет.)* Ах, как я несчастлив, перестав жить в нем!

П е т р и н. Тик-ток, тик-ток.... *(Кричит.)* Да-с! *(Поет.)* Год новый радостно встречаем в собранье искренних друзей...

Уходят.

---

¹ Ничего *(лат.)*.

ЯВЛЕНИЕ V

Войничев и Софья Егоровна выходят
из глубины сада.

Войничев. О чем ты думаешь?

Софья Егоровна. Право, не знаю.

Войничев. Ты чуждаешься моей помощи... Неужели я не в состоянии помочь тебе? Что за тайны, Софи? Тайны от мужа... Гм...

Садятся.

Софья Егоровна. Какие тайны? Я сама не знаю, что во мне происходит... Не мучь себя понапрасну, Сергей! Не обращай внимания на мою хандру...

Пауза.

Уедем отсюда, Сергей!

Войничев. Отсюда?

Софья Егоровна. Да.

Войничев. Зачем?

Софья Егоровна. Хочу... Хоть за границу. Уедем?

Войничев. Ты этого хочешь... Но зачем же?

Софья Егоровна. Здесь хорошо, здорово, весело, но не могу... Все идет хорошо, благополучно, только... уехать нужно. Ты дал слово не расспрашивать.

Войничев. Завтра же уедем... Завтра же нас здесь не будет! *(Целует руку.)* Тебе здесь скучно! Да это и понятно! Я понимаю тебя! Чёрт знает, что за среда! Петрины, Щербуки...

Софья Егоровна. Они не виноваты... Оставим их в покое.

Пауза.

Войничев. И откуда у вас, у женщин, берется столько тоски? Ну чего тосковать? *(Целует жену в щеку.)* Полно! Будь весела! Живи, пока живется! Нельзя ли эту тоску, как говорит Платонов, по шапке? Ба! Очень кстати вспомнил Платонова! Отчего ты с ним редко беседуешь? Это человек не из мелко плавающих, малый развитой и слишком нескучный! Поговори-ка с ним по душе, посвободней! Как ру-

кой снимет тоску! С тамаи говори почаще, с Трилецким... *(Смеется.)* Поговори-ка, а не смотри на них свысока! Ты еще не раскусила этих людей... Я рекомендую тебе их, потому что эти люди — моего вкуса люди. Я их люблю. Ты их тоже полюбишь, когда покороче узнаешь.

А н н а П е т р о в н а *(в окно)*. Сергей! Сергей! Кто там? Позовите Сергея Павловича!

В о й н и ц е в. Что прикажете?

А н н а П е т р о в н а. Ты здесь? На минутку!

В о й н и ц е в. Сейчас! *(Софье Егоровне.)* Завтра же едем, коли не передумаешь. *(Идет в дом.)*

С о ф ь я Е г о р о в н а *(после паузы)*. Ведь это почти что несчастье! Я уже в состоянии по целым дням не думать о муже, забывать о его присутствии, не обращать внимания на его слова... В тягость становится... Что делать? *(Думает.)* Ужасно! Так недавно была свадьба и уже... А всё это тот... Платонов! Сил не хватает, нет характера, ничего нет такого, что помогало бы мне стоять против этого человека! Он преследует меня от утра до вечера, ищет меня, не дает мне покою своими понятными глазами... Это ужасно... и глупо, наконец! Ручаться за себя даже нет сил! Сделай он шаг, и, пожалуй, всё может произойти!

ЯВЛЕНИЕ VI

С о ф ь я Е г о р о в н а и П л а т о н о в.

П л а т о н о в выходит из дома.

С о ф ь я Е г о р о в н а. Вот он идет! Водит вокруг своими глазами и ищет! Кого он ищет? По походке вижу, кто ему нужен! Как нечестно с его стороны не давать мне покоя!

П л а т о н о в. Жарко! Не нужно бы пить... *(Увидев Софью Егоровну.)* Вы здесь, Софья Егоровна? В удивлении? *(Смеется.)*

С о ф ь я Е г о р о в н а. Да.

П л а т о н о в. Смертных избегаете?

С о ф ь я Е г о р о в н а. Нет надобности мне избегать их. Они мне не противны и не мешают.

П л а т о н о в. Да? *(Садится рядом.)* Вы позволите?

Пауза.

Но если вы не избегаете людей, зачем вы меня, Софья Егоровна, избегаете? За что? Позвольте, дайте договорить! Очень рад, что могу-таки, наконец, поговорить с вами. Вы избегаете меня, обходите, не смотрите на меня... Что это? Комедия или серьез?

Софья Егоровна. Я и не думала избегать вас! Откуда вы это взяли?

Платонов. Сначала вы как будто благоволили ко мне, удостаивали меня своим благовниманием, а теперь и видеть меня не хотите! Я в одну комнату — вы в другую, я в сад — вы из сада, я начинаю говорить с вами, вы отнекиваетесь или говорите сухое, знойное «да» и уходите... Наши отношения превратились в какое-то недоумение... Виноват я? Противен? *(Встает.)* Вины я за собой никакой не чувствую. Потрудитесь сейчас же вывести меня из этого институтски-глупого положения! Выносить его долее я не намерен!

Софья Егоровна. Признаюсь, я вас... избегаю немножко... Знай я, что это вам так неприятно, я иначе повела бы дело...

Платонов. Избегаете? *(Садится.)* Признаетесь? Но... за что, с какой стати?

Софья Егоровна. Не кричите, то есть... не говорите так громко! Вы мне, надеюсь, не выговор делаете. Я не люблю, если кричат на меня. Я избегаю не вас собственно, а бесед с вами... Человек вы, насколько я вас знаю, хороший... Здесь все вас любят, уважают, некоторые даже поклоняются вам, считают за честь поговорить с вами...

Платонов. Ну-те, ну-те...

Софья Егоровна. Когда я приехала сюда, я сама сейчас же, после первой же нашей беседы, присоединилась к вашим слушателям, но мне, Михаил Васильич, не посчастливилось, решительно не повезло... Вы скоро стали для меня почти невыносимы... Не подыщу более мягкого слова, извините... Вы почти каждый день беседовали со мной о том, как вы меня любили когда-то, как я вас любила и так далее... Студент любил девочку, девочка любила студента... история слишком старая и обыкновенная, чтобы о ней столько много рассказывать и придавать ей для нас с вами теперь какое бы то ни было значение... Не в этом, впрочем, дело... Дело в том, что

когда вы говорили со мной о прошлом, то... то говорили так, как будто бы чего-то просили, как будто бы вы тогда, в прошлом, чего-то не добрали, что хотели бы взять теперь... Каждый день тон ваш был томительно одинаков, и каждый день мне казалось, что вы намекаете на какие-то как бы обязательства, наложенные на нас с вами нашим общим прошлым... И потом мне казалось, что вы придаете уж слишком большое значение... что, как бы выразиться яснее, преувеличиваете наши отношения добрых знакомых! Вы как-то странно смотрите, выходите из себя, кричите, хватаете за руку и преследуете... Точно шпионите! Для чего это?.. Одним словом, вы не даете мне покоя... Для чего этот надзор? Что я для вас? Право, можно подумать, что вы выжидаете какого-то удобного случая, который вам для чего-то нужен...

Пауза.

П л а т о н о в. Всё? *(Встает.)* Мерси за откровенность! *(Идет к двери.)*

С о ф ь я Е г о р о в н а. Вы сердитесь? *(Встает.)* Постойте, Михаил Васильич! Для чего же в амбицию вламываться? Я не хотела...

П л а т о н о в *(останавливается)*. Эх вы!

Пауза.

Выходит, значит, что я вам не надоел, а что вы боитесь, трусите... Трусите, Софья Егоровна? *(Подходит к ней.)*

С о ф ь я Е г о р о в н а. Перестаньте, Платонов! Лжете! Я не боялась и не думаю бояться!

П л а т о н о в. Где же ваш характер, где сила здравомыслящих мозгов, если каждый встречный, маломальски не банальный мужчина может вам казаться опасным для вашего Сергея Павловича! Я и без вас шпаялся сюда каждый день, а беседовал с вами, потому что считал вас умной, понимающей женщиной! Какая глубокая испорченность! Впрочем... Виноват, я увлекся... Я не имел права говорить вам всё это... Извините за неприличную выходку...

С о ф ь я Е г о р о в н а. Никто не дал вам права говорить такие вещи! Если вас слушают, то из этого не

следует, что вы имеете право говорить всё то, что вам вздумается! Ступайте от меня!

П л а т о н о в *(хохочет)*. Вас преследуют?! Вас ищут, хватают вас за руки?! Вас, бедную, хотят отнять у вашего мужа?! В вас влюблен Платонов, оригинал Платонов?! Какое счастье! Блаженство! Да ведь это такие конфеты для нашего маленького самолюбьица, каких не едал ни один конфетный фабрикант! Смешно... Не к лицу развитой женщине эти сладости! *(Идет в дом.)*

С о ф ь я Е г о р о в н а. Вы дерзки и резки, Платонов! Вы с ума сошли! *(Идет за ним и останавливается у двери.)* Ужасно! Для чего он говорил всё это? Он хотел ошеломить меня... Нет, я этого не выношу... Я найду, скажу ему... *(Уходит в дом.)*

Из-за беседки выходит О с и п.

ЯВЛЕНИЕ VII

О с и п, Я к о в и В а с и л и й.

О с и п *(входит)*. Пять хороших! Шесть нехороших! Черт знает, чем занимаются! Шли бы лучше в преферанс играть... По одной десятой... Или в стуколку... *(Якову.)* Здоров, Яша! Того... м-м-м... Венгерович здесь?

Я к о в. Здесь.

О с и п. Пойди позови! Потихонечку вызови! Скажи, что дело есть большое...

Я к о в. Ладно. *(Идет в дом.)*

О с и п *(срывает фонарь, тушит и кладет его в карман)*. В прошлом году в городе я у Дарьи Ивановны, что вещи краденые покупает да питейное заведение с девицами держит, в стуколку играл... Три копейки обязательного были... Ремизы доходили до двух целковых... Выиграл восемь рублей... *(Срывает другой фонарь.)* Весело в городе!

В а с и л и й. Не для вас фонари повешены! Чего реать?

О с и п. А я тебя и не вижу! Здорово, осел! Как поживаешь? *(Подходит к нему.)* Как дела?

Пауза.

А х ты, лошадь! А х ты, свинопас! *(Снимает с него*

шапку.) Смешной ты человек! Ей-богу, смешной! У тебя хоть капелька ума есть? *(Бросает шапку на дерево.)* Ударь меня по щеке за то, что я вредный человек!

В а с и л и й. Пуцай вас кто другой ударит, а я не стану бить!

О с и п. А убивать станешь? Нет, коли у тебя есть ум, так ты не артелью убивай, а сам убей! Плюнь мне в лицо за то, что я вредный человек!

В а с и л и й. Не плюну. Ну чего пристали?

О с и п. Не плюнешь? Боишься меня, значит! Становись же передо мной на колени!

Пауза.

Ну? Становись! Кому говорю? Стенам или человеку живому?

Пауза.

Кому говорю?

В а с и л и й *(становится на колени).* Грех вам, Осип Иваныч!

О с и п. Стыдно стоять? Очень мне это приятно... Господин во фраке, а на коленках пред разбойником стоит... Ну, а теперь кричи ура, что есть духу... Ну?

Входит Венгерович 1.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Осип и Венгерович 1.

Венгерович 1 *(выходит из дома).* Кто здесь меня звал?

О с и п *(быстро снимает шапку).* Я-с, ваше степенство!

Васплий поднимается, садится на скамью и плачет.

Венгерович 1. Что тебе нужно?

О с и п. Вы изволили искать и спрашивать меня у кабатчика, вот я и пришел!

Венгерович 1. Ах да... Но... не мог разве выбрать другого места?

О с и п. Для хороших людей, ваше превосходительство, всякое место хорошо!

Венгерович 1. Ты мне отчасти нужен... Отойдем отсюда... Вон к той скамье!

Идут к скамье, стоящей в глубине сцены.

Стань немного поодаль так, как будто ты со мной не говоришь... Вот так! Тебя кабатчик Лев Соломоныч прислал?

Осип. Так точно.

Венгерович 1. Напрасно... Я не тебя хотел, но... что поделаешь? Ничего с тобой не поделаешь. С тобой не следовало бы делов иметь... Ты такой нехороший человек.

Осип. Очень нехороший! Хуже всех на свете.

Венгерович 1. Говори тише! Сколько я передавал тебе денег, так это ужас, а ты этого не чувствуешь, как будто мои деньги камни или другой какой-нибудь ненужный предмет... Ты позволяешь себе дерзости, воруешь... Отворачиваешься? Не нравится правда? Правда глаза колет?

Осип. Колет, да только не ваша, ваше превосходительство! Вы позвали меня сюда только за тем, чтобы наставления мне читать?

Венгерович 1. Говори тише... Ты знаешь... Платонова?

Осип. Учителя? Как не знать!

Венгерович 1. Да, учителя. Учителя, который учит только ругаться и больше ничему. За сколько ты возьмешься искалечить этого учителя?

Осип. То есть как искалечить?

Венгерович 1. Не убить, а искалечить... Убивать людей не следует... Для чего их убивать? Убийство — это вещь такая, что... Искалечить, то есть побить так, чтобы всю жизнь помнил...

Осип. Это могу-с...

Венгерович 1. Поломай ему что-нибудь, на лице уродство сделай... Что возьмешь? Тссс... Кто-то идет... Отойдем немного далее...

Идут в глубину сцены...

Из дома выходят Платонов и Грекова.

Венгерович 1 и Осип (*в глубине сцены*), Платонов и Грекова.

Платонов (*смеется*). Что, что? Как? (*Хочет.*) Как? Я не расслышал...

Грекова. Не расслышали? Что ж? Я могу повторить... Я даже еще резче выражусь... Вы не обидитесь, разумеется... Вы так привыкли к разного рода резкостям, что мои слова едва ли будут вам в диковинку...

Платонов. Говорите, говорите, красавица!

Грекова. Я не красавица. Кто считает меня красавицей, тот не имеет вкуса... Откровенно — ведь я некрасива? Как на ваш взгляд?

Платонов. После скажу. Говорите вы теперь!

Грекова. Так слушайте же... Вы или необыкновенный человек, или же... негодяй, кто-нибудь из двух.

Платонов хохочет.

Смеетесь... Впрочем, смешно... (*Хочет.*)

Платонов (*хохочет*). Она это сказала! Ай да дурочка! Скажите, пожалуйста! (*Берет ее за талию.*)

Грекова (*садится*). Позвольте однако ж...

Платонов. И она туда же, куда и люди! Философствует, химией занимается и какие изречения откалывает! Поди ты с ней, с презренной! (*Целует ее.*) Хорошенькая, оригинальная бестия...

Грекова. Позвольте же... Что же это? Я... я не говорила... (*Встает и опять садится.*) Зачем вы меня целуете? Я вовсе...

Платонов. Сказала и удивила! Дай, мол, скажу и поражу! Пусть увидит, какая я умная! (*Целует ее.*) Растерялась... растерялась... Глупо смотрит... Ах, ах...

Грекова. Вы... Вы меня любите? Да?.. Да?

Платонов (*пищит*). А ты меня любишь?

Грекова. Если... если... то... да... (*Плачет.*) Любишь? Иначе бы ты не делал так... Любишь?

Платонов. Ни капельки, моя прелесть! Не люблю дурачков, грешный человек! Люблю одну дуру, да и то от нечего делать... О! Побледнела! Глазами засверкала! Знай, мол, наших!..

Грекова *(поднимается)*. Издеваетесь, что ли?

Пауза.

Платонов. Чего доброго пощечину влепит...

Грекова. Я горда... Не умею пачкать рук... Я вам сказала, милостивый государь, что вы или необыкновенный человек, или же негодяй, теперь же я вам говорю, что вы необыкновенный негодяй! Презираю вас! *(Идет к дому.)* Не заплачу теперь... Я рада, что наконец-таки узнала, что вы за птица...

Входит Трилецкий.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Трилецкий *(в цилиндре)*.

Трилецкий *(входит)*. Журавли кричат! Откуда это они взялись? *(Смотрит вверх.)* Так равно...

Грекова. Николай Иванович, если вы уважаете меня... себя хоть сколько-нибудь, то не знайтесь с этим человеком! *(Указывает на Платонова.)*

Трилецкий *(смеется)*. Помилуйте! Это мой почтеннейший родственник!

Грекова. И друг?

Трилецкий. И друг.

Грекова. Не завидую вам. И ему тоже, кажется... не завидую. Вы добрый человек, но... этот шуточный тон... Бывает время, когда тошнит от ваших шуток... Я не хочу вас обидеть этим, но... я оскорблена, а вы... шутите! *(Плачет.)* Я оскорблена... Но, впрочем, я не заплачу... Я горда. Знайтесь с этим человеком, любите его, поклоняйтесь его уму, бойтесь... Вам всем кажется, что он на Гамлета похож... Ну и любуйтесь им! Дела мне нет... Не нужно мне от вас ничего... Шутите с ним, сколько вам угодно, с этим... негодяем! *(Уходит в дом.)*

Трилецкий *(после паузы)*. Съел, брат?

Платонов. Ничего я не ел...

Трилецкий. Пора бы, Михаил Васильич, по чести, по совести оставить ее в покое. Стыдно, право... Такой умный и большой человек, а выделываешь чёрт знает что... Вот и назвали негодяем...

Пауза.

Не могу же я в самом деле разорваться на две половины, чтобы одной половиной уважать тебя, а другой благоволить к девушке, назвавшей тебя негодяем...

Платонов. Не уважай меня, не понадобится это раздвоение.

Трилецкий. Не могу же я не уважать тебя! Ты сам не знаешь, что ты говоришь.

Платонов. Остается, значит, только одно: не благоволить к ней. Не понимаю я тебя, Николай! Что хорошего, умный человек, ты нашел в этой дурочке?

Трилецкий. Гм... Генеральша часто упрекает меня в недостатке джентльменства и указывает мне на тебя, как на образец джентльменства... А по-моему, этот упрек можно всецело отнести и к тебе, образцу... Все вы, а в особенности ты, кричите на каждом переулке, что я влюблен в нее, смеетесь, дразните, подозреваете, следите...

Платонов. Выражайся ясней...

Трилецкий. Я, кажется, ясно выражаюсь... И в то же время у вас хватает совести величать ее при мне дурочкой, дрянью... Не джентльмен ты! Джентльмены знают, что у влюбленных есть известное самолюбие... Не дура она, братец! Она не дура! Она жертва ненужная, вот что! Бывают минутки, друг мой, когда хочется кого-нибудь ненавидеть, в кого-нибудь вьестся, на ком-нибудь выместить свою какую-нибудь пакость... Отчего же на ней не попробовать? Она годится! Слаба, безответна, смотрит на тебя так до глупости доверчиво... Понимаю я всё это очень хорошо... *(Встает.)* Пойдем выпьем!

Осип *(Венгеровичу)*. Ежели не отдадите тогда остальных, то на сто украду. Об этом не сомневайтесь!

Венгерович 1 *(Осипу)*. Говори тише! Когда будешь его бить, то не забудь сказать: «благодарный кабатчик!» Тсс... Ступай! *(Идет к дому.)*

Осип уходит.

Трилецкий. Черт возьми, Абрам Абрамыч! *(Венгеровичу.)* Ты, Абрам Абрамыч, не болен?

Венгерович 1. Ничего... Слава богу, здоров.

Трилецкий. Какая жалость! А мне так деньги нужны! Верить ли? До зарезу, что называется...

Венгерович 1. Следовательно, выходит, доктор, из ваших слов, что вам больные нужны до зарезу? *(Смеется.)*

Трилецкий. Удачно сострил! Хотя тяжело, да зато удачно! Ха-ха-ха и паки ха-ха-ха! Смейся, Платонов! Дай, голубчик, если можешь!

Венгерович 1. Вы мне и так уже много должны, доктор!

Трилецкий. Для чего говорить это? Кто этого не знает? А сколько я тебе должен?

Венгерович 1. Около... Ну да... Двести сорок пять рублей, кажется.

Трилецкий. Дай, великий человек! Одолжи, и я одолжу тебя когда-нибудь! Будь столь добр, великодушен и храбр! Самый храбрый из евреев тот, кто дает займы без расписки! Будь самым храбрым евреем!

Венгерович 1. Гм... евреем... Всё евреи да евреи... Уверяю вас, господа, что во всю жизнь мою я не видел ни одного русского, который давал бы деньги без расписки, и уверяю вас, что нигде не практикуется в таких больших размерах давание денег без расписки, как среди нечестного еврейства!.. Пусть отнимет у меня бог мою жизнь, если я лгу! *(Вздыхает.)* Многому, очень многому можно с успехом и с пользой поучиться вам, молодые люди, у нас, евреев, а в особенности у стариков евреев... Очень многому... *(Вынимает из кармана бумажник.)* Вам занимаешь деньги с охотой, с удовольствием, а вы... смеяться, пошутить любите... Нехорошо, господа! Я старик... У меня есть дети... Считаю подлецом, но обходись по-человечески... На то вы и в университете учились...

Трилецкий. Ты хорошо говоришь, Абрам Абрамыч!

Венгерович 1. Нехорошо, господа, дурно... Можно подумать, что между вами, развитыми людьми, и моими приказчиками нет никакой разницы... И тыкать вам никто не позволил... Сколько вам? Очень дурно, молодые люди... Сколько вам?

Трилецкий. Сколько дашь...

Пауза.

Венгерович 1. Я вам дам... Я вам могу дать... пятьдесят рублей... *(Дает деньги.)*

Т р и л е ц к и й. Роскошно! *(Берет деньги.)* Велик!

В е н г е р о в и ч 1. На вас, доктор, моя шляпа!

Т р и л е ц к и й. Твоя? Гм... *(Снимает шляпу.)* На, возьми... Отчего ты не отдашь его почистить? Ведь дешево возьмут! Как по-еврейски цилиндр?

В е н г е р о в и ч 1. Как угодно. *(Надевает шляпу.)*

Т р и л е ц к и й. А тебе идет цилиндр, к лицу. Барон, совсем барон! Отчего ты не купишь себе баронства?

В е н г е р о в и ч 1. Ничего я не знаю! Оставьте меня, пожалуйста!

Т р и л е ц к и й. Ты велик! Отчего это тебя понять не хотят?

В е н г е р о в и ч 1. Отчего не хотят оставить в покое, скажите лучше! *(Уходит в дом.)*

ЯВЛЕНИЕ XI

П л а т о н о в и Т р и л е ц к и й.

П л а т о н о в. Для чего ты взял у него эти деньги?

Т р и л е ц к и й. Да так... *(Садится.)*

П л а т о н о в. Как это: да так?

Т р и л е ц к и й. Взял да и шабаш! А тебе его жалко, что ли?

П л а т о н о в. Не в том дело, братец!

Т р и л е ц к и й. В чем же?

П л а т о н о в. Не знаешь?

Т р и л е ц к и й. Не знаю.

П л а т о н о в. Врешь, знаешь!

Пауза.

Великою любовью воспылал бы я к тебе, душа моя, если бы ты хоть недельку, хоть денек пожил по каким-нибудь правилам, хоть бы самым мизерным! Для таких субъектов, как ты, правила необходимы, как хлеб насущный...

Пауза.

Т р и л е ц к и й. Ничего не знаю... Не нам, брат, с тобой переделывать плоть нашу! Не нам сломать ее... Знал я это, когда еще с тобой в гимназии по-латыни еди-

ницы получал... Не будем же болтать попусту... Да прильпнут гортани к языкам!

Пауза.

Смотрел я третьего дня, братец ты мой, у одной своей дамочки портреты «Современных деятелей» и читал их биографии. И что же ты думаешь, любезный? Ведь нет нас с тобой среди них, нет! Не нашел, как ни бился! *Lasciate, Михаил Васильич, ogni speranza!*¹ — говорят итальянцы. Не нашел я ни тебя, ни себя среди современных деятелей и — вообрази! Я спокоен! Вот Софья Егоровна так не того... не спокойна...

П л а т о н о в. При чем же тут Софья Егоровна?

Т р и л е ц к и й. Обижается, что ее между «Современными деятелями» нет... Воображает, что стоит ей только мизинцем шевельнуть — и земной шар рот разинет, человечество от радости шапку потеряет... Воображает... Гм... Ни в одном умном романе ты не найдешь столько белиберды, сколько в ней... А в сущности гроша медного не стоит. Лед! Камень! Статуя! Так и хочется подойти к ней и соскоблить с ее носа капельку гипса... А чуть что... сейчас истерика, глас и воздыхания... Силенок ни на грош... Умная кукла... На меня с презрением смотрит, шалопаем считает... А чем ее Сереженька лучше нас с тобой? Чем? Тем только и хороши, что водки не пьет, возвышенно мыслит и без зазрения совести величает себя человеком будущего. Впрочем, не судите, не судимы будете... *(Встает.)* Пойдем выпьем!

П л а т о н о в. Не пойду. Мне там душно.

Т р и л е ц к и й. Пойду сам. *(Потягивается.)* Кстати, что означают на вензеле эти Слово и Веди? Софью ли Войницеву или Сергея Войничева? Кого хотел уважить этими литерами наш филолог, себя или свою супругу?

П л а т о н о в. Мне сдается, что эти литеры означают: «Слава Венгеровичу!» На его деньги кутим.

Т р и л е ц к и й. Да... Что это с генеральшей сегодня делается? Хохочет, стоит, лезет целоваться... Точно влюблена...

¹ Оставьте всякую надежду! *(итал.)*

Платонов. В кого ей тут влюбиться? В самое себя разве? Ты не верь в ее смех. Нельзя верить в смех той умной женщины, которая никогда не плачет: она хохочет тогда, когда ей плакать хочется. А нашей генеральше не плакать, а застрелиться хочется... Это и по глазам ее видно...

Трилецкий. Женщины не стреляются, а травятся... Но не будем философствовать... Когда я философствую, я жестоко вру... Славная бабенка наша генеральша! Я вообще ужасно скверно мыслю, когда смотрю на женщину, но это единственная женщина, от которой отскакивают все мои лютые помыслы, как горох от стены. Единственная... Когда я гляжу на ее реальное лицо, я начинаю верить в платоническую любовь. Идешь?

Платонов. Нет.

Трилецкий. Пойду сам... С попом выпью... *(Идет и сталкивается у двери с Глагольевым 2.)* Ах! Ваше сиятельство, самоделковый граф! Натe вам три рубля! *(Сует ему в руку три рубля и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XII

Платонов и Глагольев 2.

Глагольев 2. Странная личность! Ни с того ни с сего: нате вам три рубля! *(Кричит.)* Я сам могу вам дать три рубля! Гм... Какой идиот! *(Платонову.)* Он ужасно поражает меня своею глупостью. *(Смеется.)* Глуп до безобразия!

Платонов. Что же вы, танцор, не танцуете?

Глагольев 2. Танцевать? Здесь? С кем, позвольте спросить? *(Садится рядом.)*

Платонов. Уж будто бы и не с кем?

Глагольев 2. Одни только типы! Все типы, на кого ни посмотришь! Какие-то рожи, орлиные носы, жеманство... А дамы? *(Хохочет.)* Чёрт знает что! При такой публике я всегда предпочитаю танцам буфет.

Пауза.

Какой в России, однако же, воздух несвежий! Какой-то промозглый, душный... Терпеть не могу России!..

Невежество, вонь... Бррр... То ли дело... Вы были хоть раз в Париже?

Платонов. Не был.

Глагольев 2. Жаль. Впрочем, успеете еще побывать. Когда будете ехать туда, то скажите мне. Я вам открою все тайны Парижа. Я дам вам триста рекомендательных писем, и триста шикознейших французских кокоток в вашем распоряжении...

Платонов. Благодарю вас, я сыт. Скажите мне, правду ли говорят, что ваш отец хочет купить Платоновку?

Глагольев 2. Право, не знаю. Я далеко держу себя от коммерции... А вы заметили, как mon père¹ ухаживает за вашей генеральшей? (*Хочет.*) Вот еще тоже тип! Этот старый барсук хочет жениться! Глуп, как тетерев! А ваша генеральша charmante!² Совсем недурна!

Пауза.

Она такая душка, такая душка... А формы?! Фи, фи! (*Бьет Платонова по плечу.*) Счастливчик! Она затягивается? Сильно затягивается?

Платонов. Не знаю... Я не присутствую при ее туалете...

Глагольев 2. А мне говорили... Разве вы не...

Платонов. Вы, граф, идиот!

Глагольев 2. Но я пошутил... Зачем сердиться? Какой вы, право, чудак! (*Тихо.*) А правду ли говорят, что она... Немножко щекотливый вопрос, но между нами, я полагаю... Правду ли говорят, что она иногда любит деньги до положения риз?

Платонов. Об этом спросите у нее самой. Я не знаю.

Глагольев 2. Спросить у нее самой? (*Хочет.*) Что за идея?! Платонов! Что вы говорите?!

Платонов (*садится на другую скамью*). Какой же вы мастер надоедать!

Глагольев 2 (*хочет*). А что если на самом-таки деле спросить? Впрочем, почему же и не спросить?

¹ мой отец (*франц.*).

² прелества! (*франц.*)

Платонов. Разумеется... *(В сторону.)* Спроси только... Она отобьет тебе твои глупые щеки! *(Ему.)* Спросите!

Глаголев 2 *(вскакивает)*. Клянусь, что это великая идея!.. Миллион чертей! Я спрошу, Платонов, и даю вам честное слово, что она моя! У меня предчувствие есть! Сейчас же спрошу! Держу пари, что она моя! *(Бежит к дому и у двери сталкивается с Анной Петровной и Трилецким.)* Mille pardons¹, madame! *(Расшаркивается и уходит.)*

Платонов садится на старое место.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Платонов, Анна Петровна и Трилецкий.

Трилецкий *(на крыльце)*. Вон он сидит, наш великий мудрец и философ! Сидит настороже и с нетерпением ожидает добычи: кому бы нотацію прочесть на сон грядущий?

Анна Петровна. Не клюет, Михаил Васильич!

Трилецкий. Плохо! Не клюется что-то сегодня! Бедный моралист! Жалею тебя, Платонов! Однако же я пьян и... однако же меня там дьякон ждет! Прощайте! *(Уходит.)*

Анна Петровна *(идет к Платонову)*. Что вы тут сидите?

Платонов. В комнатах душно, и это хорошее небо лучше вашего побеленного бабами потолка!

Анна Петровна *(садится)*. Прелесть, что за погода! Чистый воздух, прохлада, звездное небо и луна! Жалею, что барыням нельзя спать на дворе под небом. Когда я была девочкой, я всегда летом ночевала в саду.

Пауза.

А у вас галстух новый?

Платонов. Новый.

Пауза.

---

¹ Тысячу извинений *(франц.)*.

А н н а П е т р о в н а. Я сегодня в каком-то особенном настроении... Мне сегодня всё нравится... Гуляю! Ну да говорите же что-нибудь, Платонов! Чего вы молчите? Я для того и явилась сюда, чтобы вы говорили... Экой вы!

П л а т о н о в. Что вам говорить?

А н н а П е т р о в н а. Скажите мне что-нибудь новенькое, хорошенькое, кисленькое... Вы сегодня такой умненький, такой хорошенький... Право, мне кажется, что я сегодня влюблена в вас более, чем когда-либо... Душка вы такой сегодня! И бунтуете мало!

П л а т о н о в. И вы сегодня такая красавица... Впрочем, вы всегда красавица!

А н н а П е т р о в н а. Мы с вами друзья, Платонов?

П л а т о н о в. По всей вероятности... Пожалуй, что друзья... Что же другое можно назвать дружбой?

А н н а П е т р о в н а. Во всяком случае друзья? а?

П л а т о н о в. Полагаю, что большие... Я к вам сильно привык и привязан... Много нужно времени, чтобы отучить меня от вас...

А н н а П е т р о в н а. Большие друзья?

П л а т о н о в. Для чего эти вопросыки? Бросьте их, матушка! Друзья... друзья... Точно дева старая...

А н н а П е т р о в н а. Хорошо... Мы друзья, а знаете ли, что от дружбы между мужчиной и женщиной до любви единый только шаг, милостивый государь? *(Смеется.)*

П л а т о н о в. Вот как! *(Смеется.)* К чему вы это говорите? Ну да мы с вами не дошагаем до чёртиков, как бы широко ни шагали...

А н н а П е т р о в н а. Любовь — чёртики... Сравнил! Не слышит тебя твоя жена! Pardon, я на вас тыкнула... Ей-богу, Мишель, нечаянно! А почему же нам и не дошагаться? Разве мы не люди, что ли? Любовь вещь хорошая... Чего же краснеть-то?

П л а т о н о в *(смотрит на нее пристально)*. Вы, я вижу, или шутите мило, или же хотите... договориться до чего-то... Пойдемте-ка вальс танцевать!

А н н а П е т р о в н а. Не умеете вы танцевать!

Пауза.

Надо с вами поговорить как следует... Пора... *(Оглядывается.)* Потрудитесь, *mon cher*¹, слушать и не философствовать!

Платонов. Пойдемте плясать, Анна Петровна!

Анна Петровна. Сядемте подальше... Идите сюда! *(Садятся на другую скамью.)* Вот только не знаю, с чего начать... Вы такой неповоротливый и лживый человечина...

Платонов. Не начать ли мне, Анна Петровна?

Анна Петровна. Ведь вы околесную понесете, Платонов, когда начнете! Скажите, пожалуйста! Он сконфузился! Поверю — держи карман! *(Бьет Платонова по плечу.)* Шутник Миша! Ну говорите же, говорите... Покороче только...

Платонов. Я буду короток... Вот что я вам хочу сказать: для чего?

Пауза.

Честное слово, не стоит, Анна Петровна!

Анна Петровна. Почему же? Да вы послушайте... Вы меня не понимаете... Будь вы свободны, я, педолго думая, сделалась бы вашей женой, отдала бы вам в вечное владение мое превосходительство, но теперь... Ну? Молчание знак согласия? Так, что ли?

Пауза.

Послушайте, Платонов, в данном случае неприлично молчать!

Платонов *(вскакивает)*. Забудем этот разговор, Анна Петровна! Давайте, бога ради, сделаем так, как будто бы его вовсе и не было! Не было его!

Анна Петровна *(пожимает плечами)*. Странный человек! Почему же?

Платонов. Потому что я уважаю вас! Я так уважаю в себе это уважение к вам, что расстаться с ним для меня будет тяжелее, чем провалиться сквозь землю! Друг мой, я свободный человек, я не прочь приятно провести время, я не враг связей с женщинами, не враг даже благородных интрижек, но... с вами заводить мелкую интрижку, вас делать предметом своих праздных помыслов, вас, умную, прекрасную, свободную жен-

---

¹ дорогой мой *(франц.)*.

щину?! Нет! Это уж слишком! Лучше прогоните меня от себя за тридевять земель! Пожить глупо месяц, другой, а там... краснея разойтись?!

А н н а П е т р о в н а. Речь идет о любви!

П л а т о н о в. А разве я не люблю вас? Я люблю вас добрую, умную, милосердную... Я люблю вас отчаянно, бешено! Жизнь свою я отдам за вас, если вы захотите! Люблю как женщину — человека! Неужели же всякая любовь должна подтасовываться под известный род любви? Моя любовь для меня в тысячу раз дороже той, которая взбрела вам на ум!..

А н н а П е т р о в н а (*встает*). Ступай, милый, проспись! Проспишься, тогда и поговорим...

П л а т о н о в. Забудем этот разговор... (*Целует руку.*) Будем друзьями, но не будем шалить друг другом: мы стоим по отношению друг к другу лучшей участи!.. И к тому же я все-таки... хоть немножко, да женат! Оставим этот разговор! Да будет всё по-старому!

А н н а П е т р о в н а. Ступай, милый, ступай! Женат... Ведь меня любишь? Зачем же тут про жену толковать? Марш! После поговорим, часика через два... Теперь ты находишься в припадке лжи...

П л а т о н о в. Лгать я вам не умею... (*Тихо ей на ухо.*) Если бы я умел тебе лгать, то давно уже я был бы твоим любовником...

А н н а П е т р о в н а (*резко*). Убирайтесь!

П л а т о н о в. Брете, не сердитесь... Это вы так только... (*Уходит в дом.*)

А н н а П е т р о в н а. Чудак человек! (*Садится.*) Сам не понимает, что говорит... Всякую любовь подтасовывать под известный род любви... Чепуха какая! Точно любовь писателя к писательнице...

Пауза.

Невыносимый человек! Этак мы до страшного суда с тобой, друг милый, проболтаем! Не взяла честью, силой возьму... Сегодня же! Пора уже обоим выйти из этого глупого выжидательного положения... Надоело... Возьму силой... Это кто идет? Глагольев... меня ищет...

Входит Г л а г о л ь е в 1.

Анна Петровна и Глагольев 1.

Глагольев 1. Скучно! Говорят эти люди о том, что я годы тому назад слышал; думают то, о чем я в детстве думал... Всё старо, ничего нового... Поговорю с ней и уеду.

Анна Петровна. О чем это вы бормочете, Порфирий Семеныч? Можно узнать?

Глагольев 1. Вы здесь? *(Идет к ней.)* Я бра-ню себя за то, что я здесь лишний...

Анна Петровна. Не потому ли, что на нас не похожи? Полноте! Мирятся люди с тараканами, помиритесь и вы с нашими людьми! Подсаживайтесь-ка, потолкуем!

Глагольев 1 *(садится рядом)*. Я вас искал, Анна Петровна! Мне нужно с вами поговорить кое о чем...

Анна Петровна. И давайте говорить...

Глагольев 1. Мне хотелось бы с вами погово-рить... Мне хочется узнать ответ моему... письму...

Анна Петровна. Гм... На что я вам сдалась, Порфирий Семеныч?

Глагольев 1. Я, знаете ли, отрешаюсь... от прав мужа... Не до прав мне! Мне нужен друг, умная хозяйка... У меня есть рай, но нет в нем... ангелов.

Анна Петровна *(в сторону)*. Что ни слово — то сахару кусок! *(Ему.)* Часто я задаю себе вопрос, что я буду в раю делать, я — человек, а не ангел, если по-наду в него?

Глагольев 1. Можете ли вы знать, что вы бу-дете делать в раю, если не знаете, что будете делать завтра? Хороший человек везде найдет себе работу, и на земле, и на небе...

Анна Петровна. Всё это прекрасно, но будет ли мое житье у вас стоить того, что я за него буду полу-чать? Немножко странно, Порфирий Семеныч! Извини-те меня, Порфирий Семеныч, но мне ваше предложение кажется очень странным... Для чего вам жениться? Для чего вам сдался друг в юбке? Не мое дело, извини-те... но уж на то пошло, договорю. Будь я в ваших летах, имей я столько денег, ума и правды, сколько вы имеете, я ничего не искала бы на этом свете, кроме об-

щего блага... то есть, как бы так выразиться, я ничего не искала бы, кроме удовлетворения любви к ближним...

Г л а г о л ь е в 1. Не умею я биться за благополучие людей... Для этого нужны воля железная и умение, а их-то и не дал мне бог! Я родился для того только, чтобы любить великие дела и наделать массу грошовых, ничего не стоящих... Только любить! Пойдемте ко мне!

А н н а П е т р о в н а. Нет. Не говорите больше ни слова об этом... Не придавайте моему отказу жизненного значения... Суета, мой друг! Если бы мы владели всем тем, что мы любим, то у нас не хватило бы места... для наших владений... Значит, не совсем неумно и не-любезно поступают, когда отказывают... (*Хочет.*) Вот вам и философия на закуску! Что это за шум? Слышите? Бьюсь об заклад, что это Платонов бунтует... Что за характер!

Входят Грекова и Трилецкий.

ЯВЛЕНИЕ XV

Анна Петровна, Глагольев 1, Грекова и Трилецкий.

Г р е к о в а (*входя*). Это выше всяких оскорблений! (*Плачет.*) Выше! Молчать могут, видя это, одни только испорченные люди!

Т р и л е ц к и й. Верю, верю, но при чем же я тут? Я-то тут при чем? Не идти же мне на него с дубиной, согласитесь сами!

Г р е к о в а. Должны были идти с дубиной, если не имеете других средств! Отойдите от меня! Я, я, женщина, не молчала бы, если бы при мне оскорбляли вас так низко, так бесстыдно и незаслуженно!

Т р и л е ц к и й. Но ведь я же того... Рассуждайте умно!.. Чем виноват я?..

Г р е к о в а. Вы трус, вот кто вы! Ступайте от меня прочь к вашему отвратительному буфету! Прощайте! Не трудитесь ездить ко мне больше! Не нужны мы друг другу... Прощайте!

Т р и л е ц к и й. Прощайте, сделайте милость, прощайте! Надоело всё это, опротивело без конца! Слезы, слезы... А, боже мой! У меня у самого в голове вер-

теж... соenuus cerebralis! Э-э-э... (Машет рукой и уходит.)

Г р е к о в а. Соenuus cerebralis... (Идет.) Оскорбил... За что? Что я сделала?

А н н а П е т р о в н а (подходит к ней). Марья Ефимовна... Не держу вас... Я сама бы ушла отсюда на вашем месте... (Целует ее.) Не плачьте, моя дорогая... Большая часть женщин создана для того, чтобы сносить всякие гадости от мужчин...

Г р е к о в а. Только не я... Я его... уволю! Он не будет здесь учителем! Он не имеет права быть учителем! Завтра же поеду к директору народных училищ...

А н н а П е т р о в н а. Полноте... На днях я побываю у вас, и мы вместе осудим Платонова, а пока успокойтесь... Перестаньте плакать... Вы будете удовлетворены... На Трилецкого же вы не сердитесь, моя дорогая... Он не заступился за вас потому, что он слишком добр и мягок, а такие люди не в состоянии заступаться... Что он вам сделал?

Г р е к о в а. Он при всех поцеловал... назвал душой и... и... пхнул на стол... Не думайте, что это пройдет ему безнаказанно! Или он сумасшедший, или же... Я покажу ему! (Уходит.)

А н н а П е т р о в н а (ей вслед). Прощайте! Скоро увидимся! (Якову.) Яков! Подать экипаж Марье Ефимовне! Ах, Платонов, Платонов... Добуянится он когда-нибудь до беды...

Г л а г о л ь е в 1. Прекрасная девушка! Не влюбил ее наш добрейший Михаил Васильич... Обижает...

А н н а П е т р о в н а. Ни за что! Сегодня обижает, а завтра извиняется... Барская струнка!

Входит Г л а г о л ь е в 2.

ЯВЛЕНИЕ XVI

Т е ж е и Г л а г о л ь е в 2.

Г л а г о л ь е в 2 (в сторону). С ней! Опять с ней! Это, наконец, уж черт знает что такое? (Смотрит в упор на отца.)

Г л а г о л ь е в 1 (после паузы). Что тебе?

Г л а г о л ь е в 2. Ты здесь сидишь, а тебя там ищут! Иди, тебя там зовут!

Глагольев 1. Кто меня там зовет?

Глагольев 2. Люди!

Глагольев 1. Знаю, что люди... *(Встает.)*
Как хотите, а я не отстану от вас, Анна Петровна!
Авось другое заговорите, когда поймете меня! Увидимся... *(Уходит в дом.)*

ЯВЛЕНИЕ XVII

Анна Петровна и Глагольев 2.

Глагольев 2 *(садится рядом)*. Старый барсук! Осел! Его никто не зовет! Это я надул его!

Анна Петровна. Когда вы поумнеете, вы сильно ругнете себя за отца!

Глагольев 2. Шутите... Вот зачем я сюда пришел... Два слова... Да или нет?

Анна Петровна. То есть?

Глагольев 2 *(смеется)*. Будто бы не понимаете? Да или нет?

Анна Петровна. Решительно не понимаю!

Глагольев 2. Сейчас поймете... При помощи злата всё понимается... Если «да», то не угодно ли вам будет, генералиссимус души моей, залезть ко мне в карман и вытащить оттуда мой бумажник с папашиними деньгами?.. *(Подставляет боковой карман.)*

Анна Петровна. Откровенно... Да ведь за такие речи умным людям пощечины дают!

Глагольев 2. От приятной дамы приятно и пощечину получить... Сперва пощечину даст, а потом немного погодя и «да» скажет...

Анна Петровна *(встает)*. Берите вашу шапку и убирайтесь отсюда сию же секунду!

Глагольев 2 *(встает)*. Куда?

Анна Петровна. Куда угодно! Убираться и не смей показываться сюда!

Глагольев 2. Фи... Для чего же сердиться? Я не уйду, Анна Петровна!

Анна Петровна. Ну так я прикажу вас вывести! *(Уходит в дом.)*

Глагольев 2. Какая вы сердитая! Я ведь ничего не сказал такого, особенного... Что же я сказал? Сердиться не нужно... *(Уходит за ней.)*

Платонов и Софья Егоровна выходят из дома.

Платонов. В школе я и доселе пребываю в качестве занимающего не свое место, а место учителя... Вот что было после того, как мы расстались!.. *(Садятся.)* Не говорю про людей, что я сделал лично для себя? Что я в себе посеял, что взлелеял, что возрастил?.. А теперь! Эх! Страшное безобразие... Возмутительно! Зло кишит вокруг меня, пачкает землю, глотает моих братьев во Христе и по родине, я же сижу, сложив руки, как после тяжкой работы; сижу, гляжу, молчу... Мне двадцать семь лет, тридцати лет я буду таким же — не предвижу перемены! — там дальше жирное халатничество, отупение, полное равнодушие ко всему тому, что не плоть, а там смерть!! Пропала жизнь! Волосы становятся дыбом на моей голове, когда я думаю об этой смерти!

Пауза.

Как подняться, Софья Егоровна?

Пауза.

Вы молчите, не знаете... Да и знать ли вам? Софья Егоровна, не жалко мне себя! Чёрт с ним, с этим мной! Но что с вами поделалось? Где ваша чистая душа, ваша искренность, правдивость, ваша смелость? Где ваше здоровье? Куда вы дели его? Софья Егоровна! Проводить целые годы в безделье, мозолить чужие руки, любоваться чужими страданиями и в то же время уметь прямо глядеть в глаза — это разврат!

Софья Егоровна встает.

(Сажает ее.) Это последнее слово, стойте! Что сделало вас жеманной, ленивицей, фразеркой? Кто научил вас лгать? А какой вы были прежде! Позвольте! Я сейчас отпущу вас! Дайте договорить! Как вы были хороши, Софья Егоровна, как велики! Голубушка, Софья Егоровна, может быть, вам еще можно подняться, не поздно! Подумайте! Соберите все ваши силы и поднимайтесь ради самого бога! *(Хватает ее за руку.)* Дорогая моя, скажите мне откровенно, ради того нашего общего прошлого, что заставило вас

выйти замуж за этого человека? Чем прельстило вас это замужество?

Софья Егоровна. Он прекрасный человек...

Платонов. Не говорите того, во что вы не верите!

Софья Егоровна *(встает)*. Он мой муж, и я просила бы вас...

Платонов. Будь он чем ему угодно, а я скажу правду! Сядьте! *(Сажает ее)*. Отчего вы не выбрали себе труженика, страдальца? Отчего не взяли себе в мужья кого-нибудь другого, а не этого пигмея, погрязшего в долгах и безделье?..

Софья Егоровна. Оставьте! Не кричите! Идут...

Проходят гости.

Платонов. Чёрт с ними! Пусть все слышат! *(Тихо.)* Извините меня за резкость... Но ведь я любил вас! Я любил вас больше всего на свете, а потому вы и теперь мне дороги... Я так любил эти волосы, эти руки, это лицо... Для чего вы пудритесь, Софья Егоровна? Бросьте! Эх! Попадись вы другому человеку, вы скоро бы поднялись, а здесь вы еще больше погрязнете! Бедная... Будь у меня, несчастного, силы, вырвал бы я с корнем и себя и вас из этого болота...

Пауза.

Жизнь! Отчего мы живем не так, как могли бы?!

Софья Егоровна *(встает и закрывает руками лицо)*. Оставьте меня!

В доме шум.

Отойдите! *(Идет к дому.)*

Платонов *(идет за ней)*. Отнимите от лица руки! Вот так! Вы не уедете? Ведь нет? Будемте друзьями, Софи! Ведь не уедете? Мы будем еще беседовать? Да?

В доме усиленный шум и беганье по лестнице.

Софья Егоровна. Да.

Платонов. Будемте друзьями, моя дорогая... Зачем нам быть врагами? Позвольте... Еще пару слов...

Выбегает из дома Войницев и за ним гости.

ЯВЛЕНИЕ XIX

Те же, Войницев с гостями,
потом Анна Петровна и Трилецкий.

Войницев *(вбегая)*. Ах... Вот они, самые главные! Идем фейерверки зажигать! *(Кричит.)* Яков, к реке марш! *(Софье Егоровне.)* Не передумала, Софи?

Платонов. Не уедет, здесь останется...

Войницев. Да? В таком случае ура! Руку, Михаил Васильич! *(Пожимает Платонову руку.)* Я всегда верил в твоё красноречие! Идем огни зажигать! *(Идет с гостями в глубину сада.)*

Платонов *(после паузы)*. Да, такие-то дела, Софья Егоровна... Гм...

Голос Войницева. Матап, где вы? Платонов!

Пауза.

Платонов. Пойду-ка, чёрт возьми, и я... *(Кричит.)* Сергей Павлович, подожди, не зажигай без меня! Пошли, братец, Якова ко мне за шаром! *(Убегает в сад.)*

Анна Петровна *(выбегает из дома)*. Подождите! Сергей, подожди, ещё не все сошлись! Стреляйте пока из пушки! *(Софье.)* Идите, Софи! Чего приуныли?

Голос Платонова. Сюда, барынька! Затянем старую песню, не начинай новой!

Анна Петровна. Иду, моншер! *(Убегает.)*

Голос Платонова. Кто со мной в лодку? Софья Егоровна, не хотите ли со мной на реку?

Софья Егоровна. Идти или не идти? *(Думает.)*

Трилецкий *(входит)*. Эй! Где вы? *(Поет.)* Иду, иду! *(Смотрит в упор на Софью Егоровну.)*

Софья Егоровна. Что вам нужно?

Трилецкий. Ничего-с...

Софья Егоровна. Ну так и отойдите! Я не расположена сегодня ни беседовать, ни слушать...

Трилецкий. Знаю, знаю...

Пауза.

Мне ужасно почему-то хочется провести пальцем по вашему лбу: из чего он у вас сделан? Ужасно хочется!..

Не для того, чтобы оскорбить вас, а так... для конвенансу...

Софья Егоровна. Шут! *(Отворачивается.)*
Не комик, а шут, паяц!

Трилецкий. Да... Шут... За шутовство я и харчи получаю от генеральши... Ну да-с... И деньги карманные... А когда надоем, меня с позором выгонят из этих мест. Ведь верно говорю-с? Впрочем, это не я один говорю... Это говорили и вы, когда изволили гостить у Глагольева, этого масона нашего времени...

Софья Егоровна. Хорошо, хорошо... Очень рада, что вам передали... Теперь вы знаете, значит, что я умею отличать шутов от остроумных людей! Будь вы актером, вы были бы фаворитом райка, но партер шикал бы вам... Я вам шикаю.

Трилецкий. Острота удачна до сверхъестественности... Похвально... Честь имею кланяться! *(Кланяется.)* До приятного свидания! Побеседовал бы еще с вами, но... робею, поражен! *(Идет в глубину сада.)*

Софья Егоровна. *(стучит ногой.)* Негодный! Не знает он, какого я о нем мнения! Пустой человечиска!

Голос Платонова. Кто на реку со мной?

Софья Егоровна. Ээ... Чему быть, тому не миновать! *(Кричит.)* Иду! *(Убегает.)*

ЯВЛЕНИЕ XX

Глагольев 1 и Глагольев 2 выходят из дома.

Глагольев 1. Лжешь! Лжешь, скверный мальчишка!

Глагольев 2. Что за глупости? С какой стати я буду врать? Спроси ее самое, если не веришь! Как только ты ушел, я вот на этой самой скамье шепнул ей два три слова, обнял, чмокнул... Попросила сначала три тысячи, ну а я поторговался и сошелся на тысяче! Дай же мне тысячу рублей!

Глагольев 1. Кирилл, дело идет о чести женщины! Не пачкай этой чести, она свята! Замолчи!

Глагольев 2. Клянусь честью! Не веришь? Клянусь всем святым! Дай же тысячу рублей! Я сейчас же поднесу ей эту тысячу...

Г л а г о л ь е в 1. Ужасно... Лжешь ты! Она пошутила с тобой, с глупцом!

Г л а г о л ь е в 2. Но... Обнял ее, тебе говорят! Что же тут удивительного? Все женщины теперь таковы! Не верь их невинности! Знаю я их! А ты еще тоже жениться хотел! (*Хочет.*)

Г л а г о л ь е в 1. Ради бога, Кирилл! Ты знаешь, что такое значит клевета?

Г л а г о л ь е в 2. Дай тысячу рублей! Я при тебе вручу ей эту тысячу! На этой самой скамье я обнял ее, поцеловал и поторговался... Клянусь! Чего же тебе еще нужно? Для того я и прогнал тебя, чтобы с нею поторговаться! Он не верит, что я умею побеждать женщин! Предложи ей две тысячи, и она твоя! Знаю я женщин, брат!

Г л а г о л ь е в 1 (*вынимает из кармана бумажник и бросает его на землю*). Возьми!

Глагольев 2 поднимает бумажник и считает деньги.

Г о л о с В о й н и ц е в а. Я начинаю! Матап, стреляйте! Трилецкий, полезай на беседку! Кто это на коробку наступил? Вы!

Г о л о с Т р и л е ц к о г о. Лезу, черт меня подери! (*Хочет.*) Кто это? Бугрова раздавили! Я Бугрову на голову наступил! Где спички?

Г л а г о л ь е в 2 (*в сторону*). Я отмщен! (*Кричит.*) Ура-а-а! (*Убегает.*)

Т р и л е ц к и й. Кто это там орет? Дайте ему по шеям!

Г о л о с В о й н и ц е в а. Начинать?

Г л а г о л ь е в 1 (*хватает себя за голову*). Боже мой! Разврат! Гной! Я молился ей! Прости ее, господи! (*Садится на скамью и закрывает лицо руками.*)

Г о л о с В о й н и ц е в а. Кто веревочку взял? Матап, как вам не стыдно? Где моя веревочка, что тут лежала?

Г о л о с А н н ы П е т р о в н ы. Вот она, ротовей!

Г л а г о л ь е в 1 (*валится со скамьи*).

Г о л о с А н н ы П е т р о в н ы. Вы! Кто вы? Не топчитесь здесь! (*Кричит.*) Дай сюда! Дай сюда!

Убегает Софья Егоровна.

ЯВЛЕНИЕ XXI

Софья Егоровна (одна).

Софья Егоровна (бледная, с помятой прической). Не могу! Это уж слишком, выше сил моих! (Хватает себя за грудь.) Гибель моя или... счастье! Душно здесь!.. Он или погубит, или... вестник новой жизни! Приветствую, благословляю... тебя, новая жизнь! Решено!

Голос Войницева (кричит). Берегись!

Фейерверк.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Лес. Просека. У начала просеки, с левой стороны — школа. По просеке, теряющейся вдаль, тянется полотно железной дороги, которое возле школы поворачивает направо. Ряд телеграфных столбов. Ночь.

ЯВЛЕНИЕ I

Саша (сидит у открытого окна) и Осип (с ружьем через спину, стоит перед окном).

Осип. Как это случилось? Очень просто... Иду я по узлеску, недалече отсюда, смотрю, а она стоит в балочке: подсучила платье и лопухом из ручья воду черпает. Зачерпнет да и выпьет, зачерпнет да и выпьет, а потом голову помочит... Я спустился вниз, подошел близко да и гляжу на нее... Она и внимания не обращает: дурак, мол, ты, мужик, мол, зачем же мне на тебя внимание обращать в таком случае? «Сударыня, говорю, ваше превосходительство, попить холодной водицы, знать, захотели?» — «А тебе, говорит, какое дело? Ступай отсюда туда, откуда пришел!» Сказала и не смотрит... Я обробел... Меня и стыд взял, и обидно стало, что я из мужицкого званья... «Чего смотришь на меня, дуралей? Не видал, говорит, никогда людей, что ли?» И посмотрела на меня пронизательно... «Аль, говорит, понравилась?» — «Страсть, говорю, понравились! Уж такая вы, ваше превосходительство, благородная, чувствительная особа, такая красавица... Красивей вас, говорю, отродясь не видал... Наша деревенская красавица

Манька, сотского дочка, говорю, супротив вас лошадь, герблюд... Нежности в вас сколько! Поцеловал бы кажись, говорю, да и помер бы на этом самом месте!» Она засмеялась... «Что ж, говорит. Целуй, коли хочешь!» Меня после этих самых слов в жар бросило. Подошел я к ней, взял ее тихонько за плечико и поцеловал со всего размаху вот тут, в это самое место, в щечку и в шейку зараз...

С а ш а *(хохочет)*. Она же что?

О с и п. «Ну теперь, говорит, проваливай! Умывайся, говорит, почаще да ногти себе не запускай!» Я и отошел.

С а ш а. Какая она смелая! *(Подает Осипу тарелку щей.)* На, кушай! Присядь где-нибудь!

О с и п. Не велик барин, и постую... Очень вам благодарен за ваше дружелюбие, Александра Ивановна! Я вам когда-нибудь за ваши ласки одолжение сделаю...

С а ш а. Сними шапку... В шапке грешно есть. Ты с молитвой кушай!

О с и п *(снимает шапку)*. Давно уж я этих святостей не соблюдал... *(Ест.)* И с той поры я как будто очумел... Верите ли? Не ем, не сплю... Всё она у меня перед глазами... Закрою, бывало, глаза, а она перед глазами... Такую нежность на себя напустил, что хоть вешайся! Чуть было не утопился от тоски, генерала хотел подстрелить... А когда овдовела, начал я всякие поручения исполнять... Куропаток ей стрелял, перепелов ловил, беседочку ей разноцветными красками выкрасил... Волка ей однажды живого привел... Всякое удовольствие ей доставлял... Бывало, что ни прикажет, всё исполняю... Приказала бы самого себя слопать, себя бы слопал... Нежные чувства... Ничего с ними не поделаешь...

С а ш а. Да... Я когда полюбила Михаила Васильича и не знала еще, что он меня любит, тоже ужасно тосковала... Несколько раз у бога, грешница, смерти даже просила...

О с и п. Вот видите-с... Чувства такие... *(Выпивает из тарелки.)* Не пожалуете ли еще щец? *(Подает тарелку.)*

С а ш а *(уходит и через полминуты появляется у окна с кастрюлькой)*. Щей нет, а вот не хочешь ли картофли? Жареная на гусином жиру...

О с и п. Мерси... *(Берет кастрюльку и ест.)*
Страсть, как наелся! И вот этак ходил я, ходил, как очумелый... Я все про то же, Александра Ивановна... Ходил, ходил... Приношу ей в прошлом году после Святой зайчика... «Вот извольте, говорю, ваше превосходительство... Косого зверинца вам принес!» Она взяла его на руки, погладила да и спрашивает меня: «Правду ли говорят, Осип, что ты разбойник?» — «Истинная, говорю, правда. Не станут люди понапрасну говорить...» Взял и рассказал ей всё... — «Надо, говорит, тебя исправить. Ступай, говорит, пешком в Киев. Из Киева ступай в Москву, из Москвы в Троицкую Лавру, из Троицкой Лавры в Новый Иерусалим, а оттуда домой. Сходи и через год ты другой человек будешь». Напустил я на себя убожество, надел сумочку и пошел в Киев... Не тут-то было! Исправился, да не совсем... Славная картошка! Связался под Харьковом с почтенной компанией, пропил денежки, подрался и воротился назад. И пачпорт даже потерял...

Пауза.

Теперь ничего от меня не берет... Сердится...

С а ш а. Почему ты в церковь не ходишь, Осип?

О с и п. Я пошел бы, да того... Народ смеяться станет... Ишь, скажет, каяться пришел! Да и ходить около церкви днем страшно. Народу много — убьют.

С а ш а. Ну, а за что ты бедных людей обижаешь?

О с и п. А за что их не обижать? Не вашего ума это дело, Александра Ивановна! Не вам рассуждать о грубостях. Не вам понять. А Михаил Васильич никого не обижает?

С а ш а. Никого! Он если и обидит кого-нибудь, то нехотя, нечаянно. Он добрый человек!

О с и п. Я, признаться, его более всех уважаю... Генералчонок Сергей Павлыч глупый человек, неумный; братец ваш тоже неумный, хоть и в докторам, ну а в Михайле Васильиче много умственных способностей! У него есть чин?

С а ш а. А как же? Он коллежский регистратор!

О с и п. Ну?

Пауза.

Молодчина! Так у него и чин есть... Гм... Молодчина!

Доброты у него только мало... Все у него дураки, все у него холуи... Нешто можно так? Ежели б я был хорошим человеком, то я так бы не делал... Я этих самых холуев, дураков и жуликов ласкал бы... Самый несчастный народ они, заметьте! Их-то и нужно жалеть... Мало в нем доброты, мало... Гордости нет, запанибрата со всяким, а доброты ни-ни... Не вам понять... Покорнейше благодарю! Век бы целый такую картошку ел... (Подает кастрюльку.) Благодарю...

С а ш а. Не за что.

О с и п (вздыхает). Славная вы женщина, Александра Ивановна! За что вы меня каждый раз кормите? У вас, Александра Ивановна, есть хоть капелька женской злобы? Благочестивая! (Смеется.) В первый раз такую вижу... Святая Александра, моли бога о нас грешных! (Кланяется.) Радуйся, святая Александра!

С а ш а. Михаил Васильич идет.

О с и п. Обманываете... Он в настоящий момент с молодой барыней про нежные чувства рассуждает... Красивый он у вас человек! Коли б захотел, так за ним весь женский пол пошел... Краснобай такой... (Смеется.) Всё к генеральше ластится... Ну та и нос натрет, не посмотрит, что он красивый... Он хотел бы, может быть, да она...

С а ш а. Ты уж начинаешь лишнее болтать... Я не люблю этого... Иди с богом!

О с и п. Сейчас пойду... Вам давно уже пора спать... Небось мужа поджидаете?

С а ш а. Да...

О с и п. Хорошая жена! Платонов, должно быть, такую жену себе десять годов искал, со свечками да с понятами... Нашел-таки где-то... (Кланяется.) Прощайте, Александра Ивановна! Спокойной ночи!

С а ш а (зевает). Ступай с богом!

О с и п. Пойду... (Идет.) Пойду к себе домой... Мой дом там, где пол земля, потолок небо, а стены и крыша неизвестно в каком месте... Кого бог проклял, тот и живет в этом доме... Велик он, да негде голову положить... Только и хорош тем, что за него в волость поземельных платить не надо... (Останавливается.) Спокойной ночи, Александра Ивановна! В гости пожалуйте! В лес! Спросите Осипа, каждая птица и ящерица

знает! Посмотрите-ка, как пенек светится! Как будто мертвец из гроба встал... А вон другой! Моя мать мне говорила, что под тем пеньком, который светится, грешник зарыт, а светится пень для того, чтоб молились... И надо мной будет пень светиться... Я тоже грешник... А вон и третий! Много же на этом свете грешников! (*Уходит и минуты через две свистит.*)

ЯВЛЕНИЕ II

С а ш а.

С а ш а (*выходит из школы со свечой и книгой*). Как долго Миши нет... (*Садится.*) Как бы он себе здоровья не испортил... Эти гулянья ничего не дают, кроме нездоровья... Да и мне уже спать хочется... Где я остановилась? (*Читает.*) «Пора, наконец, снова возвестить о тех великих, вечных идеалах человечества, о тех бессмертных принципах свободы, которые были руководящими звездами наших отцов и которым мы изменили, к несчастью». Что это значит? (*Думает.*) Не понимаю... Отчего это не пишут так, чтоб всем понятно было? Далее... Ммм... Пропущу предисловие... (*Читает.*) «Захер Мазох»... Какая смешная фамилия!.. Мазох... Должно быть, не русский... Далее... Миша заставил читать, так надо читать... (*Зевает и читает.*) «Веселым зимним вечером»... Ну, это можно пропустить... Описание... (*Перелистывает и читает.*) «Трудно было решить, кто играл и на каком инструменте... Сильные величавые звуки органа под железной мужской рукой вдруг сменялись нежной флейтой как бы под прелестными женскими устами и наконец замирали...» Тсс... Кто-то идет... (*Пауза.*) Это Мишины шаги... (*Тушит свечу.*) Наконец-то... (*Встает и кричит.*) Ау! Раз, два, раз, два!левой, правой, левой, правой!левой!левой!

Входит П л а т о н о в.

ЯВЛЕНИЕ III

С а ш а и П л а т о н о в.

П л а т о н о в (*входя*). Назло тебе: правой! правой! Впрочем, милая моя, ни правой, ни левой! У пьяного нет ни права, ни лева; у него есть вперед, назад, вкось и вниз...

С а ш а. Пожалуйте сюда, пьяненький, садитесь сюда! Вот я вам покажу, как шагать вкось да вниз! Садитесь! *(Бросается Платонову на шею.)*

П л а т о н о в. Сядем... *(Садится.)* Ты чего же это не слышь, инфузория?

С а ш а. Не хочется... *(Садится рядом.)* Поздно же тебя отпустили!

П л а т о н о в. Да, поздно... Пассажирский уж прошел?

С а ш а. Нет еще. Товарка с час тому назад прошла.

П л а т о н о в. Значит, нет еще двух часов. Ты давно оттуда?

С а ш а. Я в десять часов была уже дома... Пришла, а Колька ревет на чем свет стоит... Я ушла не простившись, пусть извинят... Танцы после меня были?

П л а т о н о в. И танцы были, и ужин был, и скандалы были... Между прочим... знаешь? При тебе это случилось? С Глагольевым стариком удар случился!

С а ш а. Что ты?!

П л а т о н о в. Да... Твой братец кровь пускал и вечную память пел...

С а ш а. Отчего же это? Что с ним? Он кажется здоровый такой на вид...

П л а т о н о в. Легенький удар... Легенький к его счастью и к несчастью его осленка, которого он по глупости величает сыном... Домой отвезли... Ни один вечер без скандала не обходится! Такова наша судьба, знать!

С а ш а. Воображаю, как перепугались Анна Петровна и Софья Егоровна! А какая славная Софья Егоровна! Я таких хорошеньких дамочек редко вижу... Что-то в ней такое особенное...

Пауза.

П л а т о н о в. Ох! Глупо, мерзко...

С а ш а. Что?

П л а т о н о в. Что я наделал?! *(Закрывает руками лицо.)* Стыдно!

С а ш а. Что ты наделал?

П л а т о н о в. Что наделал? Ничего хорошего! Когда я делал то, чего впоследствии не стыдился?

С а ш а *(в сторону)*. Пьян, бедненький! *(Ему.)* Пойдем спать!

П л а т о н о в. Гадок был, как никогда! Уважай себя после этого! Нет более несчастья, как быть лишенным собственного уважения! Боже мой! Нет ничего во мне такого, за что можно было бы ухватиться, нет ничего такого, за что можно было бы уважать и любить!

Пауза.

Ты вот любишь... Не понимаю! Нашла, значит, во мне что-то такое, что можно любить? Любишь?

С а ш а. Что за вопрос! Может ли быть, чтоб я тебя не любила?

П л а т о н о в. Знаю, но назови мне то хорошее, за что ты меня так любишь! Укажи мне то хорошее, что ты любишь во мне!

С а ш а. Гм... За что я тебя люблю? Какой же ты сегодня чудак, Миша! Как же мне не любить тебя, если ты мне муж?

П л а т о н о в. Только и любишь за то, что я тебе муж?

С а ш а. Я тебя не понимаю.

П л а т о н о в. Не понимаешь? *(Смеется.)* Ах ты, моя дурочка набитая! Зачем ты не муха? Между мухами с своим умом ты была бы самой умной мухой! *(Целует ее в лоб.)* Что было бы с тобой, если бы ты понимала меня, если бы у тебя не было твоего хорошего неведения? Была бы ты так женски счастлива, если бы умела постигать своей нетронутой головкой, что у меня нет ничего того, что можно любить? Не понимай, мое сокровище, не ведай, если хочешь любить меня! *(Целует ее руку.)* Самочка моя! И я счастлив по милости твоего неведения! У меня, как у людей, семья есть... Есть семья...

С а ш а *(смеется)*. Чудак!

П л а т о н о в. Сокровище ты мое! Маленькая, глупенькая бабеночка! Не женой тебя иметь, а на столе под стеклом тебя держать нужно! И как это мы ухитрились с тобой Николку породить на свет божий? Не Николок рождать, а солдатиков из теста лепить тебе впору, половина ты моя!

С а ш а. Глупости ты говоришь, Миша!

П л а т о н о в. Сохрани тебя бог понимать! Не понимай! Да будет земля на китах, а киты на вилах!

Где мы брали бы себе постоянных жен, если бы вас не было, Саша? *(Хочет ее поцеловать.)*

С а ш а *(не дается)*. Пошел вон! *(Сердито.)* Зачем же ты женился на мне, если я так глупа? Ну и брал бы себе умную! Я не неволила!

П л а т о н о в *(хохочет)*. А вы и сердиться умеете? Ах, черт возьми! Да это целое открытие из области... Из какой области? Целое открытие, душа моя! Так ты умеешь и сердиться? Ты не шутишь?

С а ш а *(встает)*. Иди-ка, брат, спать! Если бы не пил, не делал бы открытий! Пьяница! А еще тоже учитель! Ты не учитель, а свинтус! Ступай спать! *(Бьет его по спине и уходит в школу.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

П л а т о н о в *(один)*.

П л а т о н о в. В самом деле я пьян? Не может быть, я пил мало... В голове, впрочем, не совсем нормально...

Пауза.

А когда с Софьей говорил, был я... пьян? *(Думает.)* Нет, не был! Не был, к несчастью, святые угодники! Не был! Проклятая трезвость моя! *(Вскакивает.)* В чем провинился предо мной ее несчастный муж? За что я опачкал его перед ней такую грязью? Не прощай мне этого, моя совесть! Я разболтался пред ней, как мальчишка, рисовался, театральничал, хвастался... *(Дразнит себя.)* «Зачем вы не вышли за труженика, за страдальца?» А для чего бы она сдалась труженику, страдальцу? Зачем же ты, безумец, говорил то, чему не верил? Ах!.. Она поверила... Она выслушала бредни глупца и опустила глазки! Раскисла, несчастная, разнежилась... Как это всё глупо, как это всё мерзко, нелепо! Опротивело всё... *(Смеется.)* Самодур! Осмеяли купцов самодуров, осмеяли насквозь... Был и смех сквозь слезы и слезы сквозь смех... Кто же меня осмеет? Когда? Смешно! Взятки не берет, не ворует, жены не бьет, мыслит порядочно, а... негодяй! Смешной негодяй! Необыкновенный негодяй!..

Пауза.

Надо ехать... Буду у инспектора просить другого места... Сегодня же напишу в город...

Входит Венгерович 2.

ЯВЛЕНИЕ V

Платонов и Венгерович 2.

Венгерович 2 (*входя*). Гм... Школа, в которой вечно спит тот недоделанный мудрец... Спит он теперь по обыкновению или же бранится по обыкновению? (*Увидев Платонова*.) Вот он, пустой и звонкий... Не спит и не бранится... Не в нормальном положении... (*Ему*.) Не спите еще?

Платонов. Как видите! Чего же вы остановились? Позвольте вам пожелать спокойной ночи!

Венгерович 2. Сейчас уйду. Вы предаетесь уединению? (*Оглядывается*.) Чувствуете себя царем природы? В такую прелестную ночь...

Платонов. Вы домой идете?

Венгерович 2. Да... Отец уехал, и я принужден идти пешком. Наслаждаетесь? А ведь как приятно — не правда ли? — выпить шампанского и под куражем обозреть самого себя! Можно сесть возле вас?

Платонов. Можете.

Венгерович 2. Благодарю. (*Садится*.) Я люблю за всё благодарить. Как сладко сидеть здесь, вот на этих ступенях, и чувствовать себя полным хозяином! Где ваша подруга, Платонов? Ведь к этому шуму, к этому шёпоту природы, пению и трещанию кузнечиков недостает только любовного лепета, чтобы всё это обратилось в рай! К этому кокетливому, робкому ветерку недостает только горячего дыхания милой, чтобы ваши щеки пылали от счастья! К шепоту матери-природы недостает слов любви... Женщину!! Вы смотрите на меня с изумлением... Ха-ха! Я заговорил не своим языком? Да, это не мой язык... Отрезвившись, я не раз покраснею за этот язык... Впрочем, почему же мне и не поболтать поэтически? Гм... Кто мне воспретит?

Платонов. Никто.

Венгерович 2. Или, может быть, этот язык богов не соответствует моему положению, моей фигуре? У меня лицо не поэтическое?

П л а т о н о в. Не поэтическое...

В е н г е р о в и ч 2. Не поэтическое... Гм... Очень рад. У всех евреев физиономии не поэтические. Подшутила природа, не дала нам, евреям, поэтических физиономий! У нас судят обыкновенно по физиономии и на основании того, что мы имеем известные физиономии, отрицают в нас всякое поэтическое чувство... Говорят, что у евреев нет поэтов.

П л а т о н о в. Кто говорит?

В е н г е р о в и ч 2. Все говорят... А какая ведь это подлая клевета!

П л а т о н о в. Полно придирааться! Кто это говорит?

В е н г е р о в и ч 2. Все говорят, а между тем сколько у нас настоящих поэтов, не Пушкиных, не Лермонтовых, а настоящих! Ауэрбах, Гейне, Гете...

П л а т о н о в. Гете немец.

В е н г е р о в и ч 2. Еврей!

П л а т о н о в. Немец!

В е н г е р о в и ч 2. Еврей! Знаю, что говорю!

П л а т о н о в. И я знаю, что говорю, но пусть будет по-вашему! Полуученого еврея трудно переспорить.

В е н г е р о в и ч 2. Очень трудно...

Пауза.

Да хоть бы и не было поэтов! Велика важность! Есть поэты — хорошо, нет их — еще лучше! Поэт, как человек чувства, в большинстве случаев дармоед, эгоист... Гете, как поэт, дал ли хоть одному немецкому пролетарию кусок хлеба?

П л а т о н о в. Старо! Полно, юноша! Он не взял куска хлеба у немецкого пролетария! Это важно... Потом, лучше быть поэтом, чем ничем! В миллиард раз лучше! Впрочем, давайте замолчим... Оставьте вы в покое кусок хлеба, о котором вы не имеете ни малейшего понятия, и поэтов, которых не понимает ваша высушенная душа, и меня, которому вы не даете покоя!

В е н г е р о в и ч 2. Не стану, не стану шевелить вашего великого сердца, шипучий человек!.. Не стану стягивать с вас теплого одеяла... Спице себе!

Пауза.

Посмотрите-ка на небо! Да... Здесь хорошо, покойно, здесь одни только деревья... Нет этих сытых, доволь-

ных физиономий... Да... Деревья шепчут не для меня... И луна не смотрит на меня так приветливо, как на этого Платонова... Она старается смотреть холодно... Ты, мол, не наш... Ступай отсюда, из этого рая, в свою жидовскую лавочку... Впрочем, чепуха... Я заболтался... довольно!..

П л а т о н о в. Довольно... Идите, юноша, домой! Чем более будете сидеть, тем больше наболтаете... А за болтовню эту вы краснеть будете, как вы сказали! Идите!

В е н г е р о в и ч 2. Хочу болтать! *(Смеется.)* Я теперь поэт!

П л а т о н о в. Не поэт тот, кто стыдится своей молодости! Вы переживаете молодость, будьте же молодым! Смешно, глупо, может быть, но зато человечно!

В е н г е р о в и ч 2. Так... Какие глупости! Вы большой чудак, Платонов! Все вы чудачки здесь... Вам бы жить во времена Ноя... И генеральша чудачка, и Войнищев чудак... Между прочим, генеральша недурна в телесном отношении... Какие у нее неглухие глаза! Какие у нее хорошие пальцы!.. Недурна отчасти... Грудь, шея...

Пауза.

Почему? Хуже я вас, что ли? Хоть бы раз в жизни! Если мысли так сильно привлекательно действуют на мой... спинной мозг, то какое блаженство растопило бы меня в пух и прах, если бы она показала сейчас между этими деревьями и поманила бы меня своими прозрачными пальцами!.. Не смотрите на меня так... Я глуп теперь, мальчуган... Впрочем, кто же смеет запретить мне хоть раз в жизни быть глупым? Я с научной целью хотел бы сейчас быть глупым, счастливым по-вашему... Я и счастлив... Кому какое дело? Гм...

П л а т о н о в. Но... *(Рассматривает его цепь.)*

В е н г е р о в и ч 2. Впрочем, личное счастье эгоизм!

П л а т о н о в. О да! Личное счастье эгоизм, а личное несчастье добродетель! Сколько же, однако, в вас белиберды! Какая цепь! Какие чудные брекеты! Как сияет!

В е н г е р о в и ч 2. Вас занимает эта цепь?! *(Смеется.)* Вас манит к себе эта мишура, этот блеск...

(Качает головой.) В эти минуты, когда вы поучаете меня чуть ли не стихами, вы можете восхищаться золотом! Возьмите эту цепь! Бросьте! *(Срывает с себя цепь и бросает ее в сторону.)*

П л а т о н о в. Важно звякнула! По одному этому звуку уж можно заключить, как она тяжела!

В е н г е р о в и ч 2. Золото тяжело не на один только вес! Счастливы вы, что можете сидеть на этих грязных ступенях! Здесь вы не испытываете всей тяжести этого грязного золота! О, эти мне золотые цепи, золотые оковы!

П л а т о н о в. Не всегда прочные оковы! Пропили их наши отцы!

В е н г е р о в и ч 2. Сколько несчастных, сколько голодных, сколько пьяных под луной! Когда же, наконец, миллионы много сеющих и ничего не ядущих перестанут голодать? Когда, я вас спрашиваю? Платонов, отчего же вы не отвечаете?

П л а т о н о в. Оставьте меня! Сделайте такое одолжение! Не люблю без умолку и без толку звонящих колоколов! Извините, но оставьте меня! Спать хочу!

В е н г е р о в и ч 2. Я колокол? Гм... Скорей же вы колокол...

П л а т о н о в. Я колокол и вы колокол, с тою только разницею, что я в себя сам звоню, а в вас звонят другие... Спокойной ночи! *(Встает.)*

В е н г е р о в и ч 2. Спокойной ночи!

В школе бьет два часа.

Уже два часа... В это время нужно уже спать, а я не сплю... Бессонница, шампанское, волнение... Ненормальная жизнь, благодаря которой разрушается организм... *(Встает.)* У меня, кажется, грудь уже начинает болеть... Спокойной ночи! Руки я вам не подаю и горжусь этим. Вы не имеете права на пожатие моей руки...

П л а т о н о в. Какие глупости! Мне всё одно.

В е н г е р о в и ч 2. Надеюсь, что нашу беседу и мою... болтовню никто, кроме нас, не слышал и не услышит... *(Идет в глубину сцены и идет обратно.)*

П л а т о н о в. Что вам угодно?

В е н г е р о в и ч 2. Тут где-то была моя цепь...

П л а т о н о в. Вот она, ваша цепь! *(Швыряет*

цепь ногой.) Не забыл-таки! Послушайте, будьте так любезны, пожертвуйте эту цепь в пользу одного моего знакомого, принадлежащего к разряду много сеющих и ничего не ядущих! Эта цепь будет кормить его и его семью целые годы!.. Позвольте передать ее ему?

Венгерович 2. Нет... С удовольствием отдал бы, но, честное слово, не могу! Это подарок, сувенир...

Платонов. Да, да... Убирайтесь!

Венгерович 2 (*поднимает цепь*). Отстаньте, пожалуйста! (*Идет и в глубине сцены, утомленный, садится на полотно железной дороги и закрывает руками лицо.*)

Платонов. Пошлость! Быть молодым и в то же время не быть светлою личностью! Какая глубокая испорченность! (*Садится.*) Как противны нам люди, в которых мы видим хоть намек на свое нечистое прошлое! Я когда-то был немного похож на этого... Ох!

Слышен конский топот.

ЯВЛЕНИЕ VI

Платонов и Анна Петровна (*выходит в амазонке, с хлыстом в руке*).

Платонов. Генеральша!

Анна Петровна. Как мне его увидеть? Постучать разве? (*Увидев Платонова.*) Вы здесь? Как это кстати! Я знала, что вы еще не спите... Да и можно ли спать теперь? Для сна божья зима дал... Доброй ночи, человечина! (*Протягивает руку.*) Ну? Что же вы? Руку!

Платонов протягивает руку.

Анна Петровна. Вы не пьяны?

Платонов. А черт меня знает! Или трезв, или же пьян, как самый горький пьяница... Вы что же это? Прогуливаться с жиру изволите, почтеннейшая сомнамбула?

Анна Петровна (*садится рядом*). Н-да-с...

Пауза.

Да-с, милейший Михаил Васильич! (*Поет.*) Сколько счастья, сколько муки... (*Хочет.*) Какие большие, удивленные глаза! Полноте, не бойтесь, дружище!

П л а т о н о в. Я и не боюсь... за себя по крайней мере...

Пауза.

Вы, я вижу, ерундой вздумали заниматься...

А н н а П е т р о в н а. На старости лет...

П л а т о н о в. Старухам простительно... Те сдуру...

А вы какая старуха? Вы молоды, как лето в июне. Ваша жизнь впереди.

А н н а П е т р о в н а. Мне нужна жизнь теперь, а не впереди... А я молода, Платонов, ужас как молода! Чувствую... Так ветром и ходит по мне эта молодость! Чертовски молода... Холодно!

Пауза.

П л а т о н о в *(вскакивает)*. Не хочу ни понимать, ни угадывать, ни предполагать... Ничего не хочу! Идите! Назовите меня невеждой и оставьте меня! Прошу вас! Гм... Для чего смотреть так? Да вы... вы подумайте!

А н н а П е т р о в н а. Я уже думала...

П л а т о н о в. Вы подумайте, гордая, умная, прекрасная женщина! Куда и зачем вы пришли?! Ах...

А н н а П е т р о в н а. Не пришла, а приехала, мой милый!

П л а т о н о в. С таким умом, с такой красотой, молодостью... ко мне?! Глазам, ушам не верится... Пришла победить, взять крепость! Не крепость я! Не побеждать вы пришли... Я слабость, страшная слабость! Поймите вы!

А н н а П е т р о в н а *(встает и подходит к нему)*. Самоуничужение паче гордости... Как же быть, Мишель? Надо же чем-нибудь кончить? Согласись сам, что...

П л а т о н о в. Не буду я кончать, потому что я ничего не начинал!

А н н а П е т р о в н а. Э... философия гадкая! И тебе не стыдно лгать? В такую ночь, при таком небе... и лгать? Лги осенью, если хочешь, в грязь, в слякоть, но не теперь, не здесь... Тебя слышат, на тебя смотрят... Взгляни, чудак, вверх!

Пауза.

Вон и звезды мерцают, что ты лжешь... Полно, милый мой! Будь же хорошим, как всё это хорошо! Не нару-

шай своей маленькой особой этой тишины... Отгони от себя своих бесов! *(Обнимает его одной рукой.)* Нет другого, которого я любила бы так, как я тебя люблю! Нет женщины, которую ты любил бы так, как меня любишь... Возьмем себе одну только любовь, а остальное, что тебя так мучит, пусть решат другие... *(Целует его.)* Возьмем себе одну только любовь...

П л а т о н о в. Одиссей стоил того, чтоб ему пели сирены, но не царь Одиссей я, сирена! *(Обнимает ее.)* Если бы я мог дать тебе счастье! Как ты хороша! Но не дам я тебе счастье! Я сделаю из тебя то, что делал я из всех женщин, бросавшихся мне на шею... Я сделаю тебя несчастной!

А н н а П е т р о в н а. Как много ты о себе думаешь! Неужели ты так ужасен, Дон-Жуан? *(Хочет.)* Какой же ты хорошенький при лунном свете! Прелесть!

П л а т о н о в. Знаю я себя! Те только романы и оканчиваются благополучно, в которых меня нет...

А н н а П е т р о в н а. Сядем... Сюда вот... *(Садятся на полотно.)* Еще что скажешь, философ?

П л а т о н о в. Если бы я был честным человеком, я ушел бы от тебя... Я сегодня предчувствовал это, предвидел... Почему же я, негодяй, не ушел?

А н н а П е т р о в н а. Отгони от себя бесов, Мишель! Не отравляйся... Ведь к тебе женщина пришла, а не зверь... Лицо постное, на глазах слезы... Фи! Если тебе это не нравится, то я уйду... Хочешь? Я уйду, и всё останется по-старому... Идет? *(Хочет.)* Дуралей! Бери, хватай, хапай!.. Что тебе еще? Выкури всю, как папиросу, выжми, на кусочки раздоби... Будь человеком! *(Тормозит его.)* Смешной!

П л а т о н о в. Но разве ты моя? Разве ты про меня писана? *(Целует ее руки.)* Иди к другому, моя дорогая... Ступай к тому, который стоит тебя...

А н н а П е т р о в н а. Ах... Полно тебе молоть чепуху! Дело ведь очень просто: к тебе пришла женщина, которая тебя любит и которую ты любишь... Погода прелестная... Что может быть проще? К чему же тут эта философия, политика? Порисоваться разве хочешь?

П л а т о н о в. Гм... *(Встает.)* А если ты пришла пошалить мной, поразвратничать, покуралесить?.. Тогда что? Ведь я не гожусь во временнообязанные... Я не позволю играть собой! Ты не отделаешься от меня

Д) Ничего не говорите Александра Ивановича, Николай Иванович
 Я сама ей скажу! (а идет к Платонову и опускается перед ним,
 покалывая) Платонов! Улизь мал! Не воров! Не воров! По-
 ты не умир? (берет его за руки) Улизь мал!

Тришечкин Задрало, Сереза! Положили твои члены, а по-н
Вайшечел Да, да, да... (идет к Сафьян (Гарович))

Иван Иванович Забыли Господи... За грехи... За мои грехи.
 грешил, старый шут? убивал твари' божьи, по-
 северномовил, оцудал. Не вытертил Господи не

грошами, как отделалась от десятка!.. Слишком дорог я для интрижки... *(Хватает себя за голову.)* Уважать, любить тебя и в то же время... мелочь, пошлость, мещанская, плебейская игра!

А н н а П е т р о в н а *(подходит к нему)*. Ты меня любишь, уважаешь, для чего же ты, беспокойная душа, торгуешься со мной, говоришь мне эти мерзости? Для чего эти «если»? Я люблю... Я сказала тебе, и сам ты знаешь, что я тебя люблю... Что же тебе еще? Покоя мне... *(Кладет голову ему на грудь.)* Покоя... Пойми же наконец, Платонов! Я отдохнуть хочу... Забыться, и больше мне ничего не нужно... Ты не знаешь... Ты не знаешь, как тяжела для меня жизнь, а я... жить хочу!

П л а т о н о в. Не сумею я дать тебе покой!

А н н а П е т р о в н а. Сумею только не философствовать!.. Живи! Всё живет, всё движется... Кругом жизнь... Давай же и мы жить! Завтра решать вопросы, а сегодня, в эту ночь, жить, жить... Жить, Мишель!

Пауза.

Да что я в самом деле распелась перед тобой? *(Хочет.)* Скажите, пожалуйста! Я ною, а он и ломается!

П л а т о н о в *(хватает ее за руку)*. Послушай... В последний раз... Как честный человек говорю... Уйди!.. В последний раз! Уйди!

А н н а П е т р о в н а. Будто бы? *(Хочет.)* А ты не шутишь?.. Глупишь, брат! Теперь уж я тебя не оставлю! *(Бросается ему на шею.)* Слышишь? В последний раз говорю: не выпущу! Во что бы то ни стало, что бы там ни было! Хоть меня погуби, хоть сам пропади, а возьму! Жить! Тра-та-та-та... ра-ра-ра... Чего рвешься, чудак? Мой! Мели теперь свою философию!

П л а т о н о в. Еще раз... Как честный человек...

А н н а П е т р о в н а. Честью не взяла, силой возьму... Люби, коли любишь, а не строй из себя дурачка! Тра-та-та-та... Звон победы раздавайся... Ко мне, ко мне! *(Накидывает ему на голову черный платок.)* Ко мне!

П л а т о н о в. К тебе? *(Смеется.)* Нустая ты женщина! Добра ты себе не желаешь... Плакать ведь будешь! Мужем твоим я не буду, потому что не про меня ты писана, а играть собой не позволю... Посмотрим,

кто кем играть будет... Увидим... Заплачешь... Идем, что ли?

Анна Петровна (*хохочет*). Allons! (*Берет его под руку.*) Постой... Кто-то идет. Станем пока за дерево... (*Прячутся за дерево.*) В скюртуке кто-то, не мужик... Отчего ты в газеты передовых статей не пишешь? Ты славно бы писал... Не шутя.

Входит Трилецкий.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Трилецкий.

Трилецкий (*идет к школе и стучит в окно*). Саша! Сестренка! Сашурка!

Саша (*отворяет окно*). Кто здесь? Это ты, Коля? Чего тебе?

Трилецкий. Ты еще не спишь? Пусти меня, душечка, переночевать!

Саша. Сделай милость...

Трилецкий. Положишь меня в классной... Да пожалуйста, чтоб Мишель не узнал, что я у вас ночую: спать не даст своей философией! У меня голова ужасно кружится... Всё в глазах двоится... Стою перед одним окном, а мне кажется, что их два: в какое лезть? Комиссия! Хорошо, что я не женат! Будь я женат, мне показалось бы, что я двоеженец... Всё двоится! У тебя на двух шеях две головы! Кстати, между прочим... Там около срубленного дуба, что над речкой — знаешь? — я сморкался, козявочка, и выронил из платка сорок рублей... Поднимешь их, душечка, завтра пораньше... Поищи и возьми себе...

Саша. Их чуть свет плотники поднимут... Какой же ты разгильдяй, Коля! Ах, да! Чуть было не позабыла... Приходила жена лавочника и просила тебя убедительно, чтобы ты пришел к ним, как можно скорей... Ее муж внезапно заболел... В голову какой-то удар сделался... Иди скорей!

Трилецкий. Бог с ним совсем! Мне не до того... У меня у самого стреляет и в голове, и в брюхе... (*Лезет в окно.*) Посторонись...

Саша. Влезай скорей! Ногой меня зацепил... (*Запирает окно.*)

П л а т о н о в. Еще кого-то черти несут!

А н н а П е т р о в н а. Стой.

П л а т о н о в. Не держи... Уйду, если захочу!
Кто это?

А н н а П е т р о в н а. Петрин и Щербук.

Входят Петрин и Щербук, без сюртуков, покачиваясь.

На первом — черный цилиндр, на втором — серый.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Венгерович 2 (в глубине сцены), Платонов,
Анна Петровна, Петрин и Щербук.

П е т р и н. Виват, Петрин, кандидат прав! Ура! Где дорога? Куда зашли? Что это? (Хохочет.) Тут, Павочка, народное просвещение! Тут дураков учат бога забывать да людей надувать! Вот куда мы зашли... Гм... Так-с... Тут, брат, тот... как его, черт? — Платошка живет, цивилизованный человек... Пава, а где теперь Платошка? Выскажи мнение, не стыдись! С генеральшей дуэт поет? Ох, господи, твоя воля... (Кричит.) Глагольев дурак! Она ему нос натерла, а с ним удар сделался!

Щ е р б у к. Домой хочу, Герася... Спать хочется, страсть как! Шут с ними со всеми!

П е т р и н. А где наши сюртуки, Пава? К начальнику станции ночевать идем, а сюртуков нет... (Хохочет.) Девки сняли? Ах ты, кавалер, кавалер!.. Девки сюртуки снимали... (Вздыхает.) Эх, Пава, Павочка... Ты шампань пил? Небось, вот ты пьян теперь? А чье ты пил? Мое ты пил... И пил ты сейчас мое, и ел ты сейчас мое... На генеральше платье мое, на Сережке чулки мои... всё мое! Я им всё передавал! У самого каблучонки на сапожонках кривые... Всё им отдал, всё на них просадил, а что получил? Ты спроси, что я получил? Кукиш и позор... Да... Лакей за столом обносит да локтем норовит толкнуть, сама же как с свинством обращается...

П л а т о н о в. Надоело мне!

А н н а П е т р о в н а. Постой... Сейчас уйдут! Какой же скот этот Петрин! Как лжет! А та старая тряпка и верит...

Петрин. Жиду почета больше... Жид у изголовья, а мы у подножия ног... А почему? А потому, что жид больше денег дает... А на лбу роковые слова: продается с публичного торга!

Щербук. Это Некрасова... Говорят, помер Некрасов...

Петрин. Ладно же! Больше ни копейки! Слышишь? Ни копейки! Пусть старичок в могиле сердится... Пусть там себе с... гробокопателями! Шабаш! Протестую вексель! Завтра же! Я ее в грязь головой поставлю, неблагодарную!

Щербук. Она граф, барон! У нее генеральское лицо! А я... калмык и больше ничего... Меня пуцай Дуняша обожает... Какая дорога неровная! Шоссе бы надо со столбами телеграфическими... с колоколами... Дзинь, дзинь, дзинь...

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же без Петрина и Щербука.

Анна Петровна (*выходит из-за деревьев*).
Ушли?

Платонов. Ушли...

Анна Петровна (*берет его за плечи*).
Шествуем?

Платонов. Пойдем! Иду, но если бы ты знала, как мне не хочется идти!.. Пойду не я к тебе, а черт, который бьет меня теперь по затылку: иди, иди! Пойми же! Если моя совесть не принимает твоей любви, то только потому, что она глубоко убеждена в том, что ты делаешь непоправимую ошибку...

Саша (*в окно*). Миша, Миша! Где ты?

Платонов. Чёрт возьми!

Саша (*в окно*). Ах... Я вижу тебя... С кем это ты? (*Хохочет.*) Анна Петровна! Насилу я вас узнала! Вы такая черная! В чем это вы? Здравствуйте!

Анна Петровна. Здравствуйте, Александра Ивановна!

Саша. Вы в амазонке? Катаетесь, значит? Отличное дело! Ночь такая хорошая! Поедем и мы с тобой, Миша!

А н н а П е т р о в н а. Я уже накаталась, Александра Ивановна... Домой сейчас еду...

С а ш а. В таком случае, разумеется... Иди, Миша, в комнату!.. Я не знаю, право, что делать! С Колей дурно...

П л а т о н о в. С каким Колей?

С а ш а. С братом Николаем... Выпил, должно быть, много... Войди, пожалуйста! Заходите и вы, Анна Петровна! Я сбегая в погреб и сливок принесу... По стакану выпьем... Холодные сливки!

А н н а П е т р о в н а. Благодарю вас... Я сейчас домой еду... *(Платонову.)* Ступай... Я подожду...

С а ш а. А то бы я сбегала в погреб... Иди, Миша! *(Скрывается.)*

П л а т о н о в. Совершенно забыл о ее существовании... Верит-то, верит как?! Ступай... Я уложу ее спать и приду...

А н н а П е т р о в н а. Скорей же...

П л а т о н о в. Чуть-чуть скандала не было! Прощай пока... *(Идет в школу.)*

ЯВЛЕНИЕ X

А н н а П е т р о в н а, В е н г е р о в и ч 2 и потом О с и п.

А н н а П е т р о в н а. Сюрприз... И я совершенно забыла о ее существовании...

Пауза.

Жестоко... Впрочем, ему не в первый раз надувать эту бедную девочку!.. Э-э-э... грешить так грешить! Один только бог будет знать! Не впервой... Канальство! Жди теперь, пока он уложит ее спать!.. Час протянется, если не больше...

В е н г е р о в и ч 2 *(идет к ней)*. Анна Петровна... *(Падает перед ней на колени.)* Анна Петровна... *(Хватает ее за руки.)* Анна!

А н н а П е т р о в н а. Кто это? Кто вы? *(Нагинаяется к нему.)* Кто это? Вы, Исак Абрамыч? Вы ли? Что с вами?

В е н г е р о в и ч 2. Анна! *(Целует руку.)*

А н н а П е т р о в н а. Уйдите! Нехорошо так! Вы мужчина!

Бенгерович 2. Анна!

Анна Петровна. Полно вам цепляться!
Уйдите прочь! *(Пхает его в плечо.)*

Бенгерович 2 *(растягивается на земле).*
Ох! Глупо... глупо!

Осип *(входит).* Комедьянты! Это, бывает, не вы, ваше превосходительство? *(Кланяется.)* Как это вы попали в наши святые места?

Анна Петровна. Это ты, Осип? Здравствуй! Подсматриваешь? Шпионишь? *(Берет его за подбородок.)* Всё видел?

Осип. Всё.

Анна Петровна. А чего ты бледен так? а? *(Смеется.)* Ты влюблен в меня, Осип?

Осип. Это как вам угодно...

Анна Петровна. Влюблен?

Осип. Я вас не понимаю... *(Плачет.)* Я вас за святую почитал... Ежели б приказали в огонь лезть, в огонь бы полез...

Анна Петровна. Отчего ты в Киев не пошел?

Осип. Что мне Киев? Я вас за святую почитал... Для меня святей вас и людей не было...

Анна Петровна. Полно, дуралей... Носи опять ко мне зайчиков... Опять буду брать... Ну, прощай... Приходи завтра ко мне, и я тебе дам денег: по железной дороге в Киев поедешь... Идет? Прощай... Платонова у меня не смей трогать! Слышишь?

Осип. Вы мне с этой поры уж не указ...

Анна Петровна. Скажите, пожалуйста! Не прикажете ли мне в монастырь идти? Его дело!.. Ну, ну... Плачет... Маленький ты, что ли? Довольно... Когда он будет идти ко мне, то выстрелишь!..

Осип. В него?

Анна Петровна. Нет, в воздух... Прощай, Осип! Погромче выстрели! Выстрелишь?

Осип. Выстрелю.

Анна Петровна. Ну и умничек...

Осип. Только он к вам не пойдет... Он с женой теперь.

Анна Петровна. Толкуй... Прощай, душегуб! *(Убегает.)*

ЯВЛЕНИЕ XI

О с и п и В е н г е р о в и ч 2.

О с и п (*бьет шапкой оземь и плачет*). Кончено! Всё кончено, и чтоб оно провалилось сквозь землю!

В е н г е р о в и ч 2 (*лежа*). Что он говорит?

О с и п. Видел всю эту материю, слышал! Глаза лопались, в ушах кто-то здоровенным молотом колотил! Всё слышал! Ну как его не убить, ежели хочется в клочки его разорвать, слопать... (*Садится на насыпь задом к школе.*) Надо убить...

В е н г е р о в и ч 2. Что он говорит? Кого убить?

ЯВЛЕНИЕ XII

Т е ж е, П л а т о н о в и Т р и л е ц к и й.

П л а т о н о в (*выталкивает из школы Трилецкого*). Вон! Изволь сию же минуту отправляться к лавочнику! Марш!

Т р и л е ц к и й (*потягивается*). Лучше бы ты потянул меня завтра большой палкой, чем сегодня будить!

П л а т о н о в. Ты негодяй, Николай, негодяй! Понимаешь?

Т р и л е ц к и й. Что ж делать? Таким, значит, бог создал?

П л а т о н о в. А что если лавочник уже умер?

Т р и л е ц к и й. Если умер, то царство ему небесное, а если же еще продолжает борьбу за существование, то напрасно ты говоришь страшные слова... Не пойду я к лавочнику! Мне спать хочется!

П л а т о н о в. Пойдешь, скот! Пойдешь! (*Толкает его*). Я не дам тебе спать! Да что ты в самом деле? Что ты строишь из себя? Отчего ты ничего не делаешь? Ради чего ты здесь проедаешься, проводишь свои лучшие дни и бездельничаешь?

Т р и л е ц к и й. Пристал... Какой же ты, братец, право... клещ!

П л а т о н о в. Что ты за существо, скажи ты мне, пожалуйста? Это ужасно! Для чего ты живешь? Отчего ты не занимаешься наукой? Отчего не продолжаешь своего научного образования? Наукой отчего не занимаешься, животное?

Т р и л е ц к и й. Об этом интересном предмете поговорим, когда мне не будет спать хотеться, а теперь пусти меня спать... *(Чешется.)* Чёрт знает что! Ни с того, ни с сего: вставай, негодяй! Гм... Честные правила... Черт бы их съел, эти честные правила!

П л а т о н о в. Какому богу ты служишь, странное существо? Что ты за человек? Нет, не будет из нас толку! Нет, не будет!

Т р и л е ц к и й. Послушай, Михаил Васильич, кто дал тебе право запускать свои холодные лапищи в чужие сердца? Твоя бесцеремонность выше всяких удивлений, братец!

П л а т о н о в. Не выйдет из нас ничего, кроме лишаев земли! Пропавший мы народ! Гроша мы не стоим! *(Плачет.)* Нет человека, на котором могли бы отдохнуть глаза! Как всё пошло, грязно, истаскано... Поди прочь, Николай! Уйди!

Т р и л е ц к и й *(пожимает плечами)*. Плачешь?

Пауза.

Я пойду к лавочнику! Слышишь? Я пойду!

П л а т о н о в. Как хочешь!

Т р и л е ц к и й. Пойду! Иду вот...

П л а т о н о в *(стучит ногами)*. Пошел прочь!

Т р и л е ц к и й. Хорошо... Ложись-ка спать, Мишель! Не стоит волноваться! Прощай! *(Идет и останавливается.)* На прощанье одно слово... Посоветуй всем проповедникам, в том числе и самому себе, чтобы слово проповедническое клеилось с делами проповедника... Если твои глаза не умеют отдохнуть на тебе самом, то не моги требовать от меня отдыха для твоих глаз, которые, à propos ¹, очень хороши у тебя при лунном свете! Они блестят у тебя, как зеленые стеклышки... И еще вот что... С тобой бы говорить не следовало... Тебя бы избить страшно, изломать на куски, разорвать бы с тобой навсегда за ту девочку... Сказать бы тебе то, чего ты отродясь не слышал! Но... не умею! Я плохой дуэлист! И это твое счастье!..

Пауза.

Прощай! *(Уходит.)*

---

¹ кстати *(франц.)*.

Платонов, Венгерович 2 и Осип.

Платонов (*хватает себя за голову*). Не один я таков, все таковы! Все! Где же люди, боже мой? Я-то каков! Не ходи к ней! Она не твоя! Это чужое добро! Испортишь ее жизнь, исковеркаешь навсегда! Уйти отсюда! Нет! Буду у ней, буду здесь жить, буду пьянствовать, языничать... Развратные, глупые, пьяные... Вечно пьяные! Глупая мать родила от пьяного отца! Отец... мать! Отец... О, чтоб у вас там кости так переверорочились, как вы спьяна и сдуру переверорочили мою бедную жизнь!

Пауза.

Нет... Что я сказал? Бог простит... Царство небесное... (*Натаживается на лежащего Венгеровича.*) Это кто?

Венгерович 2 (*поднимается на колени*). Дикая, безобразная, позорная ночь!

Платонов. Аааа... Пойди и запиши эту дикую ночь в свой дурацкий дневник чернилами из отцовской совести! Прочь отсюда!

Венгерович 2. Да... Запишу! (*Уходит.*)

Платонов. Что он здесь делал? Подслушивал? (*Осипу.*) Ты кто? Ты зачем здесь, вольный стрелок? Тоже подслушивал? Прочь отсюда! Или постой... Догони Венгеровича и сними с него цепь!

Осип (*встает*). Какую цепь?

Платонов. У него на груди висит большая золотая цепь! Догони его и сними! Живей! (*Стучит ногами.*) Скорей, а то не догонишь! Он бежит теперь к деревне, как сумасшедший!

Осип. А вы к генеральше?

Платонов. Беги скорей, негодяй! Не бей его, а только сними цепь! Пшел! Чего стоишь? Беги!

Осип убегает.

(*После паузы.*) Идти... Идти или не идти? (*Вздыхает.*) Идти... Пойду затяну длинную, в сущности скучную, безобразную песню... Я же думал, что я хожу в прочной броне! А что же оказывается? Женщина сказала слово, и во мне поднялась буря... У людей мировые вопросы, а у меня женщина! Вся жизнь —

женщина! У Цезаря — Рубикон, у меня — женщина... Пустой бабник! Не жалко было бы, если бы не боролся, а то ведь борюсь! Слаб, бесконечно слаб!

С а ш а *(в окно)*. Миша, ты здесь?

П л а т о н о в. Здесь, мое бедное золото!

С а ш а. Иди в комнату!

П л а т о н о в. Нет, Саша! Я хочу побыть на воздухе. У меня голова трещит. Спи мой ангел!

С а ш а. Спокойной ночи! *(Закрывает окно.)*

П л а т о н о в. Тяжело надувать того, кто верит безгранично! Я и всотел и покраснел... Иду! *(дет.)*

Навстречу ему идут К а т я и Я к о в.

ЯВЛЕНИЕ XIV

П л а т о н о в, К а т я и Я к о в.

К а т я *(Якову)*. Постой здесь... Я сейчас... Только книгу возьму... Не уйди же, смотри! *(Идет навстречу Платонову.)*

П л а т о н о в *(увидев Катю)*. Ты? Что тебе?

К а т я *(испугавшись)*. Ах... это вы? Мне вас нужно.

П л а т о н о в. Это ты, Катя? Все, начиная с барыни и кончая горничной, все — ночные птицы! Что тебе?

К а т я *(тихо)*. Вам барыня письмо прислала.

П л а т о н о в. Что?

К а т я. Вам барыня письмо прислала!

П л а т о н о в. Что врешь? Какая барыня?

К а т я *(тише)*. Софья Егоровна...

П л а т о н о в. Что? Ты с ума сошла? Окати себя холодной водой! Пошла вон отсюда!

К а т я *(подаёт письмо)*. Вот оно!

П л а т о н о в *(вырывает письмо)*. Письмо... письмо... Какое письмо? Нельзя было завтра принести? *(Распечатывает.)* Как же я его буду читать?

К а т я. Просили как можно скорей...

П л а т о н о в *(зажигает спичку)*. Чёрт вас носит! *(Читает.)* «Я делаю первый шаг. Иди, сделаем его вместе. Я воскресаю. Иди и бери. Твоя». Чёрт знает... Телеграмма какая-то! «Жду до четырех часов в беседке около четырех столбов. Пьяный муж уехал с молодым

Глагольевым на охоту. Вся твоя С.». Этого еще недоста-
вало! Боже мой! Этого еще недоставало! *(Кате.)*
Что смотришь?

К а т я. Как же мне не смотреть, если у меня глаза
есть?

П л а т о н о в. Выколи себе свои глаза! Это ко
мне письмо?

К а т я. К вам-с...

П л а т о н о в. Врешь! Прочь отсюда!

К а т я. Слушаю-с.

Уходит с Яковом.

ЯВЛЕНИЕ XV

П л а т о н о в *(один)*.

П л а т о н о в *(после паузы)*. Вот они, последствия...
Доигрался малый! Исковеркал женщину, живое суще-
ство, так, без толку, без всякой на то надобности...
Проклятый язык! Довел до чего... Что теперь делать?
А ну-ка, мудрая ты голова, подумай! Брани себя те-
перь, рви волосы... *(Думает.)* Ехать! Сейчас же ехать
и не смей показываться сюда до самого страшного
суда! Марш отсюда на все четыре стороны, в ежовые
рукавицы нужды, труда! Лучше худшая жизнь, чем
эта с этой историей!

Пауза.

Еду... Но... неужели Софья на самом-таки деле любит
меня? Да? *(Смеется.)* За что? Как всё темно и странно
на этом свете!

Пауза.

Странно... Неужели эта прекрасная, мраморная женщи-
на с чудными волосами в состоянии полюбить нищего
чудака? Неужели любит? Невероятно! *(Зажигает спич-
ку и пробегает письмо.)* Да... Меня? Софья? *(Хочет.)*
Любит? *(Хватает себя за грудь.)* Счастье! Да ведь это
счастье! Это мое счастье! Это новая жизнь, с новыми
лицами, с новыми декорациями! Иду! Марш в беседку
около четырех стелбов! Жди, моя Софья! Была ты и
будешь моей! *(Идет и останавливается.)* Не найду!
(Идет обратно.) Разбивать семью? *(Кричит.)* Саша,

иду в комнату! Отвори! *(Хватает себя за голову.)*
Не пойду, не пойду... не пойду!

Пауза.

Пойду! *(Идет.)* Иди, разбивай, топчи, оскверняй...
(Сталкивается с Войницевым и Глагольевым 2.)

ЯВЛЕНИЕ XVI

Платонов, Войнецев и Глагольев 2.
Войнецев и Глагольев 2 вбегают с ружьями через
спину.

Войнецев. Вот он! Вот он! *(Обнимает Платоно-
ва.)* Ну? На охоту едем!

Платонов. Нет... Постой!

Войнецев. Что рвешься, друг? *(Хочет.)*
Пьян, я пьян! Первый раз в жизни пьян! Боже мой, как
я счастлив! Друг мой! *(Обнимает Платонова.)* Едем?
Она послала меня... Приказала настрелять для нее
дичи...

Глагольев 2. Скорей едемте! Уже светает...

Войнецев. Ты слышал, что мы выдумали? Не
гениально разве? Мы думаем Гамлета сыграть! Честное
слово! Такой театр удерем, что даже чертей затошнит!
(Хочет.) Как ты бледен... И ты пьян?

Платонов. Пусти... Пьян.

Войнецев. Постой... Моя идея! Завтра же начи-
наем декорации писать! Я — Гамлет, Софи — Офелия,
ты — Клавдий, Трилецкий — Горацио... Как я счаст-
лив! Доволен! Шекспир, Софи, ты и татап! Больше
мне ничего не нужно! Впрочем, еще Глинка. Ничего
больше! Я Гамлет...

И этому злодею,
Стыд женщины, супруги, матери забыв,
Могла отдаться ты!..

(Хочет.) Чем не Гамлет?

Платонов *(вырывается и бежит)*. Подлец!
(Убегает.)

Войнецев. Тюлюлю! Пьян! Важно! *(Хочет.)*
Каков наш друг?

Г л а г о л ь е в 2. Наспиртован... Едем!

В о й н и ц е в. Едем... И вы были бы моим другом, если бы... Офелия! О нимфа, помяни мои грехи в твоих святых молитвах!

Уходят.

Слышен шум идущего поезда.

ЯВЛЕНИЕ XVII

О с и п и потом С а ш а.

О с и п (*вбегают с цепью*). Где он? (*Оглядывается.*) Где он? Ушел? Нет его? (*Свистит.*) Михаил Васильич! Михаил Васильич! Ау!

Пауза.

Нет? (*Подбегает к окну и стучит.*) Михаил Васильич! Михаил Васильич! (*Разбивает стекло.*)

С а ш а (*в окно*). Кто здесь?

О с и п. Позовите Михаила Васильича! Скорей!

С а ш а. Что случилось? Его нет в комнате!

О с и п (*кричит*). Нет? Пошел к генеральше, значит! Генеральша здесь была и к себе его звала! Всё пропало, Александра Ивановна! К генеральше пошел он, проклятый!

С а ш а. Лжешь!

О с и п. Накажи меня господь, к генеральше! Всё слышал и видел! Они тут обнимались, целовались...

С а ш а. Лжешь!

О с и п. Чтоб ни отцу моему, ни матери не увидеть царства небесного, коли вру! К генеральше! От жены ушел! Догоните его, Александра Ивановна! Нет, нет... Всё пропало! И вы несчастная теперь! (*Снимает с плеч ружье.*) Она приказала мне в последний раз, а я исполняю в последний раз! (*Стреляет в воздух.*) Пусть встречает! (*Бросает ружье на землю.*) Зарежу его, Александра Ивановна! (*Перепрыгивает через насыпь и садится на пень.*) Не беспокойтесь, Александра Ивановна... не беспокойтесь... Я его зарежу... Не сомневайтесь...

Показываются огни.

С а ш а *(выходит в ночной кофточке, с распущенными волосами)*. Ушел... Обманул... *(Рыдает.)* Пропала я... Убей меня, господи, после этого...

Свисток.

Под машину лягу... Не хочу я жить... *(Ложится на рельсы.)* Обманул... Убей меня, божья мать!

Пауза.

Прости, господи... Прости, господи... *(Вскрикивает.)* Коля! *(Поднимается на колени.)* Сын! Спасите! Спасите! Вот она, машина, идет!.. Спасите!

Осип подскакивает к Саше.

(Падает на рельсы.) Ах...

О с и п *(берет ее и несет в школу)*. Зарежу... Не беспокойтесь!

Идет поезд.

К о н е ц   в т о р о г о   д е й с т в и я

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната в школе. Направо и налево двери. Шкаф с посудой, комод, старый фортепиан, стулья, диван, обитый клеенкой, гитара и т. п. Полный беспорядок

ЯВЛЕНИЕ I

Софья Егоровна и Платонов.

Платонов спит на диване, у окна. Лицо закрыто соломенной шляпой.

Софья Егоровна *(будит Платонова)*. Платонов! Михаил Васильич! *(Толкает его.)* Проснись! Мишель! *(Снимает с его лица шляпу.)* Можно ли класть на лицо такую грязную шляпу? Фи, какой неряха, нечистот! Запонки растерял, спит с открытой грудью, неумытый, в грязной сорочке... Мишель! Тебе говорят! Вставай!

Платонов. А?

Софья Егоровна. Проснитесь!

Платонов. После... Хорошо...

Софья Егоровна. Будет тебе! Изволь подняться!

Платонов. Кто это? *(Поднимается.)* Это ты, Софья?

Софья Егоровна *(подносит к его глазам часы.)* Взгляните!

Платонов. Хорошо... *(Ложится.)*

Софья Егоровна. Платонов!

Платонов. Ну, чего тебе? *(Поднимается.)*
Ну?

Софья Егоровна. Взгляните на часы!

Платонов. Что такое? Опять ты, Софья, с причудами!

Софья Егоровна. Да, я опять с причудами,

Михаил Васильич! Извольте взглянуть на часы!
Который теперь час?

Платонов. Половина восьмого.

Софья Егоровна. Половина восьмого...
А условие забыли?

Платонов. Какое условие? Выражайся ясней,
Софья! Я не расположен сегодня ни шутить, ни решать
ерундистые загадки!

Софья Егоровна. Какое условие? А ты забыл?
Что с тобой? У тебя глаза красные, ты весь измят...
Ты болен?

Пауза.

Условие: быть сегодня обоим в шесть часов в избе...
Забыл? Шесть часов прошло...

Платонов. Дальше что?

Софья Егоровна *(садится рядом)*. И тебе не стыдно?
Отчего ты не приходил? Ты дал честное слово...

Платонов. Я и сдержал бы это слово, если бы
не уснул... Ведь ты видишь, что я спал? Что же пристаешь?

Софья Егоровна *(качает головой)*. Какой же ты недобросовестный человек! Что злобно смотришь?
Недобросовестный по отношению ко мне, по крайней мере...
Подумай-ка... Являлся ли ты хоть раз вовремя на наши свидания?
Сколько раз не сдерживал ты данного мне честного слова!

Платонов. Очень рад это слышать!

Софья Егоровна. Неумно, Платонов, стыдно! Зачем ты перестаешь быть благородным, умным, самим собой, когда я с тобою?
Для чего эти плебейские выходки, не достойные человека, которому я обязана спасением своей духовной жизни?
При мне держишь ты себя каким-то уродом... Ни ласкового взгляда, ни нежного слова, ни одного слова любви!
Прихожу к тебе — от тебя пахнет вином, одет ты безобразно, не причесан, отвечаешь дерзко и невпопад...

Платонов *(вскакивает и шагает по сцене)*. Пришла!

Софья Егоровна. Ты пьян?

Платонов. Вам какое дело?

Софья Егоровна. Как это мило! *(Плачет.)*

Платонов. Женщины!!

Софья Егоровна. Не говори мне про женщин! Тысячу раз на день ты говоришь мне о них! Надоело! *(Встает.)* Что ты делаешь со мной? Ты уморить меня хочешь? Я больна через тебя! У меня день и ночь грудь болит по твоей милости! Ты этого не видишь? Знать ты этого не хочешь? Ты ненавидишь меня! Если бы ты любил меня, то не смел бы так обращаться со мной! Я не какая-нибудь простая девчонка для тебя, неотесанная, грубая душа! Я не позволю какому-нибудь... *(Садится.)* Ради бога! *(Плачет.)*

Платонов. Довольно!

Софья Егоровна. За что ты убиваешь меня? Не прошло и трех недель после той ночи, а я уже стала походить на щенку! Где же обещанное тобою счастье? Чем кончатся эти твои выходки? Подумай, умный, благородный, честный человек! Подумай, Платонов, пока еще не поздно! Думай вот сейчас... Сядь вот на это стуло, выкинь всё из головы и подумай только об одном: что ты делаешь со мной?

Платонов. Я не умею думать.

Пауза.

А вот ты подумай! *(Подходит к ней.)* Ты подумай! Я лишил тебя семьи, благополучия, будущности... За что? К чему? Я ограбил тебя, как самый злейший враг твой! Что я могу тебе дать? Чем я могу заплатить тебе за твои жертвы? Этот незаконный узел твое несчастье, твое *minimum*, твоя гибель! *(Садится.)*

Софья Егоровна. Я сошлась с ним, а он смеет называть эту связь незаконным узлом!

Платонов. Э-э... Не время теперь придирааться к каждому слову! У тебя свой взгляд на эту связь, у меня свой... Я погубил тебя, вот и всё! Да и не тебя одну... Подожди, что еще запоет твой муж, когда узнает!

Софья Егоровна. Ты боишься, чтобы он не наделал тебе неприятностей?

Платонов. Этого я не боюсь... Я боюсь, чтобы мы его не убили...

Софья Егоровна. Зачем же ты, малодушный трус, шел тогда ко мне, если ты знал, что мы убьем его?

Платонов. Пожалуйста, не так... патетично!

Меня не проймешь грудными нотами... А зачем ты... Впрочем... *(махнет рукой)* говорить с тобой значит проливать твои слезы...

Софья Егоровна. Да, да... Никогда я не плакала, пока не сошлась с тобой! Бойся, дрожи! Он уже знает!

Платонов. Что?

Софья Егоровна. Он уже знает.

Платонов *(поднимается)*. Он?!

Софья Егоровна. Он... Я сегодня утром объяснилась с ним...

Платонов. Шутки...

Софья Егоровна. Побледнел?! Тебя бы ненавидеть нужно, а не любить! Я с ума сошла... Я не знаю, за что... за что я люблю тебя? Он уж знает! *(Треплет его за рукав.)* Дрожи же, дрожи! Он всё знает! Клянусь тебе честью, что он всё знает! Дрожи!

Платонов. Быть не может! Не может быть этого!

Пауза.

Софья Егоровна. Он всё знает... Нужно же было когда-нибудь сделать это?

Платонов. Отчего же ты дрожишь? Как ты объяснилась с ним? Что ты ему сказала?

Софья Егоровна. Я объявила ему, что я уже... что не могу...

Платонов. Он же что?

Софья Егоровна. Был похож на тебя... Испугался! А как невыносимо твое лицо в настоящую минуту!

Платонов. Что он сказал?

Софья Егоровна. Он сперва думал, что я шучу, но когда убедился в противном, то побледнел, зашатался, заплакал, начал ползать на коленях... У него было такое же противное лицо, как у тебя теперь!

Платонов. Что ты наделала, мерзкая?! *(Хватает себя за голову.)* Ты убила его! И ты можешь, и ты смеешь говорить это так хладнокровно? Ты убила его! Ты... назвала меня?

Софья Егоровна. Да... Как же иначе?

Платонов. Он же что?

Софья Егоровна (*вскакивает*). Постыдись же, наконец, Платонов! Ты не знаешь, что ты говоришь! По-твоему, значит, не нужно было говорить?

Платонов. Не нужно! (*Ложится на диван лицом вниз.*)

Софья Егоровна. Честный человек, что ты говоришь?

Платонов. Честнее было бы не говорить, чем убивать! Мы убили его! Он заплакал, ползал на коленях... Ах! (*Вскакивает.*) Несчастный человек! Если бы не ты, он до самой смерти не узнал бы о нашей связи!

Софья Егоровна. Я обязана была объяснить с ним! Я честная женщина!

Платонов. Знаешь, что ты наделала этим объяснением? Ты рассталась с мужем навсегда!

Софья Егоровна. Да, навсегда... Как же иначе? Платонов, ты начинаешь говорить как... подлец!

Платонов. Навсегда... Что же будет с тобой, когда мы разойдемся? А мы скоро разойдемся! Ты первая перестанешь заблуждаться! Ты первая откроешь глаза и оставишь меня! (*Машет рукой.*) Впрочем... делай, Софья, что хочешь! Ты честней и умней меня, возьми же всю эту нехстати заваренную кашу в свое распоряжение! Делай и говори ты! Воскрешай меня, если можешь, поднимай меня на ноги! Скорее только, ради бога, а то я сойду с ума!

Софья Егоровна. Мы завтра уезжаем отсюда.

Платонов. Да, да, едем... Скорей только!

Софья Егоровна. Надо увезти тебя отсюда... Я написала о тебе матери. Мы к ней поедem...

Платонов. К кому хочешь!.. Делай, что знаешь!

Софья Егоровна. Мишель! Ведь новая же жизнь... Пойми ты это!.. Слушайся, Мишель, меня! Пусть всё будет по-моему! У меня свежей голова, чем у тебя! Верь мне, мой дорогой! Я подниму тебя на ноги! Я повезу тебя туда, где больше света, где нет этой грязи, этой пыли, лени, этой грязной сорочки... Я сделаю из тебя человека... Счастье я тебе дам! Пойми же...

Пауза.

Я сделаю из тебя работника! Мы будем людьми, Мишель! Мы будем есть свой хлеб, мы будем проливать пот, натирать мозоли... *(Кладет голову ему на грудь.)*
Я буду работать...

П л а т о н о в. Где ты будешь работать? Не такие есть женщины, как ты, посильнее, да и те валятся, как снопы, от безделья! Не умеешь ты работать, да и что ты будешь работать? Наше положение, Соня, таково теперь, что полезнее было бы рассуждать здраво, а не утешать себя иллюзиями... Впрочем, как знаешь!

С о ф ь я Е г о р о в н а. Увидишь! Есть женщины не такие, как я, но я сильнее их... Веруй же, Мишель! Я освещу путь твой! Ты воскресил меня, и вся жизнь моя будет благодарностью... Едем завтра? Да? Я сейчас пойду в дорогу собираться... Собирайся и ты... В десять часов приходи в избу и приноси свои вещи... Придешь?

П л а т о н о в. Приду.

С о ф ь я Е г о р о в н а. Дай мне честное слово, что ты придешь!

П л а т о н о в. А-а-а... Сказал же!

С о ф ь я Е г о р о в н а. Дай честное слово!

П л а т о н о в. Честное слово... Божусь... Уедем!

С о ф ь я Е г о р о в н а *(смеется)*. Верю, верю! Даже раньше приходи... Я раньше десяти часов буду готова... А ночью и покатим! Заживем, Мишель! Счастья своего ты не понимаешь, глупый человек! Ведь это наше счастье, наша жизнь!.. Завтра же ты будешь другим человеком, свежим, новым! Задышим новым воздухом, потечет в наших жилах новая кровь... *(Хочет.)* Прочь, ветхий человек! На тебе руку! Жми ее! *(Подает руку.)*

Платонов целует руку.

С о ф ь я Е г о р о в н а. Приходи же, мой тюлень! Я буду ждать... Не хандри... Прощай пока! Я живо соберусь!.. *(Целует его.)*

П л а т о н о в. Прощай... В одиннадцать или в десять?

С о ф ь я Е г о р о в н а. В десять... Даже раньше приходи! Прощай! Оденься на дорогу поприличней... *(Смеется.)* Денежки у меня есть... Дорогой и поужинаем... Прощай! Пойду собираться... Будь же весел! В десять часов жду! *(Убегает.)*

ЯВЛЕНИЕ II

П л а т о н о в (один).

П л а т о н о в (после паузы). Не новая песня... Сто раз слышал...

Пауза.

Напишу ему и Саше по письму... Пусть поплачут, простят и забудут!.. Прощай, Войницевка! Прощай всё! И Саша, и генеральша... (Открывает шкаф.) Завтра я уже новый человек... Страсть какой новый! Во что белье взять? У меня нет чемодана... (Наливает вино.) Прощай, школа! (Пьет.) Прощайте, мои ребята-тишки! Исчезает ваш плохой, но добрый Михаил Васильич! Это я пил сейчас? Для чего? Больше не стану пить... Это в последний раз... Сяду писать Саше... (Ложится на диван.) Софья искренно верит... Блаженни верующие!.. Смейся, генеральша! А ведь генеральша смеяться будет! Хохотать будет!.. Да! От нее, кажется, письмо было... Где оно? (Достает с окна письмо.) Сотое письмо, если не двухсотое после дикой ночи... (Читает.) «Вы, Платонов, не отвечающий на мои письма, неделикатный, жестокий, глупый невежда! Если и это письмо оставите без внимания, не явитесь, то, так и быть уж, сама явлюсь к вам, черт с вами! Жду целый день. Глупо, Платонов! Можно подумать, что вам стыдно той ночи. Забудем ее, если уж на то пошло! Сергей и Софья ведут себя прескверно — конец месяцу, вымазанному диким медом. А всё потому, что нет красноречивого болванчика с ними. Вы болванчик. До свиданья!»

Пауза.

А почерк-то какой! Аккуратный, смелый... Запятые, точки, ять, е — всё на своем месте... Женщина, правильно пишущая, редкое явление...

Входит М а р к о.

Надо будет ей письмо написать, а то придет, пожалуй... (Увидев Марко.) Явление...

Платонов и Марко.

Платонов. Милости просим! Кого надобно?
(Поднимается.)

Марко. К вашему благородию... (Вынимает из сумки повестку.) Повесточку к вашей милости...

Платонов. А... Очень приятно. Какую повесточку? Ты от кого?

Марко. От Ивана Андреича, мирового судьи-с...

Платонов. Гм... От мирового? На что я ему сдался? Дай сюда! (Берет повестку.) Не понимаю... На крестины зовет, что ли? Плодовит как саранча, старый грешник! (Читает.) «В качестве обвиняемого по делу об оскорблении действием дочери статского советника Марьи Ефимовны Грековой». (Хочет.) Ах, черт возьми! Bravo! Чёрт возьми! Bravo, клоповый эфир! Когда будет разбираться это дело? Послезавтра? Приду, приду... Скажи, старче, что приду... Умница, ей-богу, умница! Молодец девка! Вот давно бы так и следовало!

Марко. Извольте расписаться-с!

Платонов. Расписаться? Изволь... Ужасно ты, братец, на подстреленную утку похож!

Марко. Никак нет-с...

Платонов (садится за стол). На кого же ты похож?

Марко. На образ и подобие божие-с...

Платонов. Так... Николаевский?

Марко. Точно так... После Севастопольской кампании-с отставку получил... Сверх службы четыре года в госпитале пролежал... Унтер-офицер... Я по артиллерии-с...

Платонов. Так... Хороши были пушки?

Марко. Обнаковенные... Круглого диаметра...

Платонов. Карандашом можно?

Марко. Можно-с... Получил сию повестку таковой-то. Имя, отчество и фамилия.

Платонов (встает). Получи. Пять раз расписался. Ну что твой мировой? Играет?

Марко. Так точно.

Платонов. От пяти часов вечера до пяти часов вечера?

Марко. Точно так.

Платонов. Цепи своей еще не проиграл?

Марко. Никак нет-с.

Платонов. Скажи ему... Впрочем, ничего не говори ему... Карточных долгов, разумеется, не платит... Играет, глупец, должника, а у самого детей целая куча... Ведь такая она умница, ей-богу! Не ожидал, совсем не ожидал! Свидетелями же кто? Кому еще есть повестки?

Марко *(перебирает повестки и читает)*. «Господину доктору Николаю Иванычу Трилецкому-с»...

Платонов. Трилецкому? *(Хочет.)* Можно будет комедь удрать! А еще кому?

Марко *(читает)*. «Господину Кириллу Порфирьичу Глагольеву-с, господину Альфонсу Иванычу Шрифтеру, его благородию господину отставному гвардии корнету Максиму Егорычу Алеутову-с, сыну действительного статского советника господину гимназисту Ивану Талье, господину кандидату Санкт-Петербургского неперситета»...

Платонов. Там так и написано «неперситета»?

Марко. Никак нет-с...

Платонов. Зачем же ты так читаешь?

Марко. По невежеству-с... *(Читает.)* «...уни... уни... неперситета Сергею Павлычу... Павловичу Войницеву, жене кандидата Санкт-Петербургского уни...неперситета Софье Егоровне госпоже Войницевой, господину студенту Харьковского неперситета Исаку Абрамычу Венгеровичу». Все-с!

Платонов. Гм... Это послезавтра, а завтра ехать нужно... Жалко. Вот был бы, воображаю, процесс... Гм... Экая досада! Доставил бы ей удовольствие... *(Ходит по сцене.)* Досада...

Марко. На чаек бы с вашего благородия...

Платонов. А?

Марко. На чаек бы... Шесть верст шел-с...

Платонов. На чаек? Не нужно... Впрочем, что я говорю? Хорошо, мой милый! На чаек я тебе не дам, а я тебе лучше чайку дам... И мне выгоднее, да и для тебя трезвее... *(Вынимает из шкафа чайницу.)* Подойди сюда... Чай хороший, крепкий... Хоть не сорокаградусный, но крепкий... Во что же тебе дать?

Марко *(подставляет карман)*. Сыпьте-с...

Платонов. Прямо в карман? А не провоняет?

Марко. Сыпьте-с, сыпьте-с... Не сомневайтесь...

Платонов *(сыплет чай)*. Довольно?

Марко. Благодарим покорно...

Платонов. Какой же ты старей... Люблю я вас, старых солдатиков!.. Душа вы народ!.. Но и между вами встречаются иногда такие ужасные...

Марко. Всякие бывают-с... Один господь без греха... Счастливо оставаться!

Платонов. Постой... Сейчас... *(Садится и пишет на повестке.)* «Тогда целовал, потому что... потому что был раздражен и не знал, чего хотел, теперь же поцеловал бы, как святыню. Гадок был с вами, сознаю. Со всеми я гадок. На суде, к сожалению, не увидимся. Завтра уезжаю навсегда. Будьте счастливы и будьте хоть вы справедливы ко мне! Не прощайте!» *(Марку.)* Знаешь, где Грекова живет?

Марко. Знаю-с. Двенадцать верст отсюда, если пройти реку бродом-с.

Платонов. Ну да... В Жилкове... Отнеси ты ей это письмо, и ты получишь три целковых. Барышне прямо отдашь... Ответа не нужно... Будет давать, не бери... Сегодня же отнесешь... Сейчас... Отнесешь, а потом уж разнесешь повестки. *(Ходит по сцене.)*

Марко. Понимаю.

Платонов. Еще что? Да! Будешь говорить всем, что я у Грековой прощения просил и что она меня не простила.

Марко. Понимаю. Счастливо оставаться!

Платонов. Прощай, друг! Будь здоров!

Марко уходит.

ЯВЛЕНИЕ IV

Платонов *(один)*.

Платонов. С Грековой, значит, квиты... На всю губернию осрамит... Так и следует... Первый раз в жизни меня наказывает женщина... *(Ложится на диван.)* Им пакостишь, а они тебе на шею вешаются... Софья, например... *(Закрывает платком лицо.)* Был свободен, как ветер, а теперь лежи вот здесь, мечтай... Любовь... Amo, amas, amat...¹ Связался... И ее погу-

¹ Я люблю, ты любишь, он любит... *(лат.)*

бил, и себя уважил... *(Вздыхает.)* Бедные Войницевы! А Саша? Бедная девочка! Как-то она заживет без меня? Зачахнет, умрет... Ушла, почувяла правду, ушла с ребенком, не сказав ни одного слова... Ушла после той же ночи... Проститься бы с ней...

А н н а П е т р о в н а *(в окно)*. Можно войти? Эй! Есть здесь кто-нибудь?

П л а т о н о в. Анна Петровна! *(Вскакивает.)* Генеральша! Что ей сказать! Ну зачем ей приходиться сюда, спрашивается? *(Поправляется.)*

А н н а П е т р о в н а *(в окно)*. Можно войти? Я вхожу! Слышите?

П л а т о н о в. Пришла! Каким образом не впустить ее? *(Причесывается.)* Как бы ее спровадить? Выпью, пока еще не вошла... *(Быстро отворяет шкаф.)* И за каким чертом... Не понимаю! *(Быстро выпивает.)* Хорошо, если она еще ничего не знает, ну а если знает? Покраснею...

ЯВЛЕНИЕ V

П л а т о н о в и А н н а П е т р о в н а.

А н н а П е т р о в н а входит.

Платонов медленно запирает шкаф.

А н н а П е т р о в н а. Мое почтение! Наше вам!

П л а т о н о в. Не запирается...

Пауза.

А н н а П е т р о в н а. Вы! Здравствуйте!

П л а т о н о в. Ах... Это вы, Анна Петровна?

Гardon, я и не заметил... Не запирается да и только... Странно... *(Роняет ключ и поднимает.)*

А н н а П е т р о в н а. Подходите же ко мне! Оставьте шкаф в покое! Оставьте!

П л а т о н о в *(подходит к ней)*. Здравствуйте...

А н н а П е т р о в н а. Что же это вы на меня не смотрите?

П л а т о н о в. Стыдно. *(Целует руку.)*

А н н а П е т р о в н а. Чего стыдно?

П л а т о н о в. Всего...

А н н а П е т р о в н а. Гм... Соблазнил кого-нибудь?

Платонов. Да, в этом роде...

Анна Петровна. Ай да Платонов! Кого же?

Платонов. Не скажу...

Анна Петровна. Сядем...

Садятся на диван.

Узнаем, молодой человек, узнаем... Чего же меня-то стыдиться? Ведь я вашу грешную душу давно уже знаю...

Платонов. Не спрашивайте, Анна Петровна! Не расположен я сегодня присутствовать на собственном допросе. Говорите, если хотите, но не спрашивайте!

Анна Петровна. Ладно. Письма получал?

Платонов. Да.

Анна Петровна. Отчего же не являлся?

Платонов. Не могу.

Анна Петровна. Отчего же не можете?

Платонов. Не могу.

Анна Петровна. Дуетесь?

Платонов. Нет. За что мне дуться? Не спрашивайте, ради бога!

Анна Петровна. Извольте мне отвечать, Михаил Васильич! Сядьте хорошенько! Отчего вы не являлись к нам в эти последние три недели?

Платонов. Болен был.

Анна Петровна. Лжете!

Платонов. Лгу. Не спрашивайте, Анна Петровна!

Анна Петровна. Как от вас винищем пахнет! Платонов, что это всё значит? Что с вами? На что вы стали похожи? Глаза красные, лицо скверное... Вы грязны, в комнатах грязь... Посмотрите вокруг себя, что это за безобразие? Что с вами? Вы пьете?

Платонов. Ужасно пью!

Анна Петровна. Гм... Прошлогодня история... В прошлом году соблазнил и до самой осени ходил мокрой курицей, так и теперь... Дон-Жуан и жалкий трус в одном теле. Не смей пить!

Платонов. Не буду...

Анна Петровна. Честное слово? Впрочем, для чего отягощать вас честным словом? *(Встает.)* Где ваше вино?

Платонов указывает на шкаф.

Стыдно, Миша, быть таким малодушным! Где ваш характер? *(Отпирает шкаф.)* А в шкафу-то какой беспорядок! Задаст же вам Александра Ивановна, когда воротится! Хотите, чтобы жена воротилась?

Платонов. Хочу только одного: не задавайте вопросов и не смотрите мне прямо в лицо!

Анна Петровна. В какой бутылке вино?

Платонов. Во всех.

Анна Петровна. Во всех пяти? Ах вы пьяница, пьяница! Да у вас в шкафу целое питейное заведение! Нужно, чтобы Александра Ивановна воротилась... Вы ей объясните как-нибудь... Я соперница не из ужасных... Подельчица... Не в моих планах разводить вас... *(Отпивает из бутылки.)* А вино вкусное... Идите-ка, выпьем немножко! Хотите? Выпьем да и больше пить не будем!

Платонов идет в шкаф.

Держите стакан! *(Льет вино.)* Дуйте! Больше не налью.

Платонов пьет.

А теперь и я выпью... *(Наливает.)* За здоровье плохих! *(Пьет.)* Плохой вы! Хорошее вино! У вас есть вкус... *(Подает ему бутылки.)* Держите-ка! Несите сюда! *(Идут к окну.)* Прощайтесь с вашим вкусным вином! *(Смотрит в окно.)* Выливать жалко... Еще раз выпить, а? Выпьем?

Платонов. Как хотите...

Анна Петровна *(наливает)*. Пейте... Скорей!

Платонов *(пьет)*. За ваше здоровье! Дай бог вам счастья!

Анна Петровна *(наливает и пьет)*. Скучал за мной? Сядем... Поставьте бутылки пока...

Садятся.

Скучал?

Платонов. Каждую минуту.

Анна Петровна. Отчего же не являлся?

Платонов. Не спрашивайте! Ничего я вам не скажу не потому, что я не откровенен с вами, а потому, что жалею ваши уши! Я пропадаю, совсем пропадаю,

моя дорогая! Угрызения совести, тоска, хандра... мука, одним словом! Вы пришли, и мне стало легче.

А н н а П е т р о в н а. Вы похудели, подурнели... Не терплю я этих романтических героев! Что вы строите из себя, Платонов? Разыгрываете героя какого романа? Хандра, тоска, борьба страстей, любовь с предисловиями... Фи! Держите себя по-человечески! Живите, глупый человек, как люди живут! Что вы за архангел такой, что вам не живется, не дышится и не сидится так, как обыкновенным смертным?

П л а т о н о в. Это говорить легко... Что же делать?

А н н а П е т р о в н а. Человек живет, мужчина то есть, живет и не знает, что ему делать! Странно! Что ему делать?! Извольте, я отвечу вам на ваш вопрос, как умею, хотя он и не стоит ответа, как вопрос праздный!

П л а т о н о в. Ничего вы не ответите...

А н н а П е т р о в н а. Во-первых, живите по-человечески, то есть, не пейте, не лежите, умывайтесь почаще и ходите ко мне, а во-вторых, будьте довольны тем, что имеете... Глупите, сэр! Мало вам вашего учительства? *(Встает.)* Пойдемте сейчас ко мне!

П л а т о н о в. Как? *(Встает.)* К вам идти? Нет, нет...

А н н а П е т р о в н а. Идемте! Людей увидите, поговорите, послушаете, побранитесь...

П л а т о н о в. Нет, нет... И не приказывайте!

А н н а П е т р о в н а. Почему же?

П л а т о н о в. Не могу, вот и всё!

А н н а П е т р о в н а. Можете! Надевайте вашу шляпу! Идемте!

П л а т о н о в. Не могу, Анна Петровна! Ни за что! Шага из дома не сделаю!

А н н а П е т р о в н а. Можете! *(Надевает на него шляпу.)* Глупишь, брат Платонов, шутишь! *(Берет его под руку.)* Ну? Раз, два!.. Идите, Платонов! Вперед!

Пауза.

Да ну же, Мишель! Идите!

П л а т о н о в. Не могу!

А н н а П е т р о в н а. Упрямится, точно молодой

бык! Начинайте шагать! Ну? раз, два... Мишель, голубчик, родненький, хорошенький...

П л а т о н о в *(вырывается)*. Не пойду я, Анна Петровна!

А н н а П е т р о в н а. Пойдем вокруг школы пройдемся!

П л а т о н о в. Зачем приставать? Ведь сказал же, что не пойду! Хочу сидеть дома, а потому и позвольте мне делать так, как я хочу!

Пауза.

Не пойду!

А н н а П е т р о в н а. Гм... Вот что, Платонов... Я вам займу немного денег, а вы уезжайте отсюда куда-нибудь на месяц, на два...

П л а т о н о в. Куда?

А н н а П е т р о в н а. В Москву, в Петербург... Идет? Поезжайте, Мишель! Вам более чем необходимо проветриться! Прокатайтесь, людей посмотрите, в театры сходите, освежитесь, проветритесь... Я вам <дам> денег, писем... Хочешь и я с тобой поеду? Хочешь? Покатаемся, нагуляемся... Приедем сюда обратно обновленными, сияющими...

П л а т о н о в. Прелестная идея, но, к несчастью, неисполнимая... Завтра я еду отсюда, Анна Петровна, но не с вами!

А н н а П е т р о в н а. Как хотите... Куда едете?

П л а т о н о в. Еду...

Пауза.

Навсегда уезжаю отсюда...

А н н а П е т р о в н а. Пустяки... *(Отпивает из бутылки.)* Вздор!

П л а т о н о в. Не пустяки, моя дорогая! Еду! Навсегда!!

А н н а П е т р о в н а. Для чего же, странный вы человек?

П л а т о н о в. Не спрашивайте! Ей-богу, навсегда! Уезжаю и... Прощайте, вот что! Не спрашивайте! Ничего вы не узнаете от меня теперь...

А н н а П е т р о в н а. Вздор!

П л а т о н о в. Сегодня только и видимся... Навсегда скроюсь... *(Берет ее за рукав и потом за плечо.)*

Забудьте дурака, осла, подлеца и мерзавца Платонова! Он провалится сквозь землю, стучуется... Встретимся, быть может, через десятки лет, когда оба будем в состоянии хохотать и старчески плакать над этими днями, а теперь... чёрт с ним! *(Целует руку.)*

А н н а П е т р о в н а. На-ка выпей! *(Наливает ему вина.)* Пьяному не грешно молоть чепуху...

П л а т о н о в *(выпивает)*. Не буду я пьян... Буду помнить, моя мать, моя хорошая фея!.. Никогда не забуду! Смейся, развитая, светлоголовая женщина! Завтра я бегу отсюда, бегу от самого себя, сам не знаю куда, бегу к новой жизни! Знаю я, что такое эта новая жизнь!

А н н а П е т р о в н а. Всё это прекрасно, но что с вами поделалось?

П л а т о н о в. Что? Я... После всё узнаете! Друг мой, когда вы ужаснетесь моему поступку, не проклинайте меня! Помните, что я уже почти что наказан... Расстаться с вами навсегда больше чем наказание... Чего улыбаетесь? Верьте! Честное слово, верьте! Так горько на душе, так скверно и подло, что рад был бы задушить себя!

А н н а П е т р о в н а *(сквозь слезы)*. Не думаю, чтобы вы были способны на ужасное что-нибудь... Вы мне напишете по крайней мере?

П л а т о н о в. Не посмею я написать к вам, да и вы сами не захотите читать моих писем! Безусловно навсегда... прощайте!

А н н а П е т р о в н а. Гм... Пропадете вы без меня, Платонов! *(Трет себе лоб.)* Я чуточку опьянела... Поедем вместе!

П л а т о н о в. Нет... Завтра всё узнаете и... *(Отворачивается к окну.)*

А н н а П е т р о в н а. Вам нужны деньги?

П л а т о н о в. Нет...

А н н а П е т р о в н а. А... помочь не могу?

П л а т о н о в. Не знаю. Пришлите сегодня мне вашу карточку... *(Оборачивается.)* Уходите, Анна Петровна, или я черт знает чего наделаю! Я разрыдаюсь, отколочу себя и... Уходите! Нельзя мне оставаться! Вам говорят русским языком! Чего же вы ждете? Я должен ехать, поймите вы это! Зачем же так смотреть? Для чего делать такое лицо?

А н н а П е т р о в н а. Прощайте... *(Подает руку.)*
Мы еще увидимся...

П л а т о н о в. Нет... *(Целует руку.)* Не нужно...
Уходите, моя родная... *(Целует руку.)* Прощайте...
Оставьте... *(Закрывает себе лицо ее рукой.)*

А н н а П е т р о в н а. Раскис, сердечный, растаял... Ну? Пустите руку... Прощайте! Выпьем на прощании, что ли? *(Наливает.)* Пейте!.. Счастливого пути, а после пути счастья!

Платонов пьет.

Остался бы, Платонов! А? *(Наливает и пьет.)* Важно пожили бы... Что за преступление такое? Возможно ли оно в Войницевке?

Пауза.

Налить еще с горя?

П л а т о н о в. Да.

А н н а П е т р о в н а *(наливает)*. Пей, душа моя...
Эх, черт возьми!

П л а т о н о в *(пьет)*. Будьте счастливы! Живите тут себе... И без меня можно...

А н н а П е т р о в н а. Пить так пить... *(Наливает.)* И пить умирать, и не пить умирать, так лучше же пить умирать... *(Пьет.)* Пьяница я, Платонов... А? Налить еще? Не нужно, впрочем... Язык свяжет, а чем тогда говорить будем? *(Садится.)* Нет ничего хуже, как быть развитой женщиной... Развитая женщина и без дела... Ну что я значу, для чего живу?

Пауза.

Поневоле безнравственная... Я безнравственная женщина, Платонов... *(Хочет.)* А? И тебя люблю, может быть, потому, что безнравственная... *(Трет себе лоб.)* Я и пропаду... Такие всегда пропадают... Меня бы куда-нибудь профессором, директором... Будь я дипломатом, я бы весь свет перебаламутила... Развитая женщина и... без дела. Не нужна, значит... Лошади, коровы и собаки нужны, а ты не нужна, лишняя... А? Что же ты молчишь?

П л а т о н о в. Обоим нам плохо...

А н н а П е т р о в н а. Хоть бы дети были... Ты любишь детей? *(Встает.)* Останься, голубчик! Ос-

танешься? Хорошо пожили бы!.. Весело, дружно... Ты уедешь, а я же как? Ведь мне же отдохнуть хочется... Мишель! Мне отдохнуть надо! Я хочу быть... женой, матерью...

Пауза.

Не молчи! Говори! Останешься? Ведь... ведь любишь, чудак? Любишь?

П л а т о н о в *(смотрит в окно)*. Убью себя, если останусь.

А н н а П е т р о в н а. Ведь любишь?

П л а т о н о в. Кто вас не любит?

А н н а П е т р о в н а. Ты меня любишь, я тебя тоже, что же тебе еще нужно? С ума ты сходишь, должно быть... Что тебе еще нужно? Отчего тогда ночью не приходил?

Пауза.

Остаешься?

П л а т о н о в. Уходите ради бога! Вы мучаете меня!

А н н а П е т р о в н а *(подаёт руку)*. Ну... в таком случае... Желаю всего лучшего...

П л а т о н о в. Уйдите же, или я всё расскажу, а если расскажу, то убью себя!

А н н а П е т р о в н а. Я руку подаю... Не видите? Я вечером забегу на минутку...

П л а т о н о в. Не нужно! Сам приду проститься! Сам к вам приду... Ни за что не приду! Не увидишь ты меня больше, и я тебя не увижу! Сама не захочешь увидеть! Отвернешься навсегда! Новая жизнь... *(Обнимает ее и целует.)* В последний раз... *(Выталкивает ее в дверь.)* Прощай! Ступай и будь счастлива! *(Запирает дверь на задвижку.)*

А н н а П е т р о в н а *(за дверью)*. Клянусь богом, что увидимся!

П л а т о н о в. Нет! Прощай! *(Затыкает пальцами уши.)* Ничего не слышу! Молчи и уходи! Я заткнул уши!

А н н а П е т р о в н а. Ухожу! Я пришлю к тебе Сергея и даю слово, что ты не уедешь, а если уедешь, то со мной! Прощай!

Пауза.

ЯВЛЕНИЕ VI

Платонов (один).

Платонов. Ушла? (Идет к двери и слушает.) Ушла... А может быть и не ушла? (Отворяет дверь.) Она ведь бес... (Смотрит за дверь.) Ушла... (Ложится на диван.) Прощай, милая женщина!.. (Вздыхает.) И не увижу больше никогда... Ушла... Могла бы еще побыть минут пять...

Пауза.

Это было бы недурно! Попрошу-ка Софью отложить отъезд недели на две, а сам с генеральшей поеду! Право... Две недели — только! Софья согласится... Может пока у матери пожить... Попрошу-ка... а?.. Пока я буду ездить с генеральшей, Софья поотдохнет... сил наберется то есть... Ну да ведь не навеки же уеду!

Стук в двери.

Еду! Решено! Отлично...

Стук.

Кто стучит? Генеральша? Кто там?

Стук.

Это вы? (Встает.) Не впускай! (Идет к двери.) Она ли это?

Стук.

Хихикает, кажется... (Смеется.) Она... Надо впустить... (Отворяет дверь.) Ах!

Входит Осип.

ЯВЛЕНИЕ VII

Платонов и Осип.

Платонов. Что такое? Ты, чёрт? Зачем пожаловал?

Осип. Здравствуйтесь, Михаил Васильич!

Платонов. Что скажешь? Чему и кому обязан посещением такой важной персоны? Говори скорей и убирайся к чёрту!

О с и п. Я сяду... *(Садится.)*

П л а т о н о в. Сделайте такое одолжение!

Пауза.

Ты ли это, Осип? Что с тобой? На лице у тебя написаны все десять египетских казней! Что с тобой поделалось? Ты бледен, худ, тощ... Ты болен?

О с и п. У вас тоже казни на лице написаны... Что с вами поделалось? Меня чёрт берет, ну а вы?

П л а т о н о в. Я? Я с чёртом не знаком... Я сам себя беру... *(Трогает Осипа за плечо.)* Одни кости!

О с и п. Жирок ваш где? Больны, Михаил Васильич? От хорошего поведения?

П л а т о н о в *(садится рядом)*. Зачем пришел?

О с и п. Проститься...

П л а т о н о в. Разве уезжаешь?

О с и п. Не я уезжаю, а вы уезжаете.

П л а т о н о в. Вот как! А ты почему знаешь?

О с и п. Как не знать!

П л а т о н о в. Не уезжаю, брат, я. Напрасно ты пришел.

О с и п. Уезжаете-с...

П л а т о н о в. И всё ты знаешь, и до всего тебе дело... Ты, Осип, колдун. Еду, любезный. Ты прав.

О с и п. Вот видите ли, значит, знаю. Знаю даже, куда и поедете!

П л а т о н о в. Да? Экий ты какой... А я не знаю. Мудрец, совсем мудрец! Ну-ка скажи, куда?

О с и п. А вам хочется знать?

П л а т о н о в. Помилуй! Интересно! Куда же?

О с и п. На тот свет.

П л а т о н о в. Далеко!

Пауза.

Загадка. Не ты ли отправителем будешь?

О с и п. Так точно. Подорожную вам принес.

П л а т о н о в. Очень приятно!.. Гм... Убить, значит, пришел?

О с и п. Так точно...

П л а т о н о в *(дразнит)*. Так точно... Какое нахальство, чёрт побери! Он пришел отправить меня на тот свет... Гм... Убивать меня станешь от себя или же по чьему-нибудь поручению?

О с и п (*показывает четвертную*). Вот... Венгерович дал, чтобы я вашу милость покалечил! (*Рвет деньги.*)

П л а т о н о в. Ага... Старый Венгерович?

О с и п. Он самый...

П л а т о н о в. Для чего же это ты порвал деньги? Великодушие свое показать хочешь, что ли?

О с и п. Не умею я великодушие показывать, а для того деньги эти порвал, чтобы вы не подумали на том свете, что я вас из-за денег убил.

Платонов встает и ходит по сцене.

Боитесь, Михаил Васильич? Страшно? (*Смеется.*) Бежите, кричите! Около дверей не стою, дверей не держу: выход есть. Подите народ сзывайте, скажите, что Осип убить пришел! А убить пришел... Не верите?

Пауза.

П л а т о н о в (*подходит к Осипу и смотрит на него*). Удивительно!

Пауза.

Что улыбаешься? Дурак! (*Бьет его по руке.*) Не улыбаться! С тобой говорят! Молчать! Я тебя повешу! Я из тебя мочалу сделаю, разбойник! (*Быстро отходит от него.*) Впрочем... Не сердь меня... Мне нельзя сердиться... Мне больно.

О с и п. Ударьте меня по щеке за то, что я вредный человек.

П л а т о н о в. Сколько угодно! (*Подходит к Осипу и дает ему пощечину.*) Что? Шатаешься? Подожди, не так еще зашатаешься, когда сотни палок будут дробить твою пустую голову! Помнишь, как умер рябой Филька?

О с и п. Собаке собачья и смерть.

П л а т о н о в. В-в-в... как ты отвратителен, тварь! Я исковеркать тебя готов, негодяй! За что ты вредишь им, подлая душа, как болезнь, как шальной огонь? Что они сделали тебе? В-в-в... Мерзавец!! (*Бьет его по щеке.*) Гадость! Я тебя... я тебя... (*Быстро отходит от Осипа.*) Ступай!

О с и п. Плюньте мне в глаза за то, что я вредный человек!

П л а т о н о в. Слюны жалко!

О с и п (*поднимается*). А вы смеете так говорить?

П л а т о н о в. Ступай отсюда, пока я тебя с грязью не смешал!

О с и п. Не смеете! Вы тоже вредный человек!

П л а т о н о в. Ты еще разговаривать со мной станешь? (*Подходит к нему.*) Ты убить, кажется, пришел? На! Убивай! Вот он я! Убивай же!

О с и п. Уважал я вас, господин Платонов, за важного человека почитал! Ну а теперь... Жалко убивать, да надо... Уж вредны очень... Зачем к вам сегодня молодая барыня приходила?

П л а т о н о в (*треплет его за грудь*). Убивай! Убивай же!

О с и п. А генеральша зачем после нее приходила? Вы генеральшу обманываете, значит? А жена ваша где? Какая из них троих самая настоящая? а? И вы не вредный человек после этого? (*Быстро валит его через ногу и падает вместе с ним на пол.*)

П л а т о н о в. Прочь пошел! Я убью, а не ты убьешь! Я сильнее тебя!

Борются.

Тише!

О с и п. Вы на живот повернитесь! Руки-то не крутите! Рука несколько не виновата, за что ее крутить? Ну вот еще! На том свете будете, генералу Войницеву от меня поклон низжайший!

П л а т о н о в. Пусти!

О с и п (*вынимает из-за пояса нож*). Тише! Всё одно убью! А у вас сила! Важный человек! Не хочется помирать? Не трогай того, что не для тебя положено!

П л а т о н о в (*кричит*). Руку! Постой, постой... Руку!

О с и п. Не хочется помирать? Сейчас вы в царстве небесном будете...

П л а т о н о в. В спину только не бей, железное животное, в грудь бей! Руку! Пусти, Осип! Жена, сын... Это нож блестит? О злоба проклятая!

Вбегает С а ш а.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и С а ш а.

С а ш а *(вбегает)*. Что такое? *(Вскрикивает.)* Миша! *(Бежит к борющимся и падает на них.)* Что вы делаете?

О с и п. Кто это? Александра Ивановна? *(Вскакивает.)* Живой останется! *(Саше.)* Нате вам ножик! *(Дает нож.)* При вас не зарежу... Живой останется!! После зарежу! Не уйдет! *(Выскакивает в окно.)*

П л а т о н о в *(после паузы)*. Экий черт... Здорово, Саша! Это ты, кажется? *(Стоит.)*

С а ш а. Он не повредил тебя? Можешь встать? Скорей!

П л а т о н о в. Не знаю... Эта тварь из чугуна вылита... Дай мне руку! *(Поднимается.)* Не пугайся, моя родная... Я целехонек. Он меня помял только...

С а ш а. Какой же он подлый человек! Говорила ведь я тебе, чтоб ты его не трогал!

П л а т о н о в. Где диван? Ну что смотришь? Жив твой изменник! Не видишь разве? *(Ложится на диван.)* Спасибо, что пришла, а то быть бы тебе вдовушкой, а мне покойником!

С а ш а. Ложись на подушку! *(Кладет ему под голову подушку.)* Вот так! *(Садится ему на ноги.)* Ничего не болит?

Пауза.

Зачем ты закрыл глаза?

П л а т о н о в. Нет, нет... Это я так... Пришла, Саша? Пришло, мое сокровище? *(Целует руку.)*

С а ш а. Коля наш заболел!

П л а т о н о в. Что с ним?

С а ш а. Кашель такой, жар, сыпь... Две ночи уж не спит и кричит... Не пьет, не ест... *(Плачет.)* Сильно он захворал, Миша! Боюсь я за него!.. Так боюсь! И сон снился нехороший...

П л а т о н о в. Что же твой братец смотрит? Ведь он лекарь!

С а ш а. Что оп? Разве он может сочувствовать? Он четыре дня тому назад заехал на минутку, покрутился и уехал. Я ему рассказываю про Колину болезнь, а он щипается да зевает... Дурой назвал...

Платонов. Вот еще тоже балбес! Он и себя когда-нибудь прозевает! И от себя уедет, когда заболит!

Саша. Что делать?

Платонов. Уювать... Ты у отца теперь живешь?

Саша. Да.

Платонов. Он же что?

Саша. Ничего. Ходит себе по комнате, трубку курит да к тебе съездить собирается. Я приехала к нему встревоженная, ну а он и догадался, что я... что мы с тобой... Что с Колей делать?

Платонов. Не беспокойся, Саша!

Саша. Как же не беспокоиться? Умри он, чего не дай господи, что с нами тогда будет?

Платонов. Да... Не возьмет бог у тебя нашего мальчишку! За что тебя наказывать? Разве за то, что за шалопая замуж вышла?

Пауза.

Береги, Саша, моего маленького человечка! Сбереги ты мне его, и клянусь я тебе всем святым, что я сделаю из него человека! Каждый его шаг будет твоею радостью! А ведь он, бедняга, тоже Платонов! Фамилию бы ему только переменить... Как человек я мал, ничтожен, но как отец я буду велик! Не бойся за его судьбу! Ох, рука! *(Стонет.)* Рука у меня болит... Сильно помял ее тот разбойник... Что с ней? *(Рассматривает руку.)* Красна... Ну чёрт с ней! Так-то, Саша... Счастлива будешь ты сыном! Смеешься... Смейся, мое золото! А теперь плачешь? Чего же ты плачешь? Гм... Не плачь, Саша! *(Обнимает ее голову.)* Пришла... А зачем уходила? Не плачь, суслик! Для чего слезы? Ведь люблю тебя, девочка!.. Сильно люблю! Велика моя вина, но что поделаешь? Простить надо... Ну, ну...

Саша. Интрига кончилась?

Платонов. Интрига? Что это за слово, мешачка?

Саша. Не кончилась?

Платонов. Как тебе сказать? Интриги нет никакой, но есть какая-то чудовищная галиматья... Не смущайся сильно этой галиматией! Если не кончилась она, то скоро... кончится!

С а ш а. Когда же?

П л а т о н о в. Надо думать, что скоро! Скоро заживем, Саша, по-старому! Пропади оно, всё новое! Измучился весь, истаскался... Не верь ты в прочность этого узла, как я не верю! Не туго он затянут... Сама она первая охладает и первая взглянет со смехом и горечью на этот узел. Не пара мне Софья. В ней бродит то, что во мне давно уже перебродило; она со слезами умиления смотрит на то, что я не могу видеть без смеха... Не пара она мне...

Пауза.

Верь мне! Софья недолго будет твоей соперницей... Саша, что с тобой?

Саша встает и шатается.

(Поднимается.) Саша!

С а ш а. Ты... ты с Софьей, а не с генеральшей?

П л а т о н о в. Первый раз об этом слышишь?

С а ш а. С Софьей?.. Подло... низко...

П л а т о н о в. Что с тобой? Ты бледна, шатаешься... (Стонет.) Не мучь хоть ты меня, Саша! Рука болит, а тут ты еще... Неужели это... это для тебя новость? В первый раз слышишь? Отчего же ты тогда ушла? Разве не от Софьи?

С а ш а. С генеральшей уж так и сяк, ну а с чужой женой?! Низко, грешно... Не ожидала я от тебя такой подлости! Бог тебя накажет, бессовестный человек! (Идет к двери.)

П л а т о н о в (после паузы). Возмущена? Но куда ты?

С а ш а (останавливается у двери). Дай бог счастья...

П л а т о н о в. Кому?

С а ш а. Вам и Софье Егоровне.

П л а т о н о в. Глухих романов начиталась, Саша! Я для тебя еще «ты»: у нас мальчишка есть, и я... все-таки же твой муж! А во-вторых, не нужно мне счастья!.. Останься, Саша! Ты вот уходишь... И, небось, навсегда?

С а ш а. Не могу! Ох, боже мой, боже мой...

П л а т о н о в. Не можешь?

С а ш а. Боже мой... И неужели это правда? (Бе-

рется руками за виски и приседает.) Я... я не знаю, что делать...

П л а т о н о в. Не можешь? *(Подходит к ней.)* Твоя воля... А то осталась бы! Зачем реветь, дурочка?

Пауза.

Эх, Саша, Саша... Велик мой грех, но неужели уж и простить нельзя?

С а ш а. А сам ты себя простил?

П л а т о н о в. Философский вопрос! *(Целует ее в голову.)* Осталась бы... Каюсь ведь! Ведь без тебя водка, грязь, Осипы... Замучился! Сиделкой, а не женой останься! Станный народ вы, женщины! Станна ты, Саша! Если ты кормишь негодяя Осипа, не даешь покоя своим милосердием собакам и кошкам, читаешь до полночи акафисты за каких-то врагов своих, то что стоит тебе бросить лопоту своему провинившемуся, кающемуся мужу? Зачем и ты являешься палачом? Останься, Саша! *(Обнимает ее.)* Не могу без няньки! Я негодяй, я у друга жену отнял, я любовник Софьи, быть может даже любовник и генеральши, я многоженец, большой мошенник с точки зрения семьи... Возмущайся, негодуй! Но кто тебя так любить будет, как я люблю? Кто оценит тебя так дорого, бабенка, как я оценил? Кому ты обед варить будешь, чей суп пересаливать? Права будешь, коли уйдешь... Справедливость этого требует, но... *(поднимает ее)* кто тебя поднимать так будет? Возможна ли ты, золото, без меня?

С а ш а. Не могу! Пусти меня! Я пропала! Ты шутишь, а я пропадаю! *(Вьрывается.)* Ведь знаешь, что это не шутка? Прощай! Не могу я жить с тобой! Теперь все тебя будут считать подлым человеком! Каково же мне?! *(Рыдает.)*

П л а т о н о в. Ступай с богом! *(Целует ее в голову и ложится на диван.)* Я понимаю...

С а ш а. Разбил нашу семью... Счастливо, покойно жили... Счастливей меня никого и не было на свете... *(Садится.)* Что ты наделал, Миша? *(Встает.)* Что ты наделал? Ведь не воротишь теперь... Пропащая я... *(Рыдает.)*

П л а т о н о в. Иди с богом!

С а ш а. Прощай! Не увидишь меня больше! Не

езди к нам... Колю к тебе отец будет возить... Бог тебя простит, как я прощаю! Погубил ты нашу жизнь!

Платонов. Ты ушла?

Саша. Ушла... Хорошо... *(Смотрит некоторое время на Платонова и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ IX

Платонов *(один)* и потом Войницев.

Платонов. Вот для кого начинается новая жизнь! Больно!! Всего лишаяюсь... С ума схожу! Боже мой! Саша, кошечка, клоп — и та осмеливается, и та... в силу какой-то святости имеет право бросать в меня камень! Проклятые обстоятельства! *(Ложится на диван.)*

Войницев входит и останавливается у двери.

(После паузы.) Это эпилог или еще только комедия?
(Увидев Войницева, закрывает глаза и слегка храпит.)

Войницев *(подходит к Платонову)*. Платонов!

Пауза.

Ты не спишь... Я вижу это по твоему лицу... *(Садится возле.)* Не думаю, чтобы... можно было спать...

Платонов поднимается.

(Встает и смотрит в окно.) Ты меня убил... Ты это знаешь?

Пауза.

Благодарю... Мне что? Бог с тобой... Пусть. Значит, так тому и быть... *(Плачет.)*

Платонов встает и медленно идет в другой угол комнаты.

Раз получил от судьбы подарок и... тот отняли!
Мало ему его ума, его красоты, его великой души...
Ему понадобилось еще мое счастье! Отнял... А я?
Что я? Я ничего... Так... Больной, недалекого ума,
женоподобный, сантиментальный, обиженный богом...
С наклоном к безделью, мистицизму, суеверный...
Добил друг!

Платонов. Уйди отсюда!

В о й н и ц е в. Сейчас... Шел на дуэль вызывать, а пришел и разревелся... Я уйду.

Пауза.

Я окончательнo потерял?

П л а т о н о в. Да.

В о й н и ц е в *(свистит)*. Так... Разумеется...

П л а т о н о в. Уйди отсюда! Я прошу! Уйди!

В о й н и ц е в. Сейчас... Что мне здесь делать?
(Идет к двери.) Нечего мне здесь делать...

Пауза.

Отдай мне ее назад, Платонов! Будь добр! Моя ведь она! Платонов! Ты и так счастлив! Спаси, голубчик! А? Отдай! *(Рыдает.)* Ведь она моя! Моя! Понимаешь?

П л а т о н о в *(идет к дивану)*. Уходи... Я застрелюсь... Клянусь честью!

В о й н и ц е в. Не надо... Бог с вами! *(Машет рукой и уходит.)*

П л а т о н о в *(хватает себя за голову)*. О несчастный, жалкий! Боже мой! Проклятие моей богом оставленной голове! *(Рыдает.)* Прочь от людей, гадина! Несчастьем был я для людей, люди были для меня несчастьем! Прочь от людей! Бьют, бьют и никак не убьют! Под каждым стулом, под каждой щепкой сидит убийца, смотрит в глаза и хочет убить! Бейте! *(Бьет себя по груди.)* Бейте, пока еще сам себя не убил! *(Бежит к двери.)* Не бейте меня по груди! Растерзали мою грудь! *(Кричит.)* Саша! Саша, ради бога! *(Отворяет дверь.)*

Входит Г л а г о л ь е в 1.

ЯВЛЕНИЕ X

Платонов, Г л а г о л ь е в 1 и потом Г л а г о л ь е в 2.

Г л а г о л ь е в 1 *(входит окутанный, с костылем)*. Вы дома, Михаил Васильич? Очень рад... Я вам помешал... Но я не задержу вас, я сейчас же уйду... Задам вам один вопрос. Вы ответите, и я уйду. Что с вами, Михаил Васильич? Вы бледны, шатаетесь, дрожите... Что с вами?

Платонов. Что со мной? А? Я пьян, должно быть, или... схожу с ума! Я пьян... пьян... Голова кружится...

Глагольев 1 *(в сторону)*. Спрошу! Что у трезвого на душе, то у пьяного на языке. *(Ему.)* Вопрос странный, может быть даже глуп, но, ради бога, ответьте мне, Михаил Васильич! Вопрос мой для меня жизненный вопрос! Ответу вашему я поверю, потому что я знаю вас за честнейшего человека... Пусть мой вопрос покажется вам странным, нелепым, глупым и даже, быть может, оскорбительным, но, ради бога... ответ! Я нахожусь в страшном положении! Наша общая знакомая... Вы ее хорошо знаете... Я считал ее совершенством в человеческом смысле... Анна Петровна Войничева... *(Поддерживает Платонова.)* Не упадите, ради бога!

Платонов. Уйдите! Я всегда считал тебя... вас глупым стариком!

Глагольев 1. Вы друг ее, вы знаете ее, как свои пять пальцев... Ее мне или оклеветали, или... открыли мне глаза... Она честная женщина, Михаил Васильич? Она... она... Имеет ли она право быть женою честного человека?

Пауза.

Не знаю, как формулировать свой вопрос... Поймите меня, ради бога! Мне сказали, что она...

Платонов. Всё подло, низко, грязно на этом свете! Всё... подло... низко... *(Падает без чувств на Глагольева и валится на землю.)*

Глагольев 2 *(входит)*. Что же ты застрял здесь? Я не намерен ждать!

Глагольев 1. Всё подло, грязно, низко... Всё, в том числе, значит, и она...

Глагольев 2 *(смотрит на Платонова)*. Отец, что это с Платоновым?

Глагольев 1. Отвратительно пьян... Да, подло, грязно... Глубокая, беспощадная, колючая правда!

Пауза.

Едем в Париж!

Глагольев 2. Что?! В Па... В Париж? Зачем тебе в Париж? *(Хочет.)*

Глагольев 1. Валяться так, как этот валяется! (Указывает на Платонова.)

Глагольев 2. Валяться... в Париже?!

Глагольев 1. Едем искать счастья на другом поприще! Довольно! Полно играть комедию для самого себя, морочить себя идеалами! Нет больше ни веры, ни любви! Нет людей! Едем!

Глагольев 2. В Париж?

Глагольев 1. Да... Если грешить, то грешить на чужой, а не на родной земле! Пока еще не сгнили, заживем по-людски! Будь учителем, сын! Едем в Париж!

Глагольев 2. Вот это мило, отец! Ты научил меня читать, а я научу тебя жить! Едем!

Уходят.

(Конец третьего действия)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кабинет покойного генерала Войницева. Две двери. Старинная мебель, персидские ковры, цветы. Стены увешаны ружьями, пистолетами, кинжалами (кавказской работы) и т. п. Семейные портреты. Бюсты Крылова, Пушкина и Гоголя. Этажерка с чучелами птиц. Шкаф с книгами. На шкафу мундштуки, коробки, палки, ружейные стволы и т. п. Письменный стол, заваленный бумагами, портретами, статуэтками и оружием. Утро.

ЯВЛЕНИЕ I

Софья Егоровна и Катя входят.

Софья Егоровна. Вы не волнуйтесь! Говорите толком!

Катя. Что-то нехорошее делается, барыня! Двери и окна все настежь, в комнатах переворочено, перебито... Дверь сорвана с крючьев... Что-то нехорошее случилось, барыня! Недаром у нас курица петухом пела!

Софья Егоровна. Что же вы думаете?

Катя. Ничего не думаю, барыня. Что я могу думать? Знаю только, что случилось что-то... Или Михаил Васильич уехали совсем, или же руку на себя наложили... У них, барыня, горячий характер! Я их уж два года знаю...

Софья Егоровна. Нет... На деревне вы были?

Катя. Была-с... Нету нигде... Часа четыре ходила...

Софья Егоровна *(садится)*. Что делать? Что же делать?

Пауза.

Вы уверены в том, что его здесь нигде нет? Уверены?

К а т я. Не знаю, барыня... Нехорошее что-то случилось... Недаром у меня сердце ноет! Бросьте, барыня! Грех ведь! *(Плачет.)* Барина Сергея Павловича жалко... Красавец был такой, а на что похож стал? Измаялся за два дня, сердечный, и как шальной ходит. Перевелся хороший господин... Михаила Васильича жалко... Бывало, самый веселый человек был, проходу, бывало, от его веселости не было, а теперь он на смерть похож стал... Бросьте, барыня!

С о ф ь я Е г о р о в н а. Что бросить?

К а т я. Любовь. Что с нее толку? Одна только срамота. И вас жалко. На что вы похожи стали? Похудали, не пьете, не кушаете, не спите, а одно только и делаете, что кашляете...

С о ф ь я Е г о р о в н а. Ступайте, Катя, опять! Может быть, он уже в школе.

К а т я. Сейчас...

Пауза.

Вы бы спать легли.

С о ф ь я Е г о р о в н а. Ступайте, Катя, опять! Вы ушли?

К а т я *(в сторону)*. Не мужицкого ты звания! *(Резко, плаксиво.)* Куда же мне идти, барыня?

С о ф ь я Е г о р о в н а. Мне спать хочется. Я всю ночь не спала. Не кричи так громко! Уйди отсюда!

К а т я. Слушаю... Напрасно вы себя так изводите!.. Шли бы к себе в комнату да легли бы на постель! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ II

С о ф ь я Е г о р о в н а и потом В о й н и ц е в.

С о ф ь я Е г о р о в н а. Ужасно! Дал вчера честное слово явиться в избу к десяти часам и не явился... Ждала его до рассвета... И это честное слово! Это любовь, это наш отъезд!.. Он не любит меня!

В о й н и ц е в *(входит)*. Спать лягу... Может быть, усну как-нибудь... *(Увидев Софью Егоровну.)* Вы... у меня? В моем кабинете?

С о ф ь я Е г о р о в н а. Я здесь? *(Смотрит кругом.)* Да... Но я зашла сюда нечаянно, сама того не замечая... *(Идет к двери.)*

Войницев. На минуточку!

Софья Егоровна (*останавливается*). Ну?

Войницев. Дайте мне, пожалуйста, минуты две-три... Можете вы здесь побыть две-три минуты?

Софья Егоровна. Говорите! Вы сказать что-нибудь хотите?

Войницев. Да...

Пауза.

Прошло то время, когда мы в этой комнате не были чужими друг для друга...

Софья Егоровна. Прошло.

Войницев. Извините впрочем, я заговариваться стал. Вы уезжаете?

Софья Егоровна. Да.

Войницев. Гм... Скоро?

Софья Егоровна. Сегодня.

Войницев. С ним?

Софья Егоровна. Да.

Войницев. Желаю вам счастья!

Пауза.

Хороший материал для счастья! Разыгравшаяся плоть и несчастье другого... Несчастье другого всегда бывает чьим-нибудь счастьем! Впрочем, это старо... Новая ложь охотнее слушается, чем старая истина... Бог с вами! Живите, как знаете!

Софья Егоровна. Вы хотели что-то сказать.

Войницев. А разве я молчу? Ну да... Вот что я хотел сказать... Я хочу, чтобы я пред вами был совершенно чист, не был бы вам должен, а потому прошу вас извинить за мое вчерашнее поведение... Я вчера вечером наговорил вам дерзостей, был груб, зол... Извините, пожалуйста... Извиняете?

Софья Егоровна. Извиняю. (*Хочет уйти.*)

Войницев. Постойте же, постойте, еще не всё! Я скажу еще что-нибудь. (*Вдыхает.*) Я сумасшедший, Софи! Не в силах перенести этот страшный удар... Я сумасшедший, но еще пока всё понимаю... В моей голове среди необъятного тумана, в массе чего-то такого серого, свинцового, тяжелого торчит светлый кусочек, которым я всё понимаю... Оставит меня и этот кусочек,

ну тогда, значит... совсем пропал. Я всё понимаю...

Пауза.

Это стою я в своем кабинете; в этом кабинете жил когда-то мой отец, свиты его величества генерал-майор Войницев; георгиевский кавалер, человек великий, славный! На нем видели одни только пятна... Видели, как он бил и топтал, а как его били и топтали, никто не хотел видеть... (*Указывает на Софью Егоровну.*) Это моя экс-жена...

Софья Егоровна хочет уйти.

В о й н и ц е в. Постойте! Дайте договорить! Глупо говорю, но выслушайте! В последний раз ведь!

С о ф ь я Е г о р о в н а. Всё вы уже сказали... Что вы еще можете сказать? Расстаться нужно... Что же еще тут говорить? Вам хочется доказать, что я виновата перед вами? Не трудитесь! Я знаю, что мне думать о себе самой...

В о й н и ц е в. Что я могу сказать? Ох, Софья, Софья! Ничего ты не знаешь! Ничего, иначе ты не смотрела бы так надменно! Что выделывается в душе моей, так это ужас! (*Становится перед ней на колени.*) Что ты делаешь, Софи? Куда ты пхаешь себя и меня? Ради бога, пожалей! Умираю и схожу с ума! Остайся со мной! Всё забуду, всё простил уже... Буду твоим рабом, любить тебя буду... буду, как доселе не любил! Я дам тебе счастье! Ты будешь счастлива у меня, как богиня! Не даст он тебе счастья! И себя погубишь, и его погубишь! Погубишь Платонова, Софья!.. Знаю, что насильно мил не будешь, но останься! Опять ты будешь весела, не будешь так мертвецки бледна, так несчастлива! Опять я буду человеком, опять будет ходить к нам... Платонов! Утопия, но... останься! Воротим прошлое, пока еще не поздно! Платонов согласится... Я знаю его... Он не любит тебя, а так... ты отдалась ему, а он и взял... (*Встает.*) Ты плачешь?

С о ф ь я Е г о р о в н а (*встает*). Не принимайте этих слез на свой счет! Может быть, Платонов согласится... Пусть соглашается! (*Резко.*) Вы все подлые люди! Где Платонов?

В о й н и ц е в. Не знаю я, где он.

Софья Егоровна. Не приставайте ко мне! Отстаньте! Я вас ненавижу! Убирайтесь прочь! Где Платонов? Подлые люди... Где он? Ненавижу я вас!

Войницев. За что?

Софья Егоровна. Где он?

Войницев. Я дал ему денег, и он обещал мне уехать. Если он исполнил свое обещание, то, значит, уехал.

Софья Егоровна. Вы его подкупили? Что вы лжете?

Войницев. Я дал ему тысячу рублей, и он отказался от вас. Впрочем, лгу! Всё это я лгу! Не верьте вы мне, ради бога! Жив и здоров этот проклятый Платонов! Подите берите его, целуйтесь с ним!.. Не подкупал я его! И неужели вы... он будет счастлив? И это моя жена, моя Софья... Что же всё это значит? И до сих пор даже не верю! Вы с ним платонически? Не дошло еще до... крупного?

Софья Егоровна. Я его жена, любовница, что хотите! *(Хочет уйти.)* Для чего задерживать? У меня нет времени выслушивать разные...

Войницев. Постой, Софья! Ты его любовница? С какой же это стати? Ты так смело говоришь! *(Хватает ее за руку.)* И ты могла? Ты могла?

Входит Анна Петровна.

Софья Егоровна. Отстаньте! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Войницев и Анна Петровна.

Анна Петровна входит и смотрит в окно.

Войницев *(машет рукой)*. Шабаш!

Пауза.

Что там?

Анна Петровна. Осипа мужики убили.

Войницев. Уже?

Анна Петровна. Да... Около колодезя... Видишь? Вон он!

Войницев *(смотрит в окно)*. Что ж? Так ему и надо.

Пауза.

А н н а П е т р о в н а. Слышал, сынок, новости? Платонов, говорят, куда-то исчез и... Читал письмо?

В о й н и ц е в. Читал.

А н н а П е т р о в н а. Тю-тю имень! Как тебе это нравится? Сплыло... Бог дал, бог и взял.. Вот тебе и хваленый коммерческий фокус! А всё потому, что Глагольеву поверили... Обещался купить имение, а на торгах не был... Прислуга говорит, что в Париж уехал... Сострил, каналья, на старости лет! Не будь его, платили бы мы с тобой потихонечку проценты да жили бы... *(Вздыхает.)* Не следует на этом свете доверять врагам, а заодно уж с ними и друзьям!

В о й н и ц е в. Да, не следует верить друзьям!

А н н а П е т р о в н а. Ну, феодал? Что теперь делать будешь? Куда пойдешь? Бог предкам дал, а у тебя взял... Ничего у тебя не осталось...

В о й н и ц е в. Мне всё одно.

А н н а П е т р о в н а. Нет, не всё одно. Кушать что будешь? Давай сядем... *(Садятся.)* Как ты мрачен... Что ж делать? Жалко расставаться с гнездышком, но что же поделаешь, голубчик мой? Не воротишь... Так тому и быть, значит... Будь умницей, Сержель! Первое дело — хладнокровие.

В о й н и ц е в. Не обращайтесь на меня внимания, папан! Что уж обо мне-то говорить? Вы сами едва сидите... Утешьте сперва себя самое, а потом придите и меня утешать.

А н н а П е т р о в н а. Ну... Не о бабах речь... Баб всегда на задний план... Первое дело — хладнокровие! Ты потерял то, что у тебя было, а важно не то, что было, а то, что впереди. У тебя целая жизнь впереди, хорошая, трудовая, мужская жизнь! Чего же тебе горевать? Поступишь в прогимназию или гимназию, начнешь работать... Ты у меня молодец. Филолог, благонамеренный такой, ни в какие дела нехорошие не суешься, убеждения имеешь, тихоня, женат... Коли захочешь, ты далеко пойдешь! Умница ты у меня мальчик! Не надо только с женою ссориться... Не успели пожениться, как уже и ссоритесь... Отчего ты мне не скажешь, Сержель? Болееешь душой, а молчишь... Что происходит между вами?

В о й н и ц е в. Не происходит, а уже произошло.

А н н а П е т р о в н а. Что же? Или, может быть, секрет?

В о й н и ц е в *(вздыхает)*. Страшное несчастье стряслось над нашим домом, мама Аня! Отчего я вам не сказал до сих пор? Не знаю. Все надеялся, да и стыдно говорить... Сам только вчера утром узнал... А на имение мне наплевать!

А н н а П е т р о в н а *(смеется)*. Как ты меня пугаешь! Рассердилась, что ли?

В о й н и ц е в. Смейтесь! Подождите, не так еще засмеетесь!

Пауза.

Она изменила мне... Честь имею рекомендоваться: рогатый муж!

А н н а П е т р о в н а. Что за глупости, Сергей?! Что за глупые фантазии! Говорить о таких чудовищных вещах и говорить не думая! Удивительный ты человек! Иногда такое сморозишь, что просто уши вянут! Рогатый муж... Не знаешь ты, значит, что это значит...

В о й н и ц е в. Знаю, маман! Не теоретически, но уже практически знаю!

А н н а П е т р о в н а. Жены своей не оскорбляй, чудак! Ах...

В о й н и ц е в. Клянусь вам богом!

Пауза.

А н н а П е т р о в н а. Странно... О невозможных вещах говоришь ты. Ты клеветешь! Невозможно! Здесь, в Войнищевке?

В о й н и ц е в. Да, здесь, в вашей проклятой Войнищевке!

А н н а П е т р о в н а. Гм... Да кому здесь, в нашей проклятой Войнищевке, может залезть в голову невозможная мысль поставить на твою аристократическую голову рога? Совершенно некому! Младшему Глагольеву разве? Навряд, Глагольев перестал к нам ездить... Твоя Софи никому здесь не под стать. Глупо ревнуешь, милый!

В о й н и ц е в. Платонов!

А н н а П е т р о в н а. Что Платонов?

В о й н и ц е в. Он.

А н н а П е т р о в н а (*вскакивает*). Можно говорить глупости, но такие глупости, как ты сейчас сказал, послушай... Сморозил! Меру знать нужно! Непростительно глупо!

В о й н и ц е в. Спросите ее, подите спросите его самого, если не верите! Сам не хотел и не хочу верить, а она уезжает сегодня, оставляет меня! Нужно верить! И он с ней едет! Да неужели же, наконец, вы не видите, что я хожу и смотрю на свет белый, как дохлая кошка! Я пропадаю!

А н н а П е т р о в н а. Не может быть этого, Сергей! Это плод твоей мальчишеской фантазии! Верь мне! Ничего этого нет!

В о й н и ц е в. Верьте мне, что она уезжает сегодня! Верьте, что она не перестает в эти последние два дня твердить мне, что она его любовница! Она сама! Произошло такое, чему невозможно поверить, но приходится помимо желания и сверх всяких сил верить!

А н н а П е т р о в н а. Помню, помню... Теперь всё понимаю... Дай стуло, Сергей! Нет, не нужно... Так вот оно что! Гм... Постой, постой, дай припомнить, как следует...

Пауза.

Входит Б у г р о в.

ЯВЛЕНИЕ IV

А н н а П е т р о в н а, В о й н и ц е в и Б у г р о в.

Б у г р о в (*входит*). Здравствуй-те-с! С воскресным днем-с! Живы, здоровы-с!

А н н а П е т р о в н а. Да-да-да... Это ужасно...

Б у г р о в. Дождик идет, а жарко... (*Утирает лоб.*) Ффф... Сварисься, покедова дойдешь или доедешь... Здоровы-с?

Пауза.

Я собственно по тому случаю заехал к вам-с, что вчерась были торги, как вам известно... А к тому как это, знаете, немножко (*смеется*) для вас, разумеется, чувствительно и обидно, то я... то вы на меня не обижайтесь, сделайте милость! Не я купил именье! Купил его Абрам Абрамыч, а на мое имя только...

В о й н и ц е в *(сильно звонит)*. Чёрт бы их побрал...

Б у г р о в. Так-то-с... Вы не подумайте-с... Не я-с... Следовательно, на мое только имя, стало быть! *(Садится.)*

Я к о в входит.

В о й н и ц е в *(Якову)*. Сколько раз я просил вас, подлецов, мерзавцев *(кашляет)*, негодяев, не впускать никого без доклада! Перепороть вас всех, скотов! *(Бросает звонок под стол.)* Вон отсюда! Мерзавцы... *(Ходит по сцене.)*

Я к о в пожимает плечами и уходит.

Б у г р о в *(кашляет)*. На мое имя, только-с... Абрам Абрамыч приказал передать, что жить можете тут сколько вашей душе угодно, хоть до Рождества... Переделочки тут кое-какие будут, ну да они вам не помешают-с... А ежели что такое, и во флигель можете перебраться... Комнат много, да и тепло-с... Он приказал еще спросить-с, не желаете ли вы продать мне, то есть на мое имя, шахты? Шахты ваши-с, Анна Петровна... Вот не желаете ли в настоящее время продать их? Цену хорошую дадим...

А н н а П е т р о в н а. Нет... Не продам никакому чёрту я шахт! Что вы мне за них дадите? Грош? Подавитесь этим грошом!

Б у г р о в. Абрам Абрамыч велел еще передать, что в случае ежели если не угодно будет-с вам, Анна Петровна, продать ему свои шахты с вычетом долга Сергея Павлыча и покойника его превосходительства Павла Иваныча, то он протестует векселя... И я тоже протестую-с... Хи-хи-с... Дружба дружбой, знаете, а денешки врозь... Коммерция! Проклятое дело такое. Я, того... купил ваши векселя у Петрина...

В о й н и ц е в. Никому я не позволю рассчитывать на имение моей мачехи! Ее имение — не мое!..

Б у г р о в. Они, может быть, сжалятся...

В о й н и ц е в. Некогда мне с вами разговаривать!.. Э-э... *(Машет рукой.)* Делайте, что хотите!

А н н а П е т р о в н а. Оставьте нас, Тимофей Гордеич! Извините... Уйдите, пожалуйста!

Б у г р о в. Слушаю-с... *(Встает.)* Так вы не извольте беспокоиться... Жить здесь можете хоть до Рож-

дества. Я завтра или послезавтра заеду-с. Будьте здоровы-с! (*Уходит.*)

А н н а П е т р о в н а. Завтра же выедем отсюда! Да, теперь помню... Платонов... Так вот оно то, от чего он бежит!..

В о й н и ц е в. Пусть делают, что хотят! Пусть всё берут! Нет у меня уж больше жены, ничего же мне и не нужно! Нет жены, маман!

А н н а П е т р о в н а. Да, нет у тебя больше жены... Но что он нашел в этой размазне Софье? Что он нашел в этой девчонке? Что он мог в ней найти? Как неразборчивы эти глупые мужчины! Они способны увлечься всякою дрянью... Ты же чего смотрел, муж? Где были твои глаза? Плакса! Нюнил до тех пор, пока не утащили из-под его носа жены! И это мужчина! Мальчишка ты! Женят вас, мальчишек, дураков, только насмех, ослов этаких! Оба вы никуда не годитесь, ни ты, ни твой Платонов! Это из рук вон что такое!

В о й н и ц е в. Ничто теперь не поможет, не помогут и упреки. Она уже не моя, а он не ваш. Что ж тут много рассказывать? Оставьте меня, маман! Не выносите моей глупой физиономии!

А н н а П е т р о в н а. Но что же делать? Что-нибудь да нужно же сделать! Надо спасти!

В о й н и ц е в. Кого спасти? Спасать нужно одного только меня... Они пока счастливы. (*Вздыхает.*)

А н н а П е т р о в н а. Поди ты с своей логикой! Их, а не тебя спасти нужно! Платонов не любит ее! Знаешь ты это? Он обольстил ее, как ты когда-то обольстил свою глупую немку! Не любит он ее! Уверяю тебя! Что она говорила тебе? Что ты молчишь?

В о й н и ц е в. Она говорила, что она его любовница.

А н н а П е т р о в н а. Дура она его, а не любовница! Замолчи! Может быть, еще можно поправить... Платонов из-за одного только поцелуя или пожатия руки в состоянии поднять шум... До крупного у них дело не доходило еще! Я в этом уверена...

В о й н и ц е в. Доходило!

А н н а П е т р о в н а. Ты ничего не понимаешь.

Входит Г р е к о в а.

Войницева, Анна Петровна и Грекова.

Грекова (*входит*). Вот где вы! Здравствуйте! (*Подает руку Анне Петровне.*) Здравствуйте, Сергей Павлович! Извините, пожалуйста, я, кажется, вам помешала... Гость не вовремя хуже... хуже... Как это говорится? Хуже татара, ну да... Я к вам на минуточку... Вы и представить себе не можете! (*Смеется.*) Я вам сейчас покажу, Анна Петровна... Извините, Сергей Павлович, мы будем секретничать... (*Отводит Анну Петровну в сторону.*) Прочтите... (*Подает ей записку.*) Это я вчера получила... Прочтите!

Анна Петровна (*пробегает записку*). А...

Грекова. Я, знаете ли, в суд подала... (*Кладет ей на грудь голову.*) Пошлите за ним, Анна Петровна! Пусть он придет!

Анна Петровна. Для чего это вам?

Грекова. Я хочу посмотреть, какое у него теперь лицо... Что у него теперь на лице написано? Пошлите за ним! Умоляю вас! Я хочу ему два слова сказать... Вы не знаете, что я наделала! Что я наделала! Не слушайте, Сергей Павлович! (*Шёпотом.*) Я ездила к директору... Михаила Васильича переведут по моей просьбе в другое место... Что я наделала! (*Плачет.*) Пошлите за ним!.. Кто знал, что он напишет это письмо?! Ах, если б я могла знать! Боже мой... Я страдаю!

Анна Петровна. Идите, моя дорогая, в библиотеку! Я сейчас приду к вам, тогда и потолкуем... Мне нужно с Сергеем Павловичем наедине поговорить...

Грекова. В библиотеку? Хорошо... А вы пошлете за ним? Какое у него лицо теперь после этого письма? Вы читали? Дайте я спрячу! (*Прячет письмо.*) Милая моя, дорогая... Прошу вас! Я пойду... но вы пошлите! Не слушайте, Сергей Павлович! Будемте говорить по-немецки, Анна Петровна! Schicken Sie, meine Liebe! ¹

Анна Петровна. Хорошо... Ступайте же!

Грекова. Хорошо... (*Быстро целует ее.*) Не сердитесь на меня, моя дорогая! Я... я страдаю! Вы не можете себе представить! Я уйду, Сергей Павлович! Можете продолжать свою беседу! (*Уходит.*)

¹ Пошлите, моя милая! (*нем.*)

А н н а П е т р о в н а. Я сейчас всё разузнаю... Ты не кипятись! Может быть, можно будет еще починить твою семью... Ужасная история! Кто мог ожидать?! Я сейчас поговорю с Софьей! Я спрошу ее как следует... Ты ошибаешься и глупишь... Впрочем, нет! *(Закрывает руками лицо.)* Нет, нет...

В о й н и ц е в. Нет! Не ошибаюсь я!

А н н а П е т р о в н а. А все-таки я поговорю с ней... Я и с ним пойду поговорю...

В о й н и ц е в. Идите говорит! Напрасно только! *(Садится за стол.)* Уедемте отсюда! Нет надежды! И соломинки нет, за которую можно было бы ухватиться...

А н н а П е т р о в н а. Я сейчас всё разузнаю... А ты сиди и плачь! Спать ложись, мужчина! Где Софья?

В о й н и ц е в. Должно быть, у себя...

А н н а П е т р о в н а уходит.

ЯВЛЕНИЕ VI

В о й н и ц е в и потом П л а т о н о в.

В о й н и ц е в. Тяжелое горе! Сколько времени оно будет тянуться? И завтра, и послезавтра, и через неделю, через месяц, год... Нет конца муке! Застрелиться нужно.

П л а т о н о в *(входит с подвязанной рукой)*. Сидит... Плачет, кажется...

Пауза.

Мир душе твоей, мой бедный друг! *(Подходит к Войницеву.)* Ради бога, выслушай! Не оправдаться я пришел... Не мне и не тебе судить меня... Я пришел просить не за себя, а за тебя... Братски прошу тебя... Ненавидь, презирай меня, думай обо мне как хочешь, но не... убивай себя! Я не говорю про револьверы, а... вообще... Ты слаб здоровьем... Горе добьет тебя... Не буду я жить!.. Я себя убью, не ты себя убьешь! Хочешь моей смерти? Хочешь, чтоб я перестал жить?

Пауза.

В о й н и ц е в. Ничего я не хочу.

Входит А н н а П е т р о в н а.

Войницев, Платонов и Анна Петровна.

Анна Петровна. Он здесь?! *(Медленно подходит к Платонову.)* Платонов, это правда?

Платонов. Правда.

Анна Петровна. Он еще смеет... смеет говорить так хладнокровно! Правда... Подлый человек, ведь вы знали, что это подло, низко?

Платонов. Подлый человек... Нельзя ли повежливей? Ничего я не знал! Я знал и знаю из всей этой истории одно только то, что я никогда не желал ему и тысячной доли того, что он теперь переносит!

Анна Петровна. И кроме этого вам, друг, не мешало бы еще знать, что жена одного друга не должна и не может быть игрушкой другого! *(Кричит.)* Не любите вы ее! Вам скучно было!

Войницев. Спросите его, тамап, зачем он пришел?

Анна Петровна. Подло! Подло играть людьми! Они такие же живые существа, как и вы, чересчур умный человек!

Войницев *(вскакивает)*. Пришел сюда! Дервость! Зачем вы явились сюда? Знаю, зачем вы явились, но не удивите и не поразите нас своими громкими фразами!

Платонов. Кого это «нас»?

Войницев. Знаю я теперь цену всем этим громким фразам! Оставьте меня в покое! Если вы пришли многоглаголением искупить свою вину, то знайте же, что пышными речами не искупишь вины!

Платонов. Как пышными речами не искупишь вины, так криком и злостью не докажешь ее, но я ведь, кажется, сказал, что я застрелюсь?

Войницев. Не так искупают свою вину! Не словами, которым я теперь не верю! Презираю ваши слова! Вот как искупает вину русский человек! *(Показывает в окно.)*

Платонов. Что там?

Войницев. Вон у колодезя лежит искупивший свои вины!

Платонов. Видел... А вы-то зачем фразерствуете, Сергей Павлович? Вы ведь, кажется, теперь в го-

ре... Вы весь обратились в горе и в то же время театральничаете? Чему это приписать: неискренности или же... глупости?

Войничев (*садится*). Маман, спросите его, зачем он пришел сюда?

Анна Петровна. Платонов, что вам здесь нужно?

Платонов. Вы сами спросите, зачем беспокоить маман? Всё пропало! Жена ушла — и всё пропало, ничего не осталось! Прекрасная, как майский день, Софи — идеал, за которым не видно других идеалов! Без женщины мужчина — что без паров машина! Пропала жизнь, улетучились пары! Всё пропало! И честь, и человеческое достоинство, и аристократизм, всё! Конец пришел!

Войничев. Не слушаю я. Можете оставить меня!

Платонов. Разумеется. Не оскорбляй, Войничев! Я пришел сюда не за тем, чтобы меня оскорбляли! Не дает тебе права твое несчастье топтать меня в грязь! Я человек, и обходись же со мной по-человечески. Несчастлив ты, но ничего ты не стоишь со своим несчастьем в сравнении с теми страданиями, которые вынес я после твоего ухода! Была страшная ночь, Войничев, после того, как ты ушел! Клянусь вам, филантропы, что ваше несчастье не стоит и тени моих мук!

Анна Петровна. Очень может быть, но кому какое дело до вашей ночи, до ваших мук?

Платонов. И вам нет дела?

Анна Петровна. Уверяю вас, что и нам нет дела!

Платонов. Да? Не лгите, Анна Петровна! (*Вздыхает.*) А может быть, вы по-своему и правы... Может быть... Но где же людей искать? К кому идти? (*Закрывает лицо руками.*) Где же люди? Не понимают... Не понимают! Кто же поймет? Глупы, жестоки, бессердечны...

Войничев. Нет, понимаю я! Понял я! Не к лицу вам, милостивый государь, мой бывший друг, это казанское сиротство! Я понимаю вас! Вы ловкий подлец! Вот кто вы!

Платонов. Прощаю тебе, глупцу, это слово! Побереги себя, не говори больше! (*Анне Петровне.*)

Вы-то чего торчите здесь, любительница сильных ощущений? Любопытно? Нет вам здесь дела! Свидетелей не нужно!

А н н а П е т р о в н а. И вам здесь нет дела! Можете... убираться! Нахальство! Нагадить, напакостить, наподличать, а потом прийти и на муки свои жаловаться! Дипломат! Впрочем... извините меня! Если не хотите выслушать еще что-нибудь, то уходите! Сделайте милость!

В о й н и ц е в *(вскакивает)*. Что ему от меня нужно еще, не понимаю! Что ты хочешь, что ты ждешь от меня? Не понимаю!

П л а т о н о в. Вижу, что не понимаете... Прав тот, кто с горя идет не к людям, а в кабак... Тысячу раз прав! *(Идет к двери.)* Жалею, что говорил с вами, унижался... Имел глупость считать вас порядочными людьми... А вы те же... дикари, грубое, неотесанное мужичье... *(Хлопает дверью и уходит.)*

А н н а П е т р о в н а *(ломает руки)*. Мерзости какие... Изволь сию же минуту догнать его и сказать ему... Скажи ему, что...

В о й н и ц е в. Что я могу ему сказать?

А н н а П е т р о в н а. Найдешь, что сказать... Что-нибудь. Беги, Сержель! Умоляю тебя! Он приходил сюда с хорошим чувством! Ты должен был повясть его, а ты был жесток с ним. Беги, мой род-вой!

В о й н и ц е в. Не могу! Оставьте меня!

А н н а П е т р о в н а. Но да ведь не один же он виноват! Сержель, все виноваты! У всех есть страсти, у всех нет сил... Беги! Скажи ему что-нибудь примиряющее! Покажи ему, что ты человек! Ради бога... Да ну же! Ну! Беги!

В о й н и ц е в. Я с ума схожу...

А н н а П е т р о в н а. Сходи с ума, но не смей оскорблять людей! Ах... но беги же, ради бога! *(Плачет.)* Сергей!

В о й н и ц е в. Оставьте меня, татам!

А н н а П е т р о в н а. Я сама пойду... Что же я сама не бегу? Я сама...

П л а т о н о в *(входит)*. Ох! *(Садится на диван.)*

Войнищев встает.

Анна Петровна *(в сторону)*. Что с ним?

Пауза.

Платонов. Рука болит... Я голоден, как самая голодная собака... Холодно... Лихорадка трясет... Больно! Поймите вы, что мне больно! Жизнь моя пропадает! Что вы хотите от меня? Что вам еще нужно? Мало вам той проклятой ночи?

Войницева *(подходит к Платонову)*. Михаил Васильич, простим друг другу... Я... Но вы поймете мое положение... Разойдемся, как следует...

Пауза.

Я прощаю... Честное слово, прощаю! И если б я мог забыть всё это, то был бы счастлив, как никогда! Оставим друг друга в покое!

Платонов. Да.

Пауза.

Нет, развинтился... Испортилась машина. Спать хочу ужасно, глаза слиплись, но нет сил уснуть... Смиряюсь, прошу прощения, виноват, молчу... Делайте, что знаете, и думайте, что знаете...

Войницева отходит от Платонова и садится за стол.

Платонов. Не уйду отсюда, хоть дом зажгите! Кому неприятно мое присутствие, тот может выйти из этой комнаты... *(Хочет лечь.)* Дайте мне чего-нибудь теплого... Не есть, а укрыться... Не пойду я к себе... На дворе дождь... Тут лягу.

Анна Петровна *(подходит к Платонову)*. Ступайте, Михаил Васильич, домей! Я пришлю и принесу то, что вам нужно. *(Трогает его за плечо.)* Идите! Идите домой!

Платонов. Кому неприятно мое присутствие, тот может выйти из этой комнаты... Дайте мне воды напиться! Пить хочу.

Анна Петровна подает ему графин.

(Пьет из графина.) Болен... Совсем болен, милая женщина!

Анна Петровна. Идите к себе!.. *(Прикладывает руку к его лбу.)* Голова горяча... Идите домой. Я за Трилецким пошлю.

Платонов *(тихо)*. Худо, ваше превосходительство! Худо... Худо...

Анна Петровна. Мне-то каково? Идите! Я вас прошу! Вам во что бы то ни стало уехать нужно! Слышите?

Входит Софья Егоровна.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и Софья Егоровна.

Софья Егоровна *(входит)*. Потрудитесь взять ваши деньги обратно! Что за великодушие? Я уж сказала вам, кажется... *(Увидев Платонова.)* Вы... здесь?! Зачем вы здесь?

Пауза.

Странно... Что вы здесь делаете?

Платонов. Я-то?

Софья Егоровна. Да, вы!

Анна Петровна. Выйдем, Сергей! *(Выходит и через минуту входит на цыпочках и садится в углу.)*

Платонов. Всё кончено, Софья!

Софья Егоровна. То есть?

Платонов. Да, то есть.... После поговорим.

Софья Егоровна. Михаил Васильич! Что значит это... всё?

Платонов. Ничего мне не нужно, ни любви, ни ненависти, дайте мне одного только покоя! Прошу... И говорить даже не хочется... Довольно с меня и того, что было... Пожалуйста...

Софья Егоровна. Что он говорит?

Платонов. То говорю, что довольно. Не надо мне новой жизни. И старой девать некуда... Ничего мне не нужно!

Софья Егоровна *(пожимает плечами)*. Не понимаю...

Платонов. Не понимаете? Узел разорвался, вот что!

Софья Егоровна. Вы не едете, что ли?

Платонов. Не нужно бледнеть, Софья... впрочем, Егоровна!

Софья Егоровна. Вы подличаете?

Платонов. По всей вероятности...

Софья Егоровна. Подлец вы! *(Плачет.)*

Платонов. Знаю... Сто раз слышал... После бы поговорили и... без свидетелей.

Софья Егоровна рыдает.

Шли бы к себе в комнату! Самая лишняя вещь в несчастье — это слезы... Должно было случиться и случилось... В природе есть законы, а в нашей жизни... логика... По логике и случилось...

Пауза.

Софья Егоровна *(рыдает)*. Я же тут причем? Какое дело мне, какое дело моей жизни, которую вы взяли, до того, что вы утомились? Я же тут причем? Вы не любите больше?

Платонов. Утешьтесь чем-нибудь... Хоть тем, например, что этот скандал послужит уроком для вашего будущего?

Софья Егоровна. Не уроком, а гибелью! Вы смеете это говорить? Подло!

Платонов. Для чего плакать? Как всё это мне... опротивело! *(Кричит.)* Болен я!

Софья Егоровна. Он клялся, просил, он первый начал, а теперь вот пришел сюда! Я вам опротивела? Вам нужна была я только на две недели? Ненавижу я вас! Не могу я видеть его! Убирайтесь вон отсюда! *(Рыдает сильней.)*

Анна Петровна. Платонов!

Платонов. А?

Анна Петровна. Уйдите отсюда!

Платонов встает и медленно идет к двери.

Софья Егоровна. Подождите... Не уходите! Вы... правда? Вы, может быть, не трезвы... Вы сядьте, подумайте! *(Хватает его за плечо.)*

Платонов. Сидел я уже и думал. Избавьтесь от меня, Софья Егоровна! Не ваш я человек! Я так долго гнил, моя душа так давно превратилась в скелет, что нет возможности воскресить меня! Закопать подалее, чтоб не заражал воздуха! Верьте мне в последний раз!

Софья Егоровна *(ломает руки)*. Что же я

буду делать? Что делать мне? Научите! Ведь я умру! Я не переживу этой подлости! Я не проживу и пяти минут! Убью себя... *(Садится в кресло, стоящее в углу.)* Что вы делаете со мной? *(Истерика.)*

Войницев *(подходит к Софье Егоровне)*. Софи!

Анна Петровна. Бог знает, что делается! Успокойтесь, Софи! Дай воды, Сергей!

Войницев. Софи! Не убивайте себя... Перестаньте! *(Платонову.)* Чего вы ждете здесь, Михаил Васильич? Уйдите, бога ради!

Анна Петровна. Будет, Софи, будет! Довольно!

Платонов *(подходит к Софье Егоровне)*. Ну чего? Э-э... *(Быстро отходит.)* Идиотство!

Софья Егоровна. Отойдите от меня прочь! Все! Не нуждаюсь я в вашей помощи! *(Анне Петровне.)* Отойдите прочь! Я вас ненавижу! Я знаю, кому я обязана всем этим! Не пройдет это вам даром!

Анна Петровна. Тссс... Не следует браться.

Софья Егоровна. Не будь над ним вашего развращающего авторитета, не губил бы он меня! *(Рыдает.)* Прочь! *(Войницеву.)* И вы... и вы отойдите!

Войницев отходит, садится за стол и кладет голову на руки.

Анна Петровна *(Платонову)*. Ступайте отсюда, вам говорят! Удивительный вы идиот сегодня! Чего вы еще хотите?

Платонов *(затыкает уши)*. Куда же я пойду? Я окоченел от холода... *(Идет к двери.)* Хотя бы черти прибрали скорей...

Входит Трилецкий.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и Трилецкий.

Трилецкий *(в дверях)*. Я тебе задам такого доклада, что ты и своих не узнаешь!

Голос Якова. Барин приказали...

Трилецкий. Пойди и поцелуйся с своим баринном! Он такой же болван, как и ты! *(Входит.)* Неужели и здесь его нет? *(Падает на диван.)* Ужасно! Это... это...

это... *(Вскакивает.)* Ох! *(Платонову.)* Трагедия на исходе, трагик! На исходе-с!

П л а т о н о в. Что тебе?

Т р и л е ц к и й. Что ты здесь проедаешься? Где ты шляешься, несчастный? Как тебе не стыдно, не грешно? Философствуешь здесь? Проповеди читаешь?

П л а т о н о в. Говори по-человечески, Николай! Что тебе?

Т р и л е ц к и й. Это скотство! *(Садится и закрывает руками лицо.)* Несчастье, какое несчастье! Кто мог ожидать?

П л а т о н о в. Что случилось?

Т р и л е ц к и й. Что случилось? А ты и не знаешь? Тебе и дела нет до этого? Тебе некогда?

А н н а П е т р о в н а. Николай Иваныч!

П л а т о н о в. Саша, что ли? Говори, Николай! Этого еще недоставало! Что с ней?

Т р и л е ц к и й. Спичками отравилась!

П л а т о н о в. Что ты говоришь?

Т р и л е ц к и й *(кричит)*. Спичками отравилась! *(Вскакивает.)* На, читай! Читай! *(Подносит к его глазам записку.)* Читай, философ!

П л а т о н о в *(читает)*. «Самоубийцев грешно поминать, но меня поминайте. Я лишила себя жизни в болезни. Миша, люби Колю и брата, как я тебя люблю. Не оставь отца. Живи по закону. Коля, господь тебя благословит, как я благословляю материнским благословением. Простите грешную. Ключ от Мишиного комода в шерстяном платье»... Золото мое! Грешная! Она грешная! Этого еще недоставало! *(Хватает себя за голову.)* Отравилась...

Пауза.

Саша отравилась... Где она? Послушай! Я к ней пойду! *(Срывает с руки повязку.)* Я... я воскрешу ее!

Т р и л е ц к и й *(ложится на диван лицом вниз)*. Прежде чем воскрешать, не нужно было убивать!

П л а т о н о в. Убивать... Зачем ты, безумец, говоришь... это слово? Да разве я убивал ее? Разве... разве я хотел ее смерти? *(Плачет.)* Отравилась... Этого еще недоставало, чтоб переехать меня колесом, как собаку! Если это наказание, то... *(машет кулаком)* это жестокое, безнравственное наказание! Нет, это уж выше сил

моих! Выше! За что? Ну грешен, положим, подл... но всё-таки ведь жив еще!

Пауза.

Глядите на меня теперь все! Глядите! Нравится?

Т р и л е ц к и й *(вскакивает.)* Да, да, да... Будем теперь плакать... Кстати, глаза на мокром месте... Выпороть бы тебя хорошенько! Одевай шапку! Едем! Муж! Хорош муж! Погубил женщину ни за что, ни про что! Довел до чего! А эти и держат его здесь! Нравится он им! Оригинальный человек, интересный субъект, с грустью благородной на лице! Со следами когда-то бывшей красоты! Поедем-ка! Посмотришь, что ты наделал, интересный субъект, оригинал!

П л а т о н о в. Без слов... без слов... Не нужно слов!

Т р и л е ц к и й. Счастье твое, живодер, что я сегодня чуть свет домой заехал! Ну что было бы, если бы я не заехал, если б я не захватил? Умерла бы она! Понимаешь ты это или нет? Ты обыкновенно всё понимаешь, кроме самых обыкновенных вещей! О, я бы тебе тогда задал! Я не посмотрел бы на твою жалостную физиономию! Если бы ты поменьше болтал своим окаянным языком да побольше сам слушал, то не было бы этого несчастья! За нее я и десять не возьму таких умников, как ты! Едем!

В о й н и ц е в. Не кричите! Ах... Как надоели все...

Т р и л е ц к и й. Едем!

П л а т о н о в. Постой... Так она... не умерла, ты говоришь?

Т р и л е ц к и й. А тебе хотелось бы, чтоб она умерла?

П л а т о н о в *(вскрикивает.)* Не умерла! Я не пойму никак... Не умерла? *(Обнимает Трилецкого.)* Жива! *(Хочет.)* Жива!

А н н а П е т р о в н а. Не понимаю!.. Трилецкий, извольте сказать толком! Все они сегодня как-то особенно глупы! Что же значит это письмо?

Т р и л е ц к и й. Она написала это письмо... Если б не я, она успела бы умереть... А теперь страшно больна! Не знаю, вынесет ли ее организм... О, пусть она только умрет, тогда... Отойди ты от меня, пожалуйста!

Платонов. Напугал ты меня как! Боже мой! Жива она еще! Значит, ты не допустил ее умереть? Милый мой! (*Целует Трилецкого.*) Дорогой! (*Хочет.*) Не верил в медицину, но теперь даже и в тебя верю! Что с ней теперь? Слаба? Нездорова? Но мы поднимем ее! Трилецкий. Вынесет ли она еще!

Платонов. Вынесет! Не она вынесет, так я вынесу! Зачем же ты сначала не сказал, что она жива? Анна Петровна! Милая женщина! Воды стакан холодной, и я счастлив! Простите меня, господа, все! Анна Петровна!.. Я с ума схожу!.. (*Целует у Анны Петровны руку.*) Жива Саша... Воды, воды... моя дорогая!

Анна Петровна выходит с пустым графином и через минуту входит с водой.

(*Трилецкому.*) Едем к ней! На ноги ее, на ноги! Вверх ногами всю медицину от Гипнократа до Трилецкого! Всё переворочаем! Кому же и жить на этом свете, как не ей? Едем! Но нет... подожди! Голова кружится... Я страшно болен... Постой... (*Садится на диван.*) Отдохну и едем... Очень слаба?

Трилецкий. Очень... Обрадовался! Чему он обрадовался, не понимаю!

Анна Петровна. И я испугалась. Говорить нужно потолковей! Пейте! (*Подает Платонову воду.*)

Платонов (*пьет с жадностью*). Спасибо, добрая женщина! Негодяй я, необыкновенный негодяй! (*Трилецкому.*) Сядь возле меня! (*Трилецкий садится*). И ты весь измучился... Спасибо тебе, друг. Много она хватила?

Трилецкий. Хватило бы на тот свет отправиться.

Платонов. Экая... Ну, слава богу. Рука болит... Дайте мне еще пить. Я сам ужасно болен, Николай! Еле голову на плечах держу... Того и смотри, что свалится... У меня, должно быть, горячка будет. Солдатики в ситцевых мундирах, с острыми шапочками так и мелькают перед глазами... Желто и зелено кругом... Закати-ка мне *chinini sulphurici*...

Трилецкий. Закатить бы тебе сотню-другую горячих!

Платонов (*хочет*). Шути, шути... Я иногда смеюсь твоим остроумиям. Ты мне деверь или шурин? Бо-

же мой, как я болен! Ты представить себе не можешь, как я болен!

Трилецкий щупает ему пульс.

Анна Петровна (*тихо Трилецкому*). Везите его, Николай Иванович! Я сама к вам сегодня приеду, поговорю с Александрой Ивановной. Что это ей вздумалось нас так пугать? Не опасно?

Трилецкий. Нельзя еще ничего сказать. Отравиться не удалось, но в общем... беда!

Платонов. Что ты ей дал?

Трилецкий. То, что следует. (*Встает.*) Едем!

Платонов. А генеральше что ты сейчас дал?

Трилецкий. Бредишь... Едем!

Платонов. Едем... (*Встает.*) Сергей Павлович! Брось! (*Садится.*) Брось! Чего пригорюнился? Точно солнце у земли украли! А еще тоже философию когда-то учил! Будь Сократом! А? Сергей Павлович! (*Тихо.*) Впрочем, я сам не знаю, что говорю...

Трилецкий (*кладет ему на голову руку*). Ты еще заболей! Ну да тебе для очистки совести не мешает поболеть!

Анна Петровна. Платонов, езжайте с богом! Пошлите в город за другим доктором... Консилиум не мешало бы... Я сама, впрочем, пошлю, не беспокойтесь... Успокойте же Александру Ивановну!

Платонов. У вас, Анна Петровна, по груди ползет маленький фортепяничек! Комизм! (*Смеется.*) Комизм! Сядь, Николай, сыграй что-нибудь!.. (*Хочет.*) Комизм! Я болен, Николай... Серьезно говорю... Не шутя... Едем!

Входит Иван Иванович.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Иван Иванович.

Иван Иванович (*растрепанный, в халате*). Саша моя! (*Плачет.*)

Трилецкий. Тебя еще недоставало здесь с твоими слезами! Ступай отсюда! Чего прибежал?

Иван Иванович. Умирает она! Исповедоваться хочет! Боюсь, боюсь... Ох как боюсь! (*Подходит*

к Платонову.) Мишенька! Умоляю тебя господом и всеми святыми! Дорогой, умный, прекрасный, честный человек! Пойди ты, скажи ей, что ты ее любишь! Брось ты все эти романы паскудные. Умоляю тебя коленапреклоненно! Помирает ведь! Одна у меня... одна! Умрет... погибну! Без покаяния погибну! Скажи ты ей, что ты ее любишь, за жену свою считаешь! Успокой ты ее ради Христа! Мишенька! Ложь бывает во спасение... Видит бог, что ты справедлив, но солги для спасения ближнего! Поедем, сделай милость! Подай ты мне эту милостыню Христа ради, старику! Сторицею господь воздаст тебе! Трясусь весь, трясусь от ужаса!

Платонов. Уже успел клюкнуть, полковник? *(Смеется.)* Вылечим Сашку и вместе выпьем! Ах, как пить хочу!

Иван Иванович. Поедем, благороднейший... праведнейший! Скажи ты ей два слова, и она спасена! Не спасут медикаменты, когда психиатрия душевная страдает!

Трилецкий. Выйди отсюда, отец, на минутку! *(Ведет отца за рукав.)* Кто тебе сказал, что она умрет? Откуда ты это выдумал? Вовсе не опасно! Подождешь в той комнате. Сейчас поедем к ней с ним вместе. Постыдился (бы) в таком виде вваливаться в чужой дом!

Иван Иванович (Анне Петровне). Грех вам, Диана! Не простит вас бог! Он молодой человек, неопытный...

Трилецкий (вталкивает его в другую комнату). Подожди там! *(Платонову.)* Хотите ехать?

Платонов. Страшно болен... Болен я, Николай!

Трилецкий. Хотите ехать, я вас спрашиваю, или нет?

Платонов (поднимается). Поменьше слов... Что делать, чтоб во рту не сохло? Едем... Я сюда, кажется, без шапки пришел... *(Садится.)* Поищи мою шапку!

Софья Егоровна. Он должен был это предвидеть. Я отдавалась ему, не спрашивая... Я знала, что я убиваю мужа, но я... ни перед чем для него не остановилась! *(Поднимается и подходит к Платонову.)* Что вы сделали со мной? *(Рыдает.)*

Трилецкий (хватает себя за голову). Комиссия! *(Ходит по сцене.)*

А н н а П е т р о в н а. Успокойтесь, Софи! Не время... Он болен.

С о ф ь я Е г о р о в н а. Можно ли, человечно ли издеваться так над целой человеческой жизнью? *(Садится рядом с Платоновым.)* Ведь вся жизнь теперь моя пропала... Я уж не жива теперь... Спасите меня, Платонов! Не поздно! Платонов, не поздно!

Пауза.

А н н а П е т р о в н а *(плачет)*. Софи... Что вы хотите? Успеете еще... Что он вам может сказать теперь? Разве вы не слышали... не слышали?

С о ф ь я Е г о р о в н а. Платонов... Еще раз прошу... *(Рыдает.)* Нет?

П л а т о н о в отодвигается от нее.

Не нужно... Хорошо же... *(Падает на колени)*. Платонов!

А н н а П е т р о в н а. Это уже слишком, Софи! Не смеете вы этого делать! Никто не стоит того, чтоб... на коленях... *(Поднимает ее и сажает.)* Вы... женщина!

С о ф ь я Е г о р о в н а *(рыдает)*. Скажите ему... Уговорите...

А н н а П е т р о в н а. Призовите к себе все силы вашего ума... Надо быть... стойкой... Вы женщина! Ну... полноте! Идите к себе в комнату!

Пауза.

Идите, лягте на постель... *(Трилецкому.)* Николай Иванович! Что делать?

Т р и л е ц к и й. Об этом нужно спросить милого Мишеньку! *(Ходит по сцене.)*

А н н а П е т р о в н а. Поведите ее на постель! Сергей! Николай Иванович! Да помогите же мне, наконец!

Войнищев встает и подходит к Софье Егоровне.

Т р и л е ц к и й. Поведите. Надо дать успокоительного.

А н н а П е т р о в н а. Я сама приняла бы теперь хлороформу... *(Войнищеву.)* Будь мужчиной, Сергей! Не теряйся хоть ты! Мне не лучше твоего, однако же...

стою на ногах... Пойдемте, Софи! Экий денек нынче выдался...

Ведут Софью Егоровну.

Мужайся, Сержель! Будем людьми!

В о й н и ц е в. Постараюсь, тамап. Креплюсь...

Т р и л е ц к и й. Не горюй, брат Сергей! Авось вытянем! Не ты первый, не ты и последний!

В о й н и ц е в. Постараюсь... Да, я постараюсь...

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ XI

П л а т о н о в и потом Г р е к о в а.

П л а т о н о в (*один*). Папиросу, Николай, и воды! (*Оглядывается.*) Нет их? Ехать нужно...

Пауза.

Разгромил, придушил женщин слабых, ни в чем не повинных... Не жалко было бы, если бы я их убил как-нибудь иначе, под напором чудовищных страстей, как-нибудь по-испански, а то убил так... глупо как-то, по-русски... (*Машет рукой перед глазами.*) Mouches volantes ¹... Облачки... Бредить, должно быть, буду... Раздавлен, приплющен, скомкан... А давно ли перестал хорохориться? (*Закрывает руками лицо.*) Стыд, жгучий стыд... Больно от стыда! (*Встает.*) Был голоден, холоден, истаскался, пропадал, исшарлатанился весь, пришел в этот дом... Дали мне теплый угол, одели, приласкали, как никого... Хорошо заплатил! Однако же болен... Плохо... Убить себя нужно... (*Подходит к столу.*) Выбирай, арсенал целый... (*Берет револьвер.*) Гамлет боялся сновидений... Я боюсь... жизни! Что будет, если я жить буду? Стыд заест один... (*Прикладывает револьвер к виску.*) Finita la commedia! ² Одним умным скотом меньше! Прости, Христос, мне мои грехи!

Пауза.

¹ Летающие мушки... (*франц.*)

² Комедия окончена! (*итал.*)

Ну? Сейчас смерть, значит... Боли теперь, рука, сколько хочешь...

Пауза.

Нет сил! *(Кладет револьвер на стол.)* Жить хочется... *(Садится на диван.)* Жить хочется... *(Входит Грекова.)* Воды бы... Где же Трилецкий? *(Увидев Грекову.)* Это кто? А-а-а... *(Смеется.)* Враг злейший... Будем завтра судиться?

Пауза.

Грекова. Но, разумеется, после того письма мы уж не враги.

Платонов. Всё одно. Воды нет?

Грекова. Вам воды? Что с вами?

Платонов. Болен... У меня горячка будет... Мне это понравилось. Умно. Но еще умнее было бы, если бы вы со мной вовсе не связывались... Застрелиться хотел... *(Смеется.)* Не удалось... Инстинкт... Ум свое, природа свое... Остроглазая! Ведь умница? *(Целует руку.)* Рука холодная... Слушайте... Вы хотите меня слушать?

Грекова. Да, да, да...

Платонов. Возьмите меня к себе! Я болен, пить хочу, страдаю страшно, невыносимо! Спать хочу, а лечь негде... Меня хоть бы в сарай, лишь бы угол, вода и... хинину немножко. Пожалуйста! *(Протягивает руку.)*

Грекова. Едемте! Я с удовольствием!.. Вы можете жить у меня, сколько угодно... Вы еще не знаете, что я наделала! Едемте!

Платонов. Мегсі, умная девочка... Папироса, вода и постель! На дворе дождь?

Грекова. Дождь.

Платонов. По дождю ехать придется... Судиться не станем. Мир! *(Смотрит на нее.)* Я брежу?

Грекова. Нисколько. Едемте! Экипаж у меня крытый.

Платонов. Хорошенькая... Чего же краснеешь? Не трону. Ручку вот холодную поцелую... *(Целует руку и тянет ее к себе.)*

Грекова *(садится к нему на колени)*. Нет... Не следует... *(Встает.)* Едемте... У вас лицо странное... Пустите руку!

Платонов. Болен. *(Встает.)* Едем... В щечку... *(Целует ее в щеку.)* Без всякой задней мысли. Не могу... Впрочем, пустяки. Едете, Марья Ефимовна? И, пожалуйста, поскорей! Вот... вот этим револьвером застрелиться хотел... В щечку... *(Целует в щеку.)* Брежу, но вижу ваше лицо... Всех людей люблю! Все! Я и вас люблю... Люди были для меня дороже всего... Никого не хотел обидеть, а всех обидел... Всех... *(Целует руку.)*

Грекова. Я всё поняла... Я понимаю ваше положение... Софи... да?

Платонов. Софи, Зизи, Мими, Маша... Вас много... Всех люблю... Был в университете, и на Театральной площади, бывало... падшим хорошие слова говорил... Люди в театре, а я на площади... Раису выкупил... Собрал со студентами триста целковых и другую выкупил... Показать ее письма?

Грекова. Что с вами?

Платонов. С ума, думаете, сошел? Нет, это так... Бред горячечный... Спросите Трилецкого... *(Берет ее за плечи.)* И меня все любят... Все! Оскорбишь, бывало, и то... любят... Грекову, например, оскорбил, на стол пхнул, и то... любит. Вы, впрочем, сама Грекова... Виноват....

Грекова. Что у вас болит?

Платонов. Платонов болит. Вы ведь меня любите? Любите? Откровенно... Я ничего не хочу... Вы только скажите мне, любите?

Грекова. Да... *(Кладет голову ему на грудь.)* Да...

Платонов *(целует ее в голову)*. Все любят... Когда выздоровею, развращу... Прежде хорошие слова говорил, а теперь развращаю...

Грекова. Мне всё одно... Мне ничего не нужно... Ты только и... человек. Не хочу я знать других! Что хочешь делай со мной... Ты... ты только и человек! *(Плачет.)*

Платонов. Понимаю я царя Эдипа, выколовшего себе глаза! Как я низок и как глубоко познаю свою низость! Отойдите! Не стоит... Я болен. *(Освобождается.)* Я еду сейчас... Извините меня, Марья Ефимовна! Я с ума схожу! Где Трилецкий?

Входит Софья Егоровна.

ЯВЛЕНИЕ XII

Те же и Софья Егоровна.

Софья Егоровна подходит к столу и роется на нем.

Грекова *(хватает Платонова за руку)*. Тссс...

Пауза.

Софья Егоровна берет револьвер, стреляет в Платонова и дает промах.

(Становится между Платоновым и Софьей Егоровной.) Что вы делаете?! *(Кричит.)* Сюда! Скорей сюда!

Софья Егоровна. Пустите... *(Обегает вокруг Грековой и стреляет Платонову в грудь, в упор.)*

Платонов. Пойдите, пойдите... Как же это так? *(Падает.)*

Вбегают Анна Петровна, Иван Иванович, Трилецкий и Войницев.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же, Анна Петровна, Иван Иванович, Трилецкий, Войницев, потом прислуга и Марко.

Анна Петровна *(вырывает у Софьи Егоровны револьвер и отбрасывает ее на диван)*. Платонов! *(Наклоняется к Платонову.)*

Войницев закрывает лицо и отворачивается к двери.

Трилецкий *(наклоняется к Платонову и поспешно расстегивает ему сюртук. Пауза)*. Михаил Васильич! Ты слышишь?

Пауза.

Анна Петровна. Бога ради, Платонов! Мишель... Мишель! Скорей, Трилецкий...

Трилецкий *(кричит)*. Воды!

Грекова *(подает ему графин)*. Спасите его! Вы спасете его! *(Ходит по сцене.)*

Трилецкий пьет воду и бросает графин в сторону.

Иван Иванович *(хватает себя за голову)*.
Ведь сказал же, что погибну? Ну и погиб! Вот и погиб!
(Опускается на колени). Господь всемогущий! Погиб...
Вот и погиб...

Вбегают Яков, Василий, Катя и повар.

Марко *(входит)*. От мирового судьи-с...

Пауза.

Анна Петровна. Платонов!

Платонов приподнимается и обводит всех глазами.

Платонов... Это ничего... Воды выпейте!

Платонов *(указывает на Марка)*. Ему три
целковых! *(Падает и умирает.)*

Анна Петровна. Мужайся, Сергей! Всё это
пройдет, Николай Иванович... Всё это пройдет... Му-
жайтесь...

Катя *(кланяется в ноги Анне Петровне)*. Я одна
виноватая! Я записку носила! На деньги польстилась,
барыня! Простите меня, окаянную!

Анна Петровна. Крепитесь... Зачем терять-
ся? Он только так... Излечимо...

Трилецкий *(кричит)*. Умер!

Анна Петровна. Нет, нет...

Грекова садится за стол, рассматривает бумажку
и горько плачет.

Иван Иванович. Со святыми упокой... По-
гиб... Погиб...

Трилецкий. Жизнь — копейка! Прощай,
Мишка! Пропала твоя копейка! Чего глазаете? Сам за-
стрелился! Расстроилась компания! *(Плачет.)* С кем я
теперь на твоих поминках пить буду! О, дураки! Не
могли уберечь Платонова! *(Встает.)* Отец, поди ска-
жи Саше, чтоб она умирала! *(Покачиваясь, подходит к*
Войницеву.) Ты-то чего? Эх! *(Обнимает Войницева.)*
Умер Платонка! *(Рыдает.)*

Войницев. Что делать, Николай?

Трилецкий. Хоронить мертвых и починять
живых!

А н н а П е т р о в н а *(медленно поднимается и идет к Софье Егоровне)*. Успокойтесь, Софи! *(Рыдает.)* Что вы наделали?! Но... но... успокойтесь! *(Трилецкому.)* Ничего не говорите Александре Ивановне, Николаю Иванычу! Я сама ей скажу! *(Идет к Платонову и опускается перед ним на колени.)* Платонов! Жизнь моя! Не верю! Не верю я! Ведь ты не умер? *(Берет его за руку.)* Жизнь моя!

Т р и л е ц к и й. За дело, Сережа! Поможем твоей жене, а потом...

В о й н и ц е в. Да, да, да... *(Идет к Софье Егоровне.)*

И в а н И в а н о в и ч. Забыл господь... За грехи... За мои грехи... Зачем грешил, старый шут? Убивал тварей божьих, пьянствовал, сквернословил, осуждал... Не вытерпел господь и поразил.

(Конец четвертого действия)

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ЭТЮД В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тихон Евстигнеев, содержатель кабака на большой дороге.

Семен Сергеевич Борцов, разорившийся помещик.

Марья Егоровна, его жена.

Савва, старик-странник.

Назаровна }
Ефимовна } богомолки.

Федя, прохожий фабричный.

Егор Мерик, бродяга.

Кузьма, проезжий.

Почтальон.

Кучер Борцовой.

Богомольцы, гуртовщики, проезжие и проч.

Действие происходит в одной из южнорусских губерний.

Сцена представляет собой кабак Тихона. Направо прилавок и полки с бутылками. В глубине дверь, ведущая наружу. Над нею снаружи висит красный засаленный фонарик. Пол и скамьи, стоящие у стен, вплотную заняты богомольцами и прохожими. Многие, за неимением места, спят сидя. Глубокая ночь. При поднятии занавеса слышится гром и в дверь видна молния.

ЯВЛЕНИЕ I

За прилавком Тихон. На одной из скамей, развалившись, полулежит Федя и тихо наигрывает на гармонийке. Около него сидит Борцов, одетый в поношенное летнее платье. На полу около скамей расположились Савва, Назаровна и Ефимовна.

Ефимовна (*Назаровне*). Потолкай-ка, мать, старца! Словно, никак, богу душу отдает.

Назаровна (*поднимая с лица Саввы край сермяги*). Божий человек, а божий человек! Жив ты, аль уж помер?

Савва. Зачем помер? Жив, матушка. (*Приподнимаясь на локоть*). Укрой-ка мне, убогонькая, ноги! Вот так. Правую больше. Вот так, матушка. Дай бог здоровья.

Назаровна (*прикрывая Савве ноги*). Спи, ба-тющка.

Савва. Какой уж тут сон? Было б терпенье муку эту перенести, а спанья, матушка, хоть и не надо. Не достоин грешник покой иметь. Это что шумит, богомолочка?

Назаровна. Грозу бог посылает. Ветер воеет, а дождик так и хлещет, так и хлещет. По крыше и

в стекла словно горошком дробняньким. Чуешь? Разверзлись хляби небесные.

Гром.

Свят, свят, свят...

Ф е д я. И гремит, и гудит, и шумит, и... конца краю нет! Гууу... словно лес шумит... Гууу... Ветер как собака воет... (*Ежится.*) Холодно! Одежда мокрая, хоть возьми да выжми, двери настезь... (*Тихо наигрывает.*) Размокла моя гармония, православные, никакой музыки нет, а то бы я вам такую концерту отшпандорил, что держись шапка! Великолепно! Кадрель ежели, или польку, положим... или какой русский куплетец... всё это мы можем. В городе, когда в коридорных при гранд-ателе состоял, денег не нажил, а в рассуждении гармонии все ноты превозошел. И на гитаре умею.

Г о л о с и з у г л а. Дурак, дурацкие и речи.

Ф е д я. От дурака слышу.

Пауза.

Н а з а р о в н а (*Савве*). Тебе бы, старик, таперича в тепле полежать, ножку-то погреть.

Пауза.

Старик! Человек божий! (*Толкает Савву.*) Ай помирать собираешься?

Ф е д я. Ты бы, дедусь, водочки выпил. Ты выпьешь, а оно в животе погорит, погорит, да от сердца и оттянет малость. Выпей-ка!

Н а з а р о в н а. Не бахвальничай, парень! Старик, может, душу богу отдает да о грехах кается, а ты слова такие, да с гармонией... Брось музыку-то! Глаза бесстыжие!

Ф е д я. А ты чего к нему пристала? Ему невмочь, а ты... бабьи глупости... Он из праведности не может тебе грубое слово вымолвить, а ты обрадовалась, рада, что он тебя, дуру, слушает... Спи, дедусь, не слушай! Пуцай болтает, а ты наплюй. Бабий язык — чёртово помело, выметет из дому хитреца и мудреца. Наплюй... (*Всплёскивает руками.*) Да и худой же ты, братец ты мой! Страсть! Чисто как ни на есть мертвый шкилет! Никакой живности! Ай и впрямь помираешь?

С а в в а. Зачем помирать? Избави, господи, зря помереть... Помаюсь маленько, а там и поднимусь с божьей помощью... Не попустит мать божия в чужой земле помереть... Помру дома...

Ф е д я. Издалече сам?

С а в в а. Вологодский. Из самой Вологды... мещанин тамошний...

Ф е д я. А где это Вологда?

Т и х о н. За Москвой... Губерния...

Ф е д я. Тю, тю, тю... Занесло же тебя, борода! И всё пешком?

С а в в а. Пешком, паренек. Был у Тихона Задонского, а иду в Святые горы... Из Святых гор, коли на то воля господня, в Одест... Оттуда, сказывают, в Ерусалим задешево отправляют. Будто за двадцать один рубль...

Ф е д я. А в Москве был?

С а в в а. Эва! разов пять...

Ф е д я. Хороший город? *(Закуривает.)* Стоящий?

С а в в а. Святынь много, парень... Где святынь много, там везде хорошо...

Б о р ц о в *(подходит к прилавку и Тихону)*. Еще раз прошу! Дай Христа ради!

Ф е д я. Главное в городе, чтоб чистота была... Ежели пыль — поливать, ежели грязь — чистить. Чтоб дома высокие были... театр, полиция... извозчики, которые... Сам жил в городах, понимаю.

Б о р ц о в. Рюмочку... вот эту маленькую. В долг ведь! Отдам!

Т и х о н. Ладно.

Б о р ц о в. Ну прошу! Сделай милость!

Т и х о н. Ступай!

Б о р ц о в. Ты меня не понимаешь... Пойми ты, невежа, если в твоей деревянной, мужицкой голове есть хоть капля мозга, не я прошу, ну, выражаясь по-твоему, по-мужицкому, просит! Болезнь моя просит! Пойми!

Т и х о н. Нечего нам понимать... Отходи!

Б о р ц о в. Ведь если я не выпью сейчас, пойми ты это, если я не удовлетворю своей страсти, то я могу преступление совершить. Я бог знает, что могу сделать! Видал ты, хам, на своем кабацком веку много пьяного люда, и неужели же ты до сих пор не сумел

уяснить себе, что это за люди? Это больные! На цепь их сажай, бей, режь, а водки дай! Ну, покорнейше прошу! Сделай милость! Унижаюсь! Боже мой, как я унижаюсь!

Т и х о н. Деньги давай, тогда и водка будет.

Б о р ц о в. Где же мне взять денег? Все пропито! Всё дотла! Что же я могу тебе дать? Пальто вот только одно осталось, но дать тебе его я не могу... Оно на голом теле. Хочешь шапку? *(Снимает шапку и подает ее Тихону.)*

Т и х о н *(осматривая шапку).* Гм... Шапка шапке рознь... Дыр, словно в решете.

Ф е д я *(смеется).* Дворянская! По улице в ней ходить да перед мамзелями снимать. Здравствуйте, прощайте! Как поживаете?

Т и х о н *(отдает Борцову шапку).* И даром не надо. Навоз.

Б о р ц о в. Не нравится? В таком случае дай в долг! Буду обратно идти из города, занесу тебе твой пятак! Подавись тогда этим пятаком! Подавись! Пусть он у тебя поперек горла станет! *(Кашляет.)* Ненавижу!

Т и х о н *(стуча кулаком о прилавок).* Чего пристал? Какой-такой ты человек? Что за жулик? Зачем пришел?

Б о р ц о в. Выпить хочу! Не я хочу, болезнь моя хочет! Пойми!

Т и х о н. Не выводите меня из моего терпения! Живо в стены будешь!

Б о р ц о в. Что же мне делать? *(Отходит от прилавка.)* Что же делать? *(Задумывается.)*

Е ф и м о в н а. Это тебя нечистый мутит. Ты плюнь, барин. Он тебе, окаянный, шепчет: выпей! выпей! А ты ему: не выпью! не выпью! Отстанет!

Ф е д я. В башке-то, небось — тру-ту-ту-ту... Животы подвело! *(Хохочет.)* Блажной ты, ваше благородие! Ложись-ка спи! Нечего пугалом посередь кабака торчать! Не огород нашел!

Б о р ц о в *(со злобой).* Молчи! Тебя не спрашивают, осел!

Ф е д я. Ты говори, говори, да не заговаривайся! Видали мы таких! Много вас таких здесь по большой дороге шатается! В отношении осла, как звездану тебя по уху, так взвоешь пуще ветра. Сам осел! Дрянь!

Пауза.

Сволочь!

Н а з а р о в н а. Старец, может, молитву творит и душу богу отдает, а они, нечестивцы, друг дружку задирают да слова разные... Срамники!

Ф е д я. А ты, кочерыжка, коли в кабак попала, не хныкай! В кабаке и кабацкий обычай.

Б о р ц о в. Как же мне быть? Что делать? Как мне дать ему понять? Какое же еще нужно красноречие? *(Тихону.)* Кровь запеклась в груди! Дядя Тихон! *(Плачет.)* Дядя Тихон!

С а в в а *(стонет)*. Стреляет в ногу, словно пулей огненной... Богомолочка, матушка!

Е ф и м о в н а. Что, батюшка?

С а в в а. Кто это плачет?

Е ф и м о в н а. Барин.

С а в в а. Попроси барина, пущай и за меня слезу прольет, чтоб довелось в Вологде помереть. Слезная молитва угодней.

Б о р ц о в. Не молюсь я, дед! Не слезы это! Сок! Сдавило мою душу и сок течет. *(Садится у ног Саввы.)* Сок! Впрочем, не понять вам! Не понять, дед, твоему темному разуму. Темные вы люди!

С а в в а. Где ж светлых-то взять?

Б о р ц о в. Есть, дед, светлые... Они бы поняли!

С а в в а. Есть, есть, родимый... Святые светлые были... Они всякое горе понимали... Ты им и не говори, а они поймут... В глаза тебе взглянут — поймут... И такое тебе утешение после их понятия, словно и горя не было — рукой снимет!

Ф е д я. А ты нешто видал святых?

С а в в а. Случалось, паренек... На земле всякого народу много. Есть и грешники, есть и божьи слуги.

Б о р ц о в. Ничего не понимаю... *(Быстро поднимается.)* Разговоры нужно понимать, а разве у меня теперь есть разум? У меня есть инстинкт, жажда! *(Быстро подходит к прилавку.)* Тихон, возьми пальто! Понимаешь? *(Хочет снять пальто.)* Пальто...

Т и х о н. А под пальтом что? *(Смотрит Борцову под пальто.)* Голое тело? Не снимай, не возьму... Не стану я брать греха на душу.

Входит М е р и к.

Те же и Мерик.

Борцов. Хорошо, я грех беру на себя! Согласен?

Мерик *(молча снимает сермягу и остается в поддевке. За поясом топор)*. Кому холодно, а медведю да не помнящему родства всегда жарко. Вопрекл! *(Кладет на пол топор и снимает поддевку.)* Покуда из грязи ногу вытащишь, так с тебя ведро пота стечет. Одну ногу вытащил, а другая вязнет.

Ефимовна. Это так... Родненький, дождик не меньше?

Мерик *(поглядев на Ефимовну)*. С бабами не рассуждаю.

Пауза.

Борцов *(Тихону)*. На себя грех беру! Да ты слышишь или нет?

Тихон. И слышать не желаю, отстань!

Мерик. Темень, словно кто дегтем небо вымазал. Носа не видать. А дождь в рожу бьет, что твоя пурга... *(Берет в охапку одежду и топор.)*

Федя. Для вашего брата, жулика, это — первое дело. Зверь хищный прячется, а вам праздник, шутам.

Мерик. Который человек говорит эти слова?

Федя. Погляди... чай, не повылазило.

Мерик. Так и запишем... *(Подходит к Тихону.)* Здорово, мордастый! Аль не спознал?

Тихон. Коли ежели вас всех пьяниц спознавать, что по большой дороге ходит, так для этого самого во лбу, почитай, десять дыр надо.

Мерик. А ты погляди...

Пауза.

Тихон. А и то спознал, скажи на милость! По глазницам спознал! *(Подает руку.)* Андрей Поликарпов?

Мерик. Был Андрей Поликарпов, а нынче, почитай, Егор Мерик.

Тихон. Зачем так?

Мерик. Какой билет бог послал, так и обозначаюсь. Месяца два как Мерик...

Гром.

Ррр... Греми, не испужался! *(Осматривается.)* Борзых тут нету?

Т и х о н. Какие борзые! Всё больше мошка да комары... Народ мякенький... Борзые теперича, чай, на перинах дрыхнут... *(Громко.)* Православные, стерегите карманы да одежонку, коли жалко! Лихой человек! Скрадет!

М е р и к. Ну, деньжонки пушай берегут, ежели есть, а касательно одежи — не трону. Брать некуда.

Т и х о н. Куда нелегкая несет?

М е р и к. В Кубань.

Т и х о н. Эва!

Ф е д я. В Кубань? Ей-богу? *(Приподнимается.)* Славные места! Такой, братцы, край, что и во сне не увидишь, хоть три года спи! Приволье! Сказывают, птицы этой самой, дичи, зверья всякого и — боже ты мой! Трава круглый год растет, народ — душа в душу, земли — девать некуда! Начальство, сказывают... мне намедни один солдатик сказывал... дает по сто десятин на рыло. Счастье, побей меня бог!

М е р и к. Счастье... Счастье за спиной ходит.... Его не видать... Коли локоть укусишь, и счастье увидишь... Одна глупость... *(Оглядывает скамьи и народ.)* Словно привал арестантский... Здорово, нужда!

Е ф и м о в н а *(Мерику)*. Глазища-то какие злющие!.. В тебе, парень, враг сидит... Ты на нас не гляди.

М е р и к. Здорово, беднота!

Е ф и м о в н а. Отвернись! *(Толкает Савву.)* Саввушка, на нас злой человек глядит! Испортит, родименький! *(Мерику.)* Отвернись, говорю, аспид!

С а в в а. Не тронет, матушка, не тронет... Не попустит бог.

М е р и к. Здорово, православные! *(Пожимает плечами.)* Молчат! Ведь не спите же, косолапы! Чего же молчите?

Е ф и м о в н а. Отверни глазища-то! Гордыню бесовскую отверни!

М е р и к. Молчи ты, старая карга! Не гордыней бесовской, а лаской и словом добрым хотел почесть долю горькую! Словно мухи жметесь от холода — ну, жалко стало, хотел доброе слово вымолвить, нужду приголубить, а вы рожки воротите! Что ж? И не надо! *(Подходит к Феде.)* Из каких будете?

Ф е д я. Тутошные, хамоньевские заводские. С кирпичных заводов.

М е р и к. Встань-кась!

Ф е д я (*приподнимаясь*). Ну?

М е р и к. Вставай! Совсем вставай, я тут лягу...

Ф е д я. То-ись... Твое место, што ли?

М е р и к. Мое. Поди ложись наземь!

Ф е д я. Проходи, прохожий... Не испужался...

М е р и к. Прыткий... Ну, ступай, не разговаривай! Плакаться будешь, глупый человек!

Т и х о н (*Феде*). Не прекословь ему, парень! Наплюй!

Ф е д я. Какую ты имеешь полную праву? Вытаращил свои щучьи глазищи и думаешь — испужался! (*Собирает свой скарб в охапку, идет и постилает себе на полу.*) Чёрт! (*Ложится и укрывается с головой.*)

М е р и к (*постилает себе на скамье*). Стало быть, не видал ты чёрта, коли им меня обзываешь. Черти не такие. (*Ложится и кладет рядом с собой топор.*) Ложись, топорик, братик... Дай я тебе топориче укрою.

Т и х о н. Топор где взял?

М е р и к. Украл... Украл, а теперь вот и ношусь с ним, как с писаной торбой: и бросать жалко и девать некуда. Как жена постылая... Да... (*Укрывается.*) Черти, брат, не такие...

Ф е д я (*высовывая голову из-под сермяги*). А какие?

М е р и к. Они как пар, дух... Дунуть вот (*дует*), такие и они. Видеть их невозможно.

Г о л о с и з у г л а. Ежели под борону сесть, так увидишь.

М е р и к. Сидел, не видал... Бабы врут да глупые мужики... Ни черта не увидишь, ни лешего, ни мертвеца... Глаз не так сотворен, чтоб всё увидеть можно было... Когда мал был, нарочито по ночам в лес ходил лешего поглядеть... Кричу, кричу, бывало, что есть духу, зову лешего и глазами не моргаю: пустяк разный мерещится, а лешего не видать. На погост по ночам ходил, мертвецов желал видеть — врут бабы. Зверье всякое видывал, а что насчет страшного — на-кася выкуси! Глаз не тот...

Г о л о с и з у г л а. Не говори, бывает так, что и увидишь... В нашей деревне потрошил один мужик кабана... Распорол этта требуху, а оттеда как выскочит!

С а в в а (*приподнимаясь*). Ребятунки, не поминайте вы нечистого! Грех, милые!

М е р и к. Ааа... седая борода! Шкилет! (*Смеется.*) Не надо и на погост итить, свои мертвецы из-под пола вылезают наставления читать... Грех... Не с вашим глупым понятием людей наставлять! Народ вы темный, в невежестве... (*Закуривает трубку.*) Отец мой был мужик и тоже любил, бывало, наставлять. Накрал раз у попа ночью мешок яблок, приносит нам да и наставляет: «Вы же, ребята, смотрите, до Спаса не лопаите яблок, потому грех»... Так и вы... Чёрта вспоминать нельзя, а чертить можно... К примеру, хоть эту вот каргу взять... (*Указывает на Ефимовну.*) Во мне ворога увидела, а, небось, сама на своем веку из-за женских глупостей раз пять чёрту душу отдавала.

Е ф и м о в н а. Тьфу, тьфу, тьфу!.. С нами крестная сила! (*Закрывает лицо руками.*) Саввушка!

Т и х о н. Зачем пужаешь? Обрадовался!

Дверь хлопает от ветра.

Господи Иисусе... Ветер-то, ветер!

М е р и к (*потягивается*). Эх, силищу бы свою показать!

Дверь хлопает от ветра.

С ветром бы с эфтим померяться! Не сорвать ему двери, а я, ежели что, кабак с корнем вырву! (*Встает и ложится.*) Тоска!

Н а з а р о в н а. Молитву сотвори, идол! Что мечешься?

Е ф и м о в н а. Не трожь его, чтоб ему пусто! Опять на нас глядит! (*Мерику.*) Не гляди, злой человек! Глаза-то, глаза, словно у беса перед заутреней!

С а в в а. Пущай глядит, богомолочки! Молитву творите, глаз и не пристанет...

Б о р ц о в. Нет, не могу! Выше сил моих! (*Подходит к прилавку.*) Послушай, Тихон, в последний раз прошу... Полрюмки!

Т и х о н (*качает отрицательно головой*). Деньги!

Б о р ц о в. Боже мой, да ведь я уже сказал тебе! Всё пропито! Откуда же я возьму тебе? И неужто ты разоришься, если дашь мне в долг каплю водки? Рюмка

водки стоит тебе грош, меня же избавит она от страданий! Страдаю! Не блажь тут, а страдание! Пойми!

Т и х о н. Поди рассказывай кому другому, а не мне... Ступай, проси вон у православных, пускай подносят тебе Христа ради, ежели желают, а я Христа ради только хлеб подаю.

Б о р ц о в. Дери ты с них, бедняков, а я уж... извини! Не мне их обирать! Не мне! Понимаешь? *(Стучит кулаком о прилавок.)* Не мне!

Пауза.

Гм... Постойте же... *(Оборачивается к богомольцам.)* А ведь это идея, православные! Пожертвуйте пятачишку! Нутро просит! Болен!

Ф е д я. Ишь ты, жертвуйте... Жулик... А водички не хочешь?

Б о р ц о в. Как я унижаюсь! Как унижаюсь! Не надо! Ничего мне не надо! Я шутил!

М е р и к. Не выпросишь у него, барин... Известный жила... Постой, у меня где-то пятачишка валялся... Оба стакашку выпьем... напополам... *(Роется в карманах.)* Чёрт... застрял где-то... Кажись, намени что-то звякало в кармане... Нет, нету... Нету, брат! Счастье твое такое!

Пауза.

Б о р ц о в. Не выпить мне нельзя, иначе я преступление совершу или на самоубийство решусь... Что же делать, боже мой! *(Глядит в дверь.)* Уйти разве? Пойти в эти потемки, куда глаза глядят...

М е р и к. Что же вы, богомолочки, ему наставления не прочтете? А ты, Тихон, отчего его наружу не выгонишь? Ведь он не заплатил тебе за ночлег. Гони его, толкай в шею! Эх, жесткий нынче народ. Нет в нем мягкости и доброты... Лютый народ! Тонет человек, а ему кричат: «Тони скорей, а то глядеть некогда, день рабочий!» А про то, чтоб ему веревку бросить, и толковать нечего... Веревка деньги стоит...

С а в в а. Не осуждай, добрый человек!

М е р и к. Молчи, старый волк! Лютый вы народ! Ироды! Душепродавцы! *(Тихону.)* Пошел сюда, сними мне сапоги! Живо!

Т и х о н. Эх, расходился! *(Смеется.)* Ужаси!

М е р и к. Пошел, тебе говорят! Живо!

Пауза.

Слышишь ты, аль нет? Стенам говорю? *(Поднимается.)*

Т и х о н. Ну, ну... будет!

М е р и к. Я желаю, живодер, чтоб ты у меня, у нищего бродяги, сапоги снял!

Т и х о н. Ну, ну... не сердчай! Поди, стаканчик выпей... Иди выпей!

М е р и к. Люди, чего я желаю? Чтоб он меня водкой угощал или чтоб сапоги снял? Нешто я оговорился, не так сказал? *(Тихону.)* Ты, стало быть, не расслышал? Погожу минутку, авось расслышишь.

Между богомольцами и прохожими некоторое волнение.

Приподнимаются и глядят на Тихона и Мерика.

Молчаливое ожидание.

Т и х о н. Нелегкая тебя принесла! *(Выходит из-за прилавка.)* Барин какой нашелся! Ну, давай, что ли? *(Снимает с Мерика сапоги.)* Каиново отродье...

М е р и к. Вот так. Поставь их рядом... Вот так... Ступай!

Т и х о н *(снявши сапоги, идет за прилавок)*. Больно ты любишь мудрить! Помудри еще у меня, так живо из кабака вылетишь! Да! *(Подходящему Борцову.)* Ты опять?

Б о р ц о в. Видишь ли, я, пожалуй, могу дать тебе одну золотую вещь... Изволь, если хочешь, я тебе дам...

Т и х о н. Чево трясешься? Говори толком!

Б о р ц о в. Хотя это подло и мерзко с моей стороны, но что же делать? Я решаюсь на эту мерзость, будучи невменяем... Меня и на суде оправдали бы... Возьми, но только с условием: возратить мне потом, когда буду обратно из города идти. Даю тебе при свидетелях... Господа, вы будьте свидетелями! *(Достает из-за пазухи золотой медальон.)* Вот он... Портрет надо бы вынуть, да некуда мне его положить: я весь мокрый!.. Ну, грабь с портретом! Только вот что... ты тово... пальцами не прикасайся к этому лицу... Прошу... Я, голубчик, был груб с тобою... глуп, но ты извини и... не трогай пальцами... Не гляди своими глазами на это лицо... *(Подает Тихону медальон.)*

Т и х о н (*рассматривает медальон*). Краденые часики... Ну, да ладно, пей... (*Наливает водки.*) Трескай...

Б о р ц о в. Только ты пальцами... не тово... (*Пьет медленно, с судорожной расстановкой.*)

Т и х о н (*открывает медальон*). Гм... Мадама!.. Откуда это ты подцепил такую?

М е р и к. А покажь-ка! (*Встает и идет к прилавку.*) Дай-ка поглядеть!

Т и х о н (*отстраняет его руку*). Куда лезешь? Из рук гляди!

Ф е д я (*поднимается и идет к Тихону*). Дай-кась и я погляжу!

К прилавку подходят с разных сторон странники и прохожие.
Группа.

М е р и к (*крепко обеими руками держит руку Тихона с медальоном и молча смотрит на портрет*).

Пауза.

Красивая дьяволица! Из барынь...

Ф е д я. Из барынь... Щеки этта, глаза... Оттопырь руку-то, не видать! Волосья по самый пояс... Чисто как живая! Говорить собирается...

Пауза.

М е р и к. Для слабого человека это первая гибель. Сядет этакая верхом на шею и... (*машет рукой*) и — крышка тебе!

Слышен голос Кузьмы: «Тпррр... Стой, тетеря!»

Входит К у з ь м а.

ЯВЛЕНИЕ III

Т е ж е и К у з ь м а.

К у з ь м а (*входит*). Стоит кабачок на пути — ни проехать, ни пройти. Мимо отца родного днем поедешь, не заметишь, а кабак и в потемках за сто верст видать. Расступись, кто в бога верует! Ну-кася! (*Стучит пятаком о прилавок.*) Стакан мадеры настоящей! Живо!

Ф е д я. Ишь ты, черт верченый!

Т и х о н. Руками-то не размахивай! Зацепишь!

Кузьма. На то они и от бога дадены, чтобы ими размахивать. Растаяли, сахарные, тетка ваша подкурытина! Дождя испужались, нежные! *(Пьет.)*

Ефимовна. Испужаешься, добрый человек, коли на пути такая ночь захватит. Таперича, слава богу, благодать, по дорогам деревень и дворов много, есть где от погоды уйти, а допрежь и не приведи создатель что было! Сто верст пройдешь и не токмо что деревни или двора, щепочки не узришь. Так и почувешь на земле...

Кузьма. А давно, баба, на свете маешься?

Ефимовна. Восьмой десяток, батюшка.

Кузьма. Восьмой десяток! Скоро доживешь до вороньего века. *(Глядит на Борцова.)* А это что за изюмина? *(Глядит в упор на Борцова.)* Барин!

Борцов узнает Кузьму и, сконфузившись, идет в угол и садится на скамью.

Семен Сергеич! Да это вы или не вы? А? С какой такой стати вы в этом кабаке? Нешто вам тут место?

Борцов. Молчи!

Мерик *(Кузьме)*. Кто это?

Кузьма. Мученик несчастный! *(Нервно ходит около прилавка.)* А? В кабаке, скажи на милость! Оборванный! Пьяный! Я встревожился, братцы... Встревожился... *(Говорит Мерику полушёпотом.)* Это наш барин... наш помещик, Семен Сергеич, господин Борцов... Видал, в каком виде? На какого человека он похож таперя? То-то вот... пьянство до какой степени... Налей-кась! *(Пьет.)* Я из его деревни, из Борцовки, может, слыхали, за двести верст отседа, в Ерговском уезде. Крепостными у его отца были... Жалость!

Мерик. Богатый был?

Кузьма. Большой...

Мерик. Профуфырил отцовское-то?

Кузьма. Нет, судьба, друг милый... Господин был большой, богатый, тверезый... *(Тихону.)* Чай, сам, небось, видывал, как, бывалыча, тут мимо кабака в город езживал. Лошади барские, шустрые, коляска лесорная — первый сорт! Пять троек держал, братец ты мой... Лет пять назад, помню, едет тут через Микин-кинский паром и заместо пятака рупь выкидывает... Некогда, говорит, мне сдачу ждать... В-во!

М е р и к. Ума, стало быть, решился.

К у з ь м а. Словно как будто ум и при нем... Из малодушества всё вышло! С жиру! Первое дело, ребята, из-за бабы... Полюбил он, сердешный, одну городскую, и представилось ему, что краше ее на всем свете нет... Полюбилась ворона пуще ясна сокола. Из благородных девушка... Не то чтобы какая беспутная или что, а так... вертуха... Хвостом — верты! верты! Глазами — щурь! щурь! И всё смеется, и всё смеется! Никакого ума... Барам это вдравится, по-ихнему умная, а по-нашему, по-мужицкому — взял бы да со двора прогнал... Ну... полюбилась и — пропадай ты, доля барская! Стал с ней хороветься, то да се, чай да сахар, прочее... на лодках всю ночь ездют, на фортепьянах...

Б о р ц о в. Не рассказывай, Кузьма! К чему? Какое им дело до моей жизни?

К у з ь м а. Извините, ваше высокоблагородие, я только самую малость... Рассказал им и будет с них... Я малость, потому встревожился... Очень уж я встревожился! Налей-кась! *(Пьет.)*

М е р и к *(полушёпотом)*. А она его любила?

К у з ь м а *(полушёпотом, который постепенно переходит в обыкновенную речь)*. Как не любить? Барин не пустяковый... Полюбишь, коли ежели тыща десятин да денег куры не клюют... Сам-то солидный, сановитый, тверезый... каждого начальства всё одно, как вот я тебя сичас... за ручку... *(берет Мерика за руку)* «здрате и прощайте, милости просим»... Ну, прохожу однажды, это самое, вечером, через сад господский... сад-то, брат, вво! верстами меряй... иду потихоньку, смотрю это, а они сидят на лавочке и друг дружку *(изображает звук поцелуя)* целуют. Он ее раз, она, змея, его два... Он ее за белу ручку, а она вся — вспых! и жметя, так и жметя к нему, чтоб ей... Люблю, говорит, тебя, Сеня... А Сеня, как окаянный человек, ходит с места на место и счастьем похваляется с малодушества... Тому рупь, тому два... Мне на лошадь дал. Всем долги простил на радостях...

Б о р ц о в. Ах... Ну к чему рассказывать? У этого народа никакого сожаления... Больно ведь!

К у з ь м а. Я малость, барин! Просю! Отчего чуточку не рассказать? Ну, ну, я не буду, ежели серчаете... Не буду... Мне плевать на них...

Слышны почтовые звонки.

Ф е д я. Ты не ори, потихоньку...

К у з ь м а. Я и так потихоньку... Не велит, ничего не поделаешь... Да и рассказывать больше нечего. Повенчались — вот и всё... Больше ничего и не было. Налей-кась Кузьме бессребренику! (*Пьет.*) Не люблю пьянства! В самый раз, когда господам, после венца, за ужин садиться, она. возьми да и убеги в карете... (*Шёпотом.*) В город к аблакату дернула, к полюбовнику... А? Какова? В самый настоящий момент! То-ись... убить мало!

М е р и к (*задумчиво*). Да... Ну что же дальше?

К у з ь м а. Очумел... Вот, как видишь, стал зашибать муху и ноше, сказывают, до шмеля дошел... То были мухи, а теперь — шмель... И до сей поры любит. Погляди: любит! Должно, идет таперь пешком в город на нее одним глазочком взглянуть... Взглянет и — назад...

К кабаку подъезжает почта. Почтальон входит и пьет.

Т п х о н. А нынче запоздала пошта!

П о ч т а л ь о н молча расплачивается и уходит.

Почта со звоном уезжает.

Г о л о с и з у г л а. В этакое ненастье пошту ограбить — раз плюнуть!

М е р и к. Жил на свете 35 лет и ни разу пошты не грабил.

Пауза.

Таперь уехала, поздно... Поздно...

К у з ь м а. Каторги понюхать желательное?

М е р и к. Люди грабят, не нюхают. Да хоть и каторга! (*Резко.*) Дальше что?

К у з ь м а. Ты про несчастного?

М е р и к. А то про кого же?

К у з ь м а. Второе дело, братцы, откуда разоренье пошло — зять, сестрин муж... Вздумал он за зятя в банковом обществе поручиться... тысяч на тридцать... Зять любит взять... известно, знает, шельма, свой интерес и ухом своим свиным не ведет... Взял, а платить не надоть... Наш так и заплатил все тридцать. (*Вздыхает.*) Глупый человек за глупость и муки тер-

пит. Жена с аблакатом детей прижила, а зять около Полтавы именье купил, наш же, как дурак, по кабакам ходит да нашему брату мужику жалится: «Потерял я, братцы, веру! Не в кого мне теперь, это самое, верить!» Малодушество! У всякого человека свое горе бывает, змеей за сердце сосет, так и пить, значит? Взять, к примеру, хоть нашего старшину. Жена к себе учителя среди бела дня водит, мужнины деньги на хмель изводит, а старшина ходит себе да усмешки на лице делает... Поосунулся только малость...

Тихон (*вздыхает*). Кому какую бог силу дал...

Кузьма. Сила разная бывает, это правильно... Ну? Сколько тебе? (*Расплачивается.*) Забирай кровные! Прощай, ребята! Спокойной вам ночи, приятного сна! Бегу, пора... Акушёрку к барыне из больницы везу... Чай, заждалась сердешная, размокла... (*Убегает.*)

Тихон (*после паузы*). Эй, ты! Как вас? Несчастный человек, иди выпей! (*Наливает.*)

Борцов (*подходит нерешительно к прилавку и пьет*). Значит, теперь я тебе за два стакана должен.

Тихон. Какой уж тут долг? Пей — вот и всё! Заливай горе бедой!

Федя. Выпей, барин, и мое! Эх! (*Бросает пятак на прилавок.*) Пить — помирать и не пить — помирать! Без водки хорошо, а с водкой, ей-богу, вольготней! При водке и горе не горе... Жарь!

Борцов. Фу! Горячо!

Мерик. Дай-ка сюда! (*Берет у Тихона медальон и рассматривает портрет.*) Гм... После венца ушла... Какова?

Голос из угла. Нацеди-ка ему, Тиша, стаканчик. Пусть и мое выпьет!

Мерик (*с силой бьет медальоном о пол*). Проклятая! (*Быстро идет на свое место и ложится лицом к стене.*)

Волнение.

Борцов. Это что же? Что же это такое? (*Поднимает медальон.*) Как ты смеешь, скотина? Какое ты имеешь право? (*Плаксиго.*) Ты хочешь, чтоб я тебя убил? Да? Мужик! Невежа!

Тихон. Будет, барин, сердчать... Не стеклянное, не разбилось... Выпей-ка еще, да спать... (*Наливает.*)

Заслушался вас тут, а давно уж пора кабак заперать.
(Идет и запирает наружную дверь.)

Борцов (пьет). Как он смеет? Этакий ведь дурак! (Мерiku.) Понимаешь? Ты дурак, осел!

Савва. Ребятушки! Почтенные! Положите хранение устом! Какая польза от шума? Дайте спать людям!

Тихон. Ложитесь, ложитесь... Будет вам! (Идет за прилавок и запирает ящик с выручкой.) Спать пора!

Федя. Пора! (Ложится.) Приятного сна, братцы!

Мерик (встает и постилает на скамье полушубок). Иди, барин, ложись!

Тихон. Ты же где ляжешь?

Мерик. Где придется... Хоть и на полу... (Постилает сермягу на полу.) Мне всё равно. (Кладет рядом с собой топор.) Ему на полу спать мука... Привык к шелку да к вате...

Тихон (Борцову). Ложись, ваше благородие! Будет тебе на патрет глядеть! (Тушит свечу.) Брось ты ее!

Борцов (пошатываясь). Где же мне лечь?

Тихон. На бродягино место! Чай, слышал, уступает тебе!

Борцов (подходит к уступленному месту). Я тово... охьянел... Это... что же? Тут мне ложиться? А?

Тихон. Тут, тут, не бойся, ложись... (Растягивается на прилавке.)

Борцов (ложится). Я... пьян... Все кругом... (Открывает медальон.) Свечечки у тебя нет?

Пауза.

Ты, Маша, чудачка... Глядишь на меня из рамочки и смеешься... (Смеется.) Пьяный! А разве над пьяным можно смеяться? Ты пренебреги, как говорит Счастливец, н... полюби пьяного.

Федя. Ветер-то как вост! Жутко!

Борцов (смеется). Какая ты... Разве можно так кружиться? Тебя не поймаешь!

Мерик. Бредит. На портрет загляделся. (Смеется.) Комиссия! Образованные госнода всякие машины и лекарства повывдумывали, а нет еще того умного человека, чтоб нашел лекарство от женского пола... Ищут, как бы все болезни лечить, а того и

вдомек не берут, что от бабья народа пропадает больше, чем от болезней... Лукавы, сребролюбы, немилостивы, никакого ума... Свекровь изводит невестку, невестка норовит как бы облукавить мужа... И конца нет...

Т и х о н. Натрепали ему бабы вихор, вот он и топорщится.

М е р и к. Не я один... Спокон века, пока мир стоит, люди плачутся... Недаром и не зря в сказках да песнях чёрта с бабой на одну линию ставят... Недаром! Хоть наполовину да правда...

Пауза.

Барин вон дурака ломает, а я нешто от большого ума в бродяги пошел, отца-мать бросил?

Ф е д я. Бабы?

М е р и к. Тоже как вот и барин... Ходил, как окаянный, замороженный, счастьем похвалялся... день и ночь как в огне, а пришла пора, открыл глаза... Не любовь была, а одно только обманство...

Ф е д я. Что ж ты ей сделал?

М е р и к. Не твое дело...

Пауза.

Убил, думаешь? Руки коротки... Не то что убьешь, но еще и пожалеешь... Живи ты и будь ты... счастлива! Не видали б только тебя мои глаза, да забыть бы мне тебя, змея подколодная!

Стук в дверь.

Т и х о н. Кого-то черти принесли... Кто там?

Стук.

Кто стучит? *(Встает и подходит к двери.)* Кто стучит? Проходи, заперто!

Г о л о с з а д в е р ь ю. Впусти, Тихон, сделай милость! Рессора в карете лопнула! Помоги, будь отцом родным! Веревочкой бы только обвязать, а потом уж как-нибудь доехали бы...

Т и х о н. Кто едет?

Г о л о с з а д в е р ь ю. Барыня едет из города в Варсонофьево... Пять верст только осталось... Помоги, сделай милость!

Т и х о н. Поди, скажи барыне, коли даст десять рублей, так и веревка будет и рессору починим...

Г о л о с з а д в е р ь ю. Взбесился ты, что ли? Десять рублей! Собака ты бешеная! Рад людскому горю!

Т и х о н. Как знаешь... Не хочешь и не нужно...

Г о л о с з а д в е р ь ю. Ну, да ладно, погоди...

Пауза.

Барыня сказала: хорошо.

Т и х о н. Милости просим! *(Отворяет дверь и выпускает кучера.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Т е ж е и к у ч е р.

К у ч е р. Здорово, православные! Ну, давай веревку! Скорей! Ребята, кто пойдет поможет? На чай перепадет!

Т и х о н. Нечего там на чай... Пуцай дрыхнут, вдвоем справимся.

К у ч е р. Фуй, измаялся весь! Холодно, в грязи, ни одного сухого места... Вот что еще, милый... Нет ли у тебя здесь комнатки, барыне погреться? Карету покривило набок, сидеть никак невозможно...

Т и х о н. Какой еще там комнаты захотела? Пуцай здесь греется, коли озябла... Найдем место. *(Подходит к Борцову и очищает около него место.)* Вставайте, вставайте! Поваляйтесь часик на полу, покуда барыня погреться. *(Борцову.)* Привстань-ка, ваше благородие! Посиди! *(Борцов приподнимается.)* Вот тебе и место.

К у ч е р выходит.

Ф е д я. Вот вам и гостья, шут ее принес! Таперь до света не уснешь!

Т и х о н. Жалко, что я пятнадцати не запросил... Дала бы... *(Остается перед дверью в ожидательной позе.)* Вы же, народ, поделикатней... Не говорите слов...

Входят Марья Егоровна и за нею кучер.

Те же, М а р ь я Е г о р о в н а и к у ч е р.

Т и х о н *(кланяется)*. Милости просим, ваше сиятельство! Жилье наше мужицкое, тараканье. Не побрезгуйте!

М а р ь я Е г о р о в н а. Я тут ничего не вижу... Куда же мне идти?

Т и х о н. Сюда, ваше сиятельство! *(Ведет ее к месту около Борцова.)* Сюда, милости просим! *(Дует на место.)* Комнатки у меня отдельной, извините, нету, но вы, сударыня, не сомневайтесь: народ хороший, тихий...

М а р ь я Е г о р о в н а *(садится рядом с Борцовым)*. Какая ужасная духота! Отворите по крайней мере хоть дверь!

Т и х о н. Слушаю-с! *(Бежит и отворяет настежь дверь.)*

М е р и к. Народ зябнет, а они двери настежь! *(Встает и захлопывает дверь.)* Что за указчица? *(Ложится.)*

Т и х о н. Извините, ваше сиятельство, это у нас дурачок... юродивенький... Но вы не пугайтесь, не обидит... Только извините, барыня, я за десять рублей не согласен... За пятнадцать, ежели угодно....

М а р ь я Е г о р о в н а. Хорошо, только поскорей!..

Т и х о н. Сею минутою... Мигом мы это самое... *(Вытаскивает из-под прилавка веревки.)* Сею минутою...

Пауза.

Б о р ц о в *(вглядывается в Марию Егоровну)*. Мари... Маша...

М а р ь я Е г о р о в н а *(глядя на Борцова)*. Что еще?

Б о р ц о в. Мари... Это ты? Откуда ты?

Марья Егоровна, узнав Борцова, вскрикивает и отскакивает на середину кабака.

(Идет за ней.) Мари, это я... Я! *(Хочет.)* Моя жена! Мари! Да где же я нахожусь? Люди, огня!

Марья Егоровна. Отойдите прочь! Лжете, это не вы! Невозможно! *(Закрывает лицо руками.)* Это ложь, глухость!

Борцов. Голос, движения... Мари, это я! Сейчас я перестану... быть пьян... Голова кружится... Боже мой! Постой, постой... я ничего не понимаю. *(Кричит.)* Жена! *(Падает к ее ногам и рыдает.)*

Около супругов собирается группа.

Марья Егоровна. Отойдите прочь! *(Кучеру.)* Денис, едем! Я не могу здесь долее оставаться!

Мерик *(вскакивает и пристально вглядывается ей в лицо)*. Партрет! *(Хватает ее за руку.)* Она самая! Эй, народ! Жена баринова!

Марья Егоровна. Пошел прочь, мужик! *(Старается вырвать у него свою руку.)* Денис, что же ты смотришь? *(Денис и Тихон подбегают к ней и хватают Мерика под руки.)* Это разбойничий вертеп! Пусти же руку! Не боюсь я!.. Подите прочь!

Мерик. Постой, сейчас отпущу... Дай мне сказать тебе одно только слово... Одно слово, чтоб ты поняла... Постой... *(Оборачивается к Тихону и Денису.)* Прочь вы, хамы, не держите! Не выпущу, покада слова не скажу! Постой... сейчас. *(Бьет себя кулаком по лбу.)* Нет, не дал бог разума! Не могу я тебе этого слова придумать!

Марья Егоровна *(вырывает руку)*. Поди ты прочь! Пьяницы... Едем, Денис! *(Хочет идти к двери.)*

Мерик *(загораживает ей дорогу)*. Ну, погляди ты на него хоть одним глазом! Приголубь ты его хоть одним словечком ласковым. Богом молю!

Марья Егоровна. Возьмите от меня этого... юродивого.

Мерик. Так пропадай же ты, проклятая, пропадом! *(Взмахивает топором.)*

Страшное волнение. Все вскакивают с шумом и криком ужаса. Савва становится между Мериком и Марьей Егоровной... Денис с силой отталкивает в сторону Мерика и выносит свою барыню из кабака. После этого все стоят как вкопанные.

Продолжительная пауза.

Борцов *(ловит в воздухе руками)*. Мари... Где же ты, Мари!

Н а з а р о в н а. Боже мой, боже мой... Душеньку мою надорвали вы, убийцы! И что за ночь окаянная!

М е р и к *(опуская руку с топором)*. Убил я ее, аль нет?..

Т и х о н. Благодарю бога, цела твоя голова...

М е р и к. Не убил, стало быть... *(Пошатываясь, идет к своей постели.)* Не привела судьба помереть от краденного топора... *(Падает на постель и рыдает.)* Тоска! Злая моя тоска! Пожалейте меня, люди православные!

З а н а в е с

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ
(КАЛХАС)

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ЭТЮД В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В а с и л и й   В а с и л ь е в и ч   С в е т л о в и д о в, комик,
старик 68-ми лет.

Н и к и т а   И в а н ы ч, суфлер, старик.

Действие происходит на сцене провинциального театра, ночью, после спектакля.

Пустая сцена провинциального театра средней руки. Направо ряд некрашенных, грубо сколоченных дверей, ведущих в уборные; левый план и глубина сцены завалены хламом. Посреди сцены опрокинутый табурет.— Ночь. Темно.

I

Светловидов в костюме Калхаса, со свечой в руке, выходит из уборной и хохочет.

Светловидов. Вот так фунт! Вот так штука. В уборной уснул! Спектакль давно уже кончился, все из театра ушли, а я преспокойнейшим манером храповицкого задаю. Ах, старый хрен, старый хрен! Старая ты собака! Так, значит, налимонился, что сидя уснул! Умница! Хвалю, мамочка. *(Кричит.)* Егорка! Егорка, чёрт! Петрушка! Заснули, черти, в рот вам дышло, сто чертей и одна ведьма! Егорка! *(Поднимает табурет, садится на него и ставит свечу на пол.)* Ничего не слышно... Только эхо и отвечает... Егорка и Петрушка получили с меня сегодня за усердие по трешнице,— их теперь и с собаками не сыщешь... Ушли и, должно быть, подлецы, театр заперли... *(Крутит головой.)* Пьян! Уф! Сколько я сегодня ради бенефиса влил в себя этого вина и пива, боже мой! Во всем теле перегар стоит, а во рту двенадцать языков ночуют... Противно...

Пауза.

Глупо... Напился старый дуралей и сам не знает, с какой радости... Уф, боже мой!.. И поясницу ломит,

и башка трещит, и знобит всего, а на душе холодно и темно, как в погребке. Если здоровья не жаль, то хоть бы старость-то свою поцадил, Шут Иваныч...

Пауза.

Старость... Как ни финти, как ни храбрись и ни ломай дурака, а уж жизнь прожита... шестьдесят восемь лет уже то-то, мое почтение! Не воротишь... Всё уж выпито из бутылки и осталось чуть-чуть на донышке... Осталась одна гуща... Так-то... Такие-то дела, Васюша... Хочешь — не хочешь, а роль мертвеца пора уже репетировать. Смерть-матушка не за горами... *(Глядит вперед себя.)* Однако служил я на сцене 45 лет, а театр вижу ночью, кажется, только в первый раз... Да, в первый раз... А ведь курьезно, волк его заешь... *(Подходит к рампе.)* Ничего не видать... Ну, суфлерскую будку немножко видно... вот эту литерную ложку, пюпитр... а всё остальное — тьма! Черная бездонная яма, точно могила, в которой прячется сама смерть... Брр!.. холодно! Из залы дует, как из каминной трубы... Вот где самое настоящее место духов вызывать! Жутко, чёрт подери... По спине мурашки забегали... *(Кричит.)* Егорка! Петрушка! Где вы, черти? Господи, что ж это я нечистого поминаю? Ах, боже мой, брось ты эти слова, брось ты пить, ведь уж стар, помирать пора... В 68 лет люди к заутрене ходят, к смерти готовятся, а ты... О, господи! Нечистые слова, пьяная рожа, этот шутовской костюм... Просто не глядел бы! Пойду скорее одеваться... Жутко! Ведь этак ежели всю ночь здесь просидеть, то со страху помереть можно... *(Идет к своей уборной.)*

В это время из самой крайней уборной в глубине сцены показывается Н и к и т а И в а н ы ч в белом халате.

II

Светловидов и Никита Иваныч.

Светловидов *(увидев Никиту Иваныча, вскрикивает от ужаса и пятится назад)*. Кто ты? Зачем? Кого ты? *(Топочет ногами.)* Кто ты?

Н и к и т а И в а н ы ч. Это я-с!

25 № 6311. 27220 7 ЯНВ

Къ представлению драмы
Мензуръ др. сод.

Лебедина

7 января
1888 Калхасъ.

Драматическій этюдъ въ 1 дѣйствіи.

А. П. Чехова.

Драматическій этюдъ въ 1 дѣйствіи
" Лебединая пѣсня

Мензуръ др. сод. Лебединая

18 января.

1888 ГЛАВНЫМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ
КЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЮ НА НАРОДНЫХЪ ТЕАТРАХЪ
ОДОБРЕНО

Мензуръ др. сод. Лебединая

22/1/94

Светловидов. Кто ты?

Никита Иванович *(медленно приближаясь к нему)*. Это я-с... Суфлер, Никита Иванович... Василь Васильич, это я-с!..

Светловидов *(опускается в изнеможении на табурет, тяжело дышит и дрожит всем телом)*. Боже мой! Кто это? Это ты... ты, Никитушка? За... зачем ты здесь?

Никита Иванович. Я здесь ночую в уборных-с. Только вы, сделайте милость, не сказывайте Алексею Фомичу-с... Больше ночевать негде, верьте богу-с...

Светловидов. Ты, Никитушка... Боже мой, боже мой! Вызывали шестнадцать раз, поднесли три венка и много вещей... все в восторге были, но ни одна душа не разбудила пьяного старика и не свезла его домой... Я старик, Никитушка... Мне 68 лет... Болен! Томится слабый дух мой... *(Припадает к руке суфлера и плачет.)* Не уходи, Никитушка... Стар, немощен, помирать надо... Страшно, страшно!..

Никита Иванович *(нежно и почтительно)*. Вам, Василь Васильич, домой пора-с!

Светловидов. Не пойду! Нет у меня дома, — нет, нет, нет!

Никита Иванович. Господи! Уж забыли, где и живет!

Светловидов. Не хочу туда, не хочу! Там я один... никого у меня нет, Никитушка, ни родных, ни старухи, ни деток... Один, как ветер в поле... Помру, и некому будет помянуть... Страшно мне одному... Некому меня согреть, обласкать, пьяного в постель уложить... Чей я? Кому я нужен? Кто меня любит? Никто меня не любит, Никитушка!

Никита Иванович *(сквозь слезы)*. Публика вас любит, Василь Васильич!

Светловидов. Публика ушла, спит и забыла про своего шута! Нет, никому я не нужен, никто меня не любит... Ни жены у меня, ни детей...

Никита Иванович. Эва, о чем горюете...

Светловидов. Ведь я человек, ведь я живой, у меня в жилах кровь течет, а не вода. Я дворянин, Никитушка, хорошего рода... Пока в эту яму не попал, на военной служил, в артиллерии... Какой я молодец был, красавец, какой честный, смелый, го-

рячий! Боже, куда же это всё девалось? Никитушка, а потом каким я актером был, а? (*Поднявшись, опирается на руку суфлера.*) Куда всё это девалось, где оно, то время? Боже мой! Поглядел нынче в эту яму — и всё вспомнил, всё! Яма-то эта съела у меня 45 лет жизни, и какой жизни, Никитушка! Гляжу в яму сейчас и вижу всё до последней черточки, как твое лицо. Восторги молодости, вера, пыл, любовь женщин! Женщины, Никитушка!

Никита Иванович. Вам, Василь Васильич, спать пора-с.

Светловидов. Когда был молодым актером, когда только что начинал в самый пыл входить, помню — полюбила одна меня за мою игру... Изящна, стройна, как тополь, молода, невинна, чиста и пламенна, как летняя заря! Под взглядом ее голубых глаз, при ее чудной улыбке, не могла бы устоять никакая ночь. Морские волны разбиваются о камни, но о волны ее кудрей разбивались утесы, льдины, снеговые глыбы! Помню, стою я перед нею, как сейчас перед тобою... Прекрасна была в этот раз, как никогда, глядела на меня так, что не забыть мне этого взгляда даже в могиле... Ласка, бархат, глубина, блеск молодости! Упоенный, счастливый, падаю перед нею на колени, прошу счастья... (*Продолжает упавшим голосом.*) А она... она говорит: оставьте сцену! Оставьте-те сцену!.. Понимаешь? Она могла любить актера, но быть его женой — никогда! Помню, в тот день играл я... Роль была подлая, шутовская... Я играл и чувствовал, как открываются мои глаза... Понял я тогда, что никакого святого искусства нет, что всё бред и обман, что я — раб, игрушка чужой праздности, шут, фигляр! Понял я тогда публику! С тех пор не верил я ни аплодисментам, ни венкам, ни восторгам... Да, Никитушка! Он аплодирует мне, покупает за целковый мою фотографию, но я чужд ему, я для него — грязь, почти коготка!.. Ради тщеславия он ищет знакомства со мною, но не унизит себя до того, чтобы отдать мне в жены свою сестру, дочь... Не верю я ему! (*Опускается на табурет.*) Не верю!

Никита Иванович. На вас лица нет, Василь Васильич! Даже меня в страх вогнали... Пойдемте домой, будьте великодушны!

Светловидов. Прозрел я тогда... и дорого мне стоило это прозрение, Никитушка! Стал я после той истории... после девицы этой... стал я без толку шататься, жить зря, не глядя вперед... Разыгрывал шутов, зубоскалов, паясничал, развращал умы, а ведь какой художник был, какой талант! Зарыл я талант, опошлил и изломал свой язык, потерял образ и подобие... Сожрала, поглотила меня эта черная яма! Не чувствовал раньше, но сегодня... когда проснулся, поглядел назад, а за мною 68 лет. Только сейчас увидел старость! Спета песня! *(Рыдает.)* Спета песня!

Никита Иванович. Василь Васильич! Батюшка мой, голубчик... Ну, успокойтесь... Господи! *(Кричит.)* Петрушка! Егорка!

Светловидов. А ведь какой талант, какая сила! Представить ты себе не можешь, какая дикция, сколько чувства и грации, сколько струн... *(бьет себя по груди)* в этой груди! Задохнуться можно!.. Старик, ты послушай... постой, дай перевести дух... Вот хоть из «Годунова»:

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла.
Царевич я. Довольно. Стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться!

А, плохо? *(Живо.)* Постой, вот из «Короля Лира»... Понимаешь, черное небо, дождь, гром—ррр!.. молния — жжж!.. полосует всё небо, а тут:

Злись, ветер! Дуй, пока не лопнут щепки!
Вы, хляби вод, стремитесь ураганом,
Залейте башни, флюгера на башнях!
Вы, серные и быстрые огни,
Предвестники громовых тяжких стрел,
Дубов крушители, летите прямо
На голову мою седую! Гром небесный,
Всё потрясающий, разбей природу всю,
Расплюсни разом толстый шар земли
И разбросай по ветру семена,
Родящие людей неблагодарных!

(Нетерпеливо.) Скорее слова шута! *(Топочет ногами.)*
Подавай скорее слова шута! Некогда мне!

Никита Иванович (*играя шута*). «Что, ку-манек? Под кровлей-то сидеть получше, я думаю, чем под дождем шататься? Право, дяденька, помирился бы ты лучше с дочерьми. В такую ночь и умнику, и дураку — обоим плохо!»

Светловидов.

Ревн всем животом!
Дуй, лей, греми и жги!
Чего щадить меня? Огонь и ветер,
И гром и дождь — не дочери мои!
В жестокости я вас не укоряю:
Я царства вам не отдавал при жизни,
Детьми моими вас не называл.

Сила! Талант! Художник! Еще что-нибудь... еще что-нибудь этакое... стариной тряхнуть... Хватим (*закатывается счастливым смехом*) из «Гамлета»! Ну, я начинаю... Что бы такое? А, вот что... (*Играя Гамлета.*) «Ах, вот и флейтчики! Подай мне твою флейту! (*Никите Ивановичу.*) Мне кажется, будто вы слишком гоняетесь за мною».

Никита Иванович. «Поверьте, принц, что всему причиной любовь моя к вам и усердие к королю».

Светловидов. «Я что-то не совсем это понимаю. Сыграй мне что-нибудь!»

Никита Иванович. «Не могу, принц».

Светловидов. «Сделай одолжение!»

Никита Иванович. «Право, не могу, принц!»

Светловидов. «Ради бога, сыграй!»

Никита Иванович. «Да я совсем не умею играть на флейте».

Светловидов. «А это так же легко, как лгать. Возьми флейту так, губы приложи сюда, пальцы туда — и заиграет!»

Никита Иванович. «Я вовсе не учился».

Светловидов. «Теперь суди сам: за кого ты меня принимаешь? Ты хочешь играть на душе моей, а вот не умеешь сыграть даже чего-нибудь на этой дудке. Разве я хуже, простее, нежели эта флейта? Считаю тебя, чем тебе угодно: ты можешь мучить меня, но не играть мною!» (*Хочочет и аплодирует.*) Bravo! Бис! Bravo! Какая тут к черту старость! Никакой старости нет, всё вздор, чепуха! Сила из всех жил бьет

фонтаном,— это молодость, свежесть, жизнь! Где талант, Никитушка, там нет старости! Оншалел, Никитушка? Очумел? погоди, дай и мне прийти в чувство... О, господи, боже мой! А вот послушай, какая нежность и тонкость, какая музыка! Тсс... Тише!

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо, звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы...

Слышен стук открываемых дверей.

Что это?

Никита Иванович. Это, должно быть, Петрушка и Егорка пришли... Талант, Василь Васильич! Талант!

Светловидов (*кричит, оборачиваясь в сторону стука*). Сюда, мои соколы! (*Никите Иванычу*.) Пойдем одеваться... Никакой нет старости, всё это вздор, галиматья... (*Весело хохочет*.) Что же ты плачешь? Дура моя хорошая, что ты нюни распустил! Э, нехорошо! Вот это уж и нехорошо! Ну, ну, старик, будет так глядеть! Зачем так глядеть? Ну, ну... (*Обнимает его сквозь слезы*.) Не нужно плакать... Где искусство, где талант, там нет ни старости, ни одиночества, ни болезней, и сама смерть вполовину... (*Плачет*.) Нет, Никитушка, спета уж наша песня... Какой я талант? Выжатый лимон, сосулька, ржавый гвоздь, а ты — старая театральная крыса, суфлер... Пойдем!

Идут.

Какой я талант? В серьезных пьесах гожусь только в свиту Фортинбраса... да и для этого уже стар... Да... Помнишь это место из «Отелло», Никитушка?

Прости, покой, прости, мое довольство!
Простите вы, пернатые войска
И гордые сражения, в которых
Считается за доблесть честошобье,—
Всё, всё прости! Прости, мой ржущий конь,
И звук трубы, и грохот барабана,
И флейты свист, и царственное знамя,

Все почести, вся слава, всё величье
И бурные тревоги славных войн!

Никита Иванович. Талант! Талант!
Светловидов. Или вот еще:

Вон из Москвы! Сюда я больше не езду.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!
Карету мне, карету!

Уходит с **Никитой Ивановичем.**

Занавес медленно опускается.

ИВАНОВ

КОМЕДИЯ В 4 ДЕЙСТВИЯХ И 5 КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иванов Николай Алексеевич, неперменный член по крестьянским делам присутствия.

Анна Петровна, его жена, урожденная Сарра Абрамсон.

Шабельский, граф Матвей Семенович, его дядя по матери.

Лебедев Павел Кириллыч, председатель земской управы.

Зинаида Саввишна, его жена.

Саша, дочь Лебедевых, 20 лет.

Львов Евгений Константинович, молодой земский врач.

Бабакина Марфа Егоровна, молодая вдова-помещица, дочь богатого купца.

Косых Дмитрий Никитыч, акцизный.

Боркин Михаил Михайлович, дальний родственник Иванова и управляющий его имением.

Дудкин, сын богатого фабриканта.

Авдотья Назаровна, старуха с неопределенной профессией.

Егорушка, нахлебник Лебедевых.

1-й гость.

2-й гость.

Петр, лакей Иванова.

Гаврила, лакей Лебедевых.

Гости обоего пола, лакеи.

Действие происходит в одном из уездов средней полосы России.

ДЕЙСТВИЕ 1

Сад в имении Иванова. Слева фасад двухэтажного дома с террасой. Одно окно открыто. Перед террасой широкая полукруглая площадка, от которой в сад, прямо и вправо, идут аллеи. На правой стороне садовые диванчики и столики. На одном из последних горит лампа. Вечереет. При поднятии занавеса слышно, как в доме разучивают дуэт на рояли и виолончели.

ЯВЛЕНИЕ 1

Иванов и Боркин.

Иванов сидит за столом и читает книгу.

Боркин в больших сапогах, с ружьем, показывается в глубине сада; он навеселе; увидев Иванова, на цыпочках идет к нему и, поравнявшись с ним, прицеливается в его лицо.

Иванов (*увидев Боркина, вздрагивает и вскакивает*). Миша, бог знает что... вы меня испугали... Я и так расстроен, а вы еще с глупыми шутками... (*Сабится.*) Испугал и радуется.

Боркин (*хохочет*). Ну, ну... виноват, виноват... (*Садится рядом.*) Не буду больше, не буду... (*Снимает фуражку.*) Жарко. Верите ли, душа моя, в какие-нибудь три часа 17 верст отмахал... замучился, как черт... Пощупайте-ка, как у меня сердце бьется...

Иванов (*читая*). Хорошо... после...

Боркин. Нет, вы сейчас пощупайте... (*Берет его руку и прикладывает к груди.*) Слышите? Ту-ту-ту-ту-ту-ту... Это значит, у меня порок сердца. Каждую минуту могу скорострительно умереть. Послушайте, вам будет жаль, если я умру?

Иванов. Я читаю... после...

Боркин. Нет, серьезно, вам будет жаль, если я вдруг умру? Николай Алексеевич, вам будет жаль, если я умру?..

Иванов. Не приставайте.

Боркин. Голубчик, скажите: будет жаль?

Иванов. Мне жаль, что от вас водкой пахнет. Это, Миша, противно...

Боркин *(смеется)*. Разве пахнет? Удивительное дело... Впрочем, тут нет ничего удивительного. В Плесниках я встретил следователя, и мы, признаться, с ним рюмок по восьми стукнули. В сущности говоря, пить очень вредно. Послушайте, ведь вредно? А? Вредно?..

Иванов. Это наконец невыносимо... Поймите, Миша, что это издевательство...

Боркин. Ну, ну... виноват, виноват... Бог с вами, сидите себе... *(Встает и идет.)* Удивительный народ, даже и поговорить нельзя. *(Возвращается.)* Ах да, чуть было не забыл... Пожалуйте 82 рубля!..

Иванов. Какие 82 рубля?..

Боркин. Завтра рабочим платить.

Иванов. У меня нет.

Боркин. Покорнейше благодарю. *(Дразнит.)* «У меня нет»... Да ведь нужно платить рабочим? Нужно?..

Иванов. Не знаю. У меня сегодня ничего нет. Подождите до первого числа, когда жалование получу.

Боркин. Вот извольте разговаривать с такими субъектами... Рабочие придут за деньгами не первого числа, а завтра утром...

Иванов. Так что же мне теперь делать? Ну, режьте меня, пилите... И что у вас за отвратительная манера приставать ко мне именно тогда, когда я читаю, пишу или...

Боркин. Я вас спрашиваю: рабочим нужно платить или нет? Э, да что с вами говорить... *(Машет рукой.)* Помещики тоже, черт подери, землевладельцы... Рациональное хозяйство... Тысяча десятин земли и ни гроша в кармане... Винный погреб есть, а штопора нет... Возьму вот и продам завтра тройку! Да-с... Овес на корню продал, а завтра возьму и рожь продам. *(Шагает по сцене.)* Вы думаете, я стану церемониться? Да? Ну нет-с, не на такого напали...

Те же, Ш а б е л ь с к и й за сценой и А н н а П е т р о в н а.
Голос Ш а б е л ь с к о г о за окном: «Играть с вами нет никакой
возможности... Слуха у вас меньше, чем у фаршированной щуки,
а туше возмутительное... Семитическое, перхатое туше, от кото-
рого на десять верст пахнет чесноком...»

А н н а П е т р о в н а (*показывается в открытом окне*). Кто здесь сейчас разговаривал? Это вы, Миша? Что вы так шагаете?

Б о р к и н. С вашим Nicolas-voilà еще не так зашагаешь...

А н н а П е т р о в н а. Послушайте, Миша, прикажите принести на крокет сена. Я хочу кувыркаться...

Б о р к и н (*машет рукой*). Оставьте вы меня, пожалуйста...

А н н а П е т р о в н а (*смеется*). Скажите, какой тон... К такому карапузику, как вы, Миша, этот тон совсем не идет. Если хотите, чтобы вас любили женщины, то никогда при них не сердитесь и не солидничайте. (*Мужу.*) Николай, давайте все кувыркаться...

И в а н о в. Тебе, Аня, вредно стоять у открытого окна. Уйди, пожалуйста... (*Кричит.*) Дядя, закрой окно!..

Окно закрывается.

Б о р к и н. Не забывайте еще, что через два дня нужно проценты платить Лебедеву...

И в а н о в. Я помню. Сегодня я буду у Лебедева и попрошу его подождать. (*Смотрит на часы.*)

Б о р к и н. Вы когда туда поедете?

И в а н о в. Сейчас...

Б о р к и н (*живо*). Пойдите, пойдите... ведь сегодня, кажется, день рождения Шурочки... Те-те-те-те... А я забыл... Вот память, а? (*Прыгает.*) Поеду, поеду... (*Поет.*) Поеду... Пойду выкупаюсь, пожую бумаги, приму три капли нашатырного спирта и хоть сначала начинай... Голубчик, Николай Алексеевич, мамуся моя, ангел души моей, вы всё нервничаете, ей-богу, ноете, постоянно в мерлехлюндии, а ведь мы, ей-богу, вместе чёрт знает каких делов могли бы наделать... Для вас я на всё готов... Хотите, я для вас на Марфуше Бабакиной женюсь? Марфутка эта дрянь, чёрт, жила,

но хотите, я женюсь? Половина приданого ваша... То есть не половина, а всё... Берите всё...

И в а н о в. Будет вам вздор молотъ...

Б о р к и н. Нет, серьезно, ей-богу, хотите, я на Марфуше женюсь? Приданое пополам... Впрочем, зачем я это вам говорю? Разве вы поймете? (*Дразнит.*) «Будет вам вздор молотъ». Хороший вы человек, умный, но в вас не хватает этой жилки, этого, понимаете ли, взмаха... Этак бы размахнуться, чтобы чертям тошно стало... Вы психопат, нюня, а будь вы нормальный человек, то через год имели бы миллион... Например, будь у меня сейчас 2300 рублей, я бы через две недели имел двадцать тысяч... Не верите? И это, по-вашему, вздор? Нет, не вздор... Вот дайте мне 2300 рублей, и я через неделю доставлю вам двадцать тысяч. На том берегу Овсянов продает полоску земли как раз против нас за 2300 рублей. Если мы купим эту полоску, то оба берега будут наши. А если оба берега будут наши, то, понимаете ли, мы имеем право запрудить реку... Ведь так? Мы мельницу будем строить, и как только мы объявим, что хотим запруду сделать, так все, которые живут вниз по реке, поднимут гвалт, а мы сейчас: коммен зи гер¹, если хотите, чтобы плотины не было, заплатите... Понимаете? Заревская фабрика даст пять тысяч, Корольков три тысячи. Монастырь даст пять тысяч.

И в а н о в. Всё это, Миша, фокусы... Если не хотите со мной ссориться, то держите их при себе.

Б о р к и н (*садится за стол*). Конечно... я так и знал... И сами ничего не делаете, и меня связываете...

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же, Шабельский и Львов.

Ш а б е л ь с к и й (*выходя с Львовым из дома*). Доктора те же адвокаты с тою только разницею, что адвокаты только грабят, а доктора и грабят и убивают... Я не говорю о присутствующих. (*Садится на диванчик.*) Шарлатаны, эксплуататоры... Может быть, в какой-нибудь Аркадии попадаются исключения из общего

¹ идите-ка сюда (*нем.* kommen Sie her).

№ 156
Губернатору

Маслова, Кудринская Садовая
Д. Корнилова
Вотого заветной
станице обь урхо
рели

И. И. Иванову

№ 126

п-39 п-55

ИВАНОВЪ.

Комитетъ изъ 4 действительныхъ и 5 каретныхъ.

Анна Тихова

Списано Кемперова
Списано 10 декабря 1887

И. И. Иванову

Съ Кемперовой

Иванову

Иванов

«ИВАНОВЪ».

Обложка цензурного экземпляра. СПб. цензурный комитет.

правила, но... я в свою жизнь пролечил тысяч двадцать и не встретил ни одного доктора, который не казался бы мне патентованным мошенником...

Боркин (*Иванову*). Да, сами ничего не делаете и меня связываете... Оттого-то у нас и денег нет...

Шабельский. Повторяю, я не говорю о присутствующих... Может быть, есть исключения, хотя впрочем... (*Зевает.*)

Иванов (*закрывает книгу*). Что, доктор, скажете?

Львов (*оглядываясь на окно*). То же, что и утром говорил: ей немедленно нужно в Крым ехать. (*Ходит по сцене.*)

Шабельский (*прыскает*). В Крым... Отчего, Миша, мы с тобой не лечим? Это так просто... Стала перхоть или кашлять от скуки какая-нибудь мадам Анго или Офелия, бери сейчас бумагу и прописывай по правилам науки: сначала молодого доктора, потом поездка в Крым, в Крыму татарин, на обратном пути отдельное купе с каким-нибудь проигравшимся, но милым pschutt'ом...

Иванов (*графу*). Ах, не зуди ты, зуда!.. (*Львову.*) Чтобы ехать в Крым, нужны средства. Допустим, что я найду их, но ведь она решительно отказывается от этой поездки...

Львов. Да, отказывается...

Пауза.

Боркин. Послушайте, доктор, разве Анна Петровна уж так серьезно больна, что необходимо в Крым ехать?..

Львов (*оглядывается на окно*). Да... чахотка...

Боркин. Пссс... нехорошо... Я сам давно уже по лицу замечал, что она не протянет долго...

Львов. Но... говорите потише... В доме слышно...

Пауза.

Боркин (*вздыхает*). Жизнь наша... Жизнь человеческая подобна цветку, пышно произрастающему в поле: пришел козел, съел его и нет цветка... (*Напевает.*) Поймешь ли ты души моей волненье...

Шабельский. Все вздор, вздор и вздор... (*Зевает.*) Вздор и плутня...

Пауза.

Боркин. А я, господа, тут все учу Николая Алексеевича деньги наживать. Сообщил ему одну чудную идею, но мой порох, по обыкновению, упал на влажную почву... Ему не втолкуешь... Посмотрите: на что он похож? Меланхолия, сплин, тоска, хандра, грусть...

Шабельский (*встает и потягивается*). Для всех ты, гениальная башка, изобретаешь и учишь всех, как жить, а меня хоть бы раз поучил. Поучи-ка, умная голова, укажи выход...

Боркин (*встает*). Пойду купаться... Прощайте, господа... (*Графу.*) У вас двадцать выходов есть... На вашем месте я через неделю имел бы тысячу двадцать. (*Идет.*)

Шабельский (*идет за ним*). Каким это образом? Ну-ка, научи...

Боркин. Тут и учить нечему. Очень просто... (*Возвращается.*) Николай Алексеевич, дайте мне рубль!

Иванов молча дает ему деньги.

Мерси. (*Графу.*) У вас еще много козырей на руках.

Шабельский (*идет за ним*). Ну какие же? (*Потягивается.*)

Боркин. На вашем месте я через неделю имел бы тысячу тридцать, если не больше...

Уходит с графом.

Иванов (*после паузы*). Лишние люди, лишние слова, необходимость отвечать на глупые вопросы — все это, доктор, утомило меня до болезни. Я стал раздражителен, вспыльчив, резок, мелочен до того, что не узнаю себя. По целым дням у меня голова болит, бессонница, шум в ушах... А деваться положительно некуда... Положительно...

Львов. Мне, Николай Алексеевич, нужно с вами серьезно поговорить...

Иванов. Говорите.

Львов. Я об Анне Петровне. (*Садится.*) Она не соглашается ехать в Крым, но с вами она поехала бы...

Иванов (*подумав*). Чтобы ехать вдвоем, нужны средства. К тому же, мне не дадут продолжительного отпуска. В этом году я уже брал раз отпуск...

Львов. Допустим, что это правда. Теперь далее.

Самое главное лекарство от чахотки — это абсолютный покой, а ваша жена не знает ни минуты покоя. Ее постоянно волнуют ваши отношения к ней. Простите, я взволнован и буду говорить прямо. Ваше поведение убивает ее.

Пауза.

Николай Алексеевич, позвольте мне думать о вас лучше!..

Иванов. Все это правда, правда... Вероятно, я страшно виноват, но мысли мои перепутались, душа скована какою-то ленью, и я не в силах понимать себя. Не понимаю ни людей, ни себя... *(Взглядывает на окно.)* Нас могут услышать, пойдёмте, пройдемся.

Встают.

Я, милый друг, рассказал бы вам с самого начала, но история длинная и такая сложная, что до утра не расскажешь.

Идут.

Анюта замечательная, необыкновенная женщина... Ради меня она переменяла веру, бросила отца и мать, ушла от богатства, и, если бы я потребовал еще сотню жертв, она принесла бы их не моргнув глазом. Ну-с, а я ничем не замечателен и ничем не жертвовал. Впрочем, это длинная история... Вся суть в том, милый доктор, *(жмется)* что... короче говоря, женился я по страстной любви и клялся любить вечно, но прошло пять лет, она все еще любит меня, а я... *(Разводит руками.)* Вы вот говорите мне, что она скоро умрет, а я не чувствую ни любви, ни жалости, а какую-то пустоту, утомление... Если со стороны поглядеть на меня, то это, вероятно, ужасно, сам же я не понимаю, что делается с моей душой...

Уходят по аллее.

ЯВЛЕНИЕ 4

Шабельский, потом Анна Петровна.

Шабельский *(входит и хохочет)*. Честное слово, это не мошенник, а мыслитель, виртуоз!.. Памятник ему нужно поставить... В себе одном совмещает современный гной во всех видах: и адвоката,

и доктора, и кукуевца, и кассира... (*Садится на нижнюю ступень террасы.*) И ведь нигде, кажется, курса не кончил, вот что удивительно... Стало быть, каким был бы гениальным подлецом, если бы еще усвоил культуру, гуманитарные науки!.. «Вы, говорит, через неделю можете иметь 20 тысяч. У вас, говорит, еще на руках козырный туз — ваш графский титул. (*Хочет.*) За вас любая девица пойдет с приданым...

Анна Петровна открывает окно и глядит вниз.

Хотите, говорит, посватаю за вас Марфушу?.. *Qui est-ce que c'est*¹ Марфуша? Ах, это та... Балабалкина... Бабакалкина... эта, что на прачку похожа и сморкается как извозчик...

Анна Петровна. Это вы, граф?..

Шабельский. Что такое?

Анна Петровна смеется.

(*Еврейским акцентом.*) Зачиво вы шмеетесь?

Анна Петровна. Я вспомнила одну вашу фразу. Помните, вы говорили за обедом? Вор прощенный, лошадь... Как это?

Шабельский. Жид крещеный, вор прощенный, конь леченый — одна цена.

Анна Петровна (*смеется*). Вы даже простого каламбура не можете сказать без злости. Злой вы человек... (*Серьезно.*) Не шутя, граф, вы очень злы. С вами жить скучно и жутко. Всегда вы брюзжите, ворчите, все у вас подлецы и негодяи. Скажите мне, граф, откровенно, говорили вы когда-нибудь о ком хорошо?

Шабельский. Это что за экзамен?

Анна Петровна. Живем мы с вами под одной крышей уже пять лет, и я ни разу не слыхала, чтобы вы отзывались о людях спокойно, без желчи и без смеха. Что вам люди сделали худого? (*Кашляет.*) И неужели вы думаете, что вы лучше всех?

Шабельский. Вовсе я этого не думаю. Я такой же мерзавец и свинья в ермолке, как и все. Моветон и старый башмак. Я всегда себя браню. Кто я? Что я? Был богат, свободен, немножко счастлив, а теперь...

---

¹ Кто это (*франц.*).

Нахлебник, приживалка, обезличенный шут... Я негодую, презираю, а мне в ответ смеются; я смеюсь, на меня печально кивают головою и говорят: спятил старик... А чаще всего меня не слышат и не замечают...

А н н а П е т р о в н а (*покойно*). Опять кричит...

Ш а б е л ь с к и й. Кто кричит?

А н н а П е т р о в н а. Сова. Каждый вечер кричит.

Ш а б е л ь с к и й. Пусть кричит. Хуже того, что уже есть, не может быть. (*Потягивается.*) Эх, милейшая Сарра, выиграй я сто или двести тысяч, показал бы я вам, где раки зимуют!.. Только бы вы меня и видели... (*Зевает.*) Ушел бы я из этой ямы от даровых хлебов и ни ногой бы сюда до самого страшного суда...

А н н а П е т р о в н а. А что бы вы сделали, если бы выиграла?

Ш а б е л ь с к и й (*подумав*). Я? Прежде всего поехал бы в Москву и цыган послушал. Потом... потом махнул бы в Париж. Нанял бы себе там квартиру, ходил бы в посольскую церковь...

А н н а П е т р о в н а. А еще что?

Ш а б е л ь с к и й. По целым дням сидел бы на жениной могиле и думал. Так бы я и сидел на могиле, пока не околел. Жена в Париже похоронена...

Пауза.

А н н а П е т р о в н а. Ужасно скучно. Сыграть нам дуэт еще, что ли?

Ш а б е л ь с к и й. Хорошо, приготовьте ноты...

А н н а П е т р о в н а уходит.

ЯВЛЕНИЕ 5

Ш а б е л ь с к и й, И в а н о в и Л ь в о в.

И в а н о в (*показывается на аллее с Львовым*). Вы, милый друг, кончили курс только в прошлом году, еще молоды и бодры, а мне тридцать пять. Я имею право вам советовать. Не женитесь вы ни на еврейках, ни на психопатках, ни на синих чулках, а выбирайте себе что-нибудь заурядное, серенькое, без ярких красок, без лишних звуков. Вообще, всю жизнь стройте по шаблону. Чем серее и монотоннее фон, тем лучше. Голубчик, не воюйте вы в одиночку с тысячами, не

сражайтесь с мельницами, не бейтесь лбом о стены... Да хранит вас бог от всевозможных рациональных хозяйств, необыкновенных школ, горячих речей... Запритесь себе в свою раковину и делайте свое маленькое, богом данное дело... Это теплее, честнее и здоровее... А жизнь, которую я пережил, — как она утомительна!.. ах, как утомительна!.. Сколько ошибок, несправедливостей, сколько нелепого... (*Увидев графа, раздраженно.*) Всегда ты, дядя, перед глазами вертишься, не даешь поговорить наедине!

Ш а б е л ь с к и й (*плачущим голосом*). А черт меня возьми, нигде приюта нет!.. (*Вскакивает и идет в дом.*)

И в а н о в (*кричит ему вслед*). Ну, виноват, виноват... (*Львову.*) За что я его обидел? Нет, я решительно развинтился. Надо будет с собой что-нибудь сделать. Надо...

Л ь в о в (*волнуясь*). Николай Алексеевич, я выслушал вас и... и, простите, буду говорить прямо, без обиняков. В вашем голосе, в вашей интонации, не говоря уж о словах, столько бездушного эгоизма, столько холодного бессердечия... Близкий вам человек погибает оттого, что он вам близок, дни его сочтены, а вы... вы можете не любить, ходить, давать советы, рисоваться... Не могу я вам высказать, нет у меня дара слова, но... но вы мне глубоко несимпатичны!..

И в а н о в. Может быть, может быть... Вам со стороны виднее... Очень возможно, что вы меня понимаете... Вероятно, я очень, очень виноват... (*Прислушивается.*) Кажется, лошадей подали. Пойду одеться... (*Идет к дому и останавливается.*) Вы, доктор, не любите меня и не скрываете этого. Это делает честь вашему сердцу... (*Уходит в дом.*)

Л ь в о в (*один*). Проклятый характер... Опять упустил случай и не поговорил с ним как следует... Не могу говорить с ним хладнокровно!.. Едва раскрою рот и скажу одно слово, как у меня вот тут (*показывает на грудь*) начинает душить, переворачиваться, и язык прилипает к горлу... Ненавижу этого тартюфа, возвышенного мошенника всей душой... Вот уезжает... У несчастной жены все счастье в том, чтобы он был возле нее; она дышит им, умоляет его провести с нею хоть один вечер, а он... он не может... Ему, видите ли, дома душно и тесно. Если он хоть один вечер про-

ведет дома, то с тоски пулю пустит себе в лоб. Бедный... ему нужен простор, чтобы затеять какую-нибудь новую подлость... О, я знаю, зачем ты каждый вечер едешь к этим Лебедевым!.. Знаю...

ЯВЛЕНИЕ 6

Львов, Иванов в шляпе и пальто, Шабельский
и Анна Петровна.

Шабельский (*выходя с Ивановым и с Ан^{кой}* Петр^{осной} из дому). Наконец, Nicolas, это бесчеловечно... Сам уезжаешь каждый вечер, а мы остаемся одни. От скуки ложимся спать в восемь часов... Это безобразие, а не жизнь!.. И почему это тебе можно ездить, а нам нельзя? Почему?

Анна Петровна. Граф, оставьте его... Пусть едет, пусть...

Иванов (*жене*). Ну куда ты, больная, поедешь? Ты больна и тебе нельзя после захода солнца быть на воздухе. Спроси вот доктора. Ты не дитя, Анюта, нужно рассуждать. (*Графу.*) А тебе зачем туда ехать?

Шабельский. Хоть к чёрту в пекло, хоть к крокодилу в зубы, только чтобы не здесь оставаться... Мне скучно... Я отупел от скуки... Я надоел всем... Ты оставляешь меня дома, чтоб ей не было одной скучно, а я ее загрыз, заел!..

Анна Петровна. Оставьте его, граф, оставьте... Пусть едет, если ему там весело...

Иванов. Аня, к чему этот тон? Ты знаешь, я не за весельем туда еду. Мне нужно поговорить о векселе.

Анна Петровна. Не понимаю, зачем ты оправдываешься? Езжай... кто тебя держит?

Иванов. Господа, не будемте есть друг друга!.. Неужели это так необходимо?

Шабельский (*плачущим голосом*). Nicolas, голубчик, ну я прошу тебя, возьми меня с собой... Я погляжу там мошенников и дураков и, может быть, развлекусь! Ведь я с самой Пасхи нигде не был...

Иванов (*раздраженно*). Хорошо, поедем...

Шабельский. Да? Ну мерсі, мерсі... (*Весело берет его под руку и отводит в сторону.*) Твою касторовую шляпу можно надеть?

И в а н о в. Можно, только поскорей, пожалуйста...

Г р а ф бежит в дом.

Надо, Аня, рассуждать. Выздоровеешь, тогда и будем ездить, а теперь тебе нужен покой... Ну, прощай...
(Подходит к жене и целует ее в голову.) Я вернусь к часу...

А н н а П е т р о в н а (всдет его к рампе). Коля...
(Смеется.) А то остался бы? Будем, как прежде, в сене кувыркаться... поужинаем вместе, будем читать... Я и брюзга разучили для тебя много дуэтов...

Пауза.

Останься, будем смеяться... (Смеется и плачет.) Или, Коля, как? Цветы повторяются каждую весну, а радости нет?.. Да? Ну, езжай, езжай...

И в а н о в. Я... я скоро вернусь... (Идет, останавливается и думает.) Нет, не могу!.. (Уходит.)

А н н а П е т р о в н а. Езжай... (Садится у стола.)

Л ь в о в (ходит по сцене). Анна Петровна, возьмите себе за правило: как только бьет шесть часов, вы должны идти в комнаты и не выходить до самого утра. Вечерняя сырость вредна вам...

А н н а П е т р о в н а. Слушаю-с...

Л ь в о в. Что «слушаю-с»? Я говорю серьезно...

А н н а П е т р о в н а. А вы постарайтесь говорить несерьезно. (Кашляет.)

Л ь в о в. Вот видите, вы уже кашляете...

ЯВЛЕНИЕ 7

Л ь в о в, А н н а П е т р о в н а и Ш а б е л ь с к и й.

Ш а б е л ь с к и й (в шляпе и в пальто выходит из дому). А где он? (Быстро идет, останавливается перед Ан<ной> Петров<ной> и гримасничает.) Гевалт... Вей мир... Пэх... Гевалт... Жвините пожалуста!.. (Прыскает и быстро уходит.)

Л ь в о в. Шут...

Пауза. Слышны далекие звуки гармонийки.

А н н а П е т р о в н а (потягивается). Какая скука... Вон кучера и кухарки задают себе бал, а я... я

как брошенная. Евгений Константинович, где вы там шагаете? Идите сюда, сядьте...

Л ь в о в. Не могу я сидеть...

Пауза.

А н н а П е т р о в н а. Доктор, у вас есть отец и мать?

Л ь в о в. Отец умер, а мать есть.

А н н а П е т р о в н а. Вы скучаете по матери?

Л ь в о в. Мне некогда скучать.

А н н а П е т р о в н а *(смеется)*. Цветы повторяются каждую весну, а радости нет. Кто это мне сказал эту фразу? Дай бог память... Кажется, сам Николай сказал... *(Прислушивается.)* Опять сова кричит...

Л ь в о в. Ну и пусть кричит...

Пауза.

А н н а П е т р о в н а. Я, доктор, начинаю думать, что судьба меня обчитала. Множество людей, которые, может быть, и не лучше меня, бывают счастливы, ничего не платя за счастье, почему же я одна должна платить так дорого? За что брать с меня такие ужасные проценты? *(Живо.)* Что вы сказали?

Л ь в о в. Ничего я не сказал...

А н н а П е т р о в н а. И начинаю я также удивляться несправедливости и жестокости людей. Почему на любовь не отвечают любовью? Почему за правду платят ложью? *(Пожимает плечами.)* Вы, доктор, не семейный и не можете понять многого...

Л ь в о в. Вы удивляетесь... *(Садится рядом.)* Нет, я... я удивляюсь, удивляюсь вам!.. Ну объясните, растолкуйте мне, ради бога, как это вы, умная, честная, почти святая, позволили так нагло обмануть себя и затащить вас в это свиное гнездо? Зачем вы здесь? Что общего у вас с этим холодным, бездушным — но оставим вашего мужа!.. что у вас общего с этой пустой, пошлой средой? О господи боже мой... Этот вечно брюзжащий, заржавленный, сумасшедший граф, этот пройдоха, мошенник из мошенников Миша со своей гнусной физиономией... Объясните же мне, к чему вы здесь? Как вы сюда попали?

А н н а П е т р о в н а *(смеется)*. Вот точно так же и он когда-то говорил... Точь-в-точь... Но у него глаза большие, и, бывало, как он начнет говорить о чем-нибудь горячо, так они как угли... Говорите, говорите...

Л ь в о в *(встает и машет рукой)*. Что мне говорить? Идите в комнаты...

А н н а П е т р о в н а. Вы говорите, что Николай то да сё, пятое, десятое. Откуда вы его знаете? Разве за полгода можно узнать человека? Это, доктор, замечательный человек, и я жалею, что вы не знали его года два-три тому назад. Он теперь хандрит, молчит, ничего не делает, но прежде... какая прелесть!.. Я полюбила его с первого взгляда. *(Смеется.)* Взглянула, а мышеловка меня — хлоп!.. Он сказал: пойдём... Я отрезала от себя всё, как, знаете, отрезают гнилые листья ножницами, и пошла...

Пауза.

А теперь не то... Теперь он едет к Лебедевым, чтобы развлечься с другими женщинами, а я... я сижу в саду и слушаю, как сова кричит...

Стук сторожа.

Доктор, а братьев у вас нет?

Л ь в о в. Нет.

Анна Петровна рыдает.

Ну что еще, что вам?

А н н а П е т р о в н а *(встает)*. Я не могу, доктор, я поеду туда...

Л ь в о в. Куда это?..

А н н а П е т р о в н а. Туда, где он... Я поеду... Прикажете заложить лошадей... *(Идет к дому.)*

Л ь в о в. Вам нельзя ехать...

А н н а П е т р о в н а. Оставьте меня, не ваше дело... Я не могу, поеду... Велите дать лошадей... *(Бежит в дом.)*

Л ь в о в. Нет, я решительно отказываюсь лечить при таких условиях... Мало того, что ни копейки не платят, но еще душу выворачивают вверх дном!.. Нет, я отказываюсь, довольно!.. *(Идет в дом.)*

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ 2

Зал в доме Лебедевых. Прямо — выход в сад, направо и налево двери. Старинная, дорогая мебель. Люстра, канделябры и картины — все это в чехлах. Налево у стены диван, перед ним круглый стол с большой лампой, по сторонам кресла, по сю сторону стола у стены три кресла рядом. Направо пианино, на нем скрипка; по обе стороны его стулья. В глубине около выхода на террасу раскрытый ломберный стол.

ЯВЛЕНИЕ 1

Зинаида Саввишна, Дудкин, 1 гость, 2 гость, Косых, Авдотья Назаровна, Егорушка, Гаврила, горничная, две старухи-гостьи, гости, барышни и Бабакина.

Зинаида Саввишна сидит на диване; по обе стороны ее на креслах — старухи-гостьи; против на стульях сидят Дудкин, 1 гость и пять-шесть барышень. За ломберным столом сидят, играют в карты Косых, Егорушка, Авдотья Назаровна и 2 гость. Гаврила стоит у правой двери. Горничная разносит на подносе лакомства. Из сада в правую дверь и обратно циркулируют гости. Бабакина выходит из правой двери и направляется к Зинаиде Саввишне.

Зинаида Саввишна (*радостно*). Душечка, Марфа Егоровна...

Бабакина. Здравствуйте, Зинаида Саввишна... Честь имею вас поздравить с новорожденной...

Целуются.

Дай бог, чтоб...

Зинаида Саввишна. Благодарю вас, душечка, я так рада... Ну, как ваше здоровье?

Б а б а к и н а. Очень вами благодарна. (*Садится рядом на диван.*) Здравствуйте, молодые люди...

Д у д к и н и 1 г о с т ь встают и кланяются.

1 г о с т ь (*смеется*). Молодые люди... а вы разве старая?

Б а б а к и н а (*вдыхая*). Где уж нам в молодые лезть...

1 г о с т ь (*почтительно смеясь*). Помилуйте, что вы...

Д у д к и н. Одно только звание, что вдова, а вы любой девице можете десять очков вперед дать...

Гаврила подносит Бабакиной чай.

З и н а и д а С а в в и ш н а (*Гавриле*). Что же ты так подаешь? Принес бы какого-нибудь варенья... кружовенного, что ли...

Б а б а к и н а. Не беспокойтесь, очень вами благодарна...

Пауза.

Д у д к и н. Вы, Марфа Егоровна, через Мушкино ехали?

Б а б а к и н а. Нет, на Займище. Тут дорога лучше...

Д у д к и н. Так-с...

Пауза.

К о с ы х. Два пики...

Е г о р у ш к а. Пас.

А в д о т ь я Н а з а р о в н а. Пас.

2 г о с т ь. Пас.

Б а б а к и н а. Выигрышные билеты, душечка Зинаида Саввишна, опять пошли шибко в гору. Видано ли дело, первый заем стоит уж 270, а второй без малого 250... Никогда этого и не было...

З и н а и д а С а в в и ш н а (*вдыхает*). Хорошо, у кого их много...

Б а б а к и н а. Не скажите, душечка, хоть они и в большой цене, а держать в них капитал совсем невыгодно. Одна страховка сживет со света.

З и н а и д а С а в в и ш н а. Так-то так, а все-таки, моя милая, надеешься... (*Вдыхает.*) Бог милостив...

Д у д к и н. По нынешнему времени, если рассуждать с точки зрения, куда ни сунься с капиталом, везде невыгодно. Процентные бумаги — грусть одна, а в оборот пуцать — баба надвое сказала: того и гляди в трубу засвистишь. Я так понимаю, ежели который человек нажил капитал, тому самое лучшее дело — купить револьвер, выпалить и аминь... Потому с капиталом нынче одно горе...

Б а б а к и н а *(вздыхает)*. Это верно...

1 г о с т ь *(соседке барышне)*. Один человек приходит к другому, видит — собака сидит. *(Смеется.)* Он и спрашивает: «Как зовут вашу собаку?» А тот и отвечает: «Каквас» *(Хохочет.)* Каквас... Понимаете... Как вас... *(Конфузится.)*

Д у д к и н. У нас в городе при складе есть собака, так ту зовут Кабысдох...

Б а б а к и н а. Как?

Д у д к и н. Кабысдох.

Легкий смех. Зинаида Саввишна встает и уходит в правую дверь.

Продолжительное молчание.

Е г о р у ш к а. Два бубны.

А в д о т ь я Н а з а р о в н а. Пас.

2 г о с т ь. Пас.

К о с ы х. Пас.

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же, Зинаида Саввишна и Лебедев.

З и н а и д а С а в в и ш н а *(выходя из правой двери с Лебедевым, тихо)*. Что уселся там? Примадонна какая... Сиди с гостями... *(Садится на прежнее место.)*

Л е б е д е в *(идя к крайнему креслу налево, зевает)*. Ох, грехи наши тяжкие... *(Увидев Бабакину.)* Батюшки, мармелад сидит!.. Рахат лукум!.. *(Здоровается.)* Как наше драгоценнейшее?

Б а б а к и н а. Очень вами благодарна...

Л е б е д е в. Ну слава богу, слава богу... *(Садится в кресло.)* Так, так... Гаврила!..

Г а в р и л а подносит ему рюмку водки и стакан воды; он выливает водку и запивает водой.

Д у д к и н. На доброе здоровье...

Л е б е д е в. Какое уж тут доброе здоровье? Околеванца нет, и на том спасибо. (*Жене.*) Зюзюшка, а где же наша поворожденная?

К о с ы х (*плакливо*). Скажите мне, ради бога, ну за что мы остались без взятки? (*Вскакивает.*) Ну за что мы проиграли, черт меня подери совсем?..

А в д о т ь я Н а з а р о в н а (*вскакивает и сердито*). А за то, что если ты, батюшка, не умеешь играть, так не садись... Какое ты имеешь полное право ходить в чужую масть? Вот и остался у тебя маринованный туз...

Оба бегут из-за стола вперед.

К о с ы х (*плачущим голосом*). Позвольте, господа... У меня на бубнах: туз, король, дама, коронка сам-восемь, туз пик и одна, понимаете ли, одна маленькая червонка, а она, черт знает, не могла объявить маленький шлем!.. Я сказал — без козыря...

А в д о т ь я Н а з а р о в н а (*перебивая*). Это я сказала — без козыря, ты сказал — два без козыря...

К о с ы х. Это возмутительно... Позвольте... у вас... у меня... у вас... (*Лебедеву.*) Да вы посудите, Павел Кириллыч... У меня на бубнах: туз, король, дама, коронка сам-восемь...

Л е б е д е в (*затыкает уши*). Отстань, сделай милость, отстань...

А в д о т ь я Н а з а р о в н а (*кричит*). Это я сказала — без козыря...

К о с ы х (*свирепо*). Будь я подлец и анафема, если сяду еще когда-нибудь играть с этой севрюгой!.. (*Быстро идет к террасе и останавливается около лобберного стола; Егорушке.*) Сколько ты записал? что ты записал? Постой... 38 помножить на 8... это будет... восемью восемь... А, черт меня возьми!.. (*Уходит в сад.*)

2 г о с т ь уходит за ним; за столом остается Егорушка.

А в д о т ь я Н а з а р о в н а. Уф... даже в жар от него бросило... Севрюга... Сам ты севрюга!..

Б а б а к и н а. Да и вы, бабушка, сердитая...

А в д о т ь я Н а з а р о в н а (*увидев Бабакину, всплескивает руками*). Ясочка моя, красавица... Она здесь, а я, куриная слепота, не вижу... Голубочка... (*Целует ее в плечо и садится рядом.*) Вот радость!..

Дай же я на тебя погляжу, лебедь белая!.. Тьфу, тьфу, тьфу... чтобы не сглазить!..

Лебедев. Ну, распелась... Жениха бы ей лучше подыскала...

Авдотья Назаровна. И найду!.. В гроб, грешница, не лягу, а ее да Саничку замуж выдам!.. В гроб не лягу... *(Вздых.)* Только ведь где их найдешь нынче женихов-то?.. Вон они наши женихи сидят, нахохлились, словно петухи мокрые!..

Дудкин. Потому что на нас не обращают внимания...

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Саша.

Саша входит из сада и тихо идет к отцу.

Зинаида Саввишна. Сашенька, разве ты не видишь, что у нас Марфа Егоровна?

Саша. Виновата. *(Идет к Бабакиной и здоровается.)*

Бабакина. Загорделась, Саничка, загорделась... Хоть бы разок приехала.

Целуются.

Поздравляю, душечка...

Саша. Благодарю. *(Садится рядом с отцом.)*

Лебедев. Да, Авдотья Назаровна, трудно теперь с женихами. Не то что жениха, путевых шаферов достать негде. Нынешняя молодежь, не в обиду будь сказано, какая-то, господь с ней, кислая, переваренная... Ни поплясать, ни поговорить, ни выпить толком...

Авдотья Назаровна. Ну, пить они все мастера, только дай...

Лебедев. Не велика штука пить, нажраться и свинья умеет... Нет, ты с толком вышей!.. В наше время, бывало, день-деньской с лекциями бьешься, а как только настал вечер, идешь прямо куда-нибудь на огонь и до самой зари волчком вертишься... И пляшешь, и барышень забавляешь, и эта штука. *(Щелкает себе по шее.)* Бывало, и брешешь и философствуешь, пока язык не отнимется. А нынешние... *(машет рукой)* не понимаю... Ни богу свечка, ни черту кочерга. Во

Первая часть была составлена для «Русского Театра»
в г. Копенгаге и Москва, 19 Октября 1887 г., при свидании
составляла:

~~Ивановъ _____ г. Давидовъ.
Анна Петровна _____ г-жа Глама-Киселерская
Мадиевский _____ г. Киселевский.
Лебедев _____ г. Градов-Соколовъ
Зинаида Савицкая _____ г-жа Борозина
Самая _____ г-жа Рибинская.
Альбов _____ г. Соколовъ.
Табаккина _____ г-жа Кошова.
Касинъ _____ г. Везовский.
Боркиевъ _____ г. Свотинъ
Дудкинъ _____ г. Валентинъ.
Александра Карлова _____ г-жа Красовская.
Горюшка _____ г. Кошминъ
Митя _____ г. Либковъ.
Табрина _____ г. Мещуковъ.~~

~~А в некоторых местах на экземпляре, одобренном
государственным цензором Кенжуровым, в г. Копенгаге.~~

«ИВАНОВ».

Первая страница цензурного экземпляра (автограф),
перечеркнутая цензором.

всем уезде есть только один путевый малый, да и тот женат (*вздыхает*) и, кажется, уж беситься стал...

Б а б а к и н а. Кто это?

Л е б е д е в. Николаша Иванов.

Б а б а к и н а. Да, он хороший мужчина (*делает гримасу*), только несчастный!

З и н а и д а С а в в и ш н а. Еще бы, душечка, быть ему счастливым... (*Вздыхает.*) Как он, бедный, ошибся!.. Женился на своей жидовке и так, бедный, рассчитывал, что отец и мать за ней золотые горы дадут, а вышло совсем напротив... С того времени, как она переменяла веру, отец и мать знать ее не хотят, прокляли... Так ни копейки и не получил... Теперь кажется, да уж поздно...

С а ш а. Мама, это неправда...

Б а б а к и н а (*горячо*). Шурочка, как же неправда? Ведь это все знают. Ежели не было бы интереса, то зачем бы ему на жидовке жениться?.. Разве русских мало? Ошибся, душечка, ошибся... (*Живо.*) Господи, да и достается же теперь от него ей, мерзавке!.. Просто смех один... Придет откуда-нибудь домой и сейчас к ней: «Твой отец и мать меня надули! пошла вон из моего дома...» А куда ей идти? Отец и мать не примут; пошла бы в горничные, да работать не приучена. Уж он мудрует, мудрует над ней, пока граф не вступится. Не будь графа, давно бы ее со света сжил...

А в д о т ь я Н а з а р о в н а. А то, бывает, запрет ее в погреб и — «ешь, такая-сякая, чеснок...» Ест, ест, покуда из души переть не начнет.

Смех.

С а ш а. Папа, ведь это ложь!

Л е б е д е в. Ну так что же? Пусть себе мелют на здоровье... (*Кричит.*) Гаврила!..

Г а в р и л а подает ему водку и воду.

З и н а и д а С а в в и ш н а. Оттого вот и разорился, бедный... Дела, душечка, совсем упали... Если бы не Боркин, который глядит за хозяйством, так ему бы с жидовкой есть нечего было. (*Вздыхает.*) А как мы-то, душечка, из-за него-то пострадали!.. Так пострадали, что один только бог видит... Верите ли, милая, уж три года, как он нам девять тысяч должен...

Б а б а к и н а *(с ужасом)*. Девять тысяч!..

З и н а и д а С а в в и ш н а. Да... это мой милый Пашенька распорядился дать ему... Не разбирает, кому можно дать, кому нельзя... Про капитал я уже не говорю, бог с ним, но хоть бы проценты исправно платил...

С а ш а *(горячо)*. Мама, об этом вы говорили уж тысячу раз.

З и н а и д а С а в в и ш н а. Тебе-то что? Что ты заступаешься?

С а ш а *(встает)*. Но как у вас хватает духа говорить всё это про честного, порядочного человека, который не сделал вам никакого зла? Ну что он вам сделал?

З и н а и д а С а в в и ш н а *(насмешливо)*. Порядочный и честный человек...

1 г о с т ь *(искренно)*. Александра Павловна, заверяю вас, что вы его плохо знаете... Какой же он честный? *(Встает.)* Разве это честность? Два года тому назад во время скотской чумы закупил он скота...

З и н а и д а С а в в и ш н а *(перебивая)*. Закупил он скота, застраховал его, заразил чумой и взял страховую премию. Честность...

1 г о с т ь. Это все отлично знают...

С а ш а. Неправда, это ложь. Никто не покупал коров и не заражал, а это только Боркин сочинил такой проект и везде хвастался им. Когда Иванов узнал об этом проекте, так Боркин у него две недели потом прощения просил. Виноват же Иванов только в том, что у него слабый, великодушный характер, что у него не хватает духа прогнать от себя Боркина...

1 г о с т ь. Слабый характер... *(Смеется.)* Александра Павловна, ей-богу, глаза отводит...

З и н а и д а С а в в и ш н а. А тебе стыдно за таких заступаться...

С а ш а. Я жалею, что вмешалась в этот разговор... *(Быстро идет к правой двери.)*

Л е б е д е в. Шура, горячка!.. *(Смеется.)* Порох-девка...

1 г о с т ь *(загораживает ей дорогу)*. Александра Павловна, ей-богу, не буду!.. Виноват... честное слово, не буду больше!..

З и н а и д а С а в в и ш н а. Хоть при гостях, Сашенька, не показывай характер.

С а ш а (*дрогнувшим голосом*). Всю свою жизнь проработал для других; всё, что у него было, растащили, расхитили; около его великодушных затей наживался всякий, кто хотел... Никогда в жизни он не осквернял себя ложью, хитростью, ни разу я не слышала, чтобы он говорил о ком-нибудь худо... и что же? Куда ни придешь, только и слышишь: Иванов, Иванов, Иванов... как будто не о чем больше говорить...

Л е б е д е в. Горячка... Будет тебе...

С а ш а. Да, у него есть ошибки, но ведь каждая ошибка таких людей стоит двадцати наших добродетелей... Если бы вы только могли... (*Оглядывается и видит Иванова и Шабельского.*)

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, Иванов и Шабельский.

Ш а б е л ь с к и й (*входя с Ивановым из правой двери*). Кто это здесь декламирует? Вы, Шурочка? (*Хочет и пожимает ей руку.*) Поздравляю, ангел мой. Дай вам бог попозже умереть и не родиться во второй раз...

З и н а и д а С а в в и ш н а (*радостно*). Николай Алексеич... Граф...

Л е б е д е в. Ба... кого вижу... граф!.. (*Идет на встречу.*)

Ш а б е л ь с к и й (*увидев Зинаиду Саввишну и Бабакину, протягивает в сторону их руки*). Два банка на одном диване!.. Глядеть любо... (*Здоровается, Зинаиде Саввишне.*) Здравствуйте, Зюзюшка. (*Бабакиной.*) Здравствуйте, помпончик...

З и н а и д а С а в в и ш н а. Я так рада. Вы, граф, у нас такой редкий гость. (*Стоит.*) Гаврила, чаю... Садитесь, пожалуйста... (*Встает, уходит в правую дверь и тотчас же возвращается; вид крайне озабоченный.*)

Саша садится на прежнее место; Иванов, поздоровавшись молча со всеми, садится рядом с ней. Барышни гуськом проходят на террасу и обратно.

Л е б е д е в (*Шабельскому*). Откуда ты взялся? Какие это силы тебя принесли? Вот сюрприз, накажи

меня бог... *(Целует его.)* Граф, ведь ты разбойник... Так не делают порядочные люди... *(Ведет его за руку к рампе.)* Отчего ты у нас не бываешь? Сердит что ли?

Шабельский. На чем же я могу к тебе ездить? Верхом на палке? Своих лошадей у меня нет, а Николай не берет с собой, велит с жидовкой сидеть, чтоб та не скучала. Присылай за мной лошадей, тогда и буду ездить...

Лебедев *(машет рукой)*. Ну да... Зюзюшка скорее треснет, чем даст лошадей. Голубчик ты мой, милый, ведь ты для меня дороже и роднее всех!.. Из всего старья уцелели только я да ты. Люблю в тебе я прошлые страдания и молодость погибшую мою... Шутки шутками, а я вот почти плачу... *(Целует графа.)*

Шабельский. Пусти, пусти, от тебя как из винного погребца...

Лебедев. Душа моя, ты не можешь себе представить, как мне скучно без моих друзей!.. Вешаться готов с тоски... *(Тихо.)* Зюзюшка со своей ссудной кассой разогнала всех порядочных людей, и остались, как видишь, одни только зулусы... эти Дудкины... Будкины... Ну, кушай чай...

Гаврила подносит графу чай.

Зинаида Саввишна *(подходит к графу, озабоченно Гавриле)*. Ну как же ты подаешь? Принес бы какого-нибудь варенья... кружовенного что ли...

Шабельский *(хохочет; Иванову)*. Что? Не говорил я тебе? *(Лебедеву.)* Я с ним дорогой пари держал, что, как приедем, Зюзюшка сейчас же начнет угощать нас кружовенным вареньем...

Зинаида Саввишна. Вы, граф, все такой же насмешник... *(Садится на диван.)*

Лебедев *(сидясь рядом с Ивановым)*. Двадцать бочек его наварили, так куда же его девать?

Шабельский *(сидясь около стола в кресло)*. Всё копите, Зюзюшка. Ну что, уже миллиончик есть, а?

Зинаида Саввишна *(вздых)*. Да, со стороны поглядеть, так богаче нас и людей нет, а откуда быть деньгам? Один разговор только...

Шабельский. Ну да, да... знаем... Знаем, как вы плохо в пашки играете... *(Лебедеву.)* Паша, скажи по совести, скопили миллион?..

Л е б е д е в. Ей-богу, не знаю, это у Зююшки спроси...

Ш а б е л ь с к и й (*Бабакиной*). И у жирненького помпончика будет скоро миллиончик!.. Ей-богу, хорошеет и полнеет не по дням, а по часам!.. Что значит деньжищ много...

Б а б а к и н а. Очень вами благодарна, ваше сиятельство, а только я не люблю насмешек...

Ш а б е л ь с к и й. Милый мой банк, да разве это насмешки? Это просто вопль души, от избытка чувств глаголят уста... Вас и Зююшку я люблю бесконечно... (*Весело.*) Восторг!.. Упоение... Вас обеих не могу видеть равнодушно...

З и н а и д а С а в в и ш н а. Вы все такой же, как и были. (*Егорушке.*) Егорушка, потуши свечи!.. Зачем им гореть попусту, если не играете?

Егорушка вздрагивает, тушит свечи и садится.

(*Иванову.*) Николай Алексеевич, как здоровье вашей супруги?

И в а н о в. Плохо. Сегодня доктор положительно сказал, что у нее чахотка...

З и н а и д а С а в в и ш н а. Неужели? Какая жалость... (*Вздых.*) А мы все ее так любим...

Ш а б е л ь с к и й. Вздор, вздор и вздор. Никакой чахотки нет, докторское шарлатанство, фокус... Хочется эскулапу шлаться, вот и выдумал чахотку. Благо, муж не ревнив...

Иванов делает петерпеливое движение.

А что касается самой Сарры, то она семитка. Я не верю ни одному ее слову, ни одному движению... Живните пикалуста, ой вей мир... Хоть убейте, не поверю... Ты извини, Nicolas, но... ведь... я не говорю ничего особенного дурного... По-моему, заболела Сарра — значит, гешефт задумала, умирать будет — не поверю: тоже гешефт...

Л е б е д е в (*Шабельскому*). Удивительный ты субъект, Матвей... напустил на себя какую-то мизантропию и носится с ней, как с писаной торбой. Человек как человек, а заговоришь, так точно у тебя типун на языке или сплошной катар... Да, ей-богу!..

Ш а б е л ь с к и й. Что же мне, целоваться с мошенниками и с подлецами, что ли?..

Л е б е д е в. Где же ты видишь мошенников и подлецов?

Ш а б е л ь с к и й. Я, конечно, не говорю о присутствующих, но...

Л е б е д е в. Вот тебе и но... всё это напускное...

Ш а б е л ь с к и й. Напускное... Хорошо, что у тебя никакого мировоззрения нет.

Л е б е д е в. Какое мое мировоззрение?.. Сию и каждую минуту околеванца жду — вот мое мировоззрение. Нам, брат, не время с тобой о мировоззрении думать... Так-то... *(Кричит.)* Гаврила!..

Ш а б е л ь с к и й. Ты уж и так нагаврился... Погляди, как нос насандалил!..

Л е б е д е в *(пьет)*. Ничего, душа моя... Не венчаться мне ехать...

ЯВЛЕНИЕ 5

Т е ж е и Б о р к и н.

Б о р к и н, одетый франтом, со свертком в руках, подпрыгивая и напевая, входит из правой двери. Гул одобрения.

Вместе {
Б а р ы ш н и. Михаил Михайлович...
Л е б е д е в. Мишель Мипелич!.. Слыхом слышать...
Ш а б е л ь с к и й. Душа общества!..

Б о р к и н. А вот и я... *(Подбегает к Саше.)* Благородная синьорина, беру на себя смелость поздравить вселенную с рождением такого чудного цветка, как вы... Как дань своего восторга, осмеливаюсь преподнести *(подает сверток)* фейерверки и бенгальские огни собственного изделия. Да проясняют они ночь так же, как вы просветляете потемки темного царства!.. *(Театрально раскланивается.)*

С а ш а. Благодарю вас...

Л е б е д е в *(хохочет, Иванову)*. Отчего ты не прогонишь эту иуду?

Б о р к и н *(Лебедеву)*. Павлу Кириллычу... *(Иванову.)* Патрону... *(Поет.)* Nicolas-voilà, го-ги-го...

(Обходит всех.) Почтеннейшей Зинаиде Саввишне... Божественной Марфе Егоровне... Древнейшей Авдотье Назаровне... Сиятельному графу...

Ш а б е л ь с к и й *(хохочет)*. Душа общества... Едва вошел, как атмосфера стала жиже... Вы замечаете?

Зинаида Саввишна, Бабакина и граф встают из-за стола и беседуют стоя. Две старухи уходят.

Б о р к и н. Уф... утомился... Кажется, со всеми здоровался. Ну, что новенького, господа? Нет ли чего-нибудь такого особенного, в нос шипающего? *(Живо Зинаиде Саввишне.)* Ах, послушайте, мамаша. Еду сейчас к вам... *(Гавриле.)* Дай-ка мне, Гаврюша, чаю, только без кружовенного варенья. *(Зинаиде Саввишне.)* Еду сейчас к вам, а на реке у вас мужики с лозняка кору дерут. Отчего вы лозняк на откуп не отдадите?

Л е б е д е в *(хохоча, Иванову)*. Отчего ты не прогонишь эту иуду?

З и н а и д а С а в в и ш н а *(испуганно)*. А ведь это правда... мне и на ум не приходило!..

Б о р к и н *(делает ручную гимнастику)*. Не могу без движений... Мамаша, что бы такое особенное выкинуть? Марфа Егоровна, я в ударе... я экзальтирован... *(Поет.)* Я вновь пред тобою...

З и н а и д а С а в в и ш н а. Устройте что-нибудь, а то все соскучились.

Б о р к и н. Господа, что же это вы в самом деле носы повесили? Сидят, точно присяжные заседатели... Давайте изобразим что-нибудь... Что хотите? фанты, веревочку, горелки, танцы?

Б а р ы ш н и. Танцы, танцы...

Б о р к и н. Я готов... Дудкин, танцевать!.. *(Приводит кресла к стене.)* Егорушка, где ты? Настраивай скрипку...

Егорушка вдрагивает и идет к пианино. Боркин садится за пианино и дает ла. Егорушка настраивает скрипку.

И в а н о в *(Лебедеву)*. У меня к тебе просьба, Паша. Послезавтра срок моему векселю, а проценты платить нечем. Нельзя ли будет подождать или приписать проценты к капиталу?

Л е б е д е в *(испуганно)*. Голубушка, не мое дело... Поговори с Зюзюшкой, а я... я ничего не знаю...

Иванов (*трет себе лоб*). Мучительно!..

Саша. Что вы?

Иванов. Отвратительно сегодня я себя чувствую.

Саша. Это и по лицу видно... Пойдемте в гостиную...

Иванов и Саша уходят в правую дверь.

Боркин (*кричит*). Музыка готова!..

Дудкин приглашает Бабакину.

Бабакина. Нет, сегодня мне грех танцевать. В этот день у меня муж умер...

Боркин и Егорушка играют польку «A propos Faust»; граф за-
тыкает уши и выходит на террасу. За ним идет Авдотья
Назаровна. По движениям Дудкина видно, что он убеждает
Бабакину. Барышни просят первого гостя плясать, но он отка-
зывается. Дудкин машет рукой и уходит в сад.

Боркин (*оглядывается*). Господа, что же это
такое? (*Перестает играть.*) Отчего вы не танцуете?

Барышни. Кавалеров нет...

Боркин (*встает*). Этак, значит, у нас ничего
не выйдет... В таком случае пойдемте фейерверки пу-
скать, что ли...

Барышни (*хлопают в ладоши*). Фейерверки,
фейерверки... (*Бегут в сад.*)

Боркин (*берет сверток и подает руку Бабаки-
ной*). Же ву при¹... (*Кричит.*) Господа, в сад... (*Ухо-
дит.*)

Уходят все, кроме Лебедева и Зинаиды Саввишны.

Зинаида Саввишна. Вот это, я понимаю,
молодой человек. И минуты не побыл, а уж всех раз-
веселил. (*Притушивает большую лампу.*) Пока они
все в саду, нечего свечам даром гореть. (*Тушит свечи.*)

Лебедев (*идет за ней*). Зююшка, надо бы дать
гостям закусить что-нибудь...

Зинаида Саввишна. Ишь, свечей сколь-
ко... Недаром люди судят, что мы богатые. (*Тушит.*)

---

¹ Прошу вас (*франц.* je vous prie).

Л е б е д е в (*идя за ней*). Зюзюшка, ей-богу, дала бы чего-нибудь поесть людям... Люди молодые, небось проголодались, бедные... Зюзюшка...

З и н а и д а С а в в и ш н а. Граф не допил своего стакана. Даром только сахар пропал. Отнесу, отдам Матрене вышить. (*Берет стакан и идет в левую дверь.*)

Л е б е д е в. Тьфу!.. (*Уходит в сад.*)

ЯВЛЕНИЕ 6

И в а н о в и С а ш а.

С а ш а (*входя с Ивановым из правой двери*). Все ушли в сад...

И в а н о в. Такие-то дела, Шурочка. Ничего я не делаю и ни о чем не думаю, а устал телом, душой и мозгом... День и ночь болит моя совесть, чувствую, что глубоко виноват, но в чем, собственно, моя вина, не понимаю... А тут еще болезнь жены, безденежье, вечная грызня, сплетни, шум... Мой дом мне опротивел, и жить в нем для меня хуже пытки... (*Оглядывается.*) Я не знаю, Шурочка, что со мною делается, но скажу вам откровенно, для меня стало невыносимо даже общество жены, которая меня любит... и такие грязные эгоистические мысли лезут мне в голову, о каких я раньше и понятия не имел...

Пауза.

Скверно... Я нагоняю на вас тоску, Шурочка, простите, но я только и забываюсь на минуту, когда говорю с вами, друг мой... Около вас я точно собака, которая греется на солнышке. Я, Шурочка, знаю вас с той поры, как вы родились, всегда любил вас, нянчил... Дорого я дал бы, чтобы у меня сейчас была такая дочка...

С а ш а (*шутя, сквозь слезы*). Николай Алексеевич, бежимте в Америку...

И в а н о в. Мне до этого порога лень дойти, а вы в Америку...

Идут к выходу в сад.

А что, Шура, трудно живется? Я вижу, всё вижу... Не по вас этот воздух...

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Зинаида Саввишна.

Зинаида Саввишна выходит из левой двери.

Иванов. Виноват, Шурочка, я догоню вас...

Саша уходит в сад.

Зинаида Саввишна, я к вам с просьбой...

Зинаида Саввишна. Что вам, Николай Алексеевич?

Иванов (*мнетя*). Дело, видите ли, в том, что послезавтра срок моему векселю. Вы премного обязали бы меня, если бы дали отсрочку или позволили приписать проценты к капиталу. У меня теперь совсем нет денег...

Зинаида Саввишна (*испуганно*). Николай Алексеевич, да как это можно? Что же это за порядок? Нет, и не выдумывайте вы, ради бога, не мучайте вы меня, несчастную...

Иванов. Виноват, виноват... (*Уходит в сад.*)

Зинаида Саввишна. Фу, батюшки, как он меня встревожил... я вся дрожу... вся дрожу... (*Уходит в правую дверь.*)

ЯВЛЕНИЕ 8

Косых.

Косых (*входит из левой двери и идет через сцену.*) У меня на бубнах: туз, король, дама, коронка сам-восемь, туз пик и одна... одна маленькая червонка, а она не могла, черт ее возьми совсем, объявить маленького шлема... (*Уходит в правую дверь.*)

ЯВЛЕНИЕ 9

Дудкин и Авдотья Назаровна.

Авдотья Назаровна (*входя с Дудкиным из сада*). Вот так бы я ее и растерзала, сквалыгу... Так бы и растерзала... Шутка ли, с пяти часов сижу,

а она хоть бы ржавой селедкой попотчевала... Ну, дом... ну, хозяйство...

Д у д к и н. Постой, насчет шнапса мы сейчас Егорушку поцупаем. Вынью, старая, и домой. Ну его, всё к чёрту!.. Тут со скуки да с голоду волком завоешь... И невест мне твоих не надо... Какая тут к лешему любовь, ежели с самого обеда ни рюмки?..

А в д о т ь я Н а з а р о в н а. Сашенька-то ведь не виновата... Это всё мать...

Д у д к и н. Да что ты мне Сашеньку сватаешь? Бланмаже, лефоше-гран-мерси и всякие там умственности... Я человек положительный и с характером... Мне давай посуущественней...

А в д о т ь я Н а з а р о в н а. Пойдем, поищем, что ли...

Д у д к и н. Тссс... Потихоньку... Марфутка бы подошла под масть, да уж больно того... легкокрылая... Приезжаю к ней вчерась, а у нее полнехонький дом всяких артистов...

Уходят в левую дверь.

ЯВЛЕНИЕ 10

А н н а П е т р о в н а и Л ь в о в выходят из правой двери.

Л ь в о в. Ну зачем, спрашивается, мы сюда приехали?..

А н н а П е т р о в н а. Ничего, нам рады будут. Никого нет... Должно быть, в саду... Пойдемте в сад...

Уходят в сад.

ЯВЛЕНИЕ 11

А в д о т ь я Н а з а р о в н а и Д у д к и н.

Д у д к и н (*выходя из левой двери*). В столовой нет, так, стало быть, где-нибудь в кладовой. Надо бы Егорушку поцунать. Пойдем через гостиную.

А в д о т ь я Н а з а р о в н а. Так бы я ее и растерзала...

Уходят в правую дверь.

Бабакина, Боркин и Шабельский.

Бабакина и Боркин со смехом вбегают из сада, за ними, смеясь и потирая руки, семенит Шабельский.

Бабакина. Какая скука! *(Хочет.)* Какая скука!.. Все ходят и сидят как будто бы аршин проглотили. От скуки все косточки застыли. *(Прязгает.)* Надо размяться...

Боркин хватает ее за талию и целует в щеку.

Шабельский *(хохочет и щелкает пальцами)*. Чёрт возьми... *(Крякает.)* Некоторым образом...

Бабакина. Пустите, пустите руки, бесстыдник, а то граф бог знает что подумает. Отстаньте...

Боркин. Ангел души моей, карбункул моего сердца. *(Целует.)* Дайте взаймы 2300 рублей...

Бабакина. Не-не-нет... Что хотите, а насчет денег, очень вами благодарна... Нет, нет, нет... Ах, да пустите руки...

Шабельский *(семенит около)*. Помпончик... Имеет свою приятность...

Боркин *(серьезно)*. Но довольно... Давайте говорить о деле... Будем рассуждать прямо, по-коммерчески. Отвечайте мне прямо, без subtilностей и без всяких фокусов: да или нет? Слушайте. *(Указывает на графа.)* Вот ему нужны деньги, минимум три тысячи годового дохода, вам нужен муж. Хотите быть графиней?

Шабельский *(хохочет)*. Удивительный циник...

Боркин. Хотите быть графиней? Да или нет?

Бабакина *(взволнованно)*. Выдумываєте, Миша, право... И эти дела не делаются так с бухтыбаракты... Если графу угодно, он сам может и... и я не знаю, как это вдруг, сразу...

Боркин. Ну, ну... будет тень наводить... Дело коммерческое... Да или нет?

Шабельский *(смеясь и потирая руки)*. В самом деле? а? Чёрт возьми, разве устроить себе эту гнусность? а? помпончик... *(Целует Бабакину в щеку.)* Прелесть... огурчик...

Бабакина. Постойте, постойте, вы меня совсем встревожили. Уйдите, уйдите... Нет, не уходите...

Боркин. Скорей... да или нет? Нам некогда...

Б а б а к и н а. Знаете что, граф? Вы... вы приезжайте ко мне в гости дня на три... У меня весело, не так как здесь... Приезжайте завтра... (*Боркину.*) Нет, вы это не шутите?

Б о р к и н (*сердито*). Да кто же станет шутить в серьезных делах?

Б а б а к и н а. Пойдите, пойдите... ах, мне дурно... Мне дурно... графиня... мне дурно... я падаю...
Б о р к и н и г р а ф со смехом берут ее под руки и, целуя в щеки, уводят в правую дверь.

ЯВЛЕНИЕ 13

И в а н о в, С а ш а, потом А н н а П е т р о в н а.

И в а н о в и С а ш а вбегают из сада.

И в а н о в (*хватая себя за голову, с ужасом*). Не может быть!.. Не надо, не надо, Шурочка!.. Ах, не надо!..

С а ш а (*с увлечением*). Люблю я вас безумно... без вас нет смысла моей жизни, нет счастья и радости... Для меня вы всё...

И в а н о в. К чему, к чему, боже мой, я ничего не понимаю... Шурочка, не надо!..

С а ш а. В детстве моем вы были для меня единственной радостью, я любила вас и вашу душу, как себя, а теперь ваш образ неотступно день и ночь стоит поперек моих мыслей и мешает мне жить. Я вас люблю, Николай Алексеевич... С вами не то что на край света, а куда хотите, хоть в могилу, только ради бога скорее, иначе я задохнусь...

И в а н о в (*закатывается счастливым смехом*). Это что же такое? Это значит начинать жизнь сначала? Шурочка, да? Счастье мое... (*Берет ее за талию и привлекает к себе*). Моя молодость, моя свежесть...

А н н а П е т р о в н а входит из сада и, увидев мужа и Сашу, останавливается как вкопанная.

Значит, жить? Да? Снова за дело?

Поцелуй. После поцелуя Иванов и Саша оглядываются и видят Анну Петровну.

(*В ужасе.*) Сарра!..

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ 3

Кабинет Иванова. Направо и налево — двери. Прямо письменный стол, на котором в беспорядке лежат бумаги, книги, казенные пакеты, безделушки, револьверы; около бумаг лампа, графин с водкой, тарелка с селедкой, куски хлеба и огурцы. Шкафы с книгами, столики, кресла, этажерки, весы, шлуг. На стенах ландкарты, картины, ружья, пистолеты, серпы, седла, нагайки и проч. Полдень.

ЯВЛЕНИЕ 1

Шабельский, Лебедев, Боркин и Петр.

Шабельский и Лебедев сидят по сторонам письменного стола, Боркин среди сцены верхом на стуле; Петр стоит у двери.

Лебедев. У Франции политика ясная и определенная... Французы знают чего хотят. Им нужно лущить колбасников и больше ничего, а у Германии, брат, совсем не та музыка. У Германии, кроме Франции, еще много сучков в глазу...

Шабельский. Вздор... По-моему, и немцы трусы и французы трусы... Показывают только друг другу кукиши в кармане. Поверь, кукишами дело и ограничится. Драться не будут.

Боркин. А по-моему, зачем драться? К чему все эти вооружения, конгрессы, расходы? Я что бы сделал? Собрал бы со всего государства собак, привил бы им пастеровский яд в хорошей дозе и пустил бы в неприятельскую страну. Все враги перебесились бы у меня через месяц.

Шабельский прыскает.

Л е б е д е в (*смеется*). Голова, посмотришь, маленькая, а великих идей в ней тьма-тьмуцая, как рыб в оксане.

Ш а б е л ь с к и й. Виртуоз... каждый день родит по тысяче проектов, хватает с неба звезды, но всё не в пользу... Никогда у него гроша не бывает в кармане...

Л е б е д е в. Искусство для искусства...

Б о р к и н. Я не для себя, а для других хлопочу, из человеколюбия.

Л е б е д е в. Бог с тобой, смешаешь ты, Мишель Мишелич... (*Перестав смеяться.*) Что ж, господа, Жомини да Жомини, а о водке ни полслова. Repetatur!..¹

Встают и идут к водке.

(*Наливает три рюмки.*) Будемте здоровы...

Пьют и закусывают.

Селечка, матушка, всем закускам закуска...

Ш а б е л ь с к и й. Ну нет, огурец лучше... Ученые с сотворения мира думают и ничего умнее соленого огурца не придумали... (*Петру.*) Петр, поди-ка еще принеси огурцов да вели-на кухне изжарить четыре пирожка с луком. Чтоб горячие были...

П е т р уходит.

Л е б е д е в. Водку хорошо тоже икрой закусывать. Только как? С умом надо... Взять икры паюсной четверку, две луковички, зеленого лучку, прованского масла, смешать все это и, знаешь, этак поверх всего лимончиком... смерти!.. От одного аромата угоришь... (*Живо.*) А едал ли когда-нибудь икру из рыжиков?

Ш а б е л ь с к и й. Нет...

Л е б е д е в. Гм... Соленые рыжики крошатся мелко-мелко, как икра или как, понимаешь ты, каша... Кладется туда лук, прованское масло... поперчить немножко, уксусу... (*Целует пальцы.*) Обьединение...

Б о р к и н. После водки хорошо тоже закусывать жареными пескарями. Только их надо уметь жарить.

---

¹ Повторим! (*лат.*)

Нужно почистить, потом обвалить в толченых сухарях и жарить досуха, чтобы на зубах хрустели... Хру-хру-хру...

Ш а б е л ь с к и й. Вчера у Бабакиной была хорошая закуска — белые грибы.

Л е б е д е в. А еще бы...

Ш а б е л ь с к и й. Только как-то особенно приготовлены. Знаешь, с луком, с лавровым листом, со всякими специями. Как открыли кастрюлю, а из нее пар, запах... просто восторг...

Л е б е д е в. Что ж? Repetatur, господа...

Выпивают.

Будемте здоровы... (*Смотрит на часы.*) Должно быть, не дождусь я Николаши. Пора мне ехать... У Бабакиной, ты говоришь, грибы подавали, а у нас еще не видать грибов. Скажи на милость, за каким это лешим ты зачастил к Марфутке?

Ш а б е л ь с к и й (*кивает на Боркина*). Да вот женить меня на ней хочет...

Л е б е д е в. Женить... Тебе сколько лет?

Ш а б е л ь с к и й. 62 года...

Л е б е д е в. Самая пора жениться, а Марфутка как раз тебе пара.

Б о р к и н. Тут не в Марфутке дело, а в Марфуткинах стерлингах.

Л е б е д е в. Чего захотел — Марфуткиных стерлингов... А гусяного чаю не хочешь?

Б о р к и н. А вот как женится человек да набьет себе ампоше¹, тогда и увидите гусяный чай. Облизнетесь...

Ш а б е л ь с к и й. Ей-богу, а ведь он серьезно!.. Этот гений уверен, что я его послушаюсь и женюсь...

Б о р к и н. А то как же? А вы разве уже не уверены?

Ш а б е л ь с к и й. Да ты с ума сошел... Когда я был уверен? Пссс...

Б о р к и н. Благодарю вас... очень вам благодарен... Так это значит, вы меня подвести хотите? То женюсь, то не женюсь... сам черт не разберет, а я уж ей честное слово дал... Так вы не женитесь?

---

¹ *Здесь:* карман (от *франц.* *emprocher* — класть в карман).

Ш а б е л ь с к и й (пожимает плечами). Он серьезно... удивительный человек!..

Б о р к и н (возмущаясь). В таком случае, зачем же было баламутить честную женщину? Она помещалась на графстве, не спит, не ест... Разве этим шутят? Разве это честно?

Ш а б е л ь с к и й (щелкает пальцем). А что, в самом деле, не устроить ли себе эту гнусность. А? Назло... Возьму и устрою. Честное слово... Вот будет потеха!..

Входит Л ь в о в.

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Л ь в о в.

Л е б е д е в. Эскулапии наше нижайшее... (Подает Львову руку и поет.) Доктор, батюшка, спасите, смерти до смерти боюсь...

Л ь в о в. Николай Алексеевич еще не приходил?

Л е б е д е в. Да нет, я сам его жду больше часа...

Львов нетерпеливо шагает по сцене.

Милый, ну как здоровье Анны Петровны?

Л ь в о в. Плохо...

Л е б е д е в (вздых). Можно пойти засвидетельствовать почтение?

Л ь в о в. Нет, пожалуйста, не ходите. Она, кажется, спит...

Пауза.

Л е б е д е в. Симпатичная, славная... (Вздыхает.) В Шурочкин день рождения, когда она у нас в обморок упала, поглядел я на ее лицо и тогда еще понял, что уж ей, бедной, недолго жить. Не понимаю, отчего с ней тогда дурно сделалось? Прибегаю, гляжу: она, бледная, на полу лежит, около нее Николаша на коленях, тоже бледный, Шурочка вся в слезах. Я и Шурочка после этого случая неделю как шальные ходили...

Ш а б е л ь с к и й (Львову). Скажите мне, почтеннейший жрец науки, какой ученый открыл, что при грудных болезнях дамам бывают полезны частые посещения молодого врача? Это великое открытие, великое!.. Куда оно относится: к аллопатии или к гомеопатии?

Львов хочет ответить, но делает презрительное движение и уходит.

Какой уничтожающий взгляд...

Лебедев. А тебя дергает нелегкая за язык... За что ты его обидел?

Шабельский *(раздраженно)*. А зачем он врёт? Чахотка, нет надежды, умрет... Врёт он... Я этого терпеть не могу...

Лебедев. Почему ты думаешь, что он врёт?

Шабельский *(встает и ходит)*. Я не могу допустить мысли, чтобы живой человек вдруг ни с того, ни с сего умер... Оставим этот разговор...

ЯВЛЕНИЕ 3

Лебедев, Шабельский, Боркин и Косых.

Косых *(вбегает запыхавшись)*. Дома Николай Алексеевич? Здравствуйтесь... *(Быстро пожимает всем руки.)* Дома?

Боркин. Его нет....

Косых *(садится и осканивает)*. В таком случае прощайте... *(Выпивает рюмку водки и быстро закусывает.)* Поеду дальше... дела... замучился, еле на ногах стою...

Лебедев. Откуда ветер принес?

Косых. От Барабанова. Всю ночь провинтили и только что кончили. Проигрался в пух... Этот Барабанов играет как сапожник... *(Плачущим голосом.)* Вы послушайте... всё время несу я черву... *(Обращается к Боркину, который прыгает от него.)* Он ходит бубну, я опять черву, он бубну... Ну и без взятки... *(Лебедеву.)* Играем четыре трефы... У меня туз, дама-шесть на руках, туз, десятка-третей пик...

Лебедев *(затыкает уши)*. Уволь, уволь, ради Христа, уволь...

Косых *(графу)*. Понимаете, туз, дама-шесть на трефах, туз, десятка-третей пик...

Шабельский *(отстраняет его от себя руками)*. Уходите, не желаю я слушать...

Косых. И вдруг несчастье: туза пик по первой бьют...

Шабельский (*хватает со стола револьвер*).
Отойдите, стрелять буду!..

Косых (*машет рукой*). Чёрт знает что... Неужели даже поговорить не с кем? Живешь как в Австралии: ни общих интересов, ни солидарности... каждый живет врозь... Однако надо ехать... пора... (*хватает фуражку*) время дорого... (*Подает руку Лебедеву.*) Пас!..

Смех.

Лебедев. Ну доигрался, сердешный, до того, что вместо прощай говорит пас...

Косых уходит и в дверях сталкивается
с Авдотьей Назаровной.

ЯВЛЕНИЕ 4

Шабельский, Лебедев, Боркин
и Авдотья Назаровна.

Авдотья Назаровна (*вскрикивает*). Чтоб тебе пусто было, с ног спиби!..

Все. А-а-а... вездесущая!..

Авдотья Назаровна. Вот они где, а я по всему дому ищу, ищу... Здравствуйте, ясные соколы, хлеб да соль... (*Здоровается.*) Все комнаты исходила, а тут этот доктор, словно белены объелся, вытаращил глазищи и — «Что надо? Вон отсюда... Ты, говорит, больную перепужала...» Легко ль дело...

Лебедев. Зачем пришла?

Авдотья Назаровна. За делом, батюшка. (*Графу*). Дело вас касающее, ваше сиятельство. (*Кланяется.*) Велели кланяться и о здоровье спросить... (*Поет.*)

Недолго цветочку в садике расти,
Недолго Матвею в женихах сидеть.

И велела она, куколочка моя, сказать, что ежели вы нынче к вечеру не приедете, то она глазочки свои проплачет. Так, говорит, милая, отзови его в стороночку и шепни на ушко по секрету. А зачем по секрету? Тут всё люди свои. И такое дело, не кур крадем, а по за-

кону да по любви, по междоусобному согласию... Никогда, грешница, не пью, а через такой случай выпью...

Лебедев. И я выпью... *(Наливает.)* А тебе, старая скворешня, и сносу нет... Лет тридцать я тебя старухой знаю...

Авдотья Назаровна. И счет годам потеряла... Двух мужей похоронила, пошла бы еще за третьего, да никто не хочет без приданого брать. Детей душ восемь было... *(Берет рюмку.)* Ну, дай бог, дело хорошее мы начали, дай бог его и кончить... Они будут жить да поживать, а мы глядеть на них да радоваться. Совет им и любовь. *(Пьет.)* Строгая водка...

Шабельский *(хохоча, Лебедеву)*. Но что, понимаешь, курьезнее всего, так это то, что они думают серьезно, что я... Удивительно... *(Встает и ходит около стола.)* А то в самом деле, Паша, не устроить ли себе эту гнусность? Назло... Этак, мол, на, старая собака, ешь... Паша, а? Ей-богу...

Лебедев. Пустое ты городишь, граф. Наше, брат, дело с тобой об околеванце думать, а Марфутки да стерлинги давно мимо проехали. Прошла наша пора...

Шабельский. Нет, я устрою. Честное слово, устрою...

Входят Иванов и Львов.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, Иванов и Львов.

Львов. Я прошу вас уделить мне только пять минут.

Лебедев. Николаша... *(Идет навстречу Иванову и целует его.)* Здравствуй, дружище... Я тебя уж целый час дожидаясь...

Авдотья Назаровна *(кланяется)*. Здравствуйте, батюшка!..

Иванов *(с горечью)*. Господа, опять в моем кабинете кабак завели... Тысячу раз просил я всех и каждого не делать этого... *(Подходит к столу.)* Ну вот, бумагу водкой облили... крошки... огурцы... Ведь противно!..

Л е б е д е в. Виноват, Николаша, виноват... Прости... Мне с тобой, дружище, поговорить надо о весьма важном деле...

Б о р к и н. И мне тоже.

Л ь в о в. Николай Алексеевич, можно с вами поговорить?

И в а н о в (*указывает ему на Лебедева*). Вот и ему я нужен. Подождите, вы после... (*Лебедеву*.) Что тебе?

Л е б е д е в. Господа, я желаю говорить конфиденциально... прошу...

Г р а ф, смеясь и грemasничая, уходит с Авд<отье й>

Н а з а р<овной>, за ними Б о р к и н, потом Л ь в о в.

И в а н о в. Паша, сам ты можешь пить, сколько тебе угодно, эта твоя болезнь, но прошу не спаивать дядю... Раньше он у меня никогда не пил... Ему вредно...

Л е б е д е в (*испуганно*). Голубчик, я не знал... я даже внимания не обратил...

И в а н о в. Не дай бог умрет этот старый ребенок, не вам будет худо, а мне... Что тебе нужно?

Пауза.

Л е б е д е в. Видишь ли, любезный друг... Не знаю, как начать, чтобы это вышло не так бессовестно... Николаша, совестно мне, краснею, язык заплетается, но, голубчик, войди в положение, пойми, что я человек подневольный, негр, тряпка... Извини ты меня... Повинную голову жена не мылит и меч не сечет...

И в а н о в. Что такое?

Л е б е д е в. Жена послала... Сделай милость, будь другом, заплати ты ей проценты... Веришь ли, загрызла, заездила, замучила... Отвяжись ты от нее, ради создателя!..

И в а н о в. Паша, ты знаешь, что у меня теперь нет денег...

Л е б е д е в. Знаю, знаю, но что же мне делать? Ждать она не хочет. Если протестует вексель, то как я и Шурочка будем тебе в глаза глядеть?

И в а н о в. Мне самому совестно, Паша, рад сквозь землю провалиться, но... но где взять? Научи, где? Остается одно — ждать осени, когда я хлеб продам...

великодушный характеръ, что у него не хватаетъ духа прогнать отъ себя Боркина..

I гость Слабый характеръ... | смѣется | Александра Павловна, ей Богу глаза отводить...

ЗИН. САВ. А тебѣ стыдно за такихъ заступаться...

САША. Я жадѣю, что вмѣшалась въ этотъ разговоръ... | быстро идетъ къ правой двери. |

ЛЭБ. Шура, горячка!... | смѣется | Порохъ-дѣвка...

I гость | загоразиваетъ ей дорогу | Александра Павловна, ей Богу не буду!.. Винавать.. честное слово не буду больше!..

ЗИН. САВ. Хоть при гостяхъ, Сашенька, не показывай характеръ..

САША. | дрогнувшимъ голосомъ | Всю свою жизнь проработала для другихъ; все, что у него было, растащили, расхитили; около его великодушныхъ затѣй наживался всякій, кто хотѣлъ...

Никогда въ жизни онъ не осквернялъ себя ложью, хитростью, ни разу я не слышала, чтобы онъ говорилъ о комъ нибудь худо... ~~Слова, которые онъ говорилъ, были такъ гадки, такъ жестоки,~~

и что-же? Куда не прійдешь, только и слышишь: Ивановъ, Ивановъ, Ивановъ... какъ будто не о чемъ больше говорить...

ЛЭБ. Горячка.. Будетъ тебѣ...

САША. Да, у него есть ошибки, но вѣдь каждая ошибка такихъ людей стоитъ двадцати нашихъ добродѣтелей... Если ^{вы} только могли... | оглядывается и видитъ Иванова и Шабельскаго |

Явленіе 4.

Тѣ же, Ивановъ и Шабельскій.

ШАБ. | входя съ Ивановымъ изъ правой двери | Кто это здѣсь?

Me

«ИВАНОВ».

Страница текста в цензурном экземпляре с правкой Чехова.

Лебедев (*кричит*). Не хочет она ждать...

Пауза.

Иванов. Твое положение неприятное, щекотливое, а мое еще хуже. (*Ходит и думает.*) И ничего не придумаешь... Продать нечего...

Лебедев. Съездил бы к Мильбаху, попросил бы... Ведь он тебе шестнадцать тысяч должен...

Иванов безнадежно машет рукой.

Вот что, Николаша... Я знаю, ты станешь браниться, но... но уважь старого пьяницу... По-дружески... Гляди на меня как на друга... Студенты мы с тобой... либералы... общность идей и интересов... Вместе в Московском университете учились... Alma mater... (*Вынимает из кармана бумажник.*) У меня вот есть заветные, про них ни одна душа в доме не знает... Возьми займы... (*Вынимает деньги и кладет на стол.*) Брось самолюбие, а взгляни по-дружески... Я бы от тебя взял, честное слово...

Иванов (*ходит*). Всё равно... мне теперь не до самолюбия. Кажется, дай мне теперь пощечину, так я тебе ни слова не скажу...

Лебедев. Вот они на столе. Тысячу сто. Ты съезди к ней сегодня и отдай собственноручно. Нате, мол Зинаида Саввишна, подавитесь... Только смотри, виду не подавай, что у меня занял, храни тебя бог...

Пауза.

Мутит на душе?

Иванов машет рукой.

Да, дела... (*Вздыхает.*) Настало для тебя время скорби и печали. Человек, братец ты мой, всё равно что самовар. Не всё он стоит в холодке на полке, но, бывает, и угольки в него кладут: пш... пш... Ни к чёрту это сравнение не годится, но да ведь умнее не придумаешь... (*Вздыхает.*) Несчастья закаляют душу... Мне тебя не жалко, Николаша, ты выскочишь из беды, перемелется — мука будет, но обидно, брат, и досадно мне на людей... Скажи на милость, откуда эти сплетни берутся? Столько, брат, про тебя по уезду сплетень ходит, что, того и гляди, к тебе товарищ прокурора при-

скачет. Ты и убийца, и кровопийца, и грабитель, и изменник...

Иванов. Это всё пустяки, вот у меня голова болит.

Лебедев. Всё оттого, что много думаешь.

Иванов. Ничего я не думаю...

Лебедев. А ты, Николаша, начихай на всё да поезжай к нам. Шурочка тебя любит, понимает и ценит. Она, Николаша, честный, хороший человек... Не в мать и не в отца, а, должно быть, в проезжего молодца. Гляжу, брат, на нее иной раз и не верю, что у меня, у толстоносого пьяницы, такое сокровище. Поезжай, потолкуй с ней об умном и развлечешься. Это верный, искренний человек.

Пауза.

Иванов. Паша, голубчик, оставь меня одного...

Лебедев. Понимаю, понимаю... *(Торопливо смотрит на часы.)* Я понимаю. *(Целует Иванова.)* Прощай... Мне еще на освящение школы ехать... *(Идет к двери и останавливается.)* Умная... Вчера стали мы с Шуркой насчет сплетень говорить *(смеется)*, а она афоризмом выпалила. Папочка, светляки, говорит, светят ночью только для того, чтобы их легче могли увидеть и съесть ночные птицы, а хорошие люди существуют для того, чтобы было чего есть клевете и сплетне. Каково? Гений? Жорж Занд... Я думал, что у одного только Боркина бывают в голове великие идеи, а теперь оказывается... Ухожу, ухожу... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 6

Иванов и Львов.

Иванов *(один)*. Подпишу бумаги и пойду с ружьем похожу... Убрать эту гадость... *(Брезгливо пожимаясь, сносит закуску и хлеб на маленький столик.)*

Львов *(входит)*. Мне нужно с вами объясниться, Николай Алексеевич...

Иванов *(неся графин с водкой)*. Если мы, доктор, будем каждый день объясняться, то на это никаких сил не хватит.

Львов. Вам угодно меня выслушать?

Иванов. Выслушиваю я вас каждый день и до сих пор никак не могу понять: что, собственно, вам от меня угодно?

Львов. Говорю я ясно и определенно, и не может меня понять только тот, у кого нет сердца...

Иванов. Что у меня жена при смерти — я знаю; что я непоправимо виноват перед ней — я тоже знаю; что вы честный и прямой человек — тоже знаю... Что же вам нужно еще?

Львов. Меня возмущает человеческая жестокость... Умирает женщина. У нее есть отец и мать, которых она любит и хотела бы видеть перед смертью; те знают отлично, что она скоро умрет и что всё еще любит их, но, проклятая жестокость, они точно хотят удивить Иегову своим религиозным закалом, всё еще проклинаят ее... Вы, человек, которому она пожертвовала всем: и верой, и родным гнездом, и покоем совести, вы откровеннейшим образом и с самыми откровенными целями каждый день катаетесь к этим Лебедевым...

Иванов. Ах, я там уже две недели не был...

Львов *(не слушая его)*. С такими людьми, как вы, надо говорить прямо, без обиняков, и если вам не угодно слушать меня, то не слушайте. Я привык называть вещи настоящим их именем... Вам нужна эта смерть для новых подвигов, пусть так, но неужели вы не могли подождать? Если бы вы дали ей умереть естественным порядком, не долбили бы ее своим откровенным цинизмом, то неужели бы от вас ушла Лебедева со своим приданым? Не теперь, так через год, через два вы, чудный тартюф, успели бы вскружить голову девочке и завладеть ее приданым так же, как и теперь... К чему же вы торопитесь? Почему вам нужно, чтобы ваша жена умерла теперь, а не через месяц, через год?

Иванов. Мучение... Доктор, вы слишком плохой врач... если предполагаете, что человек может сдерживать себя до бесконечности. Мне страшных усилий стоит не отвечать вам на ваши оскорбления.

Львов. Полноте, кого вы хотите одурачить? Сбросьте маску.

Иванов. Умный человек, подумайте, по-вашему,

нет ничего легче, как понять меня... Я женился на Анне, чтобы получить большое приданое; приданого мне не дали, я промахнулся и теперь сживаю ее со света, чтобы жениться на другой и взять приданое... Да? Как просто и несложно... Человек такая немудреная, простая машинка... Нет, доктор, в каждом из нас слишком много колес, винтов и клапанов, чтобы мы могли судить друг об друге по первому впечатлению или по двум-трем внешним признакам. Я не понимаю вас, вы меня не понимаете, и сами мы себя не понимаем. Можно быть прекрасным врачом и в то же время совсем не знать людей. Не будьте же самоуверенны и согласитесь с этим.

Л ь в о в. Да неужели же вы думаете, что вы так непрозрачны и у меня так мало мозга, что я не могу отличить подлости от честности?

И в а н о в. Очевидно, мы с вами никогда не споемся... В последний раз я спрашиваю, и отвечайте, пожалуйста, без предисловий: что, собственно, вам нужно от меня? Чего вы добиваетесь? (*Раздраженно.*) И с кем я имею честь говорить: с моим прокурором или с врачом моей жены?..

Л ь в о в. Я врач и как врач требую, чтобы вы изменили ваше поведение... Оно убивает Анну Петровну...

И в а н о в. Но что же мне делать? Что? Если вы меня понимаете лучше, чем я сам себя понимаю, то говорите определенно и точно: что мне делать?

Л ь в о в. По крайней мере, действовать не так откровенно.

И в а н о в. А, боже мой! Неужели вы себя понимаете? (*Пьет воду.*) Оставьте меня... Я тысячу раз виноват, отвечу перед богом, а вас никто не уполномочивал ежедневно пытаться меня...

Л ь в о в. А кто вас уполномочил оскорблять во мне мою правду? Вы измучили и отравили мою душу... Пока я не попал в этот уезд, я допускал существование людей глупых, сумасшедших, увлекающихся, но никогда я не верил, что есть люди преступные осмысленно, сознательно направляющие свою волю в сторону зла... Я уважал и любил людей, но когда увидел вас...

Входит С а ш а в амазонке.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и С а ш а.

Л ь в о в (*увидев Сашу*). Теперь уж, надеюсь, мы отлично понимаем друг друга... (*Пожимает плечами и уходит.*)

И в а н о в (*испуганно*). Шура, это ты...

С а ш а. Да, я.. Не ожидал? Отчего ты так долго не приезжал?

И в а н о в (*оглядываясь*). Шура, ради бога, это неосторожно... Твой приезд может страшно подействовать на жену.

С а ш а. Сейчас уеду... Я беспокоюсь: ты здоров? Отчего не приезжал?

И в а н о в. Уезжай ради бога... мы не можем видеться, пока не... пока... ну, ты меня понимаешь... (*Слегка толкает ее к двери.*)

С а ш а. Только одно скажи: ты здоров?

И в а н о в. Нет, замучил я себя, люди меня мучают без конца... Просто сил моих нет и, если бы не мысли о тебе, то я давно бы пустил себе пулю в лоб. Видишь, я дрожу... Шурочка, ради бога, увози меня отсюда поскорее... (*Прижимается лицом к ее плечу.*) Дай мне отдохнуть и забыться хоть одну минуту...

С а ш а. Скоро, скоро, Николай... Не падай духом, стыдно...

ЯВЛЕНИЕ 8

И в а н о в, С а ш а и П е т р.

П е т р приносит пирожки на бумажке и кладет их на стол.

И в а н о в (*вздрагивает*). Кто? что? (*Увидев Петра.*) Что тебе?

П е т р. Пирожки, граф приказывали...

И в а н о в. Уходи ты...

П е т р уходит.

С а ш а. Уверяю тебя, мой дорогой... вот тебе моя рука: придут хорошие дни, и ты будешь счастлив. Будь бодр, погляди, какая я храбрая и счастливая... (*Плачет.*)

И в а н о в. Мы точно желаем ее смерти... Как это нездорово, как ненормально... Как я виноват...

С а ш а (*с ужасом*). Николай, кто хочет ее смерти? Пусть живет, хоть еще сто лет... И в чем ты виноват? Разве твоя вина, что ты разлюбил ее, что судьба посылает ей смерть? Твоя ли вина, что ты меня любишь? Подумай хорошенько... смотри (*плачет*)... смотри прямо в глаза обстоятельствам, бодро... Не ты виноват и не я, а обстоятельства.

И в а н о в. Будь бодр... настанет время... полюбил... разлюбил — все это общие места. Избитые фразы, которыми не поможешь.

С а ш а. Я говорю как все и иначе говорить не умею...

И в а н о в. И весь этот наш роман — общее, избитое место... «Он пал духом и утерял почву... Явилась она, бодрая духом, сильная и подала ему руку помощи»... Это хорошо и уместно в романах, но в жизни... не то, не то... Ты вот любишь меня, моя, подала руку помощи, а я всё еще жалок и беспомощен, каким был прежде...

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же и Б о р к и н.

Б о р к и н (*выглядывает в дверь*). Николай Алексеевич, можно? (*Увидев Сашу*.) Виноват, я и не вижу... (*Входит*.) Бонжур... (*Раскланивается*.)

С а ш а (*смущенно*). Здравствуйте...

Б о р к и н. Вы пополнели, похорошели...

С а ш а (*Иванову*). Так я ухожу, Николай Алексеевич... Я ухожу... (*Уходит*.)

Б о р к и н. Чудное видение... Шел за прозой, а наткнулся на поэзию... (*Поет*.) Явилась ты, как пташка к свету...

Иванов взволнованно ходит по сцене.

(*Садится*). А в ней, Nicolas, есть что-то такое... этакое, чего нет в других... Не правда ли? Что-то особенное... фантазмагорическое... (*Вздыхает*.) В сущности, самая богатая невеста во всем уезде, но маменька такая редька, что никто не захочет связываться. После

ее смерти всё останется Шурочке, а до смерти даст тысяч десять, плойку и утюг, да еще велит в ножки поклониться... *(Роется в карманах.)* Покурить делос-махорос... *(Закуривает сигару.)* Не хотите ли? *(Протягивает портсигар.)* Хорошие... Курить можно...

Иванов *(подходит к Боркину, задыхаясь от гнева)*. Сюю же минуту, чтоб ноги вашей не было у меня в доме!.. Сюю же минуту!..

Боркин приподнимается и рохнет сигару.

Вон сюю же минуту...

Боркин. Nicolas, что это значит? за что вы сердитесь?

Иванов. За что? А откуда у вас эти сигары? И вы думаете, что я не знаю, куда и зачем вы каждый день возите старика...

Боркин *(пожимает плечами)*. Да вам-то что за надобность?

Иванов. Негодяй вы этакий... Ваши подлые проекты, которыми вы сыплете по всему уезду, сделали меня в глазах людей бесчестным человеком... У нас нет ничего общего, и я прошу вас сюю же минуту оставить мой дом... *(Быстро ходит.)*

Боркин. Я знаю, что всё это вы говорите в раздражении, а потому не сержусь на вас. Оскорбляйте сколько хотите... *(Поднимает сигару.)* А меланхолию пора бросить... Вы не гимназист...

Иванов. Я вам что сказал? *(Дрожа.)* Вы играете мной?..

Входит Анна Петровна.

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же и Анна Петровна.

Боркин. Ну вот, Анна Петровна пришла... Я уйду... *(Уходит.)*

Иванов останавливается около стола и стоит попуриив голову.

Анна Петровна *(после паузы)*. Зачем она сюда сейчас приезжала?

Пауза.

Я тебя спрашиваю: зачем она сюда приехала?

И в а н о в. Не спрашивай, Анюта...

Пауза.

Я глубоко виноват... Придумывай какое хочешь наказание, я всё снесу, но не спрашивай. Говорить я не в силах...

А н н а П е т р о в н а (*сердито стучит пальцем по столу*). Зачем она здесь была?

Пауза.

А, так вот ты какой? Теперь я тебя понимаю. Наконец-то я вижу, что ты за человек. Бесчестный, низкий... Помнишь, ты пришел и солгал мне, что ты меня любишь... Я поверила и оставила отца, мать, веру и пошла за тобой... Ты лгал мне о правде, о добре, о своих честных планах, я верила каждому слову.

И в а н о в. Анюта, я никогда не лгал тебе...

А н н а П е т р о в н а. Жила я с тобой пять лет, томилась и болела от мысли, что изменила своей вере, но любила тебя и не оставляла ни на одну минуту... Ты был моим кумиром... И что же? Всё это время ты лгал и обманывал самым наглым образом...

И в а н о в. Анюта, не говори неправды... Я ошибался, да... но не солгал ни разу в жизни... В этом ты не смеешь попрекнуть меня...

А н н а П е т р о в н а. Теперь всё понятно... Женился ты на мне и думал, что отец и мать простят меня, дадут мне денег... Ты это думал...

И в а н о в. О, боже мой! Анюта, испытывать так терпение... (*Плачет.*)

А н н а П е т р о в н а. Молчи... Когда увидел, что денег нет, ты повел новую игру... Теперь я всё помню и понимаю... (*Плачет.*) Ты никогда не любил меня и не был мне верен. Никогда...

И в а н о в. Сарра, это ложь!.. Говори, что хочешь, но не оскорбляй меня ложью...

А н н а П е т р о в н а. Всегда ты лгал мне... Бесчестный, низкий человек... Ты должен Лебедеву и теперь, чтобы увильнуть от долга, хочешь вскружить голову его дочери, обмануть ее так же, как и меня... Разве не правда?

Иванов (*задыхаясь*). Замолчи, ради бога!.. Я за себя не ручаюсь... Меня душит гнев, и я... я могу оскорбить тебя...

Анна Петровна. Всегда ты нагло обманывал, и не меня одну. Все бесчестные поступки сваливал ты на Боркина, но теперь я знаю, чьи они...

Иванов. Сарра, замолчи, уйди, а то у меня с языка сорвется слово?.. Меня так и подмывает сказать тебе что-нибудь ужасное, оскорбительное... (*Кричит.*) Замолчи, жидовка!..

Анна Петровна. Не замолчу... Слишком долго ты обманывал меня, чтобы я могла молчать...

Иванов. Так ты не замолчишь? (*Борется с собой.*) Ради бога...

Анна Петровна. Теперь иди и обманывай Лебедеву...

Иванов. Так знай же, что ты... скоро умрешь... Мне доктор сказал, что ты скоро умрешь...

Анна Петровна (*садится, упавшим волосом*). Когда он сказал?

Пауза.

Иванов (*хватает себя за голову*). Как я виноват! Боже, как я виноват!..

ЯВЛЕНИЕ 11

Те же и **Львов**.

Львов (*входит и, увидев Анну Петровну, быстро направляется к ней*). Что такое? (*Всматривается в ее лицо, Иванову.*) Что у вас тут было сейчас?

Иванов. Боже, как я виноват!.. как виноват!..

Львов. Анна Петровна, Анна Петровна, что с вами? (*Иванову.*) Погодите! Клянусь вам честью, которой у вас нет, вы заплатите за нее!.. Я выведу вас на чистую воду... Я вам покажу!..

Иванов. Как я виноват, как виноват...

Занавес

Между 3 и 4 действиями проходит около года.

ДЕЙСТВИЕ 4

КАРТИНА 1

Небольшая комната в доме Лебедевых. Простая, старинная меблировка. Направо и налево двери.

ЯВЛЕНИЕ 1

Д у д к и н и К о с ы х.

Оба во фраках, перчатках и с цветками на лацканах; стоят около левой двери и спешат выкурить папиросы.

К о с ы х (*радостно*). Вчера объявил маленький шлем на трефках, а взял большой... Только опять этот Барабанов мне музыку испортил... Играем... я говорю — без козыря. Он пас... Трефы... он пас... Я два трефы... три трефы, он пас, и представь... можешь ты себе представить, я объявляю шлем, а он не показывает туза. Покажи он туза, я объявил бы большой шлем на без-козырях...

Д у д к и н. Постой, коляска подъехала. Должно быть, женихов шафер. (*Глядит в окно.*) Нет... (*Смотрит на часы.*) А уж пора ему быть...

К о с ы х. Да, невеста давно одета...

Д у д к и н. Эх, брат, будь я женихом (*свистит*), наделал бы я делов... Вот в эту самую пору, сейчас вот, когда невеста уже одета и в церковь надо ехать, приехал бы я сюда и сейчас бы Зюсюшку за бока: давай сто тысяч, а то венчаться не поеду... Давай...

К о с ы х. И не дала бы...

Д у д к и н. Дала бы... Когда в церкви всё готово и народ ждет, дала бы... А теперь Иванов ни шиша не получит. И пяти тысяч она ему не даст...

К о с ы х. Зато, когда помрет, ему всё останется.

Д у д к и н. Ну да, жди, когда она помрет... Да прежде чем околеть, она все деньги в землю зароет.

Ведьма из таковских. У меня такой же вот дядька был, так тот перед смертью все процентные бумаги сжевал и проглотил. Накажи меня бог... Приходит к нему доктор, а у него брюхо — во... Иванов думает, что ему сейчас и выложат: бери, милый, всё... Как же... На жидовке нарвался, съел гриб, и здесь то же будет... Не везет человеку... Не везет... Просто хоть ложись да помирай... А ведь умница, пройдоха, жох-мужчина, всю политику насквозь прошел, а вот — не судьба, значит... Счастья нет...

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Бабакина.

Бабакина (*разоветая, важно проходит через сцену мимо Дудкина и Косых; оба они сзади ее прыскают в кулаки; она оглядывается*). Глупо...

Дудкин касается пальцем ее талии и щелкает языком.

Мужик... (*Уходит.*)

Дудкин и Косых хохочут.

Дудкин. Совсем спятила баба... Пока в сиятельстве не лезла, была в лучшем смысле, а как стала норовить с той точки зрения, чтобы графинею стать, приступу к ней нет. Бывало, возьмешь полов кулек коньяку да ликеру, закатишься к ней суток на трое и размалиновое житье... кафешантан, а теперича и пальцем тронуть нельзя... (*Дразнит.*) Мужик...

Косых. Гляди, и будет графинею...

Дудкин. Ну вот... граф смеется над ней, зубы чешет, а ты веришь. Ему бы только поболтаться да поужинать на шарамыжку. Уж целый год ее за нос водит. Но за что, брат, люблю Марфутку — кремень!.. чистый кремень!.. Мишка Боркин и граф около нее и так и этак, и чёртом и бисером, на всякие манеры, чтобы она им денег дала: ни копейки!.. Мишка в прошлом году получил от нее за сватовство двести целковых, да и те ей вскорости Иванов назад прислал... Так Мишке ничего и не досталось, даром только хлопотал...

Те же, Лебедев и Саша (одетая в венчальном платье).

Лебедев (входя с Сашей). Здесь поговорим. (Дудкину и Косыху.) Ступайте, зулусы, в залу к барышням. Нам по секрету поговорить нужно...

Дудкин (проходя мимо Саши, подмигивает глазом и щелкает пальцем). Картина!.. Финь-шампань!..

Лебедев. Проходи, пещерный человек, проходи...

Косых и Дудкин уходят.

Садись, Шурка... Вот так... (Садится и оглядывается.) Слушай внимательно и с должным благоговением. Дело вот в чем. Твоя мать приказала передать мне тебе следующее... Понимаешь? Я не от себя буду говорить, а мать приказала... (Сморкается.) Пока еще женихов шафер не приехал и пока мы тебя еще не благословили, ты, во избежание недоразумений и могущих быть впоследствии разговоров, должна раз навсегда знать, что мы... то есть не мы, а твоя мать...

Саша. Папа, нельзя ли покороче?

Лебедев. Ты должна знать, что тебе в приданое назначено пятнадцать тысяч рублей серебром кредитными бумажками. Вот... смотри, чтобы потом разговоров не было. Постой... молчи. Это только цветки, а будут и ягоды. Приданого тебе назначено пятнадцать тысяч, но, принимая во внимание, что Николай Алексеевич должен твоей матери девять тысяч, из твоего приданого делается вычитание в размере долга, и, таким образом, тебе будет дано только шесть тысяч. Vous comprenez? ¹ Это ты должна знать, чтобы впоследствии не было разговоров. Постой, я не кончил. На свадьбу назначено пятьсот рублей; но так как свадьба справляется на женихов счет, то из шести тысяч вычитаются и эти пятьсот. Итого, значит, пять тысяч пятьсот, каковы ты и получишь после венчания, причем твоя добродетельная мать не упустит случая, чтобы не наделить тебя купонами 1899 года или акциями Скопинского банка.

Саша. Для чего ты мне это говоришь?

¹ Понимаете? (франц.)

Лебедев. Мать приказала.

Саша *(встает)*. Папа, если бы ты хотя немного уважал себя и меня, то не позволил бы себе говорить со мной таким образом. *(Сердито.)* Не нужно мне вашего приданого... Я не просила и не прошу... Оставьте меня в покое, не оскорбляйте моего слуха вашими грошовыми расчетами!..

Лебедев. Не я тебе говорю о приданом, а мать...

Саша. Сто раз я вам говорила, что не возьму ни копейки... А наш долг мы вам отдадим. Я возьму где-нибудь займы и отдам. Оставьте меня в покое.

Лебедев. За что же ты на меня набросилась? У Гоголя две крысы сначала понюхали, а потом ушли, а ты, эмансипе, не понюхавши набросилась.

Саша. Оставьте меня в покое...

Лебедев *(всплиив)*. Тыфу... Все вы то сделаете, что я себя или ножом пырну или человека зарежу!.. Та день-деньской ревма ревет, зудит, пилит, копейки считает, а эта, умная, гуманная, чёрт подери, эмансипированная, не может понять родного отца... Я оскорбляю слух... Да ведь прежде чем прийти сюда оскорблять твой слух, меня там *(указывает на дверь)* на куски резали, четвертовали... *(Ходит в волнении.)* Не может она понять... *(Дразнит.)* Не возьму я ни копейки... Эка, удивить захотела... Что ж ты с мужем есть будешь?

Саша. Свое, он не нищий...

Лебедев *(машет рукой)*. Та пилит, эта философствует, с Николаем слова сказать нельзя: тоже очень умный... Голову вскружили и с толку сбили. Выходи ты скорей замуж, и ну вас всех к... *(Идет к двери и останавливается.)* Не нравится мне, всё мне в вас не нравится...

Саша. Что тебе не нравится?

Лебедев. Всё мне не нравится... всё...

Саша. Что всё?

Лебедев. Так вот я рассядусь перед тобой и стану рассказывать... Ничего мне не нравится... А на свадьбу твою я и смотреть не хочу... *(Подходит к Саше и ласково.)* Ты меня извини, Шурочка... Может быть, твоя свадьба умная, честная, возвышенная, с принципами, но что-то в ней не то... не то... не то... Не похожа она на другие свадьбы... Ты молодая, свежая,

чистая, как стеклышко, красивая, а он вдовец, 35 лет... истребался, обносился... Гляди, через пять лет у него морщины и лысина будут... (*Целует дочь в голову.*) Шурочка, прости, но что-то и не совсем чисто... Уж очень много люди говорят... Как-то так у него эта Сарра умерла, потом как-то вдруг почему-то на тебе жениться захотел...

С а ш а. Он твой друг, папа...

Л е б е д е в. Друг-то друг, но все-таки что-то, понимаешь ли ты, как будто бы не того... (*Живо.*) Впрочем, я баба, баба... Обабился я, как старый кринолин... Не слушай меня... Никого, себя только слушай...

ЯВЛЕНИЕ 4

Т е ж е и З и н а и д а С а в в и ш н а.

З и н а и д а С а в в и ш н а (*сходит, одетая в новое платье, голова повязана мокрым полотенцем*). Там, кажется, приехал шафер жениха. Надо идти благословлять... (*Плачет.*)

С а ш а (*умоляюще*). Мама!..

Л е б е д е в. Зюзюшка, полно тебе сырость разводиться!.. Уж, слава богу, целый год, извини за выражение, проревела.

Пауза.

Укусом от тебя разит, как из бочки...

С а ш а (*умоляюще*). Мама!..

З и н а и д а С а в в и ш н а. Если тебе мать не нужна (*плачет*), если без послушания матери обходишься, то... что же тебе от меня нужно? Я благословлю, сделаю тебе такое удовольствие, благословлю...

Л е б е д е в. Зюзюшка, радоваться надо...

З и н а и д а С а в в и ш н а (*отрывая платок от лица и не плача*). Чему радоваться? Он женится на ней из-за приданого да чтобы мне долга не платить, а ты радуешься... (*Плачет.*) Одна дочь, да и та бог знает как... Если он, по-вашему, честный, путевый человек, то он бы, прежде чем предложение делать, заплатил бы долг...

Л е б е д е в (*Саше*). Молчи, молчи, воздержись... Допивай, брат, чашу до дна... Недолго еще осталось...

Те же и Иванов.

Иванов в фрачной паре, входит заметно взволнованный.

Вместе { Лебедев (*испуганно*). Что такое? Откуда ты?
Саша. Зачем ты?

Иванов. Виноват, господа, позвольте мне поговорить с Сашей наедине...

Лебедев. Это непорядок, чтобы до венца к невесте приезжать. Тебе давно пора быть в церкви...

Иванов. Паша, я прошу...

Лебедев, пожимая плечами, и Эпипанда Саввиша уходит.

Саша. Что тебе?

Иванов (*волнуясь*). Шурочка, ангел мой...

Саша. Ты взволнован... Что случилось?..

Иванов. Счастье мое, дорогая моя, выслушай меня... Забудь, что ты меня любишь, собери всё своё внимание и выслушай...

Саша. Николай, не пугай меня... что такое?

Иванов. Сейчас я одевался к венцу, взглянул на себя в зеркало, а у меня на висках... седины... Шурочка, не надо бы!.. Пока еще не поздно, не надо... не надо!.. (*Хватает себя за голову.*) Не надо!.. Оставь ты меня... (*Горько.*) Ты молода, прекрасна, чиста, у тебя впереди жизнь, а я... седина на висках, разбитость, чувство вины, прошлое... Не пара... Не пара я тебе!..

Саша (*строго*). Николай... что за нежности?.. Тебя давно в церкви ждут, а ты прибегаешь сюда ныть. Всё это не ново, слышала я и мне надоело... Поезжай в церковь, не задерживай людей!..

Иванов (*берет ее руки*). Слишком я люблю тебя и слишком ты дорога для меня, чтобы я посмел стать тебе поперек дороги. Счастья я тебе не дам... Клянусь богом, не дам!.. Пока не поздно, откажись от меня. Это будет и честно и умно. Я сейчас уеду домой, а ты объяви своим, что свадьбы не будет... Объясни

Дозволено цензурою. СПб., 10го Декабря 1887 года.

Зрительный / кабинет
в т. д. августа 17го года
1888 г. Ивановъ

Комедія въ 4 дѣйствіяхъ и 5 картинахъ

Антонъ Мехова.

МОСКОВСКАЯ
Е. Н. Разсокина.
ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
Москва, Тверская, домъ
Сушкина, Георгіевскій пер.

Литографія Московской театральнѣй библіотеки Е. Н.
Разсокиной: Москва, Тверская улица, близъ Газетнаго переулка,
каждому Сушкина, 2го подъѣздъ изъ Георгіевскаго переулка.

«ИВАНОВЪ».

Обложка литографированного издания пьесы с дарственной надписью
Е. И. Эфрос.

им как-нибудь... *(Взволнованно ходит.)* Боже мой, боже мой, я чувствую, что ты, Шурочка, меня не понимаешь... Я стар, уже отжил свое, заржавел... энергия жизни утрачена навсегда, будущего нет, воспоминания пасмурны... Чувство вины растет во мне с каждым часом, душит меня... Сомнения, предчувствия... Что-то случится... Шурочка, что-то случится... Скопляются тучи — чувствую...

С а ш а *(удерживая его за руку)*. Коля, ты говоришь как ребенок... Успокойся... Твоя душа больна и томится... Она берет верх над твоим здоровым и сильным умом, но ты не давай ей воли, а напряги ум. Ну рассуди: где тучи? В чем твоя вина? И чего ты хочешь? Ты прибежал сказать мне, что ты стар; может быть, но ведь и я не ребенок... И причем тут старость? Если бы твоя милая голова покрылась вдруг вся сединами, то я стала бы любить ее сильнее, чем теперь, потому что знаю, откуда эти седины... *(Плачет.)* Постой, я сейчас... *(Вытирает глаза.)*

И в а н о в. Говори, говори...

С а ш а. Тебя томит чувство вины... Все, кроме отца, говорят мне о тебе только одно дурное. Вчера я получила анонимное письмо, в котором меня предостерегают...

И в а н о в. Это доктор писал, доктор... Этот человек преследует меня...

С а ш а. Всё равно, кто бы ни писал... Все говорят о тебе худо, а я не знаю другого человека, который был бы честнее, великодушнее и выше тебя... Одним словом, я люблю тебя, а где любовь, там нельзя ни отступать, ни торговаться... Я буду твоей женой и хочу ею быть... Это решено и разговоров быть не может. Я люблю тебя и пойду за тобой, куда хочешь, под какие угодно тучи... Что бы с тобой ни случилось, куда бы тебя ни занесла судьба, я всегда и везде буду с тобой. Иначе я не понимаю своей жизни...

И в а н о в *(ходит)*. Да, да, Шурочка, да... Действительно, я говорю нелепости... Напустил на себя психопатию, себя измучил и на тебя нагоняю тоску... В самом деле, надо скорее прийти в норму... делом заняться и жить, как все живут... Слишком много у меня в голове накопилось лишних мыслей... В том, что я на тебе женюсь, нет ничего необыкновенного, удиви-

тельно, а моя мнительность делает из этого целое событие, апофеоз... Всё нормально и хорошо... Так я, Шурочка, поеду...

С а ш а. Езжай, и мы сейчас приедем...

И в а н о в (*целует ее*). Извини, я тебе надоел... Сегодня повенчаемся, а завтра за дело... (*Смеется.*) Прелесть моя, философ. Похвастал я старостью, а ты, оказывается, старше меня умом на десять лет... (*Перестав смеяться.*) Серьезно рассуждая, Шурочка, мы такие же люди, как и все, и будем счастливы, как все... И если виноваты, то тоже как все...

С а ш а. Ступай, ступай, пора...

И в а н о в. Иду, иду... (*Смеется.*) Как я неumen, какой я еще ребенок, в сущности, тряпка... (*Идет к двери и сталкивается с Лебедевым.*)

ЯВЛЕНИЕ 6

И в а н о в, С а ш а и Л е б е д е в.

Л е б е д е в. Поди-ка, поди-ка сюда... (*Берет Иванову за руку и ведет к рампе.*) Гляди-ка мне прямо в глаза, гляди... (*Долго молча смотрит ему в глаза.*) Ну, Христос с тобой... (*Обнимает его.*) Будь счастлив и прости, братец, за дурные мысли... (*Саше.*) Шурочка, а ведь он еще молодец... Погляди, чем не мужчина? Гвардии корнет... Поди сюда, Шурка... (*Строго.*) Поди...

Саша подходит к нему.

(*Берет Иванову и Сашу за руки, оглядываясь.*) Слушайте, мать как хочет, бог с ней: не дает денег и не надо. Ты, Шурка, говоришь, что тебе (*дразнит*) «ни копейки не надо». Принципы, альтруизм, Шопенгауер... Всё это чепуха, а я вам вот что скажу... (*Вздыхает.*) Есть у меня в банке заветные десять тысяч (*оглядывается*), про них в доме ни одна собака не знает... Это еще бабушкины... (*выпуская руки*) грабьте!..

И в а н о в. Прощай... (*Весело смеется и уходит.*)

С а ш а идет за ним.

Л е б е д е в. Гаврила!.. (*Уходит и кричит за дверью.*) Гаврила!..

ЯВЛЕНИЕ 7

Дудкин и Косых.

Оба вбегают и быстро закуривают.

Косых. Успеем еще по папиросе выкурить.

Дудкин. Это он приезжал насчет приданого поприжать... *(Восторженно.)* Молодчина... Ей-богу, молодчина... Молодчина...

Занавес

КАРТИНА 2

Гостиная в доме Лебедевых. Бархатная мебель, старинная бронза, фамильные портреты. Пианино, на нем скрипка, возле стоит виолончель. Много света. Налезо дверь. Направо широкая дверь в залу, откуда идет яркий свет. Из левой двери в правую и обратно снуют лакеи с блюдами, тарелками, бутылками и проч. При поднятии занавеса слышны из залы крики:

«Горько, горько...»

ЯВЛЕНИЕ 1

Авдотья Назаровна, Косых и Дудкин выходят из залы с бокалами.

Голос из залы: «За здоровье шаферов...»

Музыка за сценой играет туш. Крик «ура» и шум передвигаемых стульев.

Авдотья Назаровна. Какую я парочку сосватала... Любо-дорого, хоть в Москву напоказ вези. Он красивый, статный, образованный, деликатный, чверезый, а Сашенька ангельчик, цветочек, ясочка... Другую такую парочку не скоро сосватаешь...

В зале кричат ура.

Косых.	} вместе	Ура-а-а-а...
Дудкин.		

Авдотья Назаровна *(поет)*.

Да не сиди, Сашенька, не сиди,
 Подыми окошечко, погляди:
 Высоко ли солнышко на дворе?
 Хорош ли мой Колюшка на коне?

Вот как... загуляла грешница... Нет мне топерь конца-краю...

Дудкин хочет что-то сказать, но не может.

К о с ы х. Завидно на людское счастье глядеть... Авдотья Назаровна, сделай милость, сосватай мне невесту... Так опротивела холостая, одинокая жизнь, что дома все хожу по комнатам да на отдушники поглядываю... Болтаешься, болтаешься, и так, чёрт знает как, жизнь проходит.

А в д о т ь я Н а з а р о в н а. Давно бы сказал, я бы тебя сразу женила...

К о с ы х. То ли дело женатому... Сидишь у себя дома... тепло... лампа горит, какая-нибудь этакая жена ходит... Ей-богу, она около тебя ходит, а ты сидишь за столом с приятелями и винтишь... Говоришь: без козыря... пас... трефы... пас... черви... пас... два черви... пас... И наконец шлем на червах... Все пас, пас, пас...

Дудкин касается талии Авдотьи Назаровны
и щелкает языком.

А в д о т ь я Н а з а р о в н а. Ну, так назююкался, что меня за молодую принял... Эка, до какой степени себя забыл в чужом доме. Языка не сдвинешь, словно паралич расшиб...

Г о л о с и з з а л ы: «За здоровье Сергея Афанасьевича
и Марьи Даниловны...»

Музыка играет туш. Ура.

(Идет в залу и поет.)

Хорош, хорош, маменька,
Лучше всех,
Да повесил головушку
Ниже всех.

Уходит.

Д у д к и н. Раиса Сергеевна, поедем...

К о с ы х. Какая я тебе Раиса Сергеевна...

Д у д к и н. Наплюй... поедем... дай двугривенный швейцару, у меня мелких нет... *(Кричит.)* Григорий, подавай...

К о с ы х. Что ты орешь? Какой тут Григорий?
(Закуривает.)

Д у д к и н. Наплюй, поедем... Гуляй на все...
(Кричит.) Григорий, подавай...

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Б о р к и н (во фраке с цветком).

Б о р к и н (вбегают из залы запыхавшись). От-
чего не подают шампанского? (Лакею.) Подавай еще
шампанского, скорей...

Л а к е й. Шампанского больше нет...

Б о р к и н. Чёрт знает, что за беспорядки... Пять
бутылок на сто человек... Это возмутительно...

К о с ы х подходит к виолончели и водит по струнам смычком.

Какое еще вино есть?

Л а к е й. Столовое, игристое...

Б о р к и н. По сорока копеек бутылка? (Косых.)
Ах, да не пилите вы, пожалуйста... (Лакею.) Подавай
хоть столового игристого, только поскорее... Уф, заму-
чился... Одних тостов произнес штук двадцать...
(Дудкину и Косых.) Вот что, сейчас мы провозгласим
графа и Бабакину женихом с невестой. Смотрите, гос-
пода: кричать ура во всё горло. А потом у меня одна
идея есть, которую я объявлю. Так нужно будет и за
идею выпить... Пойдемте... (Берет под руку Косых и ухо-
дит с ним в залу.)

Д у д к и н (идет за ними). Семен Николаевич...
Давай сначала у буфета выпьем, а потом уж в общей...
(Уходит.)

Музыка играет марш из «Бокаччио», крики: «Музыка, стой».
Марш обрывается.

Г о л о с из залы: «За здоровье невестинной тетушки
Маргариты Саввишны...»

Туп.

Шабельский и Лебедев.

Лебедев (*выходя с графом из залы*). Не дури ты, пожалуйста, напустил на себя злобу или просто страдаешь катаром желудка, а уж думаешь в самом деле, что ты Мефистофель. Да право... Возьми в рот паклю, зажги и дыши огнем на людей...

Шабельский. Нет, серьезно, мне хочется устроить себе какую-нибудь гнусность, подлость, чтоб не только мне, но и всем противно стало. И я устрою... Честное слово, устрою... Я уже сказал Боркину, чтобы он объявил меня женихом. (*Смеется.*) Это будет гнусно, но под стать и времени и людям. Все подлы, и я буду подл...

Лебедев. Надоел ты мне... Слушай, Матвей, договоришься ты до того, что тебя, извини за выражение, в желтый дом свезут.

Шабельский. А чем желтый дом хуже любого белого или красного дома? Сделай милость, хоть сейчас меня туда вези... Сделай милость...

Лебедев. Знаешь что, брат... Бери свою шапку и езжай домой... Тут свадьба, все веселятся, а ты кра... кра... как ворона. Езжай с богом...

Шабельский. Свадьба... все веселятся... Что-то идиотское, дикое... Эта музыка, шум, пьянство, точно Тит Титыч женится. До сих пор я считал тебя и Николая интеллигентными людьми, а сегодня вижу, что вы оба такие же моветоны, как Зюзюшка и Марфутка. Это не свадьба, а кабак.

Лебедев. Кабак, но ведь не я делаю этот кабак и не Николаша. Обычай такой... есть обычай — горло драсть, ну и дерут, а обычаи, брат, те же законы. *Mores leges imitantur*¹ — вот еще с университета помню. Не нам с тобой людей переделывать.

Шабельский склоняется к пианино и рыдает.

Батюшки... Матвей... граф... Что с тобой? Матюша, родной мой... ангел мой... Я тебя обидел? Ну прости меня, старую собаку. Прости пьяницу... Воды выней...

¹ Обычаи заменяют законы (*лат.*).

Ш а б е л ь с к и й. Не нужно... *(Поднимает голову.)*

Л е б е д е в. Что ты плачешь?

Ш а б е л ь с к и й. Ничего, так...

Л е б е д е в. Нет, Матюша, не лги... Отчего? что за причина?

Ш а б е л ь с к и й. Взглянул я сейчас на эту виолончель и... и жишовочку вспомнил...

Л е б е д е в. Эва, когда нашел вспоминать... Царство ей небесное, вечный покой, а вспоминать не время...

Ш а б е л ь с к и й. Мы с ней дуэты играли. Чудная, превосходная женщина... *(Склоняется на пианино.)*

Г о л о с и з з а л ы: «За здоровье дам...»

Т у ш и у р а.

Все подленькие, маленькие, ничтожные, бездарные... Я брюзга; как кокетка, напустил на себя бог знает что, не верю ни одному своему слову, но согласись, Паша, все мелко, ничтожно, подловато. Готов перед смертью любить людей, но ведь всё не люди, а людишки, микрокефалы, грязь, копоть...

Л е б е д е в. Людишки... От глупости всё, Матвей... Глупые они, а ты погоди — дети их будут умные... Дети не будут умные, жди внуков, нельзя сразу... Ум веками дается...

Ш а б е л ь с к и й. Паша, когда солнце светит, то и на кладбище весело... когда есть надежды, то и в старости хорошо... А у меня ни одной надежды, ни одной...

Л е б е д е в. Да, действительно, тебе плоховато... Ни детей у тебя, ни денег, ни занятий... Ну, да что делать, судьбе кукиша не покажешь...

Музыка полминуты играет вальс, во время которого Лебедев и Шабельский делают вид, что говорят между собою.

Ш а б е л ь с к и й. На том свете мы поквитаемся. Я съезжу в Париж и погляжу на могилу жены. В своей жизни я много давал, роздал половину своего состояния, а потому имею право просить. К тому же, прошу я у друга.

Л е б е д е в (*растерянно*). Голубчик, у меня ни копейки... Честное слово, omnia mea mecum porto ¹. Живу на жениных харчах без жалованья. Были спрятаны у меня заветные десять тысяч, да и те сегодня Шурочке определил. (*Живо.*) Постой, не унывай... Эврика... Скажу я Николаше одно слово, и ты будешь в Париже... Валяй в Париж... Из десяти тысяч мы тебе три ассигнуем. Четыре... Целый год будешь кататься, а потом приедешь домой и, чего доброго, внучка застанешь... Ау... ау... Честное слово...

ЯВЛЕНИЕ 4

Т е ж е и И в а н о в.

И в а н о в (*выходя из залы*). Дядя, ты здесь? Милый мой, я улыбаюсь и смеюсь, как благодушнейший из смертных... (*Смеется.*) Я прошу тебя от чистого сердца, будь весел, улыбайся и ты... Не отравляй нашего веселья твоим унылым видом. Бери Пашу под правую руку, меня под левую и пойдем выпьем за твоё здоровье. Я так счастлив и доволен, как давно уже не бывал. Всё хорошо, нормально... отлично... Выпил я бокал шампанского (*смеется*), и, мне кажется, вся земля кружится от моего счастья... (*Испуганно.*) Матвей, ты плакал?

Ш а б е л ь с к и й. Да...

И в а н о в. О чем?

Ш а б е л ь с к и й. Я о ней вспомнил... о Сарре...

Пауза.

И в а н о в. Спасибо тебе, что ты о ней вспомнил... Это прекрасная, редкая женщина. Мало таких женщин, Матвей...

Л е б е д е в. Симпатичная была. Это верно...

Пауза.

И в а н о в (*графу*). А помнишь, какую штуку я стгоряча пустил ей, когда она пришла ко мне в кабинет? Боже мой, вспоминаешь теперь равнодушно, а тогда я едва не умер от ужаса. Пятеро суток я не уснул ни на

¹ всё мое ношу с собой (*лат.*).

минуту, не съел ни одной крошки, а ведь простила... Все мне простила, когда умирала. И я чувствую, она теперь смотрит сюда своими светлыми глазами и прощает нас. Спит она теперь в могиле; мы живем, музыка у нас играет, а придет время, и мы умрем, и о нас скажут: спит он теперь в могиле... Нравится мне этот порядок в природе и сама природа мне нравится. *(Смеется.)* Всё мне сегодня необыкновенно симпатично... Ты, Паша, честнейший человек... Мне больше нельзя пить, но вы, господа, пойдите и выпейте...

Л е б е д е в. Граф, коньячку? А? Кого будешь пить?

Ш а б е л ь с к и й. Всё равно.

И в а н о в. Сам я не пью, но люблю смотреть, когда другие пьют. *(Трет себе лоб.)* Счастье счастьем, а за эти дни я так измучился, что того и гляди упаду... Во всем теле какое-то нытье... *(Смеется.)* Пойдемте...

ЯВЛЕНИЕ 5

Т е ж е и Б о р к и н.

Б о р к и н *(выходя из залы)*. Молодой, где вы? Вас ищут. *(Увидев Иванова)*. А... Идите скорее, вас там зовут... Впрочем, постойте, Nicolas, на минутку, я должен сообщить вам одну чудную идею. За эту идею вы, господа, все, сколько вас тут есть, должны дать по крайней мере по тысяче рублей... Слушайте, Nicolas: давайте вы, я, Зинаида Саввишна и Бабакина все на паях откроем конный завод... Хотите?

Л е б е д е в. Ну... у парня из головы винт выскочил...

И в а н о в *(смеется)*. Миша, вы умный, способный малый... Я искренно желаю вам добра. Забудем прошлое.

Б о р к и н *(растроганный)*. Николай Алексеевич, вы хороший человек... я вас люблю и многим вам обязан. Давайте выпьем на «ты»!..

И в а н о в. Этого не нужно, Миша, все это вздор... Главное, будьте честным, хорошим человеком... Забудем прошлое... Вы виноваты, я виноват, но не будем помнить этого. Все мы люди — человеки, все грешны,

виноваты и под богом ходим. Не грешен и силен только тот, у кого нет горячей крови и сердца.

Л е б е д е в (*Иванову*). Ты сегодня заговорил как немецкий пастор. Брось эту панихиду... Коли пить, так пойдемте пить, а нечего золотое время терять. Пойдем, граф... (*Берет графа и Иванова под руку.*) Вперед... (*Поет.*) На одного втроем ударим разом...

Б о р к и н (*загораживает дорогу*). Господа, насчет конского завода я не шучу... Это дело серьезное... Во-первых, дело выгодное и, во-вторых, полезное... У нас привьется оно как нельзя лучше... Во-первых, лугов много, во-вторых, водопой отличные, в-третьих, помещение для завода есть.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и Бабакина.

Б а б а к и н а (*выходя из залы*). А где же мой кавалер? (*Томно.*) Граф, как вы смеете меня оставлять одну? Мне не с кем чокаться... У, противный... (*Бьет графа веером по руке.*)

Ш а б е л ь с к и й (*брезгливо*). Оставьте меня, отойдите...

Шабельский, Лебедев и Иванов уходят в залу.

Б а б а к и н а (*ошеломленная*). Что же это такое? Какое он имеет полное право? Очень вами благодарна...

Б о р к и н. Марфунчик, так я завтра приеду, мы поговорим обстоятельно и условимся... (*Запыхавшись.*) Денег на первых порах потребуется очень немного. Если каждый пайщик внесет для начала по две тысячи, то это за глаза...

Б а б а к и н а. Да как он смеет? Я к нему с лаской, деликатно, как дама, а он — отойдите... Что же это такое? Белены он объелся что ли?

Б о р к и н (*нетерпеливо*). Ах, да не в этом дело... Не хочет он жениться, чёрт с ним... Есть вещи поважнее графства и женитьбы. Подумай, Марфунчик: у нас на всю губернию один только конский завод, да и тот с аукциона продается. В хороших лошадях чувствуется

страшный недостаток. Если мы поставим дело на широкую ногу, выпишем из Англии двух-трех хороших жеребцов...

Б а б а к и н а (*сердито*). Отстаньте, отвяжись...

Б о р к и н. Вот извольте ей втолковать... (*Горько*.) На это понадобится какие-нибудь две-три тысячи, только, а через пять — десять лет мы будем иметь состояние... Во-первых, лугов много, во-вторых, водопой отличные, в-третьих...

Б а б а к и н а (*плачет*). Целый год ездил раза по три в неделю, пил, ел, на моих лошадях развезжал, а теперь, когда племянник женился на богатой, я стала не нужна. Очень вами благодарна... Если я ему денег не давала, то ведь я не миллионщица...

Б о р к и н (*всплескивая руками*). Я ей о важном деле говорю, а она ревет... Удивительный народ... Извольте вот с такими людьми дело делать... Те слушать не хотят, эта ревет как белуга... Господа, да пора же наконец сбросить с себя лень, апатию, нужно же когда-нибудь заняться делом!.. Неужели вы не сознаете, что индифферентизм губит нас?

Б а б а к и н а (*злобно, сквозь слезы*). Отстань!.. глаза выцарапаю!.. Чтоб ничья нога у меня теперь не была... Чтоб ни одна шельма не смела и носа показывать!.. (*Плачет*.)

Б о р к и н. Значит, идея моя должна лопнуть и дело не состоится. (*С горечью*.) Благодарю вас, господа... Очень вам благодарен... На наряды да на мадеру у вас есть деньги, а на хорошее, полезное дело вам и копейки жаль... Поклоняетесь золотому тельцу, мамоне...

Бабакина хочет уходить.

(*Берет ее за руку, которую та вырывает; решительно*). Ну, Марфа Егоровна, в таком случае у меня есть другая идея... Марфочка, если вам жалко двух тысяч, то позвольте вам сделать предложение... Делаю вам предложение...

Б а б а к и н а (*злобно и удивленно*). Что?

Б о р к и н. Предлагаю руку и сердце. Я люблю вас страстно, бешено. С тех пор, как я увидел вас, я понял, для чего я живу... Любить вас, но в то же время не обладать вами, это пытка... инквизиция...

Б а б а к и н а. Нет, нет, нет, нет...

Б о р к и н. Правда, я пользовался взаимностью в самых широких размерах, но это не удовлетворяло меня. Я хочу законного брака, чтобы век принадлежать тебе... *(Берет за талию.)* Люблю и страдаю... О ты, что в горести напрасно на бога ропщешь, человек... Что же еще сказать тебе? Выходи, вот и все... У тебя денег много, девать некуда, я человек деловой, основательный... к тому же влюблен...

Б а б а к и н а. Но ведь ты... всё шутишь... В прошлом году тоже раз сделал предложение, а на другой день приехал и отказался.

Б о р к и н. Честное слово, не шучу... Ну вот я на колени стану. *(Становится на колени.)* Люблю до сумасшествия...

Проходит л а к е й.

Б а б а к и н а *(вскрикивает)*. Ах... лакей увидел...

Б о р к и н. Пусть все увидят... Сейчас я всем объявлю. *(Встает.)*

Б а б а к и н а. Миша, только я не буду тебе давать много денег...

Б о р к и н. Там увидим, увидим... *(Целует ее.)* Марфунчик, зюмбумбунчик... Заживем... Такие у нас будут скаковые лошади, что я на одних призах наживу состоянье.

Б а б а к и н а *(кричит)*. Платья не мни, платья... Оно двести рублей стоит...

ЯВЛЕНИЕ 7

Б а б а к и н а, Б о р к и н и А в д о т ь я Н а з а р о в н а.

А в д о т ь я Н а з а р о в н а *(выходит из залы и, увидев целующуюся парочку, вскрикивает)*. Ах...

Б о р к и н. Авдотья Назаровна, поздравляй... Жених и невеста... Женюсь... *(Идет с Бабакиной к вальной двери.)* Что ошалела? говорю: женюсь!.. *(Целует Бабакину.)* Вот... теперь не надо мне пайщиков, сам конский завод устрою...

А в д о т ь я Н а з а р о в н а. Ясочка моя, красавица... Вот радость-то!..

Боркин. Погоди, дай дорогу... *(Уходит с Бабакиной в залу.)*

Авдотья Назаровна *(идя за ними, кричит).* А поглядите, люди добрые, какую я парочку сосватала!.. Поглядите... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 8

Львов *(один).*

Львов *(входит из левой двери; смотрит на часы).* Немножко поздно приехал, ну да ведь все пьяны небось, не заметят... *(Идет к правой двери и в волнении потирает руки.)* Главное, не надо волноваться... *(Смотрит в дверь.)* Сидит рядом, улыбается... Обманул, ограбил и улыбается своей жертве... *(Пожимается от волнения.)* Главное, не нужно волноваться... Сидит счастлив, здоров, весел и безнаказан. Вот оно, торжество добродетели и правды... Одну жену не удалось ограбить, замучил ее и в гроб уложил... Нашел теперь другую... Будет перед этой лицемерить, пока не ограбит ее, а ограбивши, и ее уложит туда же, где лежит первая... Старая кулачешская история...

Голос из залы: «За здоровье всех гостей...»

Туш и ура.

Прекрасно проживет до глубокой старости, а умрет с спокойною совестью... Нет, я выведу тебя на чистую воду, сорву с тебя маску... Ты у меня не будешь так улыбаться... Когда все узнают, что ты за птица, едва ли ты улыбнешься... *(Нервно застегивает сюртук.)* Я честный человек, и мое дело открыть глаза кому следует... *(Нервно откашливается.)* Исполню свой долг и завтра же вон из этого проклятого уезда... *(Громко.)* Николай Алексеевич Иванов, объявляю во всеуслышание, что вы подлец!..

В зале шум.

ЯВЛЕНИЕ 9

Львов, Иванов, Шабельский, Лебедев,
Боркин, Косых, потом Саша.

Иванов вбегает из залы, схватив себя за голову;
за ним выходят остальные.

Иванов. За что? за что? Скажите мне: за что?
(В изнеможении опускается на диван.)

Все. За что?

Лебедев (Львову). Объясни, Христа ради, за что оскорбил? (Хватает себя за голову и ходит в волнении.)

Шабельский (Иванову). Nicolas, Nicolas, ради бога... Не обращай внимания... Будь выше этого...

Боркин. Милостивый государь... это подло!.. Я вызываю вас на дуэль...

Львов. Господин Боркин, я считаю для себя унижительным не только драться, но даже говорить с вами... А господин Иванов, если хочет, может получить удовлетворение каждую минуту...

Саша (выходит из залы, пошатываясь). За что? за что вы оскорбили моего мужа? Господа, позвольте, пусть он мне скажет... за что?

Львов. Александра Павловна, я оскорблял не голословно. Я пришел сюда как честный человек, чтобы раскрыть вам глаза, и прошу вас выслушать меня. Я всё выскажу...

Саша. Что вы выскажете? какие тайны знаете вы? Что он уложил в гроб свою первую жену? Про это говорят все. Что он женился на мне из-за приданого и чтобы не платить моей матери долга? Это тоже известно всему уезду. А, жестокие, мелочные, ничтожные люди... (Мужу.) Николай, пойдем отсюда... (Берет его за руку.)

Лебедев (Львову). Я, как хозяин дома... как отец своего зятя... то есть дочери, милостивый государь...

Саша громко вскрикивает и падает на мужа...

Все подбегают к Иванову.

Батюшки, он умер... воды... доктора...

Шабельский (плача). Nicolas! Nicolas!

Все. Воды, доктора, он умер...

МЕДВЕДЬ

ШУТКА В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

(Посвящена Н. Н. Соловцову)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Е л е н а **И в а н о в н а** **П о п о в а**, вдовушка с ямочками на щеках, помещица.

Г р и г о р и й **С т е п а н о в и ч** **С м и р н о в**, нестарый помещик.

Л у к а, лакей Поповой, старик.

Гостиная в усадьбе Поповой.

I

П о п о в а (в глубоком трауре, не отрывает глаз от фотографической карточки) и Л у к а.

Л у к а. Нехорошо, барыня... Губите вы себя только... Горничная и кухарка пошли по ягоды, всякое дыхание радуется, даже кошка, и та свое удовольствие понимает и по двору гуляет, птишек ловит, а вы цельный день сидите в комнате, словно в монастыре, и никакого удовольствия. Да право! Почитай, уж год прошел, как вы из дому не выходите!..

П о п о в а. И не выйду никогда... Зачем? Жизнь моя уже кончена. Он лежит в могиле, я погребла себя в четырех стенах... Мы оба умерли.

Л у к а. Ну, вот! И не слушал бы, право. Николай Михайлович померли, так тому и быть, божья воля, царство им небесное... Погоревали — и будет, надо и честь знать. Не весь же век плакать и траур носить. У меня тоже в свое время старуха померла... Что ж? Погоревал, поплакал с месяц, и будет с нее, а ежели цельный век Лазаря петь, то и старуха того не стоит. (Вздыхает.) Соседей всех забыли... И сами не ездите, и принимать не велите. Живем, извините, как пауки, — света белого не видим. Ливрею мыши съели... Добро бы хороших людей не было, а то ведь полон уезд господ... В Рыблове полк стоит, так офицеры — чистые конфеты, не нагладишься! А в лагерях что ни пятница, то бал, и, почитай, каждый день военная оркестра музыку играет... Эх, барыня-матушка! Молодая, красивая, кровь с молоком — только бы и жить в свое удовольствие... Красота-то ведь не навеки дадена! Пройдет годов десять, сами захотите павой пройти да господам офицерам в глаза пыль пустить, ах поздно будет.

П о п о в а *(решительно)*. Я прошу тебя никогда не говорить мне об этом! Ты знаешь, с тех пор как умер Николай Михайлович, жизнь потеряла для меня всякую цену. Тебе кажется, что я жива, но это только кажется! Я дала себе клятву до самой могилы не снимать этого траура и не видеть света... Слышишь? Пусть тень его видит, как я люблю его... Да, я знаю, для тебя не тайна, он часто бывал несправедлив ко мне, жесток и... и даже неверен, но я буду верна до могилы и докажу ему, как я умею любить. Там, по ту сторону гроба, он увидит меня такую же, какою я была до его смерти...

Л у к а. Чем эти самые слова, пошли бы лучше по саду погуляли, а то велели бы запречь Тоби или Велликана и к соседям в гости...

П о п о в а. Ах!.. *(Плачет.)*

Л у к а. Барыня!.. Матушка!.. Что вы? Христос с вами!

П о п о в а. Он так любил Тоби! Он всегда ездил на нем к Корчагиным и Власовым. Как он чудно правил! Сколько грации было в его фигуре, когда он изо всей силы натягивал вожжи! Помнишь? Тоби, Тоби! Прикажи дать ему сегодня лишнюю осьмушку овса.

Л у к а. Слушаю!

Резкий звонок.

П о п о в а *(вздрагивает)*. Кто это? Скажи, что я никого не принимаю!

Л у к а. Слушаю-с! *(Уходит.)*

II

П о п о в а *(одна)*.

П о п о в а *(глядя на фотографию)*. Ты увидишь, Nicolas, как я умею любить и прощать... Любовь моя угаснет вместе со мною, когда перестанет биться мое бедное сердце. *(Смеется, сквозь слезы.)* И тебе не совестно? Я паинька, верная женка, заперла себя на замок и буду верна тебе до могилы, а ты... и тебе не совестно, бутуз? Изменял мне, делал сцены, по целым неделям оставлял меня одну...

III

Попова и Лука.

Лука (*входит, встревоженно*). Сударыня, там кто-то спрашивает вас. Хочет видеть...

Попова. Но ведь ты сказал, что я со дня смерти мужа никого не принимаю?

Лука. Сказал, но он и слушать не хочет, говорит, что очень нужное дело.

Попова. Я не принимаю!

Лука. Я ему говорил, но... леший какой-то... ругается и прямо в комнаты прет... уж в столовой стоит...

Попова (*раздраженно*). Хорошо, проси... Какие невежи!

Лука уходит.

Как тяжелы эти люди! Что им нужно от меня? К чему им нарушать мой покой? (*Вздыхает.*) Нет, видно уж и вправду придется уйти в монастырь... (*Задумывается.*) Да, в монастырь...

IV

Попова, Лука и Смирнов.

Смирнов (*входя, Луке*). Болван, любишь много разговаривать... Осел! (*Увидев Попову, с достоинством.*) Сударыня, честь имею представиться: отставной поручик артиллерии, землевладелец Григорий Степанович Смирнов! Вынужден беспокоить вас по весьма важному делу...

Попова (*не подавая руки*). Что вам угодно?

Смирнов. Ваш покойный супруг, с которым я имел честь быть знаком, остался мне должен по двум векселям тысячу двести рублей. Так как завтра мне предстоит платеж процентов в земельный банк, то я просил бы вас, сударыня, уплатить мне деньги сегодня же.

Попова. Тысяча двести... А за что мой муж остался вам должен?

Смирнов. Он покупал у меня овес.

П о п о в а *(вздыхая, Луке)*. Так ты же, Лука, не забудь приказать, чтобы дали Тоби лишнюю осьмушку овса.

Л у к а уходит.

(Смирнову.) Если Николай Михайлович остался вам должен, то, само собою разумеется, я заплачу; но, извините пожалуйста, у меня сегодня нет свободных денег. Послезавтра вернется из города мой приказчик, и я прикажу ему уплатить вам что следует, а пока я не могу исполнить вашего желания... К тому же, сегодня исполнилось ровно семь месяцев, как умер мой муж, и у меня теперь такое настроение, что я совершенно не расположена заниматься денежными делами.

С м и р н о в. А у меня теперь такое настроение, что если я завтра не заплачу процентов, то должен буду вылететь в трубу вверх ногами. У меня опишут имение!

П о п о в а. Послезавтра вы получите ваши деньги.

С м и р н о в. Мне нужны деньги не послезавтра, а сегодня.

П о п о в а. Простите, сегодня я не могу заплатить вам.

С м и р н о в. А я не могу ждать до послезавтра.

П о п о в а. Что же делать, если у меня сейчас нет!

С м и р н о в. Стало быть, не можете заплатить?

П о п о в а. Не могу...

С м и р н о в. Гм!.. Это ваше последнее слово?

П о п о в а. Да, последнее.

С м и р н о в. Последнее? Положительно?

П о п о в а. Положительно.

С м и р н о в. Покорнейше благодарю. Так и запишем. *(Пожимает плечами.)* А еще хотят, чтобы я был хладнокровен! Встречается мне сейчас по дороге акцизный и спрашивает: «Отчего вы всё сердитесь, Григорий Степанович?» Да помилуйте, как же мне не сердиться? Нужны мне до зарезу деньги... Выехал я еще вчера утром чуть свет, объездил всех своих должников, и хоть бы один из них заплатил свой долг! Измучился, как собака, ночевал чёрт знает где — в жидовской корчме около водочного бочонка... Наконец приезжаю сюда, за 70 верст от дому, надеюсь получить, а меня угощают «настроением»! Как же мне не сердиться?

П о п о в а. Я, кажется, ясно сказала: приказчик вернется из города, тогда и получите.

С м и р н о в. Я приехал не к приказчику, а к вам! На кой леший, извините за выражение, сдался мне ваш приказчик!

П о п о в а. Простите, милостивый государь, я не привыкла к этим странным выражениям, к такому тону. Я вас больше не слушаю. *(Быстро уходит.)*

V

С м и р н о в *(один)*.

С м и р н о в. Скажите пожалуйста! Настроение... Семь месяцев тому назад муж умер! Да мне-то нужно платить проценты или нет? Я вас спрашиваю: нужно платить проценты или нет? Ну, у вас муж умер, настроение там и всякие фокусы... приказчик куда-то уехал, чёрт его возьми, а мне что прикажете делать? Улететь от своих кредиторов на воздушном шаре, что ли? Или разбежаться и трахнуть башкой о стену? Приезжаю к Груздеву — дома нет, Ярошевич спрятался, с Курицыным поругался насмерть и чуть было его в окно не вышвырнул, у Мазутова — холерина, у этой — настроение. Ни одна каналья не платит! А всё оттого, что я слишком их избаловал, что я нюня, тряпка, баба! Слишком я с ними деликатен! Ну, погодите же! Узнаете вы меня! Я не позволю шутить с собою, черт возьми! Останусь и буду торчать здесь, пока она не заплатит! Брр!.. Как я зол сегодня, как я зол! От злости все поджилки трясутся и дух захватило... Фуй, боже мой, даже дурно делается! *(Кричит.)* Человек!

VI

С м и р н о в и Л у к а.

Л у к а *(входит)*. Чего вам?

С м и р н о в. Дай мне квасу или воды!

Л у к а уходит.

Нет, какова логика! Человеку нужны до зарезу деньги, впору вешаться, а она не платит, потому что, видите

ли, не расположена заниматься денежными делами!.. Настоящая женская, турнюрная логика! Потому-то вот я никогда не любил и не люблю говорить с женщинами. Для меня легче сидеть на бочке с порохом, чем говорить с женщиной. Брр!.. Даже мороз по коже дерет — до такой степени разозлил меня этот шлейф! Стоит мне хотя бы издали увидеть поэтическое создание, как у меня от злости в икрах начинаются судороги. Просто хоть караул кричи.

VII

Смирнов и Лука.

Лука (*входит и подает воду*). Барыня больны и не принимают.

Смирнов. Пошел!

Лука уходит.

Больны и не принимают! Не нужно, не принимай... Я останусь и буду сидеть здесь, пока не отдашь денег. Неделю будешь больна, и я неделю просижу здесь... Год будешь больна — и я год... Я свое возьму, матушка! Меня не тронешь трауром да ямочками на щеках... Знаем мы эти ямочки! (*Кричит в окно.*) Семен, распрягай! Мы не скоро уедем! Я здесь остаюсь! Скажешь там на конюшне, чтобы овса дали лошадям! Опять у тебя, скотина, левая пристяжная запуталась в вожжу! (*Дразнит.*) Ничаво... Я тебе задам — ничаво! (*Отходит от окна.*) Скверно... жара невыносимая, денег никто не платит, плохо ночь спал, а тут еще этот траурный шлейф с настроением... Голова болит... Водки выпить, что ли? Пожалуй, выпью. (*Кричит.*) Человек!

Лука (*входит*). Что вам?

Смирнов. Дай рюмку водки!

Лука уходит.

Уф! (*Садится и оглядывает себя.*) Нечего сказать, хороша фигура! Весь в пыли, сапоги грязные, не умыт, не чесан, на жилетке солома... Барынька, чего доброго, меня за разбойника приняла. (*Зевает.*) Неможко невежливо являться в гостиную в таком виде,

ну, да ничего... я тут не гость, а кредитор, для кредиторов же костюм не писан...

Лука (*входит и подает водку*). Много вы позволяете себе, сударь...

Смирнов (*сердито*). Что?

Лука. Я... я ничего... я собственно...

Смирнов. С кем ты разговариваешь?! Молчать!

Лука (*в сторону*). Навязался, леший, на нашу голову... Принесла нелегкая...

Лука уходит.

Смирнов. Ах, как я зол! Так зол, что, кажется, весь свет стер бы в порошок... Даже дурно делается... (*Кричит.*) Человек!

VIII

Попова и Смирнов.

Попова (*входит, опустив глаза*). Милостивый государь, в своем уединении я давно уже отвыкла от человеческого голоса и не выношу крика. Прошу вас убедительно, не нарушайте моего покоя!

Смирнов. Заплатите мне деньги, и я уеду.

Попова. Я сказала вам русским языком: денег у меня свободных теперь нет, погодите до послезавтра.

Смирнов. Я тоже имел честь сказать вам русским языком: деньги нужны мне не послезавтра, а сегодня. Если сегодня вы мне не заплатите, то завтра я должен буду повеситься.

Попова. Но что же мне делать, если у меня нет денег? Как странно!

Смирнов. Так вы сейчас не заплатите? Нет?

Попова. Не могу...

Смирнов. В таком случае я остаюсь здесь и буду сидеть, пока не получу... (*Садится.*) Послезавтра заплатите? Отлично! Я до послезавтра просижу таким образом. Вот так и буду сидеть... (*Вскакивает.*) Я вас спрашиваю: мне нужно заплатить завтра проценты или нет?.. Или вы думаете, что я шучу?

Попова. Милостивый государь, прошу вас не кричать! Здесь не конюшня!

Смирнов. Я вас не о конюшне спрашиваю, а о том — нужно мне платить завтра проценты или нет?

Попова. Вы не умеете держать себя в женском обществе!

Смирнов. Нет-с, я умею держать себя в женском обществе!

Попова. Нет, не умеете! Вы невоспитанный, грубый человек! Порядочные люди не говорят так с женщинами!

Смирнов. Ах, удивительное дело! Как же прикажете говорить с вами? По-французски, что ли? (*Злится и сюсюкает.*) Мадам, же ву при...¹ как я счастлив, что вы не платите мне денег... Ах, пардон, что обеспокоил вас! Такая сегодня прелестная погода! И этот траур так к лицу вам! (*Расшаркивается.*)

Попова. Не умно и грубо.

Смирнов (*дразнит.*) Не умно и грубо! Я не умею держать себя в женском обществе! Сударыня, на своем веку я видел женщин гораздо больше, чем вы воробьев! Три раза я стрелялся на дуэли из-за женщин, двенадцать женщин я бросил, девять бросили меня! Да-с! Было время, когда я ломал дурака, миндальничал, медоточил, рассыпался бисером, шаркал ногами... Любил, страдал, вздыхал на луну, раскисал, таял, холодел... Любил страстно, бешено, на всякие манеры, черт меня возьми, трещал, как сорока, об эмансипации, прожил на нежном чувстве половину состояния, но теперь — слуга покорный! Теперь меня не проведете! Довольно! Очи черные, очи страстные, алые губки, ямочки на щеках, луна, шёпот, робкое дыханье — за всё это, сударыня, я теперь и медного гроша не дам! Я не говорю о присутствующих, но все женщины, от мала до велика, ломаки, кривляки, сплетницы, ненавистницы, лгунишки до мозга костей, суетны, мелочны, безжалостны, логика возмутительная, а что касается вот этой штуки (*хлопает себя по лбу*), то, извините за откровенность, воробей любому философу в юбке может дать десять очков вперед! Посмотришь на иное поэтическое создание: кисея, эфир, полубогиня, миллион восторгов, а заглянешь в душу — обыкновеннейший крокодил! (*Хватается за спинку стула, стул трещит и ло-*

---

¹ я вас прошу (*франц. je vous prie*).

мается.) Но возмутительнее всего, что этот крокодил почему-то воображает, что его шедевр, его привилегия и монополия — нежное чувство! Да черт побери совсем, повесьте меня вот на этом гвозде вверх ногами — разве женщина умеет любить кого-нибудь, кроме болонок?.. В любви она умеет только хныкать и распускать нюни! Где мужчина страдает и жертвует, там вся ее любовь выражается только в том, что она вертит шлейфом и старается покрепче схватить за нос. Вы имеете несчастье быть женщиной, стало быть, по себе самой знаете женскую натуру. Скажите же мне по совести: видели ли вы на своем веку женщину, которая была бы искренна, верна и постоянна? Не видели! Верны и постоянны одни только старухи да уроды! Скорее вы встретите рогатую кошку или белого вальдшнепа, чем постоянную женщину!

П о п о в а. Позвольте, так кто же, по-вашему, верен и постоянен в любви? Не мужчина ли?

С м и р н о в. Да-с, мужчина!

П о п о в а. Мужчина! (*Злой смех.*) Мужчина верен и постоянен в любви! Скажите, какая новость! (*Горько.*) Да какое вы имеете право говорить это? Мужчины верны и постоянны! Коли на то пошло, так я вам скажу, что из всех мужчин, каких только я знала и знаю, самым лучшим был мой покойный муж... Я любила его страстно, всем своим существом, как может любить только молодая, мыслящая женщина; я отдала ему свою молодость, счастье, жизнь, свое состояние, дышала им, молилась на него, как язычница, и... и — что же? Этот лучший из мужчин самым бессовестным образом обманывал меня на каждом шагу! После его смерти я нашла в его столе полный ящик любовных писем, а при жизни — ужасно вспомнить! — он оставлял меня одну по целым неделям, на моих глазах ухаживал за другими женщинами и изменял мне, сорил моими деньгами, шутил над моим чувством... И, несмотря на всё это, я любила его и была ему верна... Мало того, он умер, а я всё еще верна ему и постоянна. Я навеки погребла себя в четырех стенах и до самой могилы не сниму этого траура...

С м и р н о в (*презрительный смех*). Траур!.. Не понимаю, за кого вы меня принимаете? Точно я не знаю, для чего вы носите это черное домино и погребли себя

в четырех стенах! Еще бы! Это так таинственно, поэтично! Проедет мимо усадьбы какой-нибудь юнкер или куцый поэт, взглянет на окна и подумает: «Здесь живет таинственная Тамара, которая из любви к мужу погребла себя в четырех стенах». Знаем мы эти фокусы!

П о п о в а *(вспыхнув)*. Что? Как вы смеете говорить мне всё это?

С м и р н о в. Вы погребли себя заживо, однако вот не позабыли напудриться!

П о п о в а. Да как вы смеете говорить со мною таким образом?

С м и р н о в. Не кричите, пожалуйста, я вам не приказчик! Позвольте мне называть вещи настоящими их именами. Я не женщина и привык высказывать свое мнение прямо! Не извольте же кричать!

П о п о в а. Не я кричу, а вы кричите! Извольте оставить меня в покое!

С м и р н о в. Заплатите мне деньги, и я уеду.

П о п о в а. Не дам я вам денег!

С м и р н о в. Нет-с, дадите!

П о п о в а. Вот на зло же вам, ни копейки не получите! Можете оставить меня в покое!

С м и р н о в. Я не имею удовольствия быть ни вашим супругом, ни женихом, а потому, пожалуйста, не делайте мне сцен. *(Садится.)* Я этого не люблю.

П о п о в а *(задыхаясь от гнева)*. Вы сели?

С м и р н о в. Сел.

П о п о в а. Прошу вас уйти!

С м и р н о в. Отдайте деньги... *(В сторону.)* Ах, как я зол! Как я зол!

П о п о в а. Я не желаю разговаривать с нахалами! Извольте убираться вон!

Пауза.

Вы не уйдете? Нет?

С м и р н о в. Нет.

П о п о в а. Нет?

С м и р н о в. Нет!

П о п о в а. Хорошо же! *(Звонит.)*

IX

Те же и Лука.

Попова. Лука, выведи этого господина!

Лука *(подходит к Смирнову)*. Сударь, извольте уходить, когда велят! Нечего тут...

Смирнов *(вскакивая)*. Молчать! С кем ты разговариваешь? Я из тебя салат сделаю!

Лука *(хватается за сердце)*. Батюшки!.. Угодники!.. *(Падает в кресло.)* Ох, дурно, дурно! Дух захватило!

Попова. Где же Даша? Даша! *(Кричит.)* Даша! Пелагея! Даша! *(Звонит.)*

Лука. Ох! Все по ягоды ушли... Никого дома нету... Дурно! Воды!

Попова. Извольте убираться вон!

Смирнов. Не угодно ли вам быть повежливее?

Попова *(сжимая кулаки и топая ногами)*. Вы мужик! Грубый медведь! Бурбон! Монстр!

Смирнов. Как? Что вы сказали?

Попова. Я сказала, что вы медведь, монстр!

Смирнов *(наступая)*. Позвольте, какое же вы имеете право оскорблять меня?

Попова. Да, оскорбляю... ну, так что же? Вы думаете, я вас боюсь?

Смирнов. А вы думаете, что если вы поэтическое создание, то имеете право оскорблять безнаказанно? Да? К барьеру!

Лука. Батюшки!.. Угодники!.. Воды!

Смирнов. Стреляться!

Попова. Если у вас здоровые кулаки и бычье горло, то, думаете, я боюсь вас? А? Бурбон вы этакий!

Смирнов. К барьеру! Я никому не позволю оскорблять себя и не посмотрю на то, что вы женщина, слабое создание!

Попова *(стараясь перекричать)*. Медведь! Медведь! Медведь!

Смирнов. Пора, наконец, отрешиться от предрассудка, что только одни мужчины обязаны платить за оскорбления! Равноправность так равноправность, чёрт возьми! К барьеру!

Попова. Стреляться хотите? Извольте!

№ 6774 23973 9 НОЯ. 338.

Императорскому великому Государю
Цесаревичу вел.
10 Января
1891.

Смбодичевъ

Предложение.

Шутка во одною действии

А. Чехова.

МОСКОВСКАЯ
Е. Н. РАЗСОХНОЙ.
ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
Москва, Тверская, домъ
Сушкина, Георгиевскій пер.

Смирнов. Сию минуту!

Попова. Сию минуту! После мужа остались пистолеты... Я сейчас принесу их сюда... *(Торопливо идет и возвращается.)* С каким наслаждением я влеплю пулю в ваш медный лоб! Чёрт вас возьми! *(Уходит.)*

Смирнов. Я подстрелю ее, как цыпленка! Я не мальчишка, не сантиментальный щенок, для меня не существует слабых созданий!

Лука. Батюшка родимый!.. *(Становится на колени.)* Сделай такую милость, пожалей меня, старика, уйди ты отсюда! Напужал до смерти, да еще стреляться собираешься!

Смирнов *(не слушая его)*. Стреляться, вот это и есть равноправность, эмансипация! Тут оба пола равны! Подстрелю ее из принципа! Но какова женщина? *(Дразнит.)* «Чёрт вас возьми... влеплю пулю в медный лоб...» Какова? Раскраснелась, глаза блестят... Вызов приняла! Честное слово, первый раз в жизни такую вижу...

Лука. Батюшка, уйди! Заставь вечно бога молить!

Смирнов. Это — женщина! Вот это я понимаю! Настоящая женщина! Не кислятина, не размазня, а огонь, порох, ракета! Даже убивать жалко!

Лука *(плачет)*. Батюшка... родимый, уйди!

Смирнов. Она мне положительно нравится! Положительно! Хоть и ямочки на щеках, а нравится! Готов даже долг ей простить... и злость прошла... Удивительная женщина!

Х

Те же и Попова.

Попова *(входит с пистолетами)*. Вот они, пистолеты... Но, прежде чем будем драться, вы извольте показать мне, как нужно стрелять... Я ни разу в жизни не держала в руках пистолета.

Лука. Спаси, господи, и помилуй... Пойду садовника и кучера поищу... Откуда эта напасть взялась на нашу голову... *(Уходит.)*

Смирнов *(осматривая пистолеты)*. Видите ли, существует несколько сортов пистолетов... Есть специ-

ально дуэльные пистолеты Мортимера, капсюльные. А это у вас револьверы системы Смит и Вессон, тройного действия с экстрактором, центрального боя... Прекрасные пистолеты!.. Цена таким минимум 90 рублей за пару... Держать револьвер нужно так... *(В сторону.)* Глаза, глаза! Зажигательная жевщина!

П о п о в а. Так?

С м и р н о в. Да, так... Засим вы поднимаете курок... вот так прицеливаетесь... Голову немножко назад! Вытяните руку, как следует... Вот так... Потом вот этим пальцем надавливаете эту штучку — и больше ничего... Только главное правило: не горячиться и прицеливаться не спеша... Стараться, чтоб не дрогнула рука.

П о п о в а. Хорошо... В комнатах стреляться неудобно, пойдемте в сад.

С м и р н о в. Пойдемте. Только предупреждаю, что я выстрелю в воздух.

П о п о в а. Этого еще недоставало! Почему?

С м и р н о в. Потому что ... потому что... Это мое дело, почему!

П о п о в а. Вы трусили? Да? А-а-а! Нет, сударь, вы не виляйте! Извольте идти за мною! Я не успокоюсь, пока не пробью вашего лба... вот этого лба, который я так ненавижу! Трусили?

С м и р н о в. Да, трусил.

П о п о в а. Лжете! Почему вы не хотите драться?

С м и р н о в. Потому что... потому что вы... мне нравитесь.

П о п о в а *(злой смех)*. Я ему нравлюсь! Он смеет говорить, что я ему нравлюсь! *(Указывает на дверь.)* Можете!

С м и р н о в *(молча кладет револьвер, берет фуражку и идет; около двери останавливается, полминуты оба молча глядят друг на друга; затем он говорит, нерешительно подходя к Поповой)*. Послушайте... Вы всё еще сердитесь?.. Я тоже чертовски взбешен, но, понимаете ли... как бы этак выразиться... Дело в том, что, видите ли, такого рода история, собственно говоря... *(Кричит.)* Ну, да разве я виноват, что вы мне нравитесь? *(Хватается за спинку стула, стул трещит и ломается.)* Чёрт знает, какая у вас ломкая мебель! Вы мне нравитесь! Понимаете? Я... я почти влюблен!

П о п о в а. Отойдите от меня — я вас ненавижу!

Смирнов. Боже, какая женщина! Никогда в жизни не видал ничего подобного! Пропал! Погиб! Попал в мышеловку, как мышь!

Попова. Отойдите прочь, а то буду стрелять!

Смирнов. Стреляйте! Вы не можете понять, какое счастье умереть под взглядами этих чудных глаз, умереть от револьвера, который держит эта маленькая бархатная ручка... Я с ума сошел! Думайте и решайте сейчас, потому что если я выйду отсюда, то уж мы больше никогда не увидимся! Решайте... Я дворянин, порядочный человек, имею десять тысяч годового дохода... попадаю пульей в подброшенную копейку... имею отличных лошадей... Хотите быть моею женой?

Попова *(возмущенная, потрясает револьвером)*. Стреляться! К барьеру!

Смирнов. Сошел с ума... Ничего не понимаю... *(Кричит.)* Человек, воды!

Попова *(кричит)*. К барьеру!

Смирнов. Сошел с ума, влюбился, как мальчишка, как дурак! *(Хватает ее за руку, она вскрикивает от боли.)* Я люблю вас! *(Становится на колени.)* Люблю, как никогда не любил! Двенадцать женщин я бросил, девять бросили меня, но ни одну из них я не любил так, как вас... Разлимонился, рассиропился, раскис... стою на коленях, как дурак, и предлагаю руку... Стыд, срам! Пять лет не влюблялся, дал себе зарок, и вдруг втюрился, как оглобля в чужой кузов! Руку предлагаю. Да или нет? Не хотите? Не нужно! *(Встает и быстро идет к двери.)*

Попова. Постойте...

Смирнов *(останавливается)*. Ну?

Попова. Ничего, уходите... Впрочем, постойте... Нет, уходите, уходите! Я вас ненавижу! Или нет... Не уходите! Ах, если бы вы знали, как я зла, как я зла! *(Бросает на стол револьвер.)* Отекли пальцы от этой мерзости... *(Рвет от злости платок.)* Что же вы стоите? Убирайтесь!

Смирнов. Прощайте.

Попова. Да, да, уходите!... *(Кричит.)* Куда же вы? Постойте... Ступайте, впрочем. Ах, как я зла! Не подходите, не подходите!

Смирнов *(подходя к ней)*. Как я на себя зол! Влюбился, как гимназист, стоял на коленях... Даже

мороз по коже дерет... (*Грубо.*) Я люблю вас! Очень мне нужно было влюбляться в вас! Завтра проценты платить, сенокос начался, а тут вы... (*Берет ее за талию.*) Никогда этого не прощу себе...

П о п о в а. Отойдите прочь! Прочь руки! Я вас... ненавижу! К ба-барьеру!

Продолжительный поцелуй.

Х I

Те же, Л у к а с топором, садовник с граблями, кучер с вилами и рабочие с дрекольем.

Л у к а (*увидев целующуюся парочку*). Батюшки!

Пауза.

П о п о в а (*опустив глаза*). Лука, скажешь там, на конюшне, чтобы сегодня Тоби вовсе не давали овса.

З а н а в е с

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ШУТКА В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Степан Степанович Чубуков, помещик.

Наталья Степановна, его дочь, 25-ти лет.

Иван Васильевич Ломов, сосед Чубукова, здоровый, упитанный, но очень мнительный помещик.

Действие происходит в усадьбе Чубукова.

Гостиная в доме Чубукова.

I

Чубуков и Ломов (*выходит во фраке и белых перчатках*).

Чубуков (*идя к нему навстречу*). Голубушка, кого вижу! Иван Васильевич! Весьма рад! (*Пожимает руку.*) Вот именно сюрприз, мамочка... Как поживаете?

Ломов. Благодарю вас. А вы как изволите поживать?

Чубуков. Живем помаленьку, ангел мой, вашими молитвами и прочее. Садитесь, покорнейше прошу... Вот именно, нехорошо соседей забывать, мамочка моя. Голубушка, но что же вы это так официально? Во фраке, в перчатках и прочее. Разве куда едете, драгоценный мой?

Ломов. Нет, я только к вам, уважаемый Степан Степаныч.

Чубуков. Так зачем же во фраке, прелесть? Точно на Новый год с визитом!

Ломов. Видите ли, в чем дело. (*Берет его под руку.*) Я приехал к вам, уважаемый Степан Степаныч, чтобы обеспокоить вас одною просьбою. Неоднократно я уже имел честь обращаться к вам за помощью, и всегда вы, так сказать... но я, простите, волнуюсь. Я выпью воды, уважаемый Степан Степаныч. (*Пьет воду.*)

Чубуков (*в сторону*). Денег приехал просить! Не дам! (*Ему.*) В чем дело, красавец?

Ломов. Видите ли, Уважай Степаныч... виноват, Степан Уважаемыч... то есть, я ужасно волнуюсь, как изволите видеть... Одним словом, вы один только можете помочь мне, хотя, конечно, я ничем не заслужил и... и не имею права рассчитывать на вашу помощь...

Ч у б у к о в. Ах, да не размазывайте, мамочка! Говорите сразу! Ну?

Л о м о в. Сейчас... Сию минуту. Дело в том, что я приехал просить руки у вашей дочери Натальи Степановны.

Ч у б у к о в (*радостно*). Мамуся! Иван Васильевич! Повторите еще раз — я не расслышал!

Л о м о в. Я имею честь просить...

Ч у б у к о в (*перебивая*). Голубушка моя... Я так рад и прочее... Вот именно и тому подобное. (*Обнимает и целует.*) Давно желал. Это было моим всегдашним желанием. (*Пускает слезу.*) И всегда я любил вас, ангел мой, как родного сына. Дай бог вам обоим совет и любовь и прочее, а я весьма желал... Что же я стою, как болван? Опешил от радости, совсем опешил! Ох, я от души... Пойду позову Наташу и тому подобное.

Л о м о в (*растроганный*). Уважаемый Степан Степаныч, как вы полагаете, могу я рассчитывать на ее согласие?

Ч у б у к о в. Такой, вот именно, красавец и... и вдруг она не согласится! Влюблена, небось, как кошка и прочее... Сейчас! (*Уходит.*)

II

Л о м о в (*один*).

Л о м о в. Холодно... Я весь дрожу, как перед экзаменом. Главное — нужно решиться. Если же долго думать, колебаться, много разговаривать да ждать идеала или настоящей любви, то этак никогда не женишься... Брр!.. Холодно! Наталья Степановна отличная хозяйка, недурна, образованна... чего ж мне еще нужно? Однако у меня уж начинается от волнения шум в ушах. (*Пьет воду.*) А не жениться мне нельзя... Во-первых, мне уже 35 лет — возраст, так сказать, критический. Во-вторых, мне нужна правильная, регулярная жизнь... У меня порок сердца, постоянные сердцебиения, я вспыльчив и всегда ужасно волнуясь... Сейчас вот у меня губы дрожат и на правом веке живчик прыгает... Но самое ужасное у меня — это сон. Едва только лягу в постель и только что начну засыпать, как вдруг в левом боку что-то — дерг! и бьет прямо в плечо

II.

Ломовъ и Катанья Степановна:Кат. Степ. (вздыхъ) Ну вотъ, съ боу!

Это вы, а papa говоритъ: подо, тамъ купецъ
за товаромъ пришелъ. Здравствуйте Иванъ-
Васильичъ!

Ломовъ Здравствуйте, уважаемая Катанья
Степановна!

Кат. Степ. Извините, съ фартухъ и
къ шитю... Мнѣ горошекъ гистилъ для сушки.
Отчего вы у насъ такъ долго не были? Сиди-
те съ... (саженъсь) Хотите завтракать?

Ломовъ. Хотю, благодарю васъ, я уже кушалъ

Кат. Степ. Курите... Вотъ сигарки... По-
да великодушная, слава богу, а вчера такой
дождь былъ, что радосте весь день ничего не
дѣлали. Вы сколько копеекъ нахосили? Я,
представьте, сясиднигала и ехосила весь
судъ, а теперь сила не рада, боюсь, какъ вы
моя етно не егнимо... Лучше было бы подожд

«ПРЕДЛОЖЕНИЕ»

Страница текста с цензурским вычерком.

и в голову... Вскакиваю как сумаспешный, похожу немного и опять ложусь, но только что начну засыпать, как у меня в боку опять — дерг! И этак раз двадцать...

III

Наталья Степановна и Ломов.

Наталья Степановна (*входит*). Ну вот, ей-богу! Это вы, а папа говорит: поди, там купец за товаром пришел. Здравствуйте, Иван Васильевич!

Ломов. Здравствуйте, уважаемая Наталья Степановна!

Наталья Степановна. Извините, я в фартуке и negligje... Мы горошек чистим для сушки. Отчего вы у нас так долго не были? Садитесь...

Садятся.

Хотите завтракать?

Ломов. Нет, благодарю вас, я уже кушал.

Наталья Степановна. Курите... Вот спички... Погода великолепная, а вчера такой дождь был, что рабочие весь день ничего не делали. Вы сколько копен накопили? Я, представьте, сжидничала и скосила весь луг, а теперь сама не рада, боюсь, как бы мое сено не сгнило. Лучше было бы подождать. Но что это? Вы, кажется, во фраке! Вот новость! На бал едете, что ли? Между прочим, вы похорошели... Вправду, зачем вы таким франтом?

Ломов (*волнуясь*). Видите ли, уважаемая Наталья Степановна... Дело в том, что я решился просить вас выслушать меня... Конечно, вы удивитесь и даже рассердитесь, но я... (*В сторону.*) Ужасно холодно!

Наталья Степановна. В чем дело?

Пауза.

Ну?

Ломов. Я постараюсь быть краток. Вам, уважаемая Наталья Степановна, известно, что я давно уже, с самого детства, имею честь знать ваше семейство. Моя покойная тетушка и ее супруг, от которых я, как вы позволите знать, получил в наследство землю, всегда относились с глубоким уважением к вашему батюшке и к покойной матушке. Род Ломовых и род Чубуковых

всегда находились в самых дружественных и, можно даже сказать, родственных отношениях. К тому же, как вы изволите знать, моя земля тесно соприкасается с вашей. Если вы изволите припомнить, мои Воловьи Лужки граничат с вашим березняком.

Наталья Степановна. Виновата, я вас перебыю. Вы говорите «мои Воловьи Лужки»... Да разве они ваши?

Ломов. Мои-с...

Наталья Степановна. Ну, вот еще! Воловьи Лужки наши, а не ваши!

Ломов. Нет-с, мои, уважаемая Наталья Степановна.

Наталья Степановна. Это для меня новость. Откуда же они ваши?

Ломов. Как откуда? Я говорю про те Воловьи Лужки, что входят клином между вашим березняком и Горелым болотом.

Наталья Степановна. Ну, да, да... Они наши...

Ломов. Нет, вы ошибаетесь, уважаемая Наталья Степановна, — они мои.

Наталья Степановна. Опомнитесь, Иван Васильевич! Давно ли они стали вашими?

Ломов. Как давно? Насколько я себя помню, они всегда были нашими.

Наталья Степановна. Ну, это, положим, извините!

Ломов. Из бумаг это видно, уважаемая Наталья Степановна. Воловьи Лужки были когда-то спорными, это — правда; но теперь всем известно, что они мои. И спорить тут нечего. Изволите ли видеть, бабушка моей тетушки отдала эти Лужки в бессрочное и в безвозмездное пользование крестьянам дедушки вашего батюшки за то, что они жгли для нее кирпич. Крестьяне дедушки вашего батюшки пользовались безвозмездно Лужками лет сорок и привыкли считать их как бы своими, потом же, когда вышло положение...

Наталья Степановна. И совсем не так, как вы рассказываете! И мой дедушка, и прадедушка считали, что ихняя земля доходила до Горелого болота — значит, Воловьи Лужки были наши. Что ж тут спорить? — не понимаю. Даже досадно!

Л о м о в. Я вам бумаги покажу, Наталья Степановна!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Нет, вы просто шутите или дразните меня... Сюрприз какой! Владеем землей чуть ли не триста лет, и вдруг нам заявляют, что земля не наша! Иван Васильевич, простите, но я даже ушам своим не верю... Мне не дороги эти Лужки. Там всего пять десятин, и стоят они каких-нибудь триста рублей, но меня возмущает несправедливость. Говорите что угодно, но несправедливости я терпеть не могу.

Л о м о в. Выслушайте меня, умоляю вас! Крестьяне дедушки вашего батюшки, как я уже имел честь сказать вам, жгли для бабушки моей тетушки кирпич. Тетушкина бабушка, желая сделать им приятное...

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Дедушка, бабушка, тетушка... ничего я тут не понимаю! Лужки наши, вот и всё.

Л о м о в. Мои-с!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Наши! Хотя вы два дня доказывайте, хоть наденьте пятнадцать фраков, а они наши, наши, наши!.. Вашего я не хочу и своего терять не желаю... Как вам угодно!

Л о м о в. Мне, Наталья Степановна, Лужков не надо, но я из принципа. Если угодно, то, извольте, я вам подарю их.

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Я сама могу подарить вам их, они мои!... Всё это, по меньшей мере, странно, Иван Васильевич! До сих пор мы вас считали хорошим соседом, другом, в прошлом году давали вам свою молотилку, и через это самим нам пришлось домолачивать свой хлеб в ноябре, а вы поступаете с нами, как с цыганами. Дарите мне мою же землю. Извините, это не по-соседски! По-моему, это даже дерзость, если хотите...

Л о м о в. По-вашему выходит, значит, что я узурпатор? Сударыня, никогда я чужих земель не захватывал и обвинять меня в этом никому не позволю... (*Быстро идет к графину и пьет воду.*) Воловья Лужки мои!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Неправда, наши!

Л о м о в. Мои!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Неправда! Я вам докажу! Сегодня же pošлю своих косарей на эти Лужки!

Л о м о в. Что-с?

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Сегодня же там будут мои косари!

Л о м о в. А я их в шею!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Не смеете!

Л о м о в (*хватается за сердце*). Воловьи Лужки мои! Понимаете? Мои!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Не кричите, пожалуйста! Можете кричать и хрипеть от злобы у себя дома, а тут прошу держать себя в границах!

Л о м о в. Если бы, сударыня, не это страшное, мучительное сердцобиение, если бы жилы не стучали в висках, то я поговорил бы с вами иначе! (*Кричит.*) Воловьи Лужки мои!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Наши!

Л о м о в. Мои!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Наши!

Л о м о в. Мои!

IV

Т е ж е и Ч у б у к о в.

Ч у б у к о в (*входя*). Что такое? О чем кричите?

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Папа, объясни, пожалуйста, этому господину, кому принадлежат Воловьи Лужки: нам или ему?

Ч у б у к о в (*ему*). Цыпочка, Лужки наши!

Л о м о в. Да помилуйте, Степан Степаныч, откуда они ваши? Будьте хоть вы рассудительным человеком! Бабушка моей тетушки отдала Лужки во временное, безвозмездное пользование крестьянам вашего дедушки. Крестьяне пользовались землей сорок лет и привыкли к ней, как бы к своей, когда же вышло Положение...

Ч у б у к о в. Позвольте, драгоценный... Вы забываете, что именно крестьяне не платили вашей бабушке и тому подобное, потому что Лужки тогда были спорными и прочее... А теперь всякая собака знает, вот именно, что они наши. Вы, значит, плана не видели!

Л о м о в. А я вам докажу, что они мои!

Ч у б у к о в. Не докажете, любимец мой.

Л о м о в. Нет, докажу!

Ч у б у к о в. Мапочка, зачем же кричать так? Криком, вот именно, ничего не докажете. Я вашего не же-

лаю и своего упускать не намерен. С какой стати? Уж коли на то пошло, милаша моя, ежели вы намерены оспаривать Лужки и прочее, то я скорее подарю их мужикам, чем вам. Так-то!

Л о м о в. Не понимаю! Какое же вы имеете право дарить чужую собственность?

Ч у б у к о в. Позвольте уж мне знать, имею я право или нет. Вот именно, молодой человек, я не привык, чтобы со мною разговаривали таким тоном и прочее. Я, молодой человек, старше вас вдвое и прошу вас говорить со мною без ажитации и тому подобное.

Л о м о в. Нет, вы просто меня за дурака считаете и смеетесь надо мною! Мою землю называете своею да еще хотите, чтобы я был хладнокровен и говорил с вами по-человечески! Так хорошие соседи не поступают, Степан Степаныч! Вы не сосед, а узурпатор!

Ч у б у к о в. Что-с? Что вы сказали?

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Папа, сейчас же пошли на Лужки косарей!

Ч у б у к о в (Ломову). Что вы сказали, милостивый государь?

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Воловьи Лужки наши, и я не уступлю, не уступлю, не уступлю!

Л о м о в. Это мы увидим! Я вам судом докажу, что они мои!

Ч у б у к о в. Судом? Можете подавать в суд, милостивый государь, и тому подобное! Можете! Я вас знаю, вы только, вот именно, и ждете случая, чтобы судиться и прочее... Кляузная натура! Весь ваш род был сутяжный! Весь!

Л о м о в. Прошу не оскорблять моего рода! В роду Ломовых все были честные и не было ни одного, который находился бы под судом за растрату, как ваш дядюшка!

Ч у б у к о в. А в вашем Ломовском роду все были сумасшедшие!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Все, все, все!

Ч у б у к о в. Дед ваш пил запоем, а младшая тетюшка, вот именно, Настасья Михайловна, бежала с архитектором и прочее...

Л о м о в. А ваша мать была кривобокая. (Хватается за сердце.) В боку дернуло... В голову ударило... Батюшки!.. Воды!

Чубуков. А ваш отец был картежник и обжора!

Наталья Степановна. А тетка — слепица, каких мало!

Ломов. Левая нога отнялась... А вы интриган... Ох, сердце!.. И ни для кого не тайна, что вы перед выборами под... В глазах искры... Где моя шляпа?

Наталья Степановна. Низко! Нечестно! Гадко!

Чубуков. А сами вы, вот именно, ехидный, двуличный и каверзный человек! Да-с!

Ломов. Вот она, шляпа... Сердце... Куда идти? Где дверь? Ох!.. Умираю, кажется... Нога волочится... *(Идет к двери.)*

Чубуков *(ему вслед)*. И чтоб ноги вашей больше не было у меня в доме!

Наталья Степановна. Подавайте в суд! Мы увидим!

Ломов уходит пошатываясь.

V

Чубуков и Наталья Степановна.

Чубуков. К чёрту! *(Ходит в волнении.)*

Наталья Степановна. Каков, негодяй? Вот и верь после этого добрым соседям!

Чубуков. Мерзавец! Чучело гороховое!

Наталья Степановна. Урод этакий! Присвоил себе чужую землю, да еще смеет браниться.

Чубуков. И эта кикимора, эта, вот именно, куриная слепота осмеливается еще делать предложение и прочее! А? Предложение!

Наталья Степановна. Какое предложение?

Чубуков. Как же! Приезжал за тем, чтоб тебе предложение сделать.

Наталья Степановна. Предложение? Мне? Отчего же ты раньше мне этого не сказал?

Чубуков. И во фрак потому нарядился! Сосиска такая! Сморчок!

Наталья Степановна. Мне? Предложение? Ах! *(Падает в кресло и стонет.)* Вернуть его! Вернуть! Ах! Вернуть!

Чубуков. Кого вернуть?

Наталья Степановна. Скорей, скорей!
Дурно! Вернуть! *(Истерика.)*

Чубуков. Что такое? Что тебе? *(Хватает себя за голову.)* Несчастный я человек! Застрелюсь! Повешусь! Замучили!

Наталья Степановна. Умираю! Вернуть!

Чубуков. Тьфу! Сейчас. Не реви! *(Убегает.)*

Наталья Степановна *(одна, стонет)*.
Что вы наделали! Вернуть! Вернуть!

Чубуков *(убегает)*. Сейчас придет и прочее, чёрт его возьми! Уф! Говори сама с ним, а я, вот именно, не желаю...

Наталья Степановна *(стонет)*. Вернуть!

Чубуков *(кричит)*. Идет он, тебе говорят. О, что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом! Зарежусь! Обязательно зарежусь! Выругали человека, осрамил, выгнали, а всё это ты... ты!

Наталья Степановна. Нет, ты!

Чубуков. Я же виноват, вот именно!

В дверях показывается Ломов.

Ну, разговаривай сама с ним! *(Уходит.)*

VI

Наталья Степановна и Ломов.

Ломов *(входит, изнеможенный)*. Страшное сердцебиение... Нога онемела... в боку дергает...

Наталья Степановна. Простите, мы горячились, Иван Васильевич... Я теперь припоминаю: Воловы Лужки в самом деле ваши.

Ломов. Страшно сердце бьется... Мои Лужки... На обоих глазах живчики прыгают...

Наталья Степановна. Ваши, ваши Лужки... Садитесь...

Садятся.

Мы были неправы...

Л о м о в. Я из принципа... Мне не дорога земля, но дорог принцип...

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Именно принцип... Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

Л о м о в. Тем более, что у меня есть доказательства. Бабушка моей тетушки отдала крестьянам дедушки вашего батюшки...

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Будет, будет об этом... *(В сторону.)* Не знаю, с чего начать... *(Ему.)* Скоро собираетесь на охоту?

Л о м о в. По тетеревам, уважаемая Наталья Степановна, думаю после жнитва начать. Ах, вы слышали? Представьте, какое у меня несчастье! Мой Угадай, которого вы изволите знать, захромал.

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Какая жалость! Отчего же?

Л о м о в. Не знаю... Должно быть, вывихнул или другие собаки покусали... *(Вздыхает.)* Самая лучшая собака, не говоря уж о деньгах! Ведь я за него Миронову 125 рублей заплатил.

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Переплатили, Иван Васильевич!

Л о м о в. А по-моему, это очень дешево. Собака чудесная.

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Папа дал за своего Откатай 85 рублей, а ведь Откатай куда лучше вашего Угадай!

Л о м о в. Откатай лучше Угадай? Что вы! *(Смеется.)* Откатай лучше Угадай!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Конечно, лучше! Откатай, правда, молод, еще не опсовел, но по ладам и по розвязи лучше его нет даже у Волчанецкого.

Л о м о в. Позвольте, Наталья Степановна, но ведь вы забывали, что он подуздоват, а подуздоватая собака всегда непоимиста!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Подуздоват? В первый раз слышу!

Л о м о в. Уверяю вас, нижняя челюсть короче верхней.

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. А вы мерили?

Л о м о в. Мерил. До угонки он годится, конечно, но если на-завладай, то едва ли...

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Во-первых, наш

Откатай породистый, густопсовый, он сын Запрягая и Стамески, а у вашего муругопекого не доберешься до породы... Потом стар и уродлив, как кляча...

Л о м о в. Стар, да я за него пяти ваших Откатаев не возьму... Разве можно? Угадай — собака, а Откатай... даже и спорить смешно... Таких, как ваш Откатай, у всякого выжлятника — хоть пруд пруди. Четвертная — красная цена.

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. В вас, Иван Васильевич, сидит сегодня какой-то бес противоречия. То выдумали, что Лужки ваши, то Угадай лучше Откатая. Не люблю я, когда человек говорит не то, что думает. Ведь вы отлично знаете, что Откатай во сто раз лучше вашего... этого глупого Угадая. Зачем же говорить напротив?

Л о м о в. Я вижу, Наталья Степановна, вы считаете меня за слепого или за дурака. Да поймите, что ваш Откатай подуздоват!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Неправда.

Л о м о в. Подуздоват!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а (кричит). Неправда!

Л о м о в. Что же вы кричите, сударыня?

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Зачем же вы говорите чушь? Ведь это возмутительно! Вашего Угадая подстрелить пора, а вы сравниваете его с Откатаем!

Л о м о в. Извините, я не могу продолжать этого спора. У меня сердцебиение.

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Я заметила: те охотники больше всех спорят, которые меньше всех понимают.

Л о м о в. Сударыня, прошу вас, замолчите... У меня лопается сердце... (Кричит.) Замолчите!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Не замолчу, пока вы не сознаетесь, что Откатай во сто раз лучше вашего Угадая!

Л о м о в. Во сто раз хуже! Чтоб он издох, ваш Откатай! Виски... глаз... плечо...

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. А вашему дурацкому Угадаю нет надобности издыхать, потому что он и без того уже дохлый!

Л о м о в (плачет). Замолчите! У меня разрыв сердца!!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Не замолчу!

807
10/12/1898

С. С. Прохоров

Условия постановки пьесы...
1. Пьеса должна быть поставлена в течение 10 дней с момента получения настоящего условия.
2. Постановка пьесы производится на условиях, определенных в настоящем условии.
3. Автор пьесы сохраняет за собой все права на пьесу.

Согласен с условиями постановки пьесы...
С. С. Прохоров

1) За постановку пьесы...
С. С. Прохоров

2) За постановку пьесы...
С. С. Прохоров

3) Собрание акт...
С. С. Прохоров

Александр Павлович Чехов

Директор Императорских театров
С. С. Прохоров

Директор Императорских театров
С. С. Прохоров

БЛАНК УСЛОВИЯ ДИРЕКЦИИ ИМПЕРАТОРСКИХ ТЕАТРОВ НА ПОСТАНОВКУ «ПРЕДЛОЖЕНИЯ», С ПОДПИСЬЮ ЧЕХОВА.

VII

Те же и Чубуков.

Чубуков *(входит)*. Что еще?

Наталья Степановна. Папа, скажи искренно, по чистой совести: какая собака лучше — наш Откатай или его Угадай?

Ломов. Степан Степанович, умоляю вас, скажите вы только одно: подуздоват ваш Откатай или нет? Да или нет?

Чубуков. А хоть бы и так? Велика важность! Да зато во всем уезде лучше собаки нет и прочее.

Ломов. Но ведь мой Угадай лучше? По совести!

Чубуков. Вы не волнуйтесь, драгоценный... Позвольте... Ваш Угадай, вот именно, имеет свои хорошие качества... Он чистопсовый, на твердых ногах, крутобедрый и тому подобное. Но у этой собаки, если хотите знать, красавец мой, два существенных недостатка: стара и с коротким щипцом.

Ломов. Извините, у меня сердцебиение... Возьмем факты... Извольте припомнить, в Маруськиных зеленях мой Угадай шел с графским Размахаем ухо в ухо, а ваш Откатай отстал на целую версту.

Чубуков. Отстал, потому что графский доезжащий ударил его арапником.

Ломов. За дело. Все собаки за лисицей бегут, а Откатай барана трепать стал!

Чубуков. Неправда-с!.. Голубушка, я вспылыв и, вот именно, прошу вас, прекратим этот спор. Ударил потому, что всем завидно на чужую собаку глядеть... Да-с! Ненавистники все! И вы, сударь, не без греха! Чуть, вот именно, заметите, что чья собака лучше вашего Угадая, сейчас же начинаете того, этого... самого... и тому подобное... Ведь я всё помню!

Ломов. И я помню!

Чубуков *(дразнит)*. И я помню... А что вы помните?

Ломов. Сердцебиение... Нога отнялась... Не могу.

Наталья Степановна *(дразнит)*. Сердцебиение... Какой вы охотник? Вам в кухне на печи лежать да тараканов давить, а не лисиц травить! Сердцебиение...

Ч у б у к о в. Вправду, какой вы охотник? С вашими, вот именно, сердцебиениями дома сидеть, а не на седле болтаться. Добро бы охотились, а то ведь ездите только за тем, чтобы спорить да чужим собакам мешать и прочее. Я вспылчив, оставим этот разговор. Вы вовсе, вот именно, не охотник!

Л о м о в. А вы разве охотник? Вы ездите только за тем, чтобы к графу подмазываться да интриговать... Сердце!.. Вы интриган!

Ч у б у к о в. Что-с? Я интриган? *(Кричит.)* За-молчать!

Л о м о в. Интриган!

Ч у б у к о в. Мальчишка! Щенок!

Л о м о в. Старая крыса! Иезуит!

Ч у б у к о в. Замолчи, а то я подстрелю тебя из поганого ружья, как куропатку! Свистун!

Л о м о в. Всем известно, что — ох, сердце! — ваша покойная жена вас била... Нога... виски... искры... Падаю, падаю!..

Ч у б у к о в. А ты у своей ключницы под башмаком!

Л о м о в. Вот, вот, вот... лопнуло сердце! Плечо оторвалось... Где мое плечо?.. Умираю! *(Падает в кресло.)* Доктора! *(Обморок.)*

Ч у б у к о в. Мальчишка! Молокосос! Свистун! Мне дурно! *(Пьет воду.)* Дурно!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Какой вы охотник? Вы и на лошади сидеть не умеете! *(Отцу.)* Папа! Что с ним? Папа! Погляди, папа! *(Взвизгивает.)* Иван Васильевич! Он умер!

Ч у б у к о в. Мне дурно!.. Дыханье захватило!.. Воздуху!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Он умер! *(Треплет Ломова за рукав.)* Иван Васильич! Иван Васильич! Что мы наделали? Он умер! *(Падает в кресло.)* Доктора, доктора! *(Истерика.)*

Ч у б у к о в. Ох!.. Что такое? Что тебе?

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а *(стонет)*. Он умер!.. умер!

Ч у б у к о в. Кто умер? *(Поглядев на Ломова.)* В самом деле помер! Батюшки! Воды! Доктора! *(Подносит ко рту Ломова стакан.)* Выпейте!.. Нет, не пьет... Значит, умер и тому подобное... Несчастнейший я че-

ловек! Отчего я не пускаю себе пулю в лоб? Отчего я еще до сих пор не зарезался? Чего я жду? Дайте мне нож! Дайте мне пистолет!

Ломов шевелится.

Оживает, кажется... Выпейте воды!.. Вот так...

Ломов. Искры... туман... Где я?

Чубуков. Женитесь вы поскорей и — ну вас к лешему! Она согласна! *(Соединяет руки Ломова и дочери.)* Она согласна и тому подобное. Благословляю вас и прочее. Только оставьте вы меня в покое!

Ломов. А? Что? *(Поднимаясь.)* Кого?

Чубуков. Она согласна! Ну? Поцелуйтесь и... и чёрт с вами!

Наталья Степановна *(стонет)*. Он жив... Да, да, я согласна...

Чубуков. Целуйтесь!

Ломов. А? кого? *(Целуется с Натальей Степановной.)* Очень приятно... Позвольте, в чем дело? Ах, да, понимаю... Сердце... искры... Я счастлив, Наталья Степановна... *(Целует руку.)* Нога отнялась...

Наталья Степановна. Я... я тоже счастлива...

Чубуков. Точно гора с плеч... Уф!

Наталья Степановна. Но... все-таки, согласитесь хоть теперь: Угадай хуже Откатая.

Ломов. Лучше!

Наталья Степановна. Хуже!

Чубуков. Ну, начинается семейное счастье! Шампанского!

Ломов. Лучше!

Наталья Степановна. Хуже! Хуже! Хуже!

Чубуков *(стараясь перекричать)*. Шампанского! Шампанского!

З а н а в е с

ВАРИАНТЫ

〈БЕЗОТЦОВЩИНА〉

Варианты автографа (ЦГАЛИ)

Стр. 6.

¹¹ После: Щербук — Верочка 40 лет } его дочери
Лизочка 25 лет }

Стр. 8.

²³ После: без конца ест! — Возьмем, например, хоть сегодняшний день... Я наблюдала за вами и удивлялась... Два стакана чаю, вот такой кусище говядины, пять яиц, два стакана кофе, штук десять сухарей...

³³ После: in согроте сапо — говорил мой учитель и говорил правду, если не принимать во внимание того обстоятельства, что в его здоровой бычьей голове был очень плохой мозг...

Стр. 9.

¹⁵ После: Так-с...— А лицо у вас сегодня постное... Вы бы его маслицем коровьим смазали...

А н н а П е т р о в н а. Плоско, Николай Иванович, очень плоско! Ни капельки не смешно, моя прелесть!

Т р и л е ц к и й. Ничего-с...

Пауза.

²⁴ После: по темным аллеикам — дерусь с ней

Стр. 10.

⁵⁻⁶ После: Очень может быть.— Не понимаю я себя... Хоть бы помог кто-нибудь...

¹⁶ После: головка...— Не похожа на наших глухих девчонок...

²⁹ После: бедная девочка! — Проторчит всю жизнь на одном месте, проживет свои годы заодно со всеми этими допотопно глушеишими Катечками, Лизочками, Матрешами, которых я... которые и в подметки ей не годятся! Чёрт знает, как обидно!

³⁰ *После:* Анна Петровна.— Но... какой тон! Первый раз слышу от вас такие вещи. Это очень приятно... И ваша душонка умеет шевелиться!

³⁵ *После:* А в ось...— Женимся, Количка!

³⁸ *После:* дела.— И человек вы все-таки близкий...

Стр. 11.

¹⁴ *После ремарки:* Пауза.—

Анна Петровна. Паче же чаяния пожелаете не жениться, а поиграть, позабавиться ею, то... не смей трогать! Слышите? Прокляну, жить не позволю, возненавижу! Довольно с вас Катя, Лиз да Матреш. Я всё узнаю, если что-нибудь такое...

Трилецкий. Ладно...

¹⁷⁻¹⁸ *После:* шляется Платонов — а ваш Платонов по меньшей мере скот

²¹ обязанностью / священною обязанностью

³⁰ *После:* спит еще.— Он теперь больше спит, чем живет.

Стр. 12.

¹⁷ *После:* арзамасы — с людьми во главе

²² *После:* Глупо, Николая! — А за врагами лазили вы в огонь, Порфирий Семенович?

²⁴ *После:* Глагольев 1.— Я не говорю, что мы были совершенны.

Пауза.

Стр. 13.

²⁴ Грешно / Грешно и не особенно честно

³⁰ *После:* не шуточное! — Досадно, ей-богу! Вот этак вы выдумаете себе что-нибудь на гулянках, напишете красивым демосфеновским словом, пошлете в какую-нибудь газетку, да и перебаламутите...

⁴⁰ *После:* уступочку! — Счастье наше, что мы знаем, что вы вашими уступочками сами же разобьете себя в пух и прах!.. Вы всегда уступаете...

Стр. 14.

⁶ *После:* Я не говорил...—

Войнице в (смеется). Счастье наше, что вы силы не имеете, голубчик, счастье наше, что вы не призваны карать и поучать неумеющих негодовать и презирать! Счастье, впрочем, и ваше! От слов перешли бы к делу, а дело ваше было бы грубой ошибкой... Вы навредили бы несмотря на то, что вы прекраснейший, добрейший человек... Надо сперва проверить на деле, осязая, увидеть, тогда уже и говорить...

Стр. 15.

¹⁵ После: на этом свете! — Збй мус ман лебен аф дер вэлт,
майн либер пбриц!¹

Стр. 16.

¹¹⁻¹² После: хороший инструмент — (Поет).

Et j'frotte, frotte,
Et allez donc
Vient un monde
A la maison...²

Стр. 17.

² После: провести с ним.—

Т р и л е ц к и й. Отчего он вам не нравится, Абрам Абрамыч? За что вы его, бедного, не любите?

В е н г е р о в и ч 4. Кто вам говорит, что я его не люблю? Он славный молодой человек... Только за то он мне не нравится, что он так придирчив, горяч... Но за это он п вам не нравится, не одному только мне!

³³ После: А н н а П е т р о в н а.— Каков?

Стр. 19.

⁶ После: душа моя.— Не будь гитары, умер бы со скуки.

¹² После: Mercі.—

А н н а П е т р о в н а. Мальчик ваш здоров?

Закуривают.

С а ш а. Здоров. Ходить уж начинает...

²⁵ После: Женился и молчит! — Напомнил бы, если мы уже такие медведи!

²⁸ После: всего, всего! — После скажу, чего!

⁴⁰ После: она глупа! —

В о й н и ц е в. Да-с, Александра Ивановна! Остепенился, как видите, и солидным стал. А всё потому, что женился...

С а ш а. Разумеется, потому.

В о й н и ц е в. Полно, думаю себе, за штатом шляться, послушаюсь-ка Александру Ивановну. Давай-ка жениюсь, думаю! Вот и надумал...

С а ш а. И хорошо сделали, Сергей Павлович! Теперь-то вы и будете счастливы. Теперь-то вы и поживете, как следует, узнаете самую лучшую сторону жизни!

В о й н и ц е в. Я всегда поверял вам свои тайны и теперь поверять стану, Александра Ивановна! Счастлив по

---

¹ Вот как нужно жить на этом свете, мой милый господин!
(идиш).

² И я тру, тру, И вот приходят гости в дом... (франц.)

самое горло! Чувствую себя не на седьмом, а на сорок седьмом небе! А как я доволен тем, что на вас угодил, так этого и выразить не могу! Всё, бывало, не угодишь на вас, ну а теперь вижу, что угодил.

П л а т о н о в. Да, ничем вы ей не угодите так, как если женитесь. До смерти любит свадьбы!

С а ш а. Я не свадьбы люблю, а порядок. По-моему, как пришло время жениться, так и женись. Шляться попусту и грешно и неумно. Очень вы угодили, Сергей Павлович! Благодарю вас!

Стр. 20.

¹² *После:* три хороших года! а? — Кончить университет и гулять! Не понимаю я вас, господа! Решительно не понимаю! Что же вы еще ждете?

В о й п и ц е в. Не идти же в прогимназию! С голода я не умираю, призвания особенного к педагогической деятельности не чувствую, умирать мне еще не скоро... Для чего же спешить? (*Смеется.*) Не будем говорить об этом.

А н н а П е т р о в н а. Кто не робея прогулял три года, тому, разумеется, нетрудно будет прогулять и десять и двадцать... Но мы этот разговор оставим.

Стр. 21.

²¹⁻²⁵ Я не люблю этого русского негодяя! / Тяжело вспоминать, дорогой Порфирий Семеныч! Его болезнь, смерть, кредиторы, продажа имения... и ко всему этому прибавьте еще нашу вражду... Ужасно!.. Смерть была скверная, нечеловеческая... Умирал человек, как только может умирать развратник до мозга костей, богач при жизни, нищий при смерти, человек с неполной головой и с невыносимейшим характером... Я имел несчастье присутствовать при его кончине... Он раздражался, бранился, плакал, хохотал... Лицо корчилося, кулаки сжимались и искали лакейской рожки... Из глаз лилось шампанское, питое когда-то им и его прихлебателями на средства тех, которые ходили в лохмотьях и ели мякину... Я сунулся с покаянием... Начал было беседу в благочестивом тоне, помню... Напомнил ему засеченных, униженных, изнасилованных, напомнил Севастопольскую кампанию, во время которой он заодно с другими патриотами бесстыдно грабил свою родину... И еще кое-что напомнил... И он поглядел на меня с таким удивлением! Он удивился, засмеялся... Что, мол, за чушь несешь? Он, видите ли, умирал с сознанием того, что он славный мальчик! Быть завзятым подлецом и в то же

время не хотеть сознавать этого — страшная особенность русского подлеца!

- ³¹ *После:* не нуждаются в уступке...— Сижу я у его изголо-
вья... Душно, темно кругом... Кругом бедность после богат-
ства. нечисто, не прибрано, всё разбросано... Под ногами
рассыпаны карты, валяются пивные бутылки... В передней
храпит пьяный фельдшер... Он корчится... Тоска душит,
страшная тоска, во веки веков не забыть мне этой тоски!
Я заболел от нее, поседел... Вот они на виске, эти седины...
Знаменательны эти седины! Часто встречаю я их у своих
сверстников!.. Какие мысли бродили в моей голове! Если
бы я сумел тогда записать эти мысли и дал бы вам прочесть
их теперь, то вы сказали бы, что жизнь по меньшей мере от-
вратительна. И он тоже поседел перед смертью... Он посе-
дел от злобы... «Мы, говорит, теперь, Мишка, нищие, мы
умираем!.. А где же теперь, куда делись мои друзья? Где
они? Где теперь все эти сиятельства, превосходительства,
высокородия, от присутствия которых дрожали когда-то
эти стекла, бледнели столы и прятались мухи? Где? Им
нужны, знать, не нищие, не умирающие, а богатые и раз-
вратные дураки!» Говорит, а сам зубами скрежещет...

Стр. 22.

- ⁹⁻¹⁰ *После:* не был болен...— Сердце от женского пола кое-когда
побаливало, но сей недуг сладостен и в фармакопее не нуж-
дается...

¹⁰ вас не видел/вас не видел, светики мои

- ¹⁵⁻¹⁶ *После:* Славная двустволочка! — У чёрта такой нет!

³⁹ да Гамилькарами/да разными Гамилькарами

Стр. 23.

¹⁷ пахнет/пахнет, окаянный

²¹ духами пахнет/вином и духами пахнет

- ³⁴ *После:* Избавь, пожалуйста.—

Т р и л е ц к и й. А твоя супруга потолстела! (*Смот-
рит на Сашу в кулак*). Маленькая и толстенькая... Через
год шариком будет.

С а ш а. Когда ты перестанешь глупости говорить?

Т р и л е ц к и й. Никогда... Толстей, сестра! Благо-
словляю! (*Платонову.*) Недурно ты ее кормишь. Честный,
значит, ты человек! Колька ваш здоров? (*Встает и сядит-
ся рядом с Иваном Ивановичем.*)

С а ш а. Здоров.

Входят Петрин и Венгерович 1.

Стр. 24.

⁵ *После:* Т р и л е ц к и й.— Давно уж я его не видел. Должно быть, большой мальчишка стал.

¹⁰⁻¹¹ Это перл/Это перл, адамант

Стр. 25.

²⁶ *После:* Во-первых...— Я свидетельствовал съестные припасы, а потому и могу поведать...

Стр. 26.

²² *После:* успевает знакомиться? — Не скажу ей ничего, но не думаю, чтобы она не знала до сих пор, что к нам ходит какой-то Платонов... А зная это, она наверное вас узнает...

Стр. 27.

¹¹ *После:* мне странно! —

П л а т о н о в. Ничего не вижу я тут странного. Было бы странно, если бы кто другой, а не Абрам Абрамыч залез в чужой кошелек или чужой конверт... Он специалист по этой части.

Саша дергает Платонова за рукав.

Г л а г о л ь е в 1. Я не говорю этого... Но... не вмешайтесь, Михаил Васильич!

В е н г е р о в и ч 1. Я плут, но имею обыкновение оскорбляться, когда меня величают плутом... Прошу следовательно...

П л а т о н о в. Не просите, пожалуйста! Я вас понимаю...

В е н г е р о в и ч 1. И отлично. Понимая друг друга, мы не дойдем до глупостей. Не станем оскорблять ни к селу, ни к городу друг друга...

²⁵ *После:* Дома.— С этого дня я верю вашему слову.

²⁶ Г л а г о л ь е в 1. Здравствуйте, Марья Ефимовна! Грекова. Раньше не верили?

Т р и л е ц к и й. Как вам сказать? Когда верил, а когда и нет. Женщинам обыкновенно я мало верю.

Г л а г о л ь е в 1 (*смеется*). Не может Николай Иванович без комплиментов! Здравствуйте, Марья Ефимовна!

Стр. 28.

⁶ *После:* Сейчас уж и заключение! — Эх вы, женщины!

¹⁸⁻¹⁹ Как вам жарко!/Бедная! Как вам жарко!

Стр. 31.

⁴ *После:* Идет! —

В е н г е р о в и ч 2 (*входя*). Не забудьте, что Ауэрбах еврей, Гейне еврей...

Софья Егоровна. Этого мало для массы... Это для меня имеет некоторое значение, но для массы едва ли... Чтобы поверила вам не одна только я, нужно еще кое-что, более убедительное...

³⁵ После ремарки: Смех.—

Глагольев 1. Или пролетел тихий ангел.

Платонов. Нечего здесь делать тихому ангелу.

Стр. 33.

⁴¹ После: на ваш вопрос...—

Трилецкий (Бугрову). Удивительный человек этот Платонов! Посмотрите на него: маркиз, самый настоящий маркиз, а учитель, только всего. Верь тут в *sum cuique* ¹!

Глагольев 1. Речь ведется в таком тоне, как будто в учительстве есть что-то позорное, унижающее... Добрейший Михаил Васильич если сделал большой промах, то именно только в том, что он, начиная жить и избирая себе карьеру, выпустил из вида, что в свет нельзя являться без красивой оболочки, по промах этот с точки зрения Михаила Васильича, насколько я его знаю, не промах.

Платонов. Я не избирал себе карьеры и не делал промаха. Я никогда ничего не избирал и никогда ничего не делал.

Стр. 34.

¹⁸ После: чтоб мешать...— Впрочем, вы не сильно морщитесь, Софья Егоровна! Я не абсолютно бездельничаю. У меня есть приличное занятие. Это занятие заключается в том, что я не порчу своих мальчишек, играю на гитаре и ежеминутно проклиная ту минуту, в которую забралась в мою голову сумасшедшая, убийственная идея оставить университет, оставить то, что я теперь так люблю...

Стр. 35.

³⁻⁴ После: женским полонезом.— Побеждал, рога наставлял, а теперь в отставке.

⁴¹ Припомните-ка/Припомните-ка, если у вас еще не отшибло памяти

Стр. 36.

³ После: номеров нет! — Для чего же тут еще поясницу приплетать?

²⁰ После: должно быть...— (Софье Егоровне.) Вот, как видите... Восхитительный народец!

---

¹ каждому свое (лат.).

¹⁴ После: смотреть ставете...—

Щербук *(в окно)*. Приехали? Отца родного на пикни поднимать приехали? Непослушавие свое показывать? В зеленые платья, дуры, нарядились! Посмотрите, православные! Ящерицы! *(Свистит.)* Зеленые! Шши...

Верочка *(за сценой)*. Вы, папаша, можете п дома грубости говорить...

Анна Петровна. Кто там? Ваши дочери, Павел Петрович? Чего же они не войдут? *(В окно.)* Здравствуйте! Идите, в комнате поздороваемся!

Верочка *(за сценой)*. А доктора нет у вас, ваше превосходительство?

Анна Петровна. Доктор вас не тровет. Войдите!

Верочка *(за сценой)*. И господин Платонов у вас?

Анна Петровна. Уверяю вас, что они вас не тронут.

Смех.

Щербук. Приехали! Мать бы еще с собой привезли!

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же, Верочка и Лизочка
(входят, делают реверанс и садятся за рюль).

Трилецкий. Ах, ах! *(Закрывает лицо платком.)*
Ах! Кого вижу!

Смех.

Стыдно! Стыдно! Я сковфузился! Девцы пришли!

Щербук разваливается на кресле и презрительно смотрит на дочерей.

Верочка. С законным браком, ваше превосходительство!

Анна Петровна. Это не меня, а Сергея Павловича...

Войничев. Очень, очень вам благодарен! Как поживаете?

Верочка. Мерси... Я, ваше превосходительство... Мамаша вам кланяется...

Анна Петровна. Мерси... *(Трилецкому.)* Передайте!

Щербук. В глазах рябит! Какие красавицы!

Смех.

Манеры свои приехали показать... Парле ву франце? Вуй! Нон!¹

П л а т о н о в. Для чего ты закрылся, Николай?

Т р и л е ц к и й. Лизавета Павловна здесь... Ах! Я сковфузился...

Л и з о ч к а. Кланялась вам мамаша, ваше превосходительство.

А н н а П е т р о в н а. Благодарю вас. (*Трилецкому строго.*) Перестать!

Щ е р б у к (*подмигивает Трилецкому*). Хорошенечко их! Чтоб слушались отца!

А н н а П е т р о в н а. Не обращайтесь, Вера Павловна, и вы, Елизавета Павловна, внимания на этот смех. Доктор всегда смеется и большею частью без причины. Господин Платонов тоже.

П л а т о н о в. Я и не думаю смеяться.

А н н а П е т р о в н а. Не обращайтесь внимания... Помните басенку: «Шли два приятеля вечернею порой...»? помните?

В е р о ч к а. Не помню, ваше превосходительство.

Сильный смех.

Щ е р б у к (*хлопает в ладоши*). Филистимляне! Приличный и обходительности не понимают! Это вам за то, лахудры, что отца не почитаете!

В е р о ч к а. Вы, папаша, можете и дома грубости говорить...

Щ е р б у к (*поворачивается к ней спиной*). Нет родственных чувств в груди моей! Были да сплыли! Прочь!

Т р и л е ц к и й (*хватается за живот*). Ох! Вот это так в моем вкусе! (*Обнимает Щербука.*) Велик Вельзевул Буцефалович! Велик!

⁸⁵ После: друзей моего отца.—

Щ е р б у к. Красоточки, чечеточки... Приехали! Дома есть мать не дает!

А н н а П е т р о в н а. Павел Петрович! (*Качает головой.*)

Стр. 38.

⁴ Вы добряк.../Вы добряк, вы певец всего хорошего...

¹³ После: пожалуйста! — Какую цену должны иметь для меня ваши хорошие слова, ваше благообразие, ваши добрые улы-

¹ Вы говорите по-французски? Да! Нет! (*франц. Parlez-vous français? Oui! Non!*).

бки, ласки, могу ли я верить в них, если я знаю, что вы, будучи другом, не сумели и, быть может, даже поленились уберечь моего отца от тысячи глупостей, и если я знаю, что вы не в силах взять меня за шиворот и вытащить из болота? Я с верою смотрю только на ту икону, от которой жду благодати.

Стр. 39.

¹⁰ После: не о милостыне...— Не нам с вами говорить о милостыне... Посмотрите-ка: все удивлены и поражены. Здесь обыкновенно удивляются смелости или глупости.

Стр. 39—40.

²⁰⁻² Явление XV ∞ Проваливай!/
Явление XVI

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же, Василий и Осип.

В а с и л и й (*вбегает*). Сергей Павлыч! Барыня!

О с и п (*гонится за Васильем и хлопает дверью*). Ударь меня по щеке за то, что я вредный человек! (*Останавливается в недоумении.*)

В а с и л и й. Заел совсем... Всю спину кулаками избил... Покоя нету...

О с и п. Влетел!.. Уже приехали... (*Смеется.*) Ей-богу нечаянно. Гнался за ним, а попал сюда... (*Хочет идти назад.*) Нечаянно...

А н н а П е т р о в н а. Это что еще за глупости?

П л а т о н о в. Ах... Кого я вижу!? Чёртов кум! Постой, постой! (*Хватает Осипа за плечо.*) Постой, милый человек.

А н н а П е т р о в н а (*Василию*). Поставить вместо себя Якова и убираться на кухню ножи чистить! (*Платонову.*) Оставьте его, Михаил Васильич! (*Осипу.*) Здравствуй, Осип, и убирайся!..

В а с и л и й. Всю спину избил... С самого утра вьелся... Заморил проклятый человек!

Смех.

А н н а П е т р о в н а. После расскажешь! Ступай!

В а с и л и й. Слушаю. (*Уходит.*)

Стр. 40.

¹⁶ После: дали пообедать...— Побриться тебе тоже нужно, а то физиомордия на кактус похожа... Попросишь у Якова бритвы...

Стр. 41.

² пропадет/пропадет как собака

Стр. 43.

²⁸ *После:* И имеете ли вы право? — (*Шепчет на ухо Верочке.*)

Верочка садится за рояль и громко играет вальс.

Стр. 44.

¹⁰ выскочке/выскочке из черт знает откуда

¹¹ *После:* Честь в трубу вылетела! — Где она? Она устарела, истаскалась, стала звуком, говорящим о чем-то истасканном...

²⁴ *После:* Вдруг...—

Верочка. Зачем же это рассказывать, папаша?
Щербук. Прочь, медуза!

³⁹ *После:* ему не нужна...— За амурами он к ней (*показывает на Лизочку*) ездит! Идиотку из нее сделал. Была одна покорная дочь, и ту испортил...

Стр. 45.

²¹ *После:* Вот город! — Дома в двенадцать этажей!

Стр. 46.

³⁴⁻³⁶ *После:* безнадежных...— Перестаньте удивляться! Удивляйтесь выносливости вашей умной, светлой семьи.

³⁶ *После:* (*Уходит с Софьей Егоровной.*) —

Верочка и Лизочка уходят в сад.

Стр. 48.

²⁵⁻²⁸ *После:* Чудак вы! — Ступайте жевать!

³² *После:* Вам какое дело? — Да вы что же это такое в самом деле! Не думаете ли вы мою особу взять и выдать замуж? Зачем вы суетесь не в свое дело?

Стр. 49.

¹³ невыносимый/хорошенький, но невыносимый

³⁰ что поделаешь/что поделаешь с характером

Стр. 50.

⁸ *После:* Великодушный юноша! — Теперь я буду осторожен!

Стр. 50—51.

⁴³⁻¹ *После:* (*Смотрит в дверь столовой.*) — Едят в три горла... Трилецкий глотает сардины, как акула... Войницев не ест, а во все глаза глядит на свою жену. Счастливчик! Он любит ее, как Адам любил свою Еву! Ваксу есть готов, чтобы только исполнить ее волю... Славное переживает время! Скоро пройдет оно и не повторится.

Стр. 51.

⁵ *После:* целовать эти волосы! — *ремарка:* Пауза.

⁶ *После:* эта головка...— Прошло, ушло, кануло всё, как в воду, как будто бы его и не было! Эх... счастье человечье!

Мажет по губам только... На, мол, понюхай, братец, раз, да смотри, всю жизнь помни, как ово пахнет!

¹¹ *После:* вещь хорошая — сладкая, законная, хоть и мучительная, хоть и похожа иногда на зависть

²⁷ П л а т о н о в (*смотрит в дверь столовой*). П л а т о н о в. Досадно одно только... Впрочем, для чего тут скептицизм? Я хотел сказать насчет скоропроходимости... Ну да наплевать! Наслаждайтесь! Нечего забегать вперед... С пей и можно и должно жить счастливо... (*Смотрит в дверь столовой.*) Не какая-нибудь обыкновенная... Не моя Сашка...

Пауза.

³⁶ Чуть видна/Чуть-чуть видна

Стр. 52.

¹⁶ *После:* вышьем...—

В о й н и ц е в (*кивает на Трилецкого*). Слышал? Туда же лезет, куда и люди! За Грековой приударил! Ты заметил?

Т р и л е ц к и й. Об этом после. Что, будем сегодня пьяны или нет?

²⁶ *После:* своими поучениями! — Отстань ты от меня, сделай милость!

³³ *После:* Целый день, целый день...— Право, я скоро начну прописывать тебя моим больным в застарелых болезнях, как потогонное и усыпляющее...

³⁴ *После:* П л а т о н о в. — Замолчи!

Стр. 53.

¹⁸ и выпью/и вышьем

²⁹ *После:* плакать от моей дружбы — как плакал в прошлом году мой бывший друг, а ныне злейший враг, магистр фармации Франц Захарович Шрифтбаум!

Стр. 54.

²² *После:* только не хочешь! — У тебя такая умная голова, какой у тебя никогда не было!

Стр. 56.

⁵⁻⁶ *После:* свои шахты? — Мошенник ты, мошенник!

¹⁰ Иди спи./Иди спи, но не забудь, что ты мошенник!

Стр. 57.

³⁸ Не уберег, старый Шут Иваныч Балалайкин!/Отнял господь! Прости меня. Прости, Саша! Не уберег я матери... Не уберег, старый Шут Иваныч Балалайкин! Поддустил к ней смерть!

Стр. 58.

⁵⁻⁶ *После:* Понимаю! — С этой минуты ни капельки! Ты при-
казываешь, и тень матери твою сторону держит...

¹⁰ *После:* Так-с... — Но, молодой человек, не вы ли сын пол-
ковника Трилецкого?

Т р и л е ц к и й. Кажется, я-с!

И в а н И в а н о в и ч. В таком случае беру! (*Хо-
очет.*)

¹⁶⁻¹⁷ *После:* богат и славен! — На войне был, тысячи, сотни ты-
сяч имел на руках, а ни копейки у Российской империи не
взял... Одним жалованьем довольствовался...

Стр. 59.

⁶ *После:* получил... — Не второй, вторая со звездой будет...
Третьей... Вот он... На шею... Тебе вило, Сапа? Вот он...
Это Анны, это Станислава, это Анны третьей степени с ме-
чами... Это Румынский... А вот это ни к селу, ни к городу
персидский Льва и Солнца... Медали... Одна за спасение
погибающих... Серебряная... В шестьдесят третьем году
жену полкового врача из воды за волосы вытащил...
Георгий солдатский... Под Севастополем еще получил,
как раз в тот день, когда ты, Николай, родился. Государь
Александр Николаевич фамилию мою знал... Во время
войны в главную квартиру раза три посылали... — «Давно
на службе, Трилецкий?» — «Тридцать один год, ваше
императорское величество!» — «Опусти руку. Поезжай с
богом! Кланяйся там!» Дай бог вам, дети мои... А моя эра
прошла уже... Шабаш! Гроб, панихида... Развинтился,
развалился ваш старик...

⁹ провожай/провожай, старик

¹⁹ *После:* в молодости — Печорина и Базарова разыгрывал

³² *После:* пааале... вво! — Шагом мар... марш!

Стр. 60.

⁶ *После:* Ну да, ну да... — Здравствуйте и прощайте...

³⁰⁻³¹ *После:* расщедрюсь, чёрт возьми! — Вот вам еще рублик на
двоих за то, что вы оба вместе взятые не стоите и двухсотой
части этого рублика!

Стр. 61.

⁶⁻⁷ *После:* ему, старику... — Для чего? Да еще на ней?

⁸ *После:* простушечке... — Что ей муж? Ширма? Пентефрий
отсутствующий? Небось, не по любви выйдет за него, ко-
ли выйдет. Богатствами его прельстится.

⁹ огненная/огненная, сырая

Стр. 62.

⁴ *Перед:* О чем ты думаешь? — Ты не хочешь понять, в каком я нахожусь печальном положении! Я страдаю, Софи! Твои холодные *да* и *нет* для меня целое несчастье! Ты не смеешься, не улыбаешься, молчишь, о чем-то вечно думаешь... Меня рвет за душу эта твоя дума, от которой ты не находишь себе ни покоя, ни места...

¹² *После:* на мою хандру — а за *да* и *нет* извини

Стр. 63.

³⁷ *Перед:* Нет надобности — Я не избегаю людей, Михаил Васильич!

Стр. 64.

³⁻⁴ *После:* поговорить с вами — когда вы одни, когда заметно в вас только маленькое, а не большое, желание уйти от меня

⁵ Что это?/Что это значит?

¹⁴ *После:* Противен? — Ведь, послушайте, чувствовать себя в положении чумы, от которой убегают, не очень-то приятно, оскорбительно, тяжело!

Стр. 65.

²⁷⁻²⁸ *После:* (*Подходит к ней.*) — Неужели вы думаете, что если бы я захотел подкопаться под благосостояние вашего Сергея Павловича, заграбастать вас теперь в свои руки, то стал бы употреблять орудием то, что для меня святее всего на свете? Нет, уважаемая Софья Егоровна, не рассыплю я за право владеть вами своего бисера, и если вы мне понадобится, то я возьму вас тем, чего вы стоите!

³³ *После:* для вашего Сергея Павловича! — Постоите, молчите! Дайте договорить! Вы увидели желание дать понять, что я чего-то тогда не добрал, что я имею какие-то притязания... Увидели и... испугались?! Прочна же ваша бедная семья! Не имеете вы права подозревать меня!

Стр. 66.

³³ *После:* восемь рублей... — А в преферанс сел, две бутылки лафиту выиграл...

Стр. 68.

¹² *После:* Хуже всех на свете. — Да нешто вам нужны, Абрам Абрамыч, хорошие люди?

Стр. 73.

³⁰ Великою любовью воспылал/Есть люди, милый мой, которые папиросы не закурят, глупости бабе не скажут, сапога не наденут без того, чтобы не заглянуть предварительно в свои правила... Их правила для них всё... И на тот свет они отправляются по такому-то параграфу... Сухи они,

педанты, носятся они постоянно с собой и с своими правилами... Но великою любовью воспылал

⁸⁷ переделывать/судил бог переделывать
Стр. 74.

² После: к языкам! —

П л а т о н о в. Глупо... Несешь галиматью, точно безнадежный... Чтоб говорить так, не нужно было высидеть пять лет на медицинском факультете.

Т р и л е ц к и й. «Факультеты, — писал потомству мой дедушка бригадир Трилецкий, — для нежного сословия одно только баловство и недоумение. У древних эллинов и в великом Риме лекарями рабы были, а звездочетами суеверы и мошенники, а ничто рабское естества твоего нежного да не коснется! А естество твое нежное и благородное таковое есть, что как бы сильно ты рабом ни возжелал быть, оным никогда не будешь, ибо не быть пану хамом, а хаму паном». Умная голова, надо полагать, был мой дедушка!

П л а т о н о в. Ведь режешь же ноги? Дашь мазь от чесотки?

Т р и л е ц к и й.

⁹⁻¹¹ Не нашел я ни тебя ∞ не спокойна.../Впрочем, я не скорблю... Голова у меня на этот счет хорошо устроена... Никакая рабская надежда не залезет... Очень покоен... Я не Софья Егоровна!

¹³ Перед: Обижается — Надеется...

¹⁶⁻¹⁷ После: Воображает... Гм... — Не люблю я ее, грешный человек. Тяжела для меня. От головы до пяток напичкана, засорепа этими высокими материями, идеями, высшими идеалами, высшей, чёрт возьми, правдой, верой, неверием, свободными порывами...

²⁷⁻²⁸ После: Пойдем выпьем! — Сего не требуют ни честь, ни знания, ни долг, ни другое что-либо возвышенное, во и запретить сего они не имеют права. Правда ведь? Пойдем, брат!

³⁶ После: На его деньги кутим. — Удивляют немало меня эти беспечные Войницевы! Фейерверки стоят двадцать пять целковых, шампанское сто целковых, вин, водки куплено тоже на сто... Рублей в триста, одним словом, обойдется этот злокачественный вечер. Триста рублей! И наверное у Венгеровича пятьсот заняли... Триста сегодня прокутят, а на остальные двести Сергей себе велосипед выпишет или же жене часики купит...

Т р и л е ц к и й. Любительский спектакль затевают.

П л а т о н о в. Еще бы! На декорации целковых полтораста понадобится... А должны по горло... Уйдут от генеральши шахты к Венгеровичу! Это как бог свят! Насчет имени какой-то безобразный фокус выдумали... Досадно и жалко, тем более, что считаешь их умными людьми!

Стр. 75.

³⁴ После: (Хохочет.) — Оспа и мел вместо пудры...

Стр. 76.

¹ После: вонь — и плохие опучи вместо кашне

¹⁵ После: жениться! — Ну я ему отобью охоту жениться!

²⁵ После: Вы, граф, идиот! — Ужасно тяжело беседовать с вами!

Стр. 77.

¹⁵ великий мудрец и философ / великий мудрец и философ, равно как и великий моралист

Стр. 78.

²⁴⁻²⁵ Точно дева старая.../Старая дева вы, что ли?

Стр. 80.

³⁴ После: Невыносимый человек! — Ведь знает же, что я его люблю, знает, что сам любит меня, дышать без меня не может... так нет! Нужно поломаться, нужно порисоваться, языком пококетничать! Носится с своим уважением, как музыкант с скрипкой! Не любит просто смотреть на вещи, а с предисловием непременно... Так нет же! Шалишь!

Стр. 81.

³⁶ После: Немножко странно, Порфирий Семеныч! — Вам нужны мои душевные блага, как вы пишете в письме, но откуда вам известны мои душевные блага?

Стр. 82.

³¹ Перед: Но ведь я же того... — Было бы вам и за себя заступиться...

Стр. 83.

¹³ На днях / Завтра или вообще на днях

Стр. 84.

²⁴ После: Откровенно... — Ах вы идиот, идиот!

Стр. 85.

⁵ После: Садятся. — Стушевалося безобразно, пропало навсегда мое золотое время! Провел я его на грязные пустышки... Всё в могилу зарыл, кроме этого тела...

⁹⁻¹⁰ моих братьев во Христе/моих родных братьев, братьев во Христе

¹⁸ *После режарки:* Пауза.— Глубоко зарыты мои таланты, глубоко завязли в болото... Или не выкапывал я их отродясь, или же сам зарыл...

Пауза.

²² *После:* не жалко мне себя! — Близок уж я к тому времени, когда окончателем порешу, что я невозвратно пропащий человек!

³² *После:* лгать? — Кто дал вам право по целым суткам толковать от своего имени про труд, страдания, свободу, если вы ничего не делаете для них и не намерены сделать?

Стр. 91.

³⁶⁻³⁷ *После:* смерти даже проспала... — Но вообрази же, Осип, мою радость, когда он однажды подходит ко мне и говорит вдруг: «Хотите, девочка, быть моей женой?» Вообрази мою радость... Я от радости даже совесть потеряла и бросилась ему на шею...

Стр. 94.

²⁹ наконец замирали...» / наконец замирали в грустном томлении...» Ах как мило! Генеральша так играет...

Стр. 97.

³¹⁻³² *После:* мерзко, нелепо! — Зачем я поцеловал ее у реки? Даром мне не пройдет это удовольствие. (*Садится.*) Целуй, глупец: благо есть лицо! Она и подставила щеку! Ааа...

Пауза.

Надо уехать отсюда... Кончено!

³² *После:* Опрочивело всё... — Генеральша оказалась бабой, Софья глупой девчонкой, я... А Грекова?!

⁵⁵ *После:* Когда? — Сквозь кровавые слезы захохочут...

Стр. 98.

²¹ *После:* обзрывать самого себя! — Когда я бываю пьян, я летаю в небесах и строю вавилонские башни!

²⁶⁻²⁶ *После:* хозяином! — Природа, ты моя! Ты для меня!

²⁹⁻³⁰ робкому ветерку / робко трепещущему ветерку

Стр. 99.

⁴¹ *Перед:* Посмотрите-ка — В такую, впрочем, ночь, как эта, недурно быть немножко и поэтом...

⁴¹ *После:* Да... — Счастлив тот, кто может дышать этим воздухом! Да... В моей груди такая теплынь, такой простор... Это ведь поэтическое чувство?

Пауза.

Стр. 100.

¹³⁻¹⁴ *После:* стыдится своей молодости — кто краснеет за чувства, о которых с наслаждением вспоминает старость! Полно ставить преграду тому, что составляет теперь вашу истинную силу! Не чуждайтесь молодости! Не насиуйте ее природы! Каяться будете! Горе тому, кто не был или не хотел быть молодым!

²⁴ *После:* Хуже я вас, что ли? — Хоть раз в жизни дать бы поиграть плоти... Соприкосновение с глупостью действует иногда освежающе...

Стр. 101.

¹⁹ *Перед:* Оставьте меня! — А когда вы, милостивый государь, перестанете с вашим папашей воздвигать кабаки? А когда я перестану быть ревностнейшим посетителем ваших кабаков? Когда исчезнут Венгеровичи и не будут есть чужого хлеба Платоновы? Когда? Замолчим-ка, милейший!.. Или вот что...

²⁹ *(Идет в глубину сцены и идет обратно.) / (Идет в глубину сцены.)*

П л а т о в о в. Бедный человек! Сколько противоречий, сколько ненужного хлама, невыносимо старческого педантизма в этом бедном, маленьком теле! Эх! Дали бы мне опять молодость! Показал бы я им... А он сидит и стонет! Делать ему нечего! Ему нужно поведать миру, что личное счастье — эгоизм! Только это ему и нужно! Больше ему ничего не нужно! Какая беспардонная бедность! Свой язык и чужие слова... Не дальше! Дальше чужих слов и чужого мозга ни шагу!

Венгерович 2 идет обратно.

Стр. 102.

¹⁷ *После:* Ох! — Молодежь, молодежь!.. С одной стороны, здоровое тело, живой мозг, безусловная честность, смелость, любовь к свободе, свет и величие, а с другой — пренебрежение трудом, отчаянное фразерство, сквернословие, развратничество, вранье... С одной стороны, Шекспир и Гете, а с другой — деньги, карьера и похабство! А науки и искусства? *(Смеется.)* Бедные сироты! Нет ни званых, ни избранных! Пора их сдать в архив или запереть в приют незаконнорожденных... *(Хочет.)* Сто миллионов людей с головами, с мозгом и — два-три ученых, полтора художника и ни одного писателя! Ужасно много! Ни званых, ни избранных! Гуляйте, добрые люди! Науки и искусства — это труд, это торжество идеи

над мускулом, это евангельская жизнь... а на что нам жизнь? Мы и не живя сумеем умереть!

Пауза.

Ужасно!

Стр. 103.

¹⁴ П л а т о н о в (*вскакивает*). / П л а т о н о в. Что вам нужно от меня? (*Вскакивает*). Что вам нужно от меня?

²²⁻²³ После: приехала, мой милый! — (*Хохочет*.)

Стр. 104.

³² Перед: Но разве ты моя? — Разве я не знаю, о чем блещут твои глаза? Ты хочешь счастья, ты ждешь торжества молодости, страсти, огня... Мужественных и честных слов любви...

Стр. 107.

⁷ Не шутя. / Хочешь, я порекомендую тебя редактору губернских ведомостей? Я с ним знакома... Не шутя... Ах ты... Ах ты, мой зюмбумбунчик этакий! Ах ты...

³⁰ плотники / дворники

Стр. 109.

¹¹ После: неблагодарную! —

П л а т о н о в (*подходит к ним*). Вон отсюда!

П е т р и н. Ась?

П л а т о н о в. Убирайтесь отсюда!

П е т р и н. Зачем сердиться? Сердиться не нужно, душенька! Где дорога? Вон она дорога! (*Кричит*.) Где дорога? Вот она дорогенция! До свидания, господин Платонов! Вы слышали, душенька, как я ее ругал?

П л а т о н о в. Слышал.

П е т р и н. Вы же ей не того... не говорите! Я пошутил... Я Паве...

П л а т о н о в. Ладно... Уходите! Кстати, Герасим Кузьмич... Если я увижу вас еще раз когда-нибудь у Войничевых, если я услышу хоть одно слово про шестнадцать тысяч, старый ты мошенник, то... я вас в окошко выброшу!

П е т р и н. Понимаю, молодой человек! Бери меня, Павочка, под руку! Ты у меня один только друг остался...

Идут.

Выбросил бы, да руки коротки! Векселя протестую, а кое-кому не быть в школе! Выгоню! Нам идей не нужно! Идеи разных с фокусами не нужно нам! Нам учителя нужны, а не Спиво́зы да Мартыны Задеки! Донесу и выгоню! Ей-богу, выгоню! Я, Павочка, его идеи все знаю! Я его упеку! Сейчас же бумагу напишу к исправнику...

П л а т о н о в. О чем же ты напишешь?

П е т р и н (*кричит*). Довольно-с! Довольно! Понимаем!

Идут.

П л а т о н о в. Довольно, но помни, что ты воспитывался в Московском университете, что ты по воле самой глупой из судеб называешься русским образованным человеком! Не подличай, потому что своею подлостью ты пачкаешь и себя, и репутацию русского образованного человека!

П е т р и н. Ладно! Пой, соловей!

П л а т о н о в. Предоставь клевету и доносы тем, кому не дорога эта бедная репутация! Больше я ничего не скажу! Отрезвившись, припомни мои слова!

²⁷ *После*: иди, иди! — Пойду не я к тебе, а мое слабое тело... А как бы я швырнул тебя, если бы не это, не воспитанное тело!

А н н а П е т р о в н а. Мерзости... (*Бьет Платонова хлыстом.*) Говори, говори, но не заговаривайся! (*Идет от Платонова.*) Хочешь — иди, не хочешь — наплевать! Кланяться не буду! Это уж слишком!

П л а т о н о в. Но... Поздно оскорбляться! (*Идет за ней и берет ее за руку.*)

Анна Петровна вырывает руку.

П л а т о н о в. Ведь всё одно... пойду... Теперь уж не остановишь во мне беса... Отворачиваешься? Поздно оскорбляться! Мы оба поставлены теперь в такое положение, что как бы ни оскорбляли достоинство друг друга, не можем разойтись... Слабы! Не оскорбляйся, женщина! (*Обнимает ее.*) Не хотел оскорбить! Хотел образнее выразиться... Я убью себя тогда, когда позволю оскорбить тебя... Ты для меня всё! Ты и во грехе даже велика для меня!

Стр. 113.

³⁹ Прощай! / Же ву салю! ¹

Стр. 114.

⁴⁻⁵ Я-то каков! / Где их сила, разум? Я-то каков! Душа плачет, а какая-то сила проклятая, какой-то демон прет сзади, пхает во всю мочь...

⁹ Глупая мать / Пьяная мать

²¹ *После*: Запишу! — Грязь... грязь! Запишу и дам прочесть тем, кого захочу развратить!

¹ Приветствую вас! (*франц.* Je vous salue!)

Стр. 115.

²¹ кончая горничной / кончая курносой горничной

Стр. 117.

³⁵ После: (Убегает.) —

Э х о. Подлец... лец... лец...

Стр. 122.

²⁶ После: за твои жертвы? — Ох, Софья, Софья... Жертвы твои... ужасно!.. гибель твоя!

Стр. 124.

²⁴⁻²⁵ После: в свое распоряжение! — Безумец я! Я не знаю, что говорить мне и что делать!

Стр. 126.

⁵ После ремарки: Пауза.— И мы его забудем, и он нас забудет... Время сделает свое дело...

⁸ После: и генеральша...— Сегодня я еще ваш, ну а завтра... Что завтра?

¹⁵ После: (Ложится на диван.) — Завтра я буду новый человек... Интересно!..

²¹⁻²² После: невежда! — Какие силы удерживают вас дома?

²⁶ Сергей и Софья ведут себя / Сергей и Софья вдруг оба разом заболели кóнтрой и ведут себя

²⁸⁻²⁹ После: Вы болванчик.— Очень ты глуп, Мишенька!

После ремарки: Пауза.— Всем генеральшам генеральша!

Стр. 127.

²⁸ После: подобие божие-с...— Христианин и богу и царю верой и правдой двадцать пять годов прослужил-с...

Пауза.

Присягал верой и правдой пред святым Евангелием...

Стр. 129.

¹² После: как святыню.— Оштрафуйте. Давно бы пора проучить. Не прощайте, ни за что не прощайте, хотя я и прошу униженно прощения...

³⁵ После: наказывает женщина...— Наконец-то, а то уже слишком они меня избаловали...

³⁷⁻³⁸ Перед: Был свободен — Остаться бы денька на два еще, посудиться... То-то бы Трилецкий речь сказал. Грекова на суде расплакалась бы... После суда мир и пьянство, разумеется... Эх!..

Стр. 130.

¹ После: Бедные Войнищевы! — Дорого стоит вам ваш красноречивый друг и оригинал Платонов... Когда-то вы мировому подадите на меня?..

³⁷ *После:* Всего...— В особенности того, о чем вы узнаете в недалеком будущем и о чем... просил бы я вас умолчать, если вам уже известно...

Стр. 135.

¹ *После:* мерзавца Платонова — не ищите его, когда он исчезнет, не спрашивайте о нем

² *После:* стучуется...— До тех пор, пока имя Платонова не станет для вас пустым звуком, пока он не покроется в вашей памяти густым туманом, до тех пор мы не увидимся!

Стр. 136.

²³ *После:* Пьяница я, Платонов...— Когда был жив мой генерал, я сильно пила... Пила, пила, пила... И буду пить!

Стр. 137.

²⁸ *После:* и я тебя не увижу! — Я пропаду!

²⁹ *После:* Новая жизнь...— Сердись, не сердись, а...

Стр. 143.

²¹⁻²² *После:* сделаю из него человека! — Я укажу ему путь, научу его, как искупить мою грешную жизнь и жизнь моих отцов! Дни и ночи посвящу ему...

²² *После:* твоею радостью! — Далеко пойдет Николай Михайлов Платонов!

²⁹ *После:* Смеешься...— Поцекотал я твое материнское самолюбие...

Стр. 145.

¹⁰ *После:* Каюсь ведь! — Останься, при тебе...

Стр. 146.

⁹⁻¹⁰ *После:* Боже мой! — *(Кусает подушку.)*

¹²⁻¹³ *Ложится на диван. / Смотрит в окно.*

Стр. 146—147.

¹⁴⁻²² В о й н и ц е в *входит и останавливается у двери. С* и *никак не убьют. / На тележку садится.*

Пауза.

Ведь это моя жена, моя семья, теплынь... Куда же она едет?! Что делается! Невероятно! *(Кричит.)* Подсади ее! Чего смотришь? *(Тихо.)* Закрыла платком лицо и одним глазом сюда смотрит... Поехала... Чем всё это кончится, желал бы я знать? Что дальше будет? Ужасно! *(Кричит.)* Он?!

Пауза.

Он... Куда идет? Сюда. Нет, нет, не сюда... Зачем ему идти ко мне? *(Быстро ложится.)* Он гуляет... В эту пору он обыкновенно прогуливается... Дрожишь? Аааа... *(Прислушивается.)* Во всяком случае, нужно приготовиться...

Встречу бодро и не попрошу милостыни... Дам ему поругаться, посквернословить... Шаги? Его? Гм... Сплю, сплю... *(Закрывает лицо.)* Идет... Как жаль, что дверь не заперта.

Войницев показывается в окне.

Платонов. Он к окну подошел... А может быть, это и не он!

Войницев *(в окне)*. Нет его? Гуляет где-нибудь в лесу, мечтает о счастье и убеждает всю вселенную в своей правоте? *(Ложится грудью на подоконник.)* Счастье твое, что нет тебя! Что же делать? *(Думает.)* Войду в комнату и напишу ему вызов на дуэль... Он кичится своими рыцарскими замашками, пусть же теперь придет и подерется! Доставлю ему удовольствие... Не отдам я ему даром, не отдам, хотя бы ее отнимали у меня все права, взгляды и убеждения, взятые вместе! Прав он или не прав — до меня это не касается! Не могу рассуждать! Я страдаю и... мстить хочу! Вот что! Я сумасшедший!

Платонов слегка храпит.

Войницев *(увидев Платонова)*. Это он? Спит... Еще бы... Он может спать! Будь он, подлец, под влиянием хоть десятой доли той обиды, которая нанесена мне, не спал бы он! *(Оглядывается.)* Сейчас... Первый раз в жизни ненавижу и... убью. Сейчас... Сейчас... *(Поднимает кинжал.)*

Платонов *(оскакивает)*. Назад!!

Войницев быстро соскакивает с окна и скрывается.

ЯВЛЕНИЕ X

Платонов (один).

Прошу тебя! Ради бога! Что ты делаешь?! Прочь назад! Я сам убью себя, если ты хочешь моей смерти! *(Стучит ногами.)* Прочь! О несчастный, жалкий!.. Нет его? Исчез? *(Хватает себя за голову.)* Он хотел убить меня! Он, Сергей Войницев, развитой, честный, благородный, любящий человек! Треснуло, надломилось всё то, во что я верил, что любил! Проклятие моей богом оставленной голове! Я довел эту нежную душу до убийства! Я! Несчастьем был я для людей, люди были для меня несчастьем! *(Рыдает.)* Прочь от людей!

Стр. 146.

³² После: богом... — Чем кончу? Известно... Если не умру от чахотки, то кончу тем, что сделаюсь мистиком.

Стр. 147.

⁶ свистит / рыдает

⁶ После: Разумеется... — (Рыдает.) Будь ты проклят.

²⁹ Явление X/Явление XI

³³ После: сейчас же уйду... — ремарка: Пауза.

Стр. 148.

³⁷ После: грязно... — (Плачет.)

Стр. 150.

¹¹ Перед: Софья Егоровна. Вы не волнуйтесь! —

К а т я. Нет его нигде, барыня!

Софья Егоровна. Где вы его искали?

К а т я. Везде, где только можно... В школе все углы перерыла. Двери и окна все настезь, а его нет... В погребе даже была... Плотник около погреба сидит, спрашивала его, не видал ли... и он говорит, что не видал. Думала, что по лесу...

Софья Егоровна. К священнику заходили?

К а т я. Заходила... Батюшка говорят, что они Михаила Васильича целую неделю уж не видели... У дьякона была... У Алексея Макарыча, писаря, была, и тот не знает... Думала, что по лесу прогуливаются... пошла по лесу... Искала, искала...

Стр. 151.

¹⁵ После: Ступайте, Катя, опять! — К батюшке сходите, к тому плотнику...

³⁴ После: Он не любит меня! — Хорошо же! Не любит... Иначе не было бы этой муки... Я люблю его так, как может любить женщина! Люблю все его недостатки... А он!

Пауза.

Нет... Он любит меня... Что-то случилось... Инспектор, может быть, в город зачем-нибудь позвал... Нет, нет... Вчера не пришел, сегодня придет... (Встает.)

Стр. 153.

²¹ После: надменно! — Уму непостижимо! Страшно вспомнить! Знаешь, что было вчера? Вчера я чуть не убил Платонова! Чуть не зарезал его! Не проснись он, я убил бы его! Полез на него с ножом, как разбойник, на спящего, безоружного!

Софья Егоровна. Когда?

В о й н и ц е в. Вчера вечером! Видел он!

Софья Егоровна (садится и закрывает лицо).

Что было?

В о й н и ц е в. Убить его хотел за то, что он отнял у меня мою жену! Не хотел уступить ему тебя даром! Не проснись он, убил бы я его вон тем проклятым кинжалом!

Стр. 154.

³ После: Где он? — Испугался вашего ножа и ушел? Не уйдет он!

⁵ Перед: Где он? — Вы хотели убить его сонного, отчего же вы не убили его, когда он проснулся? Из-за угла бил? Проснувшийся опаснее сонного?

Стр. 155.

⁵ бог и взял / бог и взял, выходит

Стр. 160.

⁴⁻⁵ После: Сергей Павлович! — Ах, вы и представить себе не можете!

Стр. 161.

⁷ После: Не ошибаюсь я! — (Хватает себя за голову.)

²¹⁻²² После: Застрелиться нужно.— (Рыдает.)

Пауза.

³¹ но не... убивай себя! ∞ Горе добьет тебя... / но не пачкай своих рук преступлением... Тебе ли убивать? Тебе ли? Горька обида! Видит бог, что верю твоему несчастью и сам чрез это не менее твоего несчастлив! Для чего же еще преступление? Мстить хочешь? Гм... Но глупа же ведь месть, глупа как дикарь! Что было бы с тобой, если бы тебе удалось ... убийство? Ты... ты пропал бы! Убийство во всяком случае верх всех человеческих подлостей! Ну, положим, я подлость сделал... Но тебе-то, тебе для чего пачкать себя?

Пауза.

Молчишь? Гм... Не понимаешь меня... В таком случае, если уж так велика у тебя жажда мести, если желание мстить берет верх над твоим человеческим достоинством, если горе отшибло у тебя способность рассуждать так, как ты всегда рассуждал, то скажи мне...

³³ себя убьешь / меня убьешь. Самоубийца человечнее убийцы!

³⁶ В о й н и ц е в. Ничего я не хочу. / В о й н и ц е в. Хочу.

П л а т о н о в. Хорошо. Я застрелюсь.

Пауза.

С удовольствием застрелюсь. (*Хлопает его по плечу.*) И развитые люди ни к черту не годятся... Не велика честь жить с такими гус... господами...

Стр. 163.

⁸⁻⁹ *После:* беспокоить папан? — Я пришел к развитому, гуманнейшему противнику смертной казни посоветовать и попросить не убивать... Эх! Ниже пригнись, подальше отверни лицо!

¹⁴⁻¹⁵ *После:* Конец пришел! — Можно теперь и с ножом лезть, можно пустить себе пулю в лоб, оскорбить человека, оскорбить всякое святое чувство!

²⁵ ты ушел! / ты сыркнул с окна! Если бы ты видел меня в эту ночь, ты, жаждущий мести, проглотил бы целый рай!

Стр. 164.

¹⁶ *Перед:* Жалею, что говорил — Черт... с вами!

¹⁹ А н н а П е т р о в н а (*ломает руку*). / А н н а П е т р о в н а (*подбегает к Войницеву*). Сержень... О чем это он... на что это он намекал? Ты был у него вчера?

Пауза.

Говори! Не мучь меня, говори!

В о й н и ц е в. Не нужно...

А н н а П е т р о в н а (*треплет его за плечо*). Говори! Что было?

В о й н и ц е в. Избавьте... Имейте хоть вы сожаление!

А н н а П е т р о в н а. Говори!

Пауза.

В о й н и ц е в. Хотел его убить... Полез на него с ножом... Если б не проснулся, то... Он спал...

А н н а П е т р о в н а. Аа... Теперь понятно... И ты смел после этого называть его подлецом? Хорошо! Что делается, что делается... (*Ломает руки.*)

²⁶ *После:* оскорблять людей! — Лезть на сонного с ножом и потом... потом его же и подлецом называть, его же и выгонять!.. В подметки ты ему не годишься, мальчишка, этому человеку!

Стр. 165.

²⁹ *После:* Идите! — Бог даст, мы помиримся как-нибудь...

Стр. 166.

²⁴ *Перед:* Ничего мне не нужно — Утомился я, Софья, ей-богу, утомился! Вас много, а я один... Пожалейте, пожалейте!

²⁵ *После:* вот что! — Не могу долее тянуть... Довольно и того, что было...

Стр. 167.

¹ После: По всей вероятности...— Я готов теперь на всё, лишь бы только добиться покоя для своего бедного тела.

Стр. 168.

⁶ Анна Петровна. / Анна Петровна (подходит к Софье).

Стр. 169.

⁵ После: не грешно? — (Плачет.)

Стр. 175.

¹⁴ Пауза. / Так-таки и отравиться захотела... Не хватило силенок перетащить на маленьких плечах большое горе. Не остановило и чувство матери...

Пауза.

А всё это я!

²⁹ После: Гамлет боялся свидений...— В гимназии, должно быть, не учился...

³² После: мои грехи! — Прости, идея! Все-таки я ведь...

Стр. 176.

⁴ После: Жить хочется...— Выносили кожа! Ее дерут, содрали, продали, сапоги из нее сшили, сапоги износили, а ей всё жить хочется...

Стр. 177.

²⁰ После: Спросите Трилецкого...— Саше дал противоядие и спас...

Стр. 179.

²² После: Нет, нет...— (Вскрикивает и падает на Платонова.)

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

(Калхас)

Варианты сб. «Сезон» (С), цензурного экземпляра (Ценз.), литографированного издания (Лит.), журнала «Артист» (А), сб. «Пьесы» (П)

Стр. 206.

² Василий Васильич / Василий Васильевич

³ старик 68-ми лет / старик 58 лет (С, Ценз., Лит., А)

⁴ старик / старик с большой, седой бородой (С, Ценз., Лит.)

Стр. 207.

¹⁻² Фразы: Действие происходит на сцене провинциального театра, ночью, после спектакля.— нет. (С, Ценз.)

⁵ завалены хламом / завалены разным театральным хламом (С); завалены разным хламом (Ценз.)

- ⁶ опрокинутый табурет / поваленный табурет (С, Ценз., Лит., А)
- ¹⁵ Умница! Хвалю, мамочка! / Хвалю! Умница! (С)
- ¹⁹ и отвечает / и отвечает на крик (С)
- ²⁰ с меня сегодня / сегодня с меня (С, Ценз.)
- ²³ Пьян! Уф! / Пьян! (С)
- ²⁴ виница и пивица! виница, коньячица, пивица (С)
- ²⁶⁻²⁹ Противно с Уф, боже мой!.. / Эх, не надо бы, старый дуралей, пить! Не надо бы! (С)
- Стр. 208.
- ¹⁻³ *Текста:* а на душе холодно и темно с шут Иваныч... — нет. (С)
- ³ старость-то свою / старость свою (С, Ценз.)
- 4-5 Пауза.
- Старость... / Старость!
- Пауза.
- Да, старость... (С)
- ⁶⁻⁸ а уж жизнь прожита с осталось чуть-чуть / а уж 58 лет — тю-тю! Жизнь-то — мое почтение, кончена! Всё пиво уж выпито и осталось только чуть-чуть (С)
- ⁶⁻⁷ шестьдесят восемь лет / пятьдесят восемь лет (С, Ценз., Лит., А) ¹
- ¹¹ пора уже / пора (С); пора уж (Ценз.)
- ¹¹ *Фразы:* Смерть-матушка не за горами... — нет. (С)
- ¹²⁻¹³ 45 лет / 35 лет (С, Ценз., Лит., А) ¹
- ¹⁴ Да, в первый раз / Да, в первый (С, Ценз.)
- ¹⁶ Черная бездонная яма, точно могила / Черная, бездонная яма, зияющая пасть, из которой глядят тьма и холод...
Пауза.
- Безгранично глубокая и пустынная, словно могила (С)
- ¹⁹ Брр!.. / Бррр... (С, Ценз., Лит., А)
- ²¹ *После:* духов вызывать! — ремарка: Слышен звон к утрене. (С)
- ²¹⁻²² Жутко, чёрт подери... По спине мурашки забегали... / Жутко, однако... (С)
- ²⁴ *Слов:* Ах, боже мой — нет. (С)
- ²⁵ *После:* помирать пора... — Господи, боже мой! (С)
- ³⁰ *После:* помереть можно... — Прости меня, господи... Прости... (Ценз.)

¹ Далее так по всему тексту.

35 увидев / увидав (С)

36-37 Фраз: Зачем? Кого ты? — нет. (С)

Стр. 210.

7 Кто это? Это ты... ты / Это ты (С)

9 ночью / ночью-с (С, Ценз., Лит., А)

24 Господи! / Господи Иисусе! (С, Ценз.)

29 После: помянуть...— ремарка: Пауза. (С)

30-31 в постель уложить / в постель положить (С)

40 кровь течет, а не вода. / течет кровь! (С)

Стр. 211.

1 это всё / всё это (С, Ценз.)

2 был, а? (Поднявшись / был! (Поднимается и (С)

4 в эту яму / на эту яму (С)

6 Гляжу в яму / Гляжу на яму

11 пора-с / пора (С)

14 полюбила одна меня / полюбила меня одна (С)

16-17 Под взглядом ее голубых глаз *с* не могла бы устоять / Я не человека, не женщину видел в ней... В моих глазах это было солнце, перед красотой которого не могла бы устоять (С)

19-20 После: снеговые глыбы! —

Н и к и т а И в а н ы ч. Василь Васильич, ей-богу вам пора спать! Василь Васильич! (Машет рукой.) Наказание с вами! (С)

30-32 Понял я *с* фигляр! / Сцены я не бросил, нет, но глаза мои открылись и понял я многое... Понял я, что я раб, игрушка чужой правды, шут, фигляр! Стало мне казаться, что никакого святого искусства нет, что всё бред и обман. (С)

36 чужд ему / чужд для него (С)

Стр. 212.

1 Прозрел я тогда / Понимаю я их отлично... Тогда же еще прозрел (С)

5 зубоскалов, паясничал / зубоскалил (С, Ценз.)

6 После: талант! — (Бьет себя по груди.) (С)

6-7 Зарыл я талант, опошлил / Опошлил (С)

7-8 После: подобие...— Эххх! (С)

8 Сожрала, поглотила меня / Сожрала меня (С); Сожрала, проглотила меня (Ценз., Лит., А)

14 После: Егорка! — Кто тут есть? Боже, свеча тухнет!

З а н а в е с (С)

Стр. 212—215.

¹⁵⁻¹⁰ *Текста:* Светловидов ∞ Занавес медленно опускается.—
нет. (С)

Стр. 212.

²⁹⁻³⁰ гром — ррр!.. молния — жжж!.. / гром — рррр! молния—
жжжжж! (*Ценз.*)

⁴²⁻⁴³ Топочет ногами / Топают ногами (*Ценз.*)

Стр. 213.

²⁻³ чем под дождем / чем здесь, под дождем (*Ценз., Лит., А*)

¹³ *После:* вас не называл.— (*Закатывается счастливым сме-
хом.*) (*Ценз., Лит., А*)

¹⁵⁻¹⁶ *Ремарки:* закатывается счастливым смехом — *нет. (Ценз.,
Лит., А)*

³⁶ за кого ты / за кого же ты (*Ценз.*)

Стр. 214.

¹³⁻¹⁴ Петрушка и Егорка / Егорка и Петрушка (*Ценз.*)

³² *После:* Никитушка? — (*уходя с Никитой Иванычем*)
(*Лит., А*)

Стр. 214—215.

³³⁻² Прости покой ∞ войн! /

О, если бы угодно было небу
Тяжелые послать мне испытанья,
На голову открытую мою
Полить дождем печали, посрамленья,
Зарыть меня по губы в нищету,
Сковать меня и все мои надежды
и т. д. (*Ценз.*)

Стр. 215.

² *После:* войн! /

Простите вы, смертельные орудья,
Которых гул несется по земле,
Как грозный гром бессмертного Зевеса!
Всё, всё прости! Свершился путь Отелло!
(*Ценз., Лит., А*)

³⁻⁰ *Текста:* Никита Иваныч ∞ Уходит с Никитой Иваны-
чем.— *нет. (Ценз., Лит., А)*

ИВАНОВ

Варианты цензурного экземпляра 1887 г. (Ценз. 87₁)

Стр. 219.

¹¹ в больших сапогах, с ружьем / в больших сапогах и с ружьем

¹² увидев Иванова / Увидав Иванова

²⁵ прикладывает к груди / прикладывает к своей груди

Стр. 220.

² Голубчик, скажите / Скажите, голубчик

⁸ В сущности говоря / В сущности

¹² что это издевательство... / ведь это издевательство.

¹⁴ *Встает и идет / Встает*

¹⁵ даже и поговорить нельзя / даже поговорить нельзя

²⁵⁻²⁶ с такими субъектами / с такими субъектами

³⁴ чёрт подери / чёрт побери

Стр. 221.

³ *за окном / за сценой*

²⁵ Не забывайте еще / Не забывайте

³³ А я забыл... / А я и забыл.

³³⁻³⁴ Поеду, поеду... (*Поет.*) Поеду... / Поеду, поеду!..

³⁴ *Слов: пожую бумаги — нет.*

³⁵⁻³⁶ сначала начинай... / опять сначала начинай.

Стр. 222.

¹ Половина приданого ваша / Половина приданого вам

⁴ серьезно, ей-богу, / серьезно,

⁶ это вам говорю / вам это говорю

¹¹ то через год / мы через год

¹⁵ через неделю / через неделю же

²⁰⁻²¹ строить, и как только / строить. Как только

²⁹ *Ремарки: садится за стол — нет.*

³³ *с Львовым из дома / из дома со Львовым*

³⁵ и грабят и убивают / грабят и убивают

³⁷ Шарлатаны, эксплуататоры / Шарлатаны и эксплуататоры

³⁷⁻³⁸ в какой-нибудь Аркадии / в какой-нибудь счастливой Аркадии

Стр. 224.

¹⁷ по правилам науки / по правилам искусства

Стр. 225.

⁸ учишь всех / всех учишь

¹¹ *Ремарки: встает — нет.*

¹⁶ Ну-ка, научи... / Ну-ка, поучи.

Стр. 226.

⁴ я взволнован и буду говорить / я взволнован — я буду говорить

³² с моей душой / в моей душе

Стр. 227.

¹⁻² *на нижнюю ступень террасы / на нижнюю ступень*

²⁵⁻²⁶ Не шути, граф, вы очень злы. / Не шути — вы, граф, очень злы.

29-30 говорили вы когда-нибудь о ком / говорили ли вы когда-
нибудь о ком-нибудь
34 спокойно, без желчи / покойно, без желчи
35 *Ремарки:* Кашляет.— нет.

Стр. 228.

9-10 милейшая Сарра / милая моя Сарра
16-17 Ш а б е л ь с к и й (*подумав*). Я? Прежде всего поехал бы
в Москву и цыган послушал.
Ш а б е л ь с к и й. Я? (*Подумав.*) Прежде всего по-
ехал бы в Москву, цыган послушать.
18 там квартиру / там квартирку
22 Так бы я и сидел / Так бы и сидел
26-26 Сыграть нам дуэт еще / Сыграть нам еще дуэт
33 мне тридцать пять / мне уже тридцать пять
39 в одиночку с тысячами / в одиночку

Стр. 229.

6-6 честнее и здоровее / и честнее, и здоровее
9-10 перед глазами вертись / на глазах вертись
15-16 что-нибудь сделать. Надо... / что-нибудь сделать.

Стр. 230.

9 из дому / из дома
17 после захода солнца / после заката солнца
20-21 к крокодилу в зубы / крокодилу в зубы
21 чтобы не здесь оставаться... / чтоб здесь не оставаться.
24 ее загрыз, заел!.. / ее заел, загрыз...
30 Езжай... / Поезжай.
31 не будемте есть друг друга!.. / не будем есть друг друга.
38 Да? Ну мерсі, мерсі... / Да?.. мерси, мерси...

Стр. 231.

17 Езжай... / Поезжай...
26 *Реплики Львова:* Вот видите, вы уже кашляете...— нет
29 в шляпе и в пальто выходит / в шляпе и пальто быстро вы-
ходит.
32 *Слова:* Пэх...— нет.
39 Жвините пожалуста!.. / Жвините, пжаласта...
35 звуки гармонийки / звуки гармонии

Стр. 232.

10 *Ремарки:* смеется — нет.
19 может быть, и не лучше / быть мѳжет, и не лучше

Стр. 233.

27 *Ремарки:* встает — нет.

Стр. 234.

14-16 по обе стороны ее на креслах / По обе ее стороны

- ¹⁶ сидят, играют / сидят и играют
Стр. 235.
- ¹² подносит Бабакиной чай / подносит Бабакиной чаю
Стр. 236.
- ⁷ купить револьвер / купить левольвер
³⁷ подносит ему рюмку / подает ему рюмку
Стр. 237.
- ¹⁴ на бубнах: туз / на руках бубны: туз
¹⁸ перебивая / перебивает
³¹ Ремарки: Егорушке.— нет.
³⁷ вы, бабушка, сердитая / вы, бабушка, сердитесь
Стр. 238.
- ¹⁷⁻¹⁸ здоровается / здоровается с ней
²⁵ Не то что жениха / Не то чтоб жениха
³⁰⁻³¹ пить они все мастера / пить-то они все мастера
³⁸⁻³⁹ Фразы: Бывало, и брешешь, и философствуешь, пока язык не отнимется.— нет.
⁴⁰ Ни богу свечка / Ни богу свеча
Стр. 240.
- ⁸ быть ему счастливым... / ему быть счастливым.
²² Твой отец и мать / Твой отец и мать
³⁸ есть нечего было. / есть было нечего...
³⁹ из-за него-то / из-за него
Стр. 241.
- ⁷ Ремарки: горячо — нет.
⁷ вы говорили уж / вы уже говорили
¹¹ хватает духа / хватает духу
²⁰⁻²¹ Накупил он / Накупил
⁴³ не показывай характер / не показывай характера
Стр. 242.
- ⁵ не осквернял себя ложью, хитростью / не осквернил себя ложью и хитростью
⁶ После: о ком-нибудь худо...— Честен, великодушен, доверчив, мягок, как воск —
¹² Если бы вы только / Если б только вы
¹⁹ Дай вам бог / Дай бог вам
²³ Ба... кого вижу / Ба, кого я вижу
²⁵ увидев Зинаиду Саввишну / увидав Зинаиду Саввишну
³⁰⁻³¹ Вы, граф, у нас / Вы у нас, граф,
³⁸ Откуда ты / Откуда это ты
Стр. 243.
- ⁷⁻⁸ тогда и буду ездить... / тогда я буду ездить.

²⁹ сейчас же начнет / сейчас начнет

³⁶ Ну что, уже миллиончик есть, а? / Миллиончик уже есть? А?

Стр. 244.

²¹ у нее чахотка... / у ней чахотка.

²³ все ее так любим... / все так ее любим.

³³ особенного дурного / особенно дурного

³⁶ *Ремарки:* Шабельскому — нет.

Стр. 245.

¹⁻² с мошенниками и с подлецами / с мошенниками и подлецами

¹²⁻¹³ не время с тобой о мировоззрении думать / с тобой не время о мировоззрениях думать

¹⁶ *Ремарки:* пьет — нет.

²⁶ синьорина / синьора

³⁴ хохочет / хохоча

Стр. 246.

²¹ без движений / без движения

³⁴ к пианино / к пъянино

Стр. 247.

¹⁰ муж умер... / муж помер.

¹⁹ *Ремарки:* встает — нет.

³³ закусить что-нибудь... / закусить чего-нибудь.

Стр. 248.

¹ *Ремарки:* идя за ней — нет.

²⁶ забываюсь на минуту / забываюсь на минутку

Стр. 249.

⁴ я догоню вас... / я сейчас догоню.

⁷ *Перед:* Что вам — *ремарка:* ласково.

Стр. 250.

⁴⁻⁵ Ну его, всё к чёрту!.. / Ну его к черту.

⁶ невест мне твоих / невест твоих мне

¹¹⁻¹² умственности... / умственности в голове.

²⁶ в саду... / все в саду.

Стр. 251.

⁶ Какая скука! (*Хохочет.*) / (*хохочет*). Какая скука...

¹⁷ Нет, нет, нет... / Нет, нет и нет...

²⁹⁻³⁰ Выдумываете, Миша, право... И эти дела не делаются так / Выдумываете вы, Миша, право... И эти дела так не делаются

³⁷ *Целует Бабакину / Целует ее*

Стр. 252.

⁸ Мне дурно... графиня... / Графиня... Мне дурно...

¹⁸ нет смысла моей жизни, нет счастья / нет смысла жить,
нет счастья

²⁴ *Слов:* день и ночь — нет.

³⁵ Да? Снова за дело? / Снова за дело? Да?

³⁸ *В ужасе / С ужасом*

Стр. 254.

¹⁸ всем закускам закуска / всем закускам закусточка

²¹ не придумали... / не выдумали.

²⁹ лимончиком / лимончиком, лимончиком

Стр. 255.

³⁸ меня подвести хотите / подвести меня хочется

Стр. 256.

¹⁶ Николай Алексеевич / Николай Алексеевич¹

¹⁷ сам его жду / сам жду его

²⁵ *Ремарки:* Пауза.— нет.

Стр. 257.

³⁰⁻³¹ дама-шесть на руках / дама-шесть на трюках

³⁸ *Перед:* И вдруг несчастье — *ремарка:* графу.

Стр. 258.

³⁴ нынче к вечеру / нынче ввечеру

Стр. 259.

¹ по междоусобному согласию / да по междоусобному согласию

²⁵ *Ремарки:* Входят Иванов и Львов.— нет.

Стр. 260.

³⁰ Жена послала... / Жена прилала...

³⁹ Мне самому совестно, Папа / Папа, мне самому совестно

Стр. 262.

¹⁷ а взгляни по-дружески / а... а взгляни по-дружески

³⁰⁻³¹ все равно что самовар / что самовар

³³ но да ведь / ну да ведь

³⁵ Николаша, ты выскочишь из беды / ты выскочишь из беды,
Николаша

Стр. 263.

²²⁻²³ светляки, говорит, светят ночью только / говорит, светляки
светят только ночью

Стр. 264.

²⁸ не могли подождать? / не могли бы подождать?

Стр. 265.

⁸ судить друг об друге / судить друг друга

⁹ внешним признакам. / признакам.

---

¹ Далее так по всему тексту.

²⁰ Фразы: Чего вы добиваетесь? — нет.

Стр. 266.

²¹ увози меня / увези меня

³⁷ Ремарки: Плачет. — нет.

Стр. 267.

¹³⁻¹⁴ говорить не умею... / не умею говорить.

Стр. 268.

¹⁴⁻¹⁵ каждый день возите старика... / возите каждый день старика?

³⁶ сюда сейчас / сейчас сюда

Стр. 270.

³ оскорбить тебя... / оскорбить...

⁸ с языка сорвется слово!.. / сорвется с языка слово...

³¹ Погодите! / Погодите же...

Стр. 271.

²⁴ приехал бы я сюда / приехал бы сюда

Стр. 272.

²⁶ тронуть нельзя... / тронуть нельзя: в графини лезет...
Ах волк те заешь...

Стр. 273.

² в венчальном платье / в венчальное платье

⁴ Косыху / Косых

¹³ передать мне тебе / мне передать тебе

²⁴⁻²⁵ будут / будут еще

Стр. 274.

⁹ я вам говорила / говорила я вам

¹³ потом ушли / потом уж ушли

¹⁵ Оставьте меня в покое. / Оставьте нас в покое...

¹⁷ ножом пырну / ножиком пырну

Стр. 275.

⁶⁻⁷ на тебе жениться / жениться на тебе

⁸ Он твой друг, папа... / Папа, он твой друг...

¹⁶ голова повязана / с головой, повязанной

¹⁶ После: мокрым полотенцем — томно.

²⁸⁻²⁹ Я благословлю, / Я благословляю...

³⁰ благословлю / благословляю...

Стр. 276.

¹⁷ дорогая моя / дорогая

³¹⁻³² Поезжай в церковь / Езжай в церковь

Стр. 278.

² ты, Шурочка / ты, Шура

⁹ удерживая его / удерживает его

¹¹⁻¹² здоровым и сильным / здоровым, сильным

¹⁶ покрылась вдруг вся / вдруг вся покрылась

⁴² в голове накопилось / накопилось в голове

Стр. 278—279.

⁴³⁻¹ необыкновенного, удивительного / необыкновенного и удивительного

Стр. 279.

¹⁰ как и все / как все

²²⁻²³ Шурочка / Шурка

³² заветные десять тысяч / заветные деньги десять тысяч

Стр. 280.

²⁶ чверезый / тверезый

Стр. 282.

¹⁰ больше нет / больше нетусь

¹¹ что за беспорядки / что за беспорядок

¹³ к виолончелю / к виолончели

¹⁶ Косых / Косыху

²¹ женихом с невестой / женихом и невестой

Стр. 283.

⁵⁻⁶ в самом деле, что ты / что ты в самом деле

¹⁰ но и всем / но даже всем

¹² объявил меня / меня объявил

²² езжай домой / езжай ты домой

Стр. 285.

¹⁷ твоим унылым видом. / своим унылым видом.

Стр. 286.

²¹ Идите скорее / идите скорей

²⁴ должны дать / должны дать мне

Стр. 288.

¹⁷ меня оставлять / оставлять меня

²³ Что же это такое? / Что же это значит?

³⁸ чувствуется / всюду чувствуется

Стр. 289.

⁷⁻⁸ После: будем иметь состояние...— Дело выгодное и пойдет у нас, как по маслу.

¹⁹⁻²⁰ нужно же / нужно

³⁰ копейки жаль / копейки жалко

³³ Ремарки: решительно — нет.

Стр. 290.

¹ Нет, нет, нет, нет... / Нет, нет, нет...

¹⁴ на колени стану / на колени встану

Стр. 291.

⁵ После: Уходит.— Туш и ура.

³⁰ После: вон из этого проклятого уезда...— Ну, пора...

Стр. 292.

⁴ *Иванов бебегает / Иванов выбебегает*

²⁵ раскрыть вам глаза / раскрыть вам всем глаза

²⁸ не платить моей матери долга? / не платить моей матери долги?

³⁰⁻³¹ известно всему уезду / известно по всему уезду

МЕДВЕДЬ

*Варианты газеты «Новое время» (НВ),
цензурного экземпляра (Ценз.), литографированного издания
(Лит.),
журналов «Артист» (А), «Будильник» (Б), сб. «Пьесы» (П)*

Стр. 293.

³ (Посвящена Н. Н. Соловцову) / в НВ и П нет; Посвящается Н. Н. Соловцову (Ценз., Лит., Б)

Стр. 295.

⁶ Горничная и кухарка / Горничные и кухарки (НВ, Ценз., Лит., А, Б)

¹⁸ Не весь же век / Не весь век

²⁹ Молодая, красивая / Молодые, красивые (НВ, Ценз., Лит., А, Б)

³³ ан поздно будет / да уж поздно будет

³⁵ Ты знаешь, с тех пор / Ты знаешь, что с тех пор (НВ, Ценз., Лит., А, Б)

Стр. 296.

⁵ для тебя / что для тебя (Ценз., Лит., Б)

⁶ он часто / что он часто (НВ, Ценз., Лит., А, Б)

¹³ После: в гости...— ей-богу... (НВ, Ценз., Лит., Б)

²⁶ Слушаю-с! / Слушаю... (НВ, Ценз., Лит., А)

³⁵ делал сцены / делал мне сцены (НВ, Ценз., Лит., Б)

Стр. 298.

⁵ ты сказал / ты сказал ему (НВ, Ценз., Лит., Б)

¹⁵ Ремарки: Лука уходит.— нет. (НВ, Лит., А, Б)

²⁵⁻²⁶ Григорий Степанович / Григорий Степаныч (НВ, Ценз., Лит., Б)

Стр. 299.

³⁴⁻³⁵ После: не сердиться — чёрт меня возьми совсем? Как я могу не сердиться? (НВ)

Стр. 300.

⁷ к этим странным выражениям, к такому тону / ни к этим странным выражениям, ни к такому тону

- 13-14 пужпо платить / нужно платить завтра (НВ)
 16 мне что прикажете / что прикажете мне (НВ)
 24-25 Узнаете вы меня! / Вы узнаете у меня Сидорову козу и
 Кузькину мать, в рот вам дышло, сто чертей и одна ведь-
 ма! (НВ)
 26 Останусь и буду торчать здесь / Останусь здесь и буду
 торчать тут (НВ); Останусь здесь и буду торчать здесь
 (Ценз., Лит., А); Останусь здесь и буду торчать (Б)
 27 Брр!.. / Бррр... (НВ, Ценз., Лит., А, Б)¹
 27 как я зол / как зол (НВ)

Стр. 301.

- 3 я никогда / никогда (НВ, Ценз., Лит., А)
 6 этот шлейф / этот турнюр

Стр. 302.

- 10 Лука уходит / Уходит (НВ, Ценз., Лит., А, Б)
 15 Попова и Смирнов / Смирнов и Попова
 (НВ, Ценз., Лит., А, Б)
 24 деньги нужны / что деньги нужны (НВ, Ценз., Лит., Б)
 35 заплатить / платить

Стр. 303.

- 21 После: бросили меня — и теперь я знаю отлично², как
 держать себя с ними (НВ, Ценз., Лит., А, Б)
 34 После: мелочны — шkodливы, как кошки, трусливы, как
 зайцы (НВ)

Стр. 304.

- 4 повесьте меня вот на этом гвозде вверх ногами / повесьте
 меня вверх ногами вот на этом гвозде (НВ)
 37-38 а я всё еще верна ему / а я всё еще верна (НВ, Ценз.,
 Лит.); и я всё еще верна (Б)

Стр. 305.

- 9 не позабыли напудриться / не позабыли надеть турнюр и
 напудриться (НВ, Ценз., Лит., А, Б)
 13-14 настоящими их именами / настоящим их именем (НВ,
 Ценз., Лит., А, Б)
 21-22 После: ни копейки не получите! — Через год получите!
 (НВ, Ценз., Лит., А, Б)
 30 Как я зол! / Как зол! (НВ, Ценз., Лит., Б)
 38 После: Звопит.— Входит Лука (НВ, Ценз., Лит., Б)

Стр. 306.

- 5 когда велят / коли велят (НВ)

¹ Далее так по всему тексту,

² В НВ: я отлично знаю

⁶ вскакивая / вскакивает (НВ)

¹¹ Где же Даша? Даша! / Где же Даша? (НВ)

¹⁷⁻¹⁸ Вы мужик! / Вы нахал! Мужик! (НВ)

²⁰ вы медведь / вы нахал, медведь (НВ)

²⁴ я вас боюсь / я боюсь вас (НВ)

²⁵⁻²⁶ если вы поэтическое создание / если вы в турнире, если вы — поэтическое создание (НВ, Ценз., Лит., Б)

³¹ После: Бурбои вы этакий! — Бревно грубое! (НВ)

Стр. 308.

⁶ После: как цыпленка! — Мокрого места не останется! (НВ)

¹¹⁻¹² стреляться собираешься / стрелять собираешься (НВ, Ценз., Лит., Б)

²⁷ Хоть и ямочки на щеках / Хоть турнир, хоть ямочки на щеках (НВ, Ценз., Лит., А, Б)

²⁸ и злость прошла / Ей-богу, и злость прошла (НВ, Ценз., Лит., Б)

³¹ Те же и Попова / Смирнов, Лука и Попова (НВ, Ценз., Лит., А, Б)

³⁶ Спаси, господи, и помилуй... / Спаси и помилуй, господи... (НВ)

Стр. 309.

³²⁻³³ берет фуражку / берет шляпу

³⁴ Слов: затем он говорит — нет. (НВ, Ценз., Лит., А, Б)

Стр. 310.

⁴ буду стрелять / стрелять буду (НВ, Ценз., Лит., А, Б)

⁵⁻⁶ какое счастье умереть под взглядами / какое счастье умереть под взглядом (НВ)

¹⁹ Сошел с ума / Я сошел с ума (НВ, Ценз., Лит., А, Б)

²⁵ После: Стыд, срам! — Такое я теперь переживаю пакостное положение, что вы и представить себе не можете! (НВ, Ценз., Лит., А, Б)

²⁸⁻²⁹ быстро идет / быстро шагает (НВ, Ценз., Лит., Б)

³⁴⁻³⁵ как я зла, как я зла / как я зла, как зла (НВ); как я зла, как зла, как зла (Б)

Стр. 311.

² влюбляться в вас / в вас влюбляться (НВ)

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Варианты цензурного экземпляра (Ценз.), литографированного издания (Лит.), газеты «Новое время» (НВ), журнала «Артист» (А), сб. «Пьесы» (П)

Стр. 314.

⁴⁻⁵ *Слов:* здоровый, упитанный, по очень мнительный помещик — нет.

Стр. 315.

³ Ч у б у к о в и Л о м о в *о перчатках* / Ч у б у к о в и Л о м о в. Л о м о в (*входит; он во фраке и в белых перчатках*) (Ценз., Лит., НВ, А)

Стр. 316.

⁶⁻⁷ Иван Васильевич! / Иван Васильич!¹ (Ценз., А)

¹⁵⁻¹⁶ Ох, я от души / Ох, боже мой! Я от души (Ценз., Лит., НВ)

³⁶ я вспылчив / вспылчив (Ценз., Лит., НВ, А)

Стр. 318.

⁶ Наталья Степановна и Ломов / Ломов и Наталья Степановна (Ценз., А)

⁶⁻⁷ Ну вот, ей-богу! / Ну вот! (НВ, А)

¹⁸ Погода великолепная / Погода великолепная, слава богу (Ценз., Лит., НВ)

³³ краток / короток (Ценз., А)

Стр. 319.

²⁹ Из бумаг это видно / И из бумаг это видно (Ценз., Лит., НВ, А)

⁴⁰ *После:* рассказывает! — Крестьяне тут не при чем. (Ценз., Лит.)

Стр. 320.

²⁹⁻³⁰ давали вам свою молотилку / давали вам своей молотилки (Ценз., Лит., НВ, А)

Стр. 321.

²⁰ Те же и Ч у б у к о в. / Л о м о в, Н а т а л ь я С т е п а н о в н а и Ч у б у к о в. (Ценз.)

²⁴ *После:* или ему? — Л о м о в. Да, да, чьи Лужки?

²⁶ откуда / откуда же (Ценз., Лит., А)

³⁴ Лужки тогда были / тогда Лужки были (НВ, А)

Стр. 322.

¹ упускать / уступать (Ценз., Лит., НВ, А)

²⁰ *После:* Ч у б у к о в. — Замолчи! (Ценз., Лит.)

---

¹ Далее так по всему тексту.

²² *После:* Наталья Степановна.— Не замолчу!
(*Ценз., Лит.*)

²⁷ *После:* Можете! —

Наталья Степановна. Хоть сто, хоть двести судов, а я не уступлю, не уступлю, не уступлю!

Чубуков. Замолчи! (*Ломову*) (*Ценз., Лит.*)

³⁵ *После:* Чубуков.— Замолчи! (*Ломову*) (*Ценз., Лит.*)

Стр. 323.

¹⁰ *После:* Да-с.— Наталья Степановна. Этак соседи не поступают! (*Ценз., Лит.*)

¹² Ох!.. / Ох, боже мой... (*Ценз., Лит., НВ*)

¹⁷ *После:* Мы увидим! — А косарей сию мивуту пришло!
(*Ценз., Лит.*)

²⁷ *После:* Чубуков.— Замолчи! (*Ценз., Лит.*)

Стр. 324.

⁴ *После:* Что тебе? — Боже мой! (*Ценз., Лит., НВ*)

²⁰ *После:* Нет, ты! — Ты не воспитан и груб! Если бы не ты, то он не ушел бы!

²¹ Я же виноват / Я же и виноват (*Ценз., А*)

²¹ *После:* вот именно! — Ну, погоди же, матушка, и тому подобное: если я застрелюсь или повешусь, то знай, что ты виновата! Ты! Ты меня довела до этого!¹

Стр. 325.

⁴ *После:* о чем-нибудь другом.— Были в Никитовке на ярмарке? (*Ценз., Лит.*)

⁸⁻⁹ *После:* Будет, будет об этом...— Забудем.

Пауза.

Ломов. А Лужки мне не нужны, бог с ними, но я из принципа...

Наталья Степановна. Будет, будет...
(*Ценз., Лит.*)

Стр. 328.

⁶ *После:* Угадай? — Чубуков. Ты опять споришь? Опять? Терпеть я этого не могу! (*Ценз., Лит.*)

¹⁰ *После:* Чубуков.— Подуздоват... (*Ценз., Лит.*)

¹⁵ *После:* качества...—

Наталья Степановна. Никаких!

Чубуков. (*Ценз., Лит.*)

²⁷ *После:* Неправда-с!..— Доезжачий невежа, пьяница, потому и ударил. (*Ценз., Лит.*)

---

¹ В П: ты виновата! Ты меня довела до этого! Ты!

Стр. 329.

¹ После: Ч у б у к о в. — Замолчи! (Ломову) (Ценз., Лит.)

² сердцебиениями / болезнями (Ценз., Лит., НВ, А)

¹³ После: Щенок! — Ходячая аптека!

¹⁴ После: Иезуит! — Я вас отлично знаю!

¹⁶ После: Свистун! —

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Откатай в миллион
раз лучше Угадай! Волосья Лужки наши! Вот вам!

Ч у б у к о в. Волосья Лужки наши! (Ценз., Лит.)

²⁶ После: Свистун! — Дурно! (Ценз., Лит.)

³⁷ Ох!.. / Ох, боже мой... (Ценз., Лит., НВ)

Стр. 330.

²⁻³ Дайте мне нож! ∞ пистолет! / Дайте мне ножа! Дайте мне
пистолета! (Ценз., Лит., НВ, А)

²⁷ После: Хуже! —

Л о м о в. Лучше!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Хуже! (Ценз., Лит.,
НВ, А)

ПРИМЕЧАНИЯ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архивохранилища

- ГБЛ** — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Отдел рукописей (Москва).
- ГЛМ** — Государственный литературный музей (Москва).
- ГЦТМ** — Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва).
- ИРЛИ** — Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Рукописный отдел (Ленинград).
- ЛГГБ** — Ленинградская государственная театральная библиотека им. А. В. Луначарского.
- ЛТМ** — Ленинградский театральный музей.
- ЦГАЛИ** — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).
- ЦГАМ** — Центральный государственный архив г. Москвы.
- ЦГИА** — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

Печатные источники

- Вокруг Чехова** — М. П. Чехов. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. Изд. 4-е. М., «Московский рабочий», 1964.
- Записки ГБЛ** — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Записки Отдела рукописей (вып. VIII, А. П. Чехов. М., 1941; вып. 16. М., 1954).
- ЛН** — «Литературное наследство», т. 68. Чехов. М., Изд-во АН СССР, 1960.
- Письма Ал. Чехова** — Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова. М., Соцэкгиз, 1939 (Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина).
- Слово** — «Слово». Сборник второй. К десятилетию смерти А. П. Чехова. Под ред. М. П. Чеховой. Книгоиздательство писателей в Москве, 1914.
- Чехов** — Антон Чехов. Пьесы. Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1904 (Сочинения, том VII₁); Пьесы. Второе, дополненное издание. СПб., 1902 (Сочинения, том VII₂).
- Чехов в воспоминаниях** — А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., ГИХЛ, 1960.

- Чехов в воспоминаниях, 1954* — Чехов в воспоминаниях современников. Второе, дополненное издание. М., ГИХЛ, 1954.
- Чехов. Лит. архив* — А. П. Чехов. Сборник документов и материалов. М., Гослитиздат, 1947 (Литературный архив, т. I. ГАУ МВД СССР. ЦГЛА СССР).
- Чеховский сб.* — Чеховский сборник. Найденные статьи и письма. Воспоминания. Критика. Библиография. М., Изд. Общества А. П. Чехова и его эпохи, 1929.

В ссылках на настоящее издание указываются серия (Сочинения или Письма), том (римскими цифрами) и страницы (арабскими).

В одиннадцатый том входят пьесы Чехова, написанные с 1878 по 1888 год.

Первая юношеская пьеса («Безотцовщина») при жизни Чехова не публиковалась и была напечатана по авторской рукописи в 1923 г. Н. Ф. Бельчиковым. Хронологически за нею следует драматический этюд «На большой дороге», запрещенный в 1885 г. цензурой. Остальные четыре пьесы: «Лебединая песня (Калхас)», «Иванов», «Медведь», «Предложение» — неоднократно печатались и ставились, начиная с 1887 г.; все они вошли затем в сборник «Пьесы», выпущенный в 1897 г. А. С. Сувориным, и в марксовское издание сочинений Чехова.

В 1886 г. Чеховым была написана сцена-монолог «О вреде табака», тогда же опубликованная в «Петербургской газете» и включенная в сборник «Пестрые рассказы». В 1902 г. пьеса была радикально переделана (см. т. XIII Сочинений).

В настоящем издании «Безотцовщина» печатается по автографу (*ЦГАЛИ*); «Лебединая песня (Калхас)», «Медведь», «Предложение» — по т. VII (1901) издания А. Ф. Маркса (тексты этих пьес во втором издании т. VII в 1902 г. стереотипно повторяли первое); драматический этюд «На большой дороге» — по рукописному цензурному экземпляру (*ЛГТБ*); ранняя редакция «Иванова» — по машинописному цензурному экземпляру (*ГЦТМ*).

Все пьесы располагаются в хронологическом порядке (по времени написания), при этом первая драма «Безотцовщина» и драматический этюд «На большой дороге» не отнесены в раздел «Неопубликованное. Неоконченное»: не напечатанные при жизни Чехова, они были подготовлены автором к постановке и полностью завершены.

Отдельные «мелочишки» — сценки, юморески, подписи к рисункам, фельетоны, пародии и т. д., написанные в драматической форме, но не предназначенные для сценического исполнения, — помещены в соответствующих томах прозы: «Дура, или Капитан в отставке» — «сценка из несуществующего водевиля» (1883), «Нечистые трагики и прокаженные драматурги» — «ужасно-страшно-возмутительно-отчаянная трагедия» (1884) — в т. II; «Идеальный экзамен» (1884), «Кавардак в Риме» — «комическая странность в 3-х действиях, 5-ти картинах, с прологом и двумя провалами» (1884), «Язык до Киева доведет» (1884), «Господа обыватели» — «пьеса в двух действиях» (1884), «У постели больного» (1884), «На Луне» — «сцена, не попавшая в феерию Лентовского „Путешествие на Луну“» (1885) — в т. III; «Драма»

(1886) — в т. V; «Перед затмением» — «отрывок из феерии» (1887) — в т. VI.

Рукопись «Безотцовщины» сохранилась без заглавного листа. Название пьесы восстанавливается по письму Ал. П. Чехова от 14 октября 1878 г. (см. стр. 396). В воспоминаниях младшего брата Чехова, Михаила Павловича, неоднократно упоминалось то же название. Неизвестно, изменил ли его Чехов впоследствии, но единственным заголовком, подтвержденным документально, остается «Безотцовщина». Это заглавие соответствует также идейному замыслу пьесы.

Сам факт обнаружения после смерти Чехова его большой юношеской пьесы принципиально важен для понимания творчества Чехова в целом. Даже близко знакомые Чехову люди, например, И. Л. Леонтьев (Щеглов), полагали, что «Медведь» — первая его пьеса: «Драматургом же сделался он, можно сказать, печально, понав однажды в театр Корша на представление заграничной одноактной пьески „Победителей не судят“...» (*Чехов в воспоминаниях, 1954*, стр. 150). Существование ранней драмы ясно свидетельствует, что Чехов-художник начинал свой писательский путь не с водевилей, не с простеньких юмористических безделушек и мелочишек, не требующих особенного таланта и труда, а с большой четырехактной драмы, которую предполагал поставить на сцене Малого театра в бенефис М. Н. Ермоловой.

Уже в первых суждениях о пьесе, тогда еще не напечатанной (см. в примечаниях выдержку из статей 1914 г.), высказывалась справедливая мысль о близости ранней драмы к пьесе «Иванов». Сопоставление идейного замысла и основных персонажей пьес (Платонов — Иванов, Трилецкий — Львов, Софья Егоровна — Саша) приводит к выводу, что «Безотцовщина» была использована Чеховым как драматургический материал для «Иванова». Фамилия Войничев возобновилась в Войничском из «Лешиного» и «Дяди Вани». Персонажи «Трех сестер» (Ирина, Тузенбах) тоскуют по работе, по «труду в поте лица». Исток этой идеи также заложен в первой пьесе (монолог Софьи Егоровны в д. III, явл. 1). Сюжетная основа последней комедии Чехова — «Вишневый сад» — может быть сопоставлена с мотивом продажи имения в «Безотцовщине».

Далекий и явственный след оставил в книгах зрелого Чехова образ конокрада Осипа, предшественник бродяги Мерика из драматического этюда «На большой дороге» и рассказа «Воры» (1890). Осип — психологический прототип Дымова из «Стенц» и родоначальник целой группы «вольных» людей из рассказов 1883—1887 гг. («Он понял!», «Егеря», «Агафья», «Свирель», «Мечты» и др. См. подробнее о связи первой драмы с последующими пьесами и рассказами: Н. К. П я н о в. Романтический герой в творчестве Чехова (образ конокрада Мерика). — *Чеховский сб.*; Л. О с и п о в а. «Пьеса без названия» и ее проблематика. — В кн.: А. П. Чехов. Сборник статей и материалов. Вып. 2. Ростов н/Д, 1960; М. П. Г р о м о в. Первая пьеса Чехова. — В кн.: Литературный музей А. П. Чехова. Таганрог. Сборник статей и материалов. Вып. 3. Ростов н/Д, 1963). Обширная литература о первой пьесе существует за рубежом. В частности, в книге «Чехов...» Даниэль Жиллес писал: „Платонов“ — это кулисы, из-за

которых чеховские типы выйдут на свет рамп в „Иванове“, „Трех сестрах“, „Вишневом саде“ (. . .) Этот молодой человек, вчера еще подросток, несомненно, глубокий драматург. В первой же своей попытке он пробует опрокинуть существующие драматические правила и заменить их своими. Мало того, что он ничего не заимствует у своих предшественников, он стремится революционизировать театр своего времени, создавая пьесу без сюжета, комедию, основа которой, в своем третьем измерении, глубоко драматична» (Daniel Gillès. Tchekhov ou le spectateur désenchanté. Julliard, 1967, p. 81—83).

Под заглавием «Безотцовщина», заключенным в редакторские скобки, пьеса печаталась в т. XII Полного собрания сочинений А. П. Чехова, вышедшем в 1933 г. (под редакцией А. В. Луначарского и С. Д. Балухатого). В 20-томном Полном собрании сочинений и писем (т. 12, М., 1949) и в 12-томном Собрании сочинений (т. 9, М., 1963) это заглавие было снято, и драма помещена под редакторским обозначением: «(Пьеса без названия)».

С начала 1930-х гг. ранняя пьеса Чехова в сокращенных режиссерских вариантах и под разными названиями шла в театрах Западной Европы: в Лондоне, Праге, Турине, Милане, Риме. В 1956 г. французский режиссер Жан Вилар показал ее в Бордо на театральном фестивале. О польских постановках 1962 и 1963 гг. см.: Ренэ С л и в о в с к и й. Польская инсценировка «Пьесы без названия» («Платонов» А. П. Чехова). — В кн.: Страницы истории русской литературы. М., 1971.

В СССР драма была поставлена к столетию со дня рождения Чехова. В 1957—1960 гг. Псковский, Московский драматический, Казахский русский драматический театр, Театр им. Вахтангова и другие показали ее в различных сценических редакциях. Большинство постановок прошло с названием «Платонов».

2

Драматические этюды «На большой дороге» и «Лебединая песня (Калхас)» представляют собой авторские переделки рассказов «Осенью» (1883) и «Калхас» (1886).

Известно, что рассказы Антоши Чехонте очень скоро вошли в репертуар эстрадного чтения. В 1883 г. Чехов писал брату Александру Павловичу: «...на литературных вечерах рассказываются мои рассказы» (13 мая 1883 г.; о том же — М. Е. Чехову, 18 января 1887 г.).

При переделке сохранялся основной драматический конфликт, оставались неизменными многие реплики и диалоги, но действие обычно расширялось, вводились дополнительные персонажи и сцены.

Специально для театра были написаны два водевиля: «Медведь» и «Предложение».

Хотя в письмах Чехова можно найти много иронических и даже бранных слов о своих «сценических безделках», очевидно, что малым комическим формам Чехов придавал большое значение и не видел принципиальной разницы между большими и маленькими пьесами: «Между большой пьесой и одноактной разница только количественная» (А. С. Суворину, 14 октября 1888 г.).

После успеха «Медведя» в театре Корша (премьера — 28 октября 1888 г.) Чехов писал шутиливо Леонтьеву (Щеглову): «Я сделаюсь популярным водевилистом? Эка, хватили! Если всю свою жизнь я с грехом пополам нацарапаю с десяток сценических безделиц, то и на том спасибо. Для сцены у меня нет любви (. . .) В этот сезон напишу один водевильчик и на этом успокоюсь до лета. Разве это труд? Разве тут страсть?» (2 ноября 1888 г.). Но спустя три дня он сетовал в письме к Н. А. Лейкину: «Жаль, что у меня нет времени и охоты писать юмористику для сцены» (5 ноября 1888 г.). И 23 декабря того же года: «Когда я испишусь, то стану писать водевили и жить ими. Мне кажется, что я мог бы писать их по сотне в год. Из меня водевильные сюжеты прут, как нефть из бакинских недр» (Суворину).

В 1888 г., едва отправив в «Северный вестник» повесть «Степь», Чехов закончил водевиль «Медведь» и признавался по этому поводу: «Ах, если в „Северном вестнике“ узнают, что я пишу водевили, то меня предадут анафеме! Но что делать, если руки чешутся и хочется учинить какое-нибудь тру-ла-ла! Как ни стараюсь быть серьезным, но ничего у меня не выходит (. . .) Должно быть, планида моя такая» (Я. П. Полонскому, 22 февраля 1888 г.).

Тогда же в разговорах с друзьями-литераторами Чехов заметил, что водевиль — «не пустяки», что «ничего нет труднее, как написать хороший водевиль. И как приятно написать его!», а Леонтьеву (Щеглову) советовал не бросать водевили: «Это благороднейший род и который не всякому дается!» (*Чехов в воспоминаниях, 1954*, стр. 152).

В одном из писем Суворину сказано: «Про Сократа легче писать, чем про барышню или кухарку. Исходя из этого, писание одноактных пьес я не считаю легкомыслием (. . .) Если водевиль пустяки, то и пятиактные трагедии Буренина пустяки» (2 января 1894 г.).

В Ялте, тяжело больной, Чехов говорил И. А. Бувицу, вспоминая «Тамань» Лермонтова: «Вот бы написать такую вещь да еще водевиль хороший, тогда бы и умереть можно!» (И. А. Бувица и н. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 9, М., 1967, стр. 185).

Водевиль Чехова шли с большим успехом на профессиональных сценах, в том числе столичных «императорских театров», и чрезвычайно быстро перешли в провинцию и репертуар любителей театрального искусства (см. подробно в примечаниях к пьесам «Медведь» и «Предложение»).

12 сентября 1889 г. М. П. Чехов извещал из Москвы двоюродного брата в Таганроге: «У нас теперь три драматических театра: 1. Горевой, 2. Абрамовой и 3. Корша. Четвертый — императорский (Малый). Смотри — не хочу! Во всех трех каждый день жарят Антошины пьесы: у Горевой — „Предложение“, у Абрамовой — „Медведь“, а у Корша — „Иванов“» (*ЛН*, стр. 857). В конце 80 — начале 90-х гг. шутка «Медведь» ставилась также в Харькове, Киеве, Полтаве, Новочеркасске, Таганроге, Ревеле, Кронштадте, Томске, Иркутске, Тифлисе, Ярославле, Иваново-Вознесенске, Воронеже, Костроме, Симбирске, Пензе. 20 декабря 1889 г. В. В. Билибин писал Чехову: «„Медведь“ и „Предложение“ завоевали всю Россию» (*ГБЛ*).

Самое значительное произведение, созданное Чеховым-драматургом в 80-е гг., — пьеса «Иванов».

В этом томе помещена ранняя редакция этой пьесы (написана и поставлена на сцене в 1887 г.), отнесенная Чеховым к жанру «комедии». В 1888 и 1889 гг. пьеса перерабатывалась, в результате чего была создана другая редакция, где все действие концентрируется вокруг центрального героя. И произошла коренная перестройка жанрово-стилистической структуры пьесы, которую Чехов назвал теперь уже «драмой». Текст ее печатается в т. XII.

Некоторым современникам ранняя редакция пьесы казалась более удачной и правилась больше, чем окончательная. Например, артист В. Н. Давыдов поначалу даже отказывался играть в «драме» и безусловное предпочтение отдавал «комедии», которую в свое время принял горячо и с восторгом (письмо Чехову от 22 января 1889 г. — ГБЛ). Позже артистка М. А. Крестовская, несмотря на то что на сцене уже прочно утвердился текст «драмы», все-таки просила Чехова выслать для спектакля в Вологде не «драму», где, по ее мнению, «очень много пропусков в роли Иванова и вообще урезок в пьесе», а непременно первоначальную редакцию (3 октября 1896 г. — ГБЛ).

Замышляя эту пьесу, Чехов «слеял дерзкую мечту суммировать всё то, что доселе писалось о поющих и тоскующих людях, и своим „Ивановым“ положить предел этим писапьям» (Суворину, 7 января 1889 г.).

Среди этих «писаний» можно назвать повесть И. И. Ясинского (Максима Белинского) «Бунт Ивана Иваныча» (1882 г.; переиздана в 1886 г.). «О ней Чехов потом говорил мне, — вспоминал Ясинский, — что она дала ему мысль написать своего „Иванова“, возведя безвольного русского человека в „перл создания“» (Иер. Я с и н с к и й. Роман моей жизни. Книга воспоминаний. М. — Л., 1926, стр. 108).

Другое произведение, которое могло послужить толчком к написанию «Иванова», — драма И. В. Шпажинского «Сам себе враг», опубликованная в 1887 г. (см.: В. Е. Х а л и з е в. Русская драматургия накануне «Иванова» и «Чайки». — «Филологические науки», 1959, № 1, стр. 23).

В некоторых персонажах «Иванова» современники узнавали черты реальных лиц, которые могли явиться прототипами при создании пьесы. Так, В. П. Бегичев, в прошлом светский лев и злой остряк, с которым Чехов познакомился в Бабкине в 1885 г., послужил, по мнению М. П. Чехова, оригиналом для графа Шабельского (Михаил Ч е х о в. Об А. П. Чехове. — «Журнал для всех», 1905, № 7, стр. 415; М. П. Ч е х о в а. Из далекого прошлого. М., 1960, стр. 47; ср.: А. В. А м ф и т е а т р о в. А. П. Чехов. Еще о письмах Антона Чехова. — Собр. соч., т. 14, СПб., 1912, стр. 181—182). Сама фамилия Шабельских, широко известная, коренная на Дону, воспринималась современниками как «уж чересчур существующая» и «известная в литературе» (В. Л. К и г и н - Д е д л о в. Беседы о литературе. А. П. Чехов. — «Книжки Недели», 1891, № 5, стр. 208; здесь говорилось о рассказе Чехова «Пустой случай», в котором тоже встречалась фамилия Шабельских. Она была использована и в другом расска-

зе — «Зиночка»). В качестве прототипа Зинаиды Савишны называлась пекая Федосья Васильевна, богатая вдова и владелица большой усадьбы под Таганрогом, затем — жена И. П. Селиванова, у которого Чехов гостил в 1875 г.: «Эту Федосью Васильевну А. П. описывал потом не раз в своих произведениях, и она послужила для него прототипом для его Зюзюшки с ее кружовенным вареньем в драме „Иванов“» (см.: М. П. Чехов. Антон Чехов на каникулах. — *Чеховский сб.*, стр. 105; *Чехов в воспоминаниях*, стр. 80).

Но прежде всего пьеса «Иванов» — итог собственных раздумий Чехова о «сломленном», «потерянном» поколении 80-х гг. Сам Чехов считал, что своим Ивановым он «создал тип, имеющий литературное значение» (Ал. П. Чехову, 10 или 12 октября 1887 г.). В образе Иванова запечатлено знамение времени: нравственная болезнь современного человека, его душевная усталость, «собачья старость», «брюзжащая молодость» — характерные признаки русской жизни переломной эпохи.

Стремление осмыслить социально-психологический тип «лишнего человека» своего времени отразилось в ряде произведений Чехова 80-х гг.: и в самой первой пьесе (Платонов), и в рассказах — таких, как «На пути» (Лихарев). Но с наибольшей яркостью и остротой черты «сломленного» человека выступили в образе Иванова.

Работа над «Ивановым» проходила в пытливых исканиях новой драматургической формы. Приступая к пьесе, Чехов полемически противопоставлял ее произведениям «современных драматургов», которые «начинают свои пьесы исключительно ангелами, подлецами и путами». Чехов ставил перед собой принципиально новую художественно-эстетическую задачу и сам сформулировал ее: «Я хотел соригинальничать: не вывел ни одного злодея, ни одного ангела (хотя не сумел воздержаться от шуты), никого не обвинил, никого не оправдал...» (Ал. П. Чехову, 24 октября 1887 г.). В этом заявлении уже намечены некоторые существенные признаки новой драмы — драмы «чеховского» типа.

Однако «новое» еще соседствовало в «Иванове» со «старым». В построении драматического действия Чехов отстаивал традиционный принцип ударности «концовок» и стремился располагать наиболее эффективные и впечатляющие эпизоды в конце актов, «под занавес»: «...все действие веду мирно и тихо, в конце даю зрителю по морде» (Ал. П. Чехову, 10 или 12 октября 1887 г.). Однако в качестве безусловно удавшейся ему в пьесе сцены он сам называл отнюдь не эффектную «концовку», а как раз среднюю, «проходную» сцену — «душу захватывающее поэтическое место», «поэтический коротенький диалог», когда в момент «кабацкого» веселья гостей Шабельский вспоминает покойную Сарру (ему же, 20 ноября 1887 г.).

Присутствовавший на премьере в театре Корша М. П. Чехов рассказывал впоследствии о шумных и разноречивых толках, вызванных пьесой: «Театр был переполнен. Одни ожидали увидеть в „Иванове“ веселый фарс в стиле тогдашних рассказов Чехова, помещавшихся в „Осколках“, другие ждали от него чего-то нового, более серьезного, — и не ошиблись. Успех оказался пестрым: одни шикали, другие, которых было большинство, шумно аплодировали и вызывали автора, но в общем „Иванова“ не по-

няли, и еще долго потом газеты выясняли личность и характер главного героя. Новизна замысла и драматичность приемов автора обратили на него всеобщее внимание как на драматурга, и с этого момента начинается его официальная драматургическая деятельность» (*Вокруг Чехова*, стр. 187).

Написав «Иванова», Чехов вступил (16 ноября 1887 г.) в члены Общества русских драматических писателей и оперных композиторов и шуточно именовал себя: «Шиллер Шекспирович Гёте». Т. Л. Щепкина-Куперник вспоминала, что после постановки «Иванова» Корш считал Чехова «своим автором» (*Чехов в воспоминаниях, 1954*, стр. 323)..

Однако постановкой пьесы Чехов остался неудовлетворен. Шум, крики и пиканье, которыми сопровождалось первое представление, создали в театре атмосферу, близкую той, какая царила впоследствии на премьере «Чайки» в день ее провала (см.: *Вокруг Чехова*, стр. 278). После трех спектаклей «Иванов» был снят с репертуара. По утверждению одного из близких знакомых Чехова, это огорчило его «и несколько охладило его симпатии к коршевской труппе (. . .) Охлаждение к коршевской труппе вызвало у Чехова временное охлаждение и к писанию пьес, в частности, к писанию „Гамлета, принца датского“» (А. Грузинский-Лазарев. Пропавшие романы и пьесы Чехова.— «Энергия», сб. III. СПб., 1914, стр. 172—173).

Пьеса «Иванов» вызвала в печати самые противоречивые отзывы. Один из критиков отметил, что «таким смещением похвал и протестов не дебютировал ни один из авторов последнего времени» («Новое время», 1887, 22 ноября, № 4215).

Чехов был глубоко задет замечанием «Московского листка» о «безнравственном» и «циническом» элементе в пьесе (1887, 22 ноября, № 325). Другие критики хотя и отмечали, что пьеса «нова», «оригинальна», «своеобразна», вносит «какую-то свежую струю», однако необычность ее драматургической формы воспринималась ими скорее негативно — как неумение автора, отсутствие у него должного опыта, знаний сценических условий, как невольное пренебрежение «законами сцены» и т. д.

Несмотря на состоявшийся дебют Чехова-драматурга, он в глазах большей части публики и критики остался «молодым беллетристом», «талантливым беллетристом-медиком», «значающим писателем», «молодым талантом», автором небольших рассказов и вышедшего в свет в сентябре 1887 г. сочувственного сборника «В сумерках».

Остаются неизвестными драматические сочинения Чехова, относящиеся к 1870—1880-м гг.:

1. «Тарас Бульба», самый ранний литературный замысел Чехова, намерение переделать повесть Н. В. Гоголя в трагедию (1873—1874 гг.). См.: *Сcriba* (Е. А. Соловьев-Андреевич). А. П. Чехов по воспоминаниям родственников. — «Приазовский край», 1904, № 180.

2. «Нашла коса на камень» (1878), водевиль. Ал. П. Чехов сообщал о своем впечатлении от пьесы 14 октября 1878 г.: «„Нашла коса на камень“ написана превосходным языком и очень характерным для каждого там выведенного лица, но сюжет у тебя очень мелок. Это последнее писание твое я, выдавая для удобства за свое, читал товарищам, людям со вкусом и между прочим С. Соловьеву, автору „Жених из ножевой линии“¹. Во всех случаях ответ был таков: „Слог прекрасен, умение существует, но наблюдательности мало и житейского опыта нет. Со временем, *qui sait?*², сможет выйти дельный писатель“» (*Письма Ал. Чехова*, стр. 51).

3. «Недаром курица пела» (1878), водевиль. М. П. Чехов вспоминал: «Будучи учеником VII класса, Антон Павлович написал (. . .) ужасно смешной водевиль „Недаром курица пела“ и прислал (. . .) нам в Москву для прочтения (. . .) Куда девался водевиль — не знаю» (*Вокруг Чехова*, стр. 74).

4. «Бритый секретарь с пистолетом», водевиль. Начало 80-х гг. М. П. Чехов вспоминал об этом «нескромном водевиле»: «В этом водевиле выведена была редакция журнала с двухспальной кроватью. Один из сотрудников принес для напечатания бездарное стихотворение. И вот Ант. П. должен был специально сочинить именно бездарное стихотворение, в котором четыре раза должно было повторяться слово „стремглав“. Вот это стихотворение:

Прости меня, мой ангел белоснежный,
Подруга дней моих и идеал мой нежный,
Что я, забыв любовь, стремглав туда бросаюсь,
Где смерти пасть... О, ужасаюсь!..
(. . . . .)
Уйду обратно в гроб с прослезненными глазами³.

„Последняя строчка несколько тяжеловата, — говорит редактору герой водевиля, — но ведь главное — уметь прочесть“» («Новое слово», 1907, кн. 1, стр. 199; «О Чехове». М., 1910, стр. 267—268). «...Водевиль этот Чехов в театральную цензуру не посылал, и о судьбе его я, к сожалению, ничего не знаю» (М. П. Чехов. Антон Чехов. Театр, актеры и «Татьяна Ренина». Пг., 1924, стр. 8).

¹ Ал. П. Чехов ошибся: С. П. Соловьев — переводчик комедии «Жених каких мало и невеста каких много». Комедию «Жених из ножевой линии» написал А. М. Красовский.

² кто знает? (*франц.*).

³ Полный текст стихотворения см. в т. XVIII Сочинений.

5. Водевиль, над которым Чехов работал в конце октября 1883 г.: «Никуда не хожу, не работаю. Занимаюсь медициной и стряпаю плохой водевиль» (И. П. Чехову, вторая половина октября 1883 г.).

6. Пародия на пьесу Б. М. Маркевича «Чад жизни». Лейкин писал Чехову 19 февраля 1884 г.: «Пародия на пьесу Б. Маркевича была уже набрана, когда я получил Ваше письмо с просьбою не печатать пародии, и я ее велел разобрать» (ГБЛ). О замысле пародии Чехов рассказывал в письме Лейкину 30 января 1884 г.: «„Чад жизни“ писан в граде Воскресенске в мигушнее лето, почти на моих глазах. Знаю я и автора, и его друзей, которых он вещадно третирует своей сплетней в „Безднах“ и „Переломах“... Ашанин (бывший директор театра Бегичев), Вячеславцев (бывший певец Владиславлев) и многие другие знакомы со мной семейно... Можно будет посплетничать, скрывшись под псевдонимом». Вместо пародии (написанной, вероятно, в драматургической форме) Чехов напечатал фельетонную заметку о пьесе Маркевича в «Осколках московской жизни» (1884, № 7, 18 февраля).

7. «Гамлет, принц датский» (1887), водевиль. Писался для театра Корша (осенью 1887 г. здесь шли репетиции «Иванова») на основе рассказа «Юбилей» (1886). О работе над пьесой Чехов общался в письме к М. В. Киселевой 14 января 1887 г.: «Начал другую, но не кончил, ибо некогда» («первая пьеса» — только что законченная тогда «Лебединая песня»).

По словам А. С. Лазарева (Грузинского), Чехов передал ему написанную часть водевиля в конце октября 1887 г.: «Я начал, а заканчивать лень. Я слишком занят и утомлен „Ивановым“. Пишите конец, обрабатываем вместе...» (А. С. Л а з а р е в - Г р у з и н с к и й. Пропавшие романы и пьесы Чехова. — «Энергия», сб. III. СПб., 1914, стр. 165—173).

В переданном Чеховым материале содержался перечень действующих лиц, к которым Лазарев (Грузинский) при желании мог добавить еще несколько лиц, а также текст, к которому следовало дописать от 200 до 250 строк.

«Соль пьески», по словам мемуариста, состояла в критике театральных порядков. Действие происходило за кулисами провинциального театра во время репетиции «Гамлета». «Среди критики театральных порядков предполагалось коснуться легкости закулисных нравов (Офелия должна была походить изменять Гамлету) и жестоко пощипать провинциальных авторитетеров за кулачество, некультурность и т. п. Взгляд на них у Чехова был самый мрачный».

Лазарев (Грузинский) излагал чеховский план водевиля: «Первое действие начиналось сборами на репетицию. Раньше других являлись два актера, из которых один — Тигров (фамилия принадлежала Чехову), игравший тень отца Гамлета, рассказывал о своих многолетних актерских скитаниях по глухим провинциальным городам. В его очень забавном, в общем, рассказе была одна чисто чеховская черточка: „Придешь, в „Гранд-отеле“ остановишься — в каждой захолустной норе или „Европейская“, или „Гранд-отель“ есть...“

Первое действие должно было закончиться скандалом и общим кавардаком.

Во втором действии предполагалось дать сцену из „Гамлета“.

15 ноября 1887 г. Чехов писал Лазареву (Грузинскому): «(. . .) гг. актеры, когда я вкратце рассказал им содержание „Гамлета, принца датского“, изъявили горячее желание играть его не позже января, т. е. возможно скорее. Куй железо, пока горячо. Написано ли у Вас что-нибудь? Выходит ли требуемое? Совладали ли с сюжетом и с сценическими условиями? Как бы там ни было, поспешите написать мне подробно, что Вами придумано, написано и что имеется в проекте. Одновременно пришлите мне и мою рукопись (бандеролью), оставив у себя копию. Я суммирую свое с Вашим, подумаю и не замедлю сообщить Вам свои намерения и прожекты. Условия: 1) сплошная путаница, 2) каждая рожа должна быть характером и говорить своим языком, 3) отсутствие длиннот, 4) непрерывное движение, 5) роли должны быть написаны для: Градова, Светлова, Шмитгофа. Киселевского, Соловцова, Вязовского, Валентинова, Кошевой, Красовской и Бороздиной, 6) критика на театральные порядки, без критики наш водевиль не будет иметь значения».

В ответном письме от 22 ноября Лазарев (Грузинский) делился с Чеховым своими планами и затем излагал содержание I-го и схему II актов, где упоминаются герои рассказа «Юбилей» — Тигров, Борцов, Бабельмандебский. В воспоминаниях Лазарев (Грузинский) так оценивал проделанную им работу над водевилем: «Непривычка писать для сцены сказалась в том, что, вместо скандала и общего кавардака, в первом акте получилось много диалогов, хотя и забавных и довольно живых».

В середине двадцатых чисел ноября Лазарев (Грузинский) отправил Чехову вариант I акта. «Я отослал ему рукопись и конспект 1-го акта, как он у меня сложился в голове, в субботу, а вчера, в понедельник, послал более подробное изложение 1-го акта (сообразив, что конспект вышел слишком кратким)...» (письмо к Н. М. Ежову от 29 ноября 1887 г. — ЦГАЛИ).

После постановки «Иванова», 26 ноября, Чехов написал подробное, по пунктам, письмо Лазареву (Грузинскому):

1) У Вас „Гамлет“ весь состоит из диалогов, которые не имеют органической связи. Диалоги немислимы. Нужно, чтобы с каждым явлением число лиц росло по прогрессии (. . .) Громоздя эпизоды и лица, связывая их, Вы достигнете того, что сцена в продолжение всего действия будет полна и шумна.

2) Вы забываете, что Тигровы и К^с во всё время чувствуют на себе глаза публики. Стало быть, немислим допрос, производимый Вами Гамлетом у Офелии. Тут довольно одной вспышки и шума. Гамлет возмущен, но в то же время маскирует свое несчастье.

3) Представитель печати может говорить только из оркестра. Кой черт понесет его на сцену? Он говорит коротко и солидно. Тип Белянкина.

4) Во 2-м действии необходимо дать сцену из „Гамлета“ (. . .)

5) Конец 1-го действия у Вас ходулен. Нельзя так оканчивать. В интересах 2-го действия Вы должны кончить примирением партий. Ведь во 2-м действии Тигров играет тень Гамлета!

6) Кстати: роль Тигрова для Градова.

7) Судя по Вашему конспекту, Вы будете далеко не коротки. Не забывайте, что половина времени уйдет у актеров на беготню.

8) (. . .) возня с водевилем полезна для Вас: набьете руку».

Давались в письме и указания о положении сцены «по отношению к публике» (см. т. II Писем, стр. 156).

Как думал Лазарев (Грузинский), Чехов, после неуспеха пьесы «Иванов» на сцене театра Корша, охладел к работе над водевилем. Возможно, что другой причиной прекращения работы Чехова было неверие в силы соавтора, который не имел никакого опыта драматурга.

8. «Сила гипнотизма» (1887), водевиль. Его замысел Чехов импровизировал зимой 1887 г. при встрече с Леонтьевым (Щегловым) в Петербурге (запись в дневнике Щеглова 11 декабря 1887 г. — ЛН, стр. 480). В своих воспоминаниях Щеглов изложил «сценарий»: «Какая-то черноглазая вдовушка вскружила голову двум своим поклонникам: толстому майору с превосходнейшими майорскими усами и юному, совершенно безусому, аптекарскому помощнику. Оба соперника — и военный, и штатский — от нее без ума и готовы на всякие глупости ради ее жгучих очей, обладающих, по их уверению, какой-то особенной, демонической силой. Происходит забавная любовная сцена между соблазнительной вдовушкой и толстым майором, который, пыхтя, опускается перед вдовушкой на колени, предлагает ей руку и сердце и клянется, что из любви к ней пойдет на самые ужасные жертвы. Жестокая вдовушка объявляет влюбленному майору, что она ничего не имеет против его предложения и что единственное препятствие к брачному поцелую... щетинистые майорские усы. И, желая испытать демоническую силу своих очей, вдовушка гипнотизирует майора, и гипнотизирует настолько успешно, что майор молча поворачивается к двери и направляется непосредственно из гостиной в первую попавшуюся цирюльню. Затем происходит какая-то водевильная путаница, подробности которой улетучились из моей головы, но в результате которой получается полная победа безусого фармацевта. (Кажется, предприимчивый жених, пользуясь отсутствием соперника, подсыпает вдовушке в чашку кофе любовный порошок собственного изобретения.) И вот в тот самый момент, когда вдовушка падает в объятия аптекаря, в дверях появляется загипнотизированный майор, и притом в самом смешном и глупом положении: он только что сбросил свои великолепные усы... Разумеется, при виде коварства вдовушки „сила гипнотизма“ моментально кончается, а вместе с тем кончается и водевиль.

Помню, над последней сценой, то есть появлением майора без усов, мы оба очень смеялись. По-видимому, „Силе гипнотизма“ суждено было сделаться уморительнейшим и популярнейшим из русских фарсов, и я тогда же взял с Чехова слово, что он примется за эту вещь, не откладывая в долгий ящик» (Чехов с воспоминаниях, 1954, стр. 143).

Когда, после постановки «Медведя», Леонтьев (Щеглов) напомнил о «Силе гипнотизма», Чехов ответил 2 ноября 1888 г.: «„Силу гипнотизма“ я напишу летом — теперь не хочется».

«Когда несколько лет спустя, — вспоминал Леонтьев (Щеглов), — в одно из наших московских свиданий я посетил Чехову, отчего он не написал обещанного водевиля, Чехов задумчиво, как бы про себя, проговорил:

— Ничего не поделаешь... нужного настроения не было! Для водевиля нужно, понимаете, совсем особое расположение духа... жизнерадостное, как у свежее испеченного прапорщика, а где его возьмешь, к лешему, в наше паскудное время?.. Да, Жан, написать искренний водевиль далеко не последнее дело!» (там же, стр. 151).

После смерти Чехова Леонтьев (Щеглов) сам написал пьесу: «Сила гипнотизма, путка в 1 действии Антона Чехова и Ивана Щеглова» (1910).

9. «Гром и молния» (1888), водевиль. Замысел вложен в письме к Суворову 23 декабря 1888 г.: «Я придумал для Савиной, Давыдова и министров водевиль под заглавием „Гром и молния“. Во время грозы я заставлю земского врача Давыдова заехать к девице Савиной. У Давыдова зубы болят, а у Савиной пессимистический характер. Интересные разговоры, прерываемые громом. В конце — женю».

Тексты подготовил, примечания составил и вступительную статью написал *М. П. Громов*; пьесу «Иванов», примечания к ней и часть вступительной статьи — *И. Ю. Твердохлебов*.

(БЕЗОТЦОВЩИНА)

Впервые — «Неизданная пьеса А. П. Чехова». Документы по истории литературы и общественности. Выпуск 5. Изд. «Новая Москва», 1923. (Текст подготовил к печати и снабдил предисловием и примечаниями Н. Ф. Бельчиков).

Печатается по автографу (ЦГАЛИ).

1

Сохранившийся автограф пьесы — одиннадцать самодельных (сшитых нитками) тетрадей. В первой тетради утрачены два листа: начальный, где, по всей видимости, обозначено заглавие пьесы, и двенадцатый — с большей частью явления 4 первого действия. По авторской ремарке, в 4 явлении на сцене Анна Петровна, Глагольев 1, Венгерович 1, Войницев и Бугров. В сохранившемся тексте — лишь небольшой диалог Бугрова с Войницевым и никак не связанная с этим диалогом заключительная реплика Венгеровича 1.

Рукопись беловая, но затем проведена большая авторская правка — главным образом, зачеркивания: синим, красным, затем черным карандашом и, наконец, бледными чернилами. В нескольких местах вместо зачеркнутого написан новый текст, отдельные листы подклеены; правка проводилась в несколько приемов и в разное время.

В результате зачеркиваний возникла несообразность: в первом действии опущен конец 14 вместе с началом 15 явления, и два явления объединились в одно. Однако последующие явления не были перенумерованы автором. В дальнейшем два явления обозначены одной цифрой: 20. В нашем издании эти неточности исправлены.

На сохранившемся первом, чистом, листе — карандашная запись рукой Чехова, почти совсем стершаяся, обращенная к М. Н. Ермоловой. Читаются отдельные слова: «Посылаю Вам (. . .) Мар(ия) Ник(олаевна). Не пугайтесь. Половина зачеркнута. Во многих местах (. . .) нуждается еще (. . .) (Уважа)ющий А. Чехов».

Рукопись пьесы поступила в Государственный архив в 1920 г. Как рассказывает Н. Ф. Бельчиков, в московском банке Русско-Азовского общества находились личные сейфы вкладчиков. Здесь хранились письма, документы, бумаги, ценные или памятные вещицы и т. д. Здесь был и сейф М. П. Чеховой. В нем обнаружилась рукопись пьесы — в том самом виде, в каком она

была опубликована в 1923 г. Н. Ф. Бельчикову запомнился еще лежавший в том же сейфе шитый голубым бисером старинный ридикюль, возможно принадлежавший Е. Я. Чеховой.

Нужно отметить важную особенность: это единственная рукопись Чехова, хранившаяся многие годы в сейфе. Все остальные его рукописи, в сущности, вообще не хранились.

В печати первые сведения о большой пьесе, написанной Чеховым в молодости, появились значительно раньше того, как был обнаружен ее текст.

В 1907 г. М. П. Чехов напечатал воспоминания (и повторил их в 1910 году), где рассказывал о нескольких утраченных пьесах: «Будучи учеником VII класса, Антон Павлович написал большую драму „Безотцовщина“ и ужасно смешной водевиль „Недаром курица пела“ и прислал их нам в Москву для прочтения. Я долго берег эти произведения, но, приехав затем в Москву поступать в университет, Антон Павлович отобрал их от меня и „Безотцовщину“ разорвал на мелкие кусочки...». Сообщалось еще о другой большой пьесе, написанной уже не в Таганроге, а в Москве и тоже уничтоженной: «Во второй же год по приезде в Москву Ант. Павл. написал еще одну большую драму с конокрадами, стрельбой, женщиной, бросающейся под поезд, и т. п. Я переписывал эту драму, и у меня от волнения холодело под сердцем (. . .) Драму эту Ант. П., тогда студент второго курса, лично отнес к М. Н. Ермоловой на прочтение и очень желал, чтобы она поставила ее в свой бенефис. Не знаю, что ответила брату г-жа Ермолова, только мои старания четко переписать драму так и пропали даром: пьеса вернулась обратно и была разорвана автором на мелкие куски. От нее уцелела только одна фамилия *Войницкий*, которая воскресла потом в „Дяде Ване“» (М. Чехов. Об А. П. Чехове. — «Новое слово. Товарищеские сборники», кн. I. М., 1907, стр. 198—199; Об А. П. Чехове. Воспоминания. — Сб. «О Чехове». М., 1910, стр. 267). Приблизительно то же писал М. П. Чехов в 1912 г. в биографическом очерке, предположительно издании писем Чехова («Письма А. П. Чехова, т. II (1888—1889), изд. М. П. Чеховой. М., 1912, стр. IV).

Итак, М. П. Чехов полагал, что существовали две большие пьесы молодого Чехова, уничтоженные автором: «Безотцовщина» и еще одна, которую Михаил Павлович переписывал, но названия ее не запомнил. Когда в 1923 г. была опубликована «Неизданная пьеса», М. П. Чехов сообщил, что переписывал он именно ее (М. П. Чехов. Антон Чехов. Театр, актеры и «Татьяна Репина». Пг., 1924, стр. 10). В последней редакции своих воспоминаний, изданных в 1933 г. и вышедших в свет одновременно с XII томом Полного собрания сочинений А. П. Чехова, где пьеса была напечатана под заглавием «Безотцовщина», Михаил Павлович исключил из текста упоминания об уничтожении Чеховым обеих драм («Вокруг Чехова». М.—Л., 1933, стр. 58, 88).

О существовании рукописи и о содержании ранней пьесы в печати стало известно еще в 1914 г., когда отмечалось 10-летие со дня смерти Чехова и появилось множество статей и мемуаров о нем. В газете «Русские ведомости» некто Эн. поместил статью «Неизвестные пьесы Чехова», где сообщалось: «Дело в том, что рукопись этой пьесы, очень толстая тетрадь, без заглавной стра-

пицы, существовала много позднее того времени, к которому относится воспоминание об учиненной Чеховым казни над его драмой. А раз так, совершенно не исключается возможность, что рукопись уцелела и затем, что пережила она писавшего ее. М. П. Чехов, которому принадлежит воспоминание, передает, что он переписывал пьесу, что переписанный им экземпляр был у Ермоловой, и этот же экземпляр затем изорван в клочки. Но, очевидно, писанный чеховскою рукою подлинник не подвергся той же печальной участи» («Русские ведомости», 1914, 31 мая, № 124).

Спустя неделю в той же газете появилась статья, подписанная Z: «Несколько дней назад в „Русских ведомостях“ приводились сведения и соображения, позволяющие сделать вывод, что юношеская пьеса Чехова, будто бы уничтоженная автором, в действительности им уничтожена не была и что, вероятно, рукопись этой драмы уцелела и до сих пор. Со слов лица, которому сравнительно недавно довелось читать эту пьесу, можем сообщить некоторые, хотя и отрывочные, подробности о самой драме, о главных контурах ее содержания и изображенных в ней персонажей.

В пьесе, оставленной Чеховым без названия (по крайней мере никаких следов его не уцелело), можно довольно ясно различить эмбрионы некоторых будущих чеховских произведений. Уже влекли к себе внимание молодого писателя некоторые образы, роились некоторые художественные замыслы, которые лишь много позднее получили полноту выражения, улеглись в формы законченные и отчетливые, а тогда были лишь смутны и сбивчивы; еще не выносила их его творческая фантазия. Но иногда отдельные черточки, отдельные факты целиком повторялись в позднейших произведениях. Ближе всего юношеская драма, технически очень несовершенная, но уже отмеченная печатью чеховского таланта, к „Иванову“. Далее сообщалось, что в центре пьесы — Платонов, «как бы первый эскиз Иванова»; излагалось содержание драмы и делалось сопоставление с пьесой «Иванов» (Z. Неизвестная драма Чехова. — «Русские ведомости», 1914, 8 июня, № 131).

В тот же день «Театральная газета» перепечатала сообщение «Русских ведомостей», добавив: «Каковы бы ни были достоинства и недостатки этой пьесы, она не может не представлять, хотя бы лишь для истории чеховского творчества, большой интерес. И нужно желать ее опубликования» («Неизвестные пьесы Чехова». — «Театральная газета», 1914, 8 июня, № 131).

Корреспонденту «Московской газеты» М. П. Чехова сообщила (в Ялте): «Недавно мною, при разборе архива брата, найдена большая пьеса без названия, написанная в восьмидесятых годах» (С. А л е к с е в. В обители Чехова. — «Московская газета», 1914, 7 июля, № 323). Пьеса не была напечатана; рукопись была положена на хранение в банк.

С. Д. Балухатый, комментируя собрание сочинений Чехова 1929 г., полагал, что обнаруженная рукопись и упомянутая М. П. Чеховым «Безотцовщина» — одна и та же пьеса. В книге «Чехов-драматург» Балухатый отметил: «...именно в эти годы Чехов пишет первую свою большую пьесу, имеющую исключи-

тельное значение для понимания общественных оценок начинающего писателя. Пьеса эта — „Безотцовщина“, написанная Чеховым в 1878—1881 годах, сохранившаяся в рукописи и не доведенная им до печати (под „Безотцовщиной“ мы разумеем пьесу, изданную впервые в 1923 году и сохранившуюся в рукописи без заглавия) (С. Б а л у х а т ь й. Чехов-драматург. Л., 1936, стр. 57).

2

Первое достоверное сведение о пьесе содержится в письме Ал. П. Чехова от 14 октября 1878 г., отправленном из Москвы в Таганрог: «Ты напоминаешь о „безотцовщине“. Я умышленно молчал. Я знаю по себе, как дорого автору его детище, а потому... В безотцовщине две сцены обработаны гениально, если хочешь, но в целом она непростительная, хотя и невинная ложь. Невинная потому, что истекает из незамутненной глубины внутреннего мирозерцания. Что твоя драма ложь — ты это сам чувствовал, хотя и слабо и безотчетно, а между прочим ты на нее затратил столько сил, энергии, любви и муки, что другой больше не напишешь. Обработка и драматический талант достойны (у тебя собственно) более крупной деятельности и более широких рамок. Если ты захочешь, я когда-нибудь напишу тебе о твоей драме по-серьезнее и подельнее, а теперь только попрошу у тебя извинения за резкость всего только что сказанного. Я знаю, что это тебе неприятно — но делать нечего — ты спросил, а я ответил, а написать что-либо другое я не смог бы, потому что не смог бы обманывать тебя, если дело идет о лучших порывах твоей души» (*Письма Ал. Чехова*, стр. 50—51).

Из письма ясно, что Чехов послал из Таганрога драму, в которой выразились «лучшие порывы души», на которую он затратил «столько сил, энергии, любви и муки», что Александр Павлович даже выразил сомнение — сможет ли Чехов написать что-либо подобное еще раз. Самое слово — безотцовщина — в автографе Ал. П. Чехова написано со строчной буквы, но поставлено в кавычки и явно означает название.

В последующих письмах Ал. П. Чехова «Безотцовщина» больше не упоминается. В 1879 г., окончив гимназию, Чехов переехал в Москву.

Таганрожец А. В. Петров, письмоводитель у священника В. А. Бандакова, находился в переписке с семьей Чеховых. В мае 1881 г. он побывал у Чеховых в Москве и в конце того же года спрашивал: «А драма Ант. Павл. когда будет отпечатана?» (*ГБЛ*). Слово «драма» вполне подходит к бурным конфликтам пьесы.

Исследование всех биографических фактов, анализ сохранившейся рукописи дают возможность утверждать, что посланная из Таганрога «Безотцовщина» и драма без заглавного листа — одна и та же пьеса.

При сличении чеховских автографов 1877—1879 гг. с рукописью пьесы никаких существенных различий в почерке обнаружить не удалось. Зато целый ряд характерных грамматических, языковых и других косвенных признаков заставляет считать, что пьеса в своем основном тексте (чернила) была закончена

в Таганроге. Правда, сохранившийся автограф — копия, выполненная самим автором с неизвестного нам оригинала (она могла быть сделана уже по приезду Чехова в Москву).

В автографе довольно много южных диалектизмов: «не рштите» (д. I, явл. 3; первоначально: «не репите»); «садится на первое попавшееся стуло» (д. I, явл. 10; то же — в д. IV, явл. 3: «Дай стуло»); «шхает его» (д. II, к. 2, явл. 10; то же — д. II, к. 1, явл. 15; к. 2, явл. 13, варианты); «мне бывает страшно скучно за ней» (д. I, явл. 1; то же — в явл. 5 первого действия); «я, впрочем, маклеровать не стану» (д. I, явл. 1 и др.). Подобные диалектизмы можно встретить у Чехова и позднее, но уже чрезвычайно редко; в пьесе их — множество. Характерны неправильные грамматические формы и ошибки: преехала (д. II, явл. 6); с преждними (д. I, явл. 3) и др.

Некоторые фактические данные, извлеченные из текста пьесы, также позволяют отнести ее к таганрогскому времени.

В пьесе упоминается смерть Н. А. Некрасова («П е т р и н. (. . .) А на лбу роковые слова: продается с публичного торго! Щ е р б у к. Это Некрасова... Говорят, помер Некрасов...» — д. II, к. 2, явл. 8). Некрасов умер 27 декабря 1877 г. ст. ст. Жена Платонова Саша читает книгу Захер-Мазоха «Идеалы нашего времени», переведенную на русский язык в 1877 г.

Разумеется, эти даты не могут служить основой для точного хронологического приурочения ранней чеховской пьесы. Но в ней нет и событий, которые произошли бы *после* 1878 г. Среди реалий пьесы обращает на себя внимание «Русский курьер» (д. I, явл. 9): газета начала выходить 26 июня 1879 г. Упоминание о ней могло появиться при переписывании автором своей пьесы.

Трудно допустить, чтобы Чехов за четыре года мог написать две совершенно различные драмы, из которых дошедшая до нас равна двум увесистым пьесам. Как раз в это время он закапчивал гимназию, выпускные экзамены должны были отнимать у него много времени и сил, и начинал учиться на медицинском факультете, самом трудоемком факультете того времени. Наконец, — и это самое главное — идейный строй, смысл пьесы, жизненный материал, на котором она основана, вполне соответствуют заглавию «Безотцовщина». По авторской ремарке, «действие происходит ... в одной из южных губерний». Все содержание драмы связано с Таганрогом, его окрестностями и обусловлено жизненным опытом Чехова-гимназиста. Мир, в котором живут персонажи драмы, соответствует Таганрогу конца 70-х гг.: южная провинция России, угольные шахты, полуразоренные помещики, купцы и кабатчики, власть денег, «мир глупцов... глупцов набитых, невылазных, безнадежных...» С этим миром гимназист Чехов сталкивался во время степных путешествий в Крипичку, Княжюку, Крешкую, Рогозяную Балку, в окрестностях усадеб Платова, Кравцова, Селиванова. В одном из официальных документов тогдашнего времени — «Раскладке налога на недвижимые имущества 3-й александровской части г. Таганрога на 1880 год» — можно увидеть имена, перешедшие в пьесу. Под № 694 там упомянут, например, генерал Платонов (жил, по-видимому, рядом с гимназией), а под № 815 — некий корнет Греков; его дома располагались где-то неподалеку от здания театра. Тот же генерал Платонов упомянут в более поздней корреспонденции из газеты

«Южный край», перепечатанной «Московским листком» (1883, 19 июня, № 167): «Из Таганрога в „Южн. край“ пишут: „Большое волнение среди нашего общества произвело случившееся ночью на 9-ое июня происшествие, заключающееся в следующем: молодой человек, по ремеслу печник, тяжело ранил офицера Платонова, сына генерала Платонова“».

В пьесе идет отчаянный спор отцов и детей: Платонов с гневом вспоминает покойного отца; полны цинизма отношения молодого Глагольева с богатым отцом; дети Трилецкого стыдятся своего отца; Щербук ненавидит своих дочерей. Дети не устроены и несчастны, потому что у них нет отцов, которых можно было бы уважать.

Все содержание пьесы прямо соответствует заглавию «Безотцовщина» (подробнее см.: М. П. Громов. Первая пьеса Чехова. — В кн.: Литературный музей А. П. Чехова. Таганрог. Сборник статей и материалов. Вып. 3. Ростов н/Д, 1963).

3

В сохранившейся рукописи — несколько слоев авторской правки. Первые по времени — сокращения синим (в нескольких местах — красным) карандашом; затем, снова по всему тексту, правка велась черным карандашом. Последний слой правки — бледные чернила.

Правка производилась в трех основных планах.

Прежде всего сокращался объем непомерно длинной драмы. Значительная часть текста: отдельные слова, фразы в диалогах и монологах, целые эпизоды, явления и даже персонажи были просто изъяты. Зачеркнуто было около двух авторских листов.

В нескольких случаях Чехов, взамен зачеркнутого, написал новые варианты соответствующих сцен; текст становился более кратким, менялись персонажи, их взаимоотношения (особенно показательный пример — явл. 9 третьего действия: Войницев приходит ночью убить Платонова).

Наконец, третий вид правки — сокращения и замены, явно учитывающие возможные цензурные затруднения при постановке или печатании: ипективы Платонова об отце, воспоминания Трилецкого о севастопольской кампании.

Нет никаких данных для того, чтобы определить временные промежутки, отделяющие разные слои правки. Можно предполагать (поскольку рукопись оставалась у Ал. П. Чехова в Москве, а не была отправлена в Таганрог), что вся редакция пьесы делалась Чеховым после приезда в Москву, в 1879—1881 гг.

Авторская правка, при всей ее значительности, не создала новой редакции всей пьесы; однако можно говорить о разных редакциях некоторых сцен.

Самая первоначальная правка (синим карандашом) прежде всего устраняла длинноты в тексте, разные пояснительные реплики, предварявшие ход событий (см. варианты). Смысл не менялся; текст становился более кратким и оттого более драматичным.

Но большая часть перемен, в том числе и первоначальных зачеркиваний, имела другую, помимо сокращения, цель,

Устраивались плоские шутки, грубые выражения, еврейские жаргонизмы. Сняты, например, шутка Трилецкого о «пустом лице» Анны Петровны; его признание, что он дерется с Гроковой; его резкие слова о Платонове: «а ваш Платонов по меньшей мере скот» (д. I, явл. 1). В том же духе сокращены реплики Ивана Ивановича (д. I, явл. 6), Щербука (д. I, явл. 14), Анны Петровны (д. I, явл. 15; д. II, к. 2, явл. 17). Вычеркнута насмешливая жаргонная фраза, обращенная Трилецким к Венгеровичу (д. I, явл. 3); вообще сокращены разговоры о евреях (д. I, явл. 13).

Сценичность пьесы, драматизм действия усилены тем, что сняты некоторые прямые суждения, открытые оценки. Например, прямой ответ Венгеровича 1, почему ему не нравится Платонов (д. I, явл. 3); объяснение Войнищева, почему он, кончив университет, нигде не служит (д. I, явл. 5); разговор о том, что Платонов всего школьный учитель, и его откровенное признание на эту тему (д. I, явл. 13); слова Платонова о том, что Войнищев любит жену, «как Адам любил свою Еву» (д. I, явл. 22) и т. п.

Некоторые перемены коснулись характеров действующих лиц. Вычеркнут горячий монолог Войнищева, обращенный к старому Глагольеву, но адресованный всем «отцам» («Счастье наше, что вы силы не имете...» — д. I, явл. 2); обличительная тирада — не в характере мягкого, благонамеренного, «женокподобного, сентиментального» Войнищева. Роль критика и судьи — себя самого и окружающих — целиком отдана в пьесе Платонову; но и в его речах ослаблены ноты резонерства и неумеренного самобичевания (д. II, к. 1, явл. 11 и 18; к. 2, явл. 9). Особенно значительна в этом плане правка явл. 9 третьего действия и явл. 6 четвертого действия: столкновение Платонова с Войнищевым. В первоначальном (зачеркнутом синим карандашом) тексте — мелодраматическая сцена: Войнищев, после патетических монологов, поднимает крик, чтобы убить спящего Платонова; тот вскакивает, кричит «Назад!» и произносит монолог, исполненный отчаяния и сострадания к Войнищеву. Встретившись позже с Войнищевым в его доме, Платонов уговаривает его «не пачкать своих рук преступлением», отказаться от мести и обещает убить себя сам: «Самоубийца человечнее убийцы! Хочешь моей смерти? Хочешь, чтоб я перестал жить?» — «Хочу», — отвечает Войнищев.

На отдельном листке, вклеенном в рукопись, находится другая, сильно отличающаяся от первой, редакция явл. 9 третьего действия. Войнищев, плача, кротко упрекает Платонова: «Ты меня убил... Ты это знаешь? Благодарю... Мне что? Бог с тобой... Пусть. Значит так тому и быть...»; потом, рыдая, просит отдать ему Софью («Спаси, голубчик!.. Ведь она моя! Моя!»). Платонов просит его уйти: «Я застрелюсь... Клянусь честью!» В ответ Войнищев машет рукой и произносит: «Не надо... Бог с вами!» В итоге с особенным драматизмом звучит заключающий сцену монолог Платонова, проклинающего себя.

В следующем слое авторской правки (черным карандашом) продолжалось сокращение текста. В списке действующих лиц исчезли дочери Щербука, Верочка 40 лет и Лизочка 25 лет; соответственно в тексте сняты все места, связанные с ними. Сняты: разговор Анны Петровны и Самы о маленьком Коле, сыне Платонова; большой диалог Войнищева с Сашей о женитьбе (д. I, явл. 5); разговор Трилецкого с той же Сашей о том, как

она потолстела (д. I, явл. 7). Зачеркнуты воспоминание Трилецкого о дедушке и о его письме про «факультеты», ненужные «для нежного сословия» (д. II, к. 1, явл. 11), и вся сцена столкновения Платонова с Петриным, который собирается опротестовать векселя покойного генерала Войшцева и тем наказать Анну Петровну (д. II, к. 2, явл. 8). Более краткими стали монологи Платонова (д. I, явл. 15; д. II, к. 2, явл. 5).

Некоторые вычерки, однако, едва ли можно объяснить одним стремлением к лаконизму. Таково признание Ивана Ивановича в явл. 3 первого действия: «На войне был, сотни тысяч имел на руках, а ни копейки у Российской империи не взял... Одним жалованьем довольствовался...» Этот намек на повальное казнокрадство во время Крымской войны мог быть снят по соображениям цензурным, как и воспоминание старого Трилецкого о встрече и разговоре с царем.

Тот же характер носит зачеркивание смелых, резких, обличительных слов Платонова об отце и явл. 5 первого действия — подробный рассказ о его смерти: «Тяжело вспоминать ∞ Он, видите ли, умирал с сознанием того, что он славный малый!»; «Сижу я у его изголовья ∞ Говорит, а сам зубами скрежещет...» (см. варианты к стр. 24). Второй отрывок был просто вычеркнут; взамен первого появилось сравнительно нейтральное: «Я не люблю этого человека! Не люблю за то, что он умер спокойно. Умер так, как умирают честные люди».

По-видимому, теми же мотивами объясняются два вычерка во втором действии (к. 2, явл. 5): «А когда вы, милостивый государь, перестанете с вашим папашей воздвигать кабаки? А когда я перестану быть ревностнейшим посетителем ваших кабаков? Когда исчезнут Венгеровичи и не будут есть чужого хлеба Платоновы? Когда?»; «Молодежь, молодежь!.. ∞ Мы и не живя сумеем умереть!»

Уточнялись характеры действующих лиц. Снято, например, замечание Ивана Ивановича, что в молодости он «Печорина и Базарова разыгрывал» (д. II, к. 1, явл. 3; Базаров, впрочем, остался: «Базаристей меня и человека не было...»); зачеркнуты некоторые пошловато-вульгарные обороты в речи Анны Петровны («Ах ты мой зюмбумбунчик этакий!» — д. II, к. 2, явл. 6); ее признание: «Когда был жив мой генерал, я сильно пила... Пила, пила, пила... И буду пить!» (д. II, явл. 5).

К последнему слою авторской правки (бледные чернила) относятся небольшие стилистические перемены и вставки взамен зачеркнутого. Н. Ф. Бельчиков замечал по этому поводу: «Автор руководился (. . .) стремлением распространить, дополнить текст, внести сглаживающие изменения в местах, где сокращения только разрывали связный текст, и дать новые редакции вместо сокращенных мест» («Неизданная пьеса А. П. Чехова», стр. 8—9). Новые тексты вместо зачеркнутых даны для отрывка 5 явл. первой картины второго действия, 9 и 10 явл. третьего действия, 6 явл. четвертого действия (см. варианты).

После всех исправлений и зачеркиваний в рукописи ее текст все-таки достигал почти десяти авторских листов, что вдвое превышало объем, возможный для обычного спектакля. Вероятно, и после этого продолжалась авторская работа над пьесой, и к

этому этапу следует отнести слова Чехова, обращенные к М. П. Ермоловой: «Половина зачеркнута» — в карандашной записи на первом листе рукописи.

М. П. Чехов писал о пьесе в 1924 г.: «Она, сколько припоминаю, была сделана по образцу французских мелодрам, изобилвала диалогами, и когда я мальчиком переписывал ее в двух экземплярах для цензуры, то у меня от ее интриги захватывало дух и холодело под сердцем. М. Н. Ермолова осталась недовольна этой пьесой, и автор подверг ее перестройке, но и в измененном виде пьеса так и не увидела света вплоть до самого 1923 года, когда ее издал Центрархив» (М. П. Чехов. Антон Чехов. Театр, актеры и «Татьяна Репина». Пг., 1924, стр. 9—10).

Стр. 8. *Я хочу вам рассказать, рассказать...* — Первые строки из популярной в конце 70-х и начале 80-х годов песенки К. Франца «Стрелочек».

Стр. 35. *Вельзевул Буцефалович* — иронически соединены прозвище дьявола и любимого коня Александра Македонского.

Стр. 39. *Что-то слышится родное в звонких песнях ямщика!* — Из стихотворения Пушкина «Зимняя дорога» (1826).

Стр. 59. *Базаристей меня с Штоф унд крафт!* — В романе Тургенева «Отцы и дети» (гл. X) Базаров советует Аркадию дать отцу читать книгу немецкого естествоиспытателя и философа Л. Бюхнера (1824—1899) «Stoff und Kraft» («Материя и сила»). Книга, написанная в духе вульгарного материализма, вышла в русском переводе в 1860 г. и вскоре стала настольной книгой среди молодого поколения «нигилистов».

Стр. 74. *Смотрел я с портреты «Современных деятелей» и читал их биографии.* — Имеется в виду многотомное издание А. О. Баумана, выходявшее в 1870-х гг. в Петербурге. Первые три тома назывались «Русские современные деятели. Сборник портретов замечательных лиц настоящего времени с биографическими очерками», последующие — «Наши деятели. Галерея замечательных людей России в портретах и биографиях». Издание было в семье М. Е. Чехова в Таганроге (см. письмо М. Е. Чехову от 11 апреля 1886 г.).

Оставьте всякую надежду! — Надпись на вратах ада (Данте. Божественная комедия. Ад, песнь третья).

Стр. 94. *«Захер Мазох с наконец замирали...»* — Имеется в виду роман австрийского писателя Л. Захер-Мазоха (1836—1895) «Идеалы нашего времени», переведенный на русский язык в 1877 г. (цитируется петербургское издание). Пьесу Захер-Мазоха «Unserer Sclaven» (русский перевод 1876 г. — «Рабы и владыки») Чехов упоминал в письме к брату Александру Павловичу (апрель 1883 г.).

Стр. 102. *Сколько счастья, сколько муки...* — Слова из «цыганского» романа «В час роковой...» (автор неизвестен).

Стр. 106. *Зеон победы раздавайся...* — Из стихотворения Г. Р. Державина «Хор для кадрили», написанного в 1791 г. по поводу взятия Измаила и положенного на музыку О. А. Козловским.

Стр. 109. *А на лбу роковые слова: продается с публичного торга!* — Из стихотворения Н. А. Некрасова «Убогая и нарядная». См. также юмореску 1883 г. «Лист» (т. II, стр. 112 и 500).

Стр. 117. *И этому злодею с жглом отдаться ты!* — Слова Гамлета из одноименной трагедии Шекспира (д. III, сцена 4).

Стр. 177. *...царя Эдипа, выколотившего себе глаза!* — Эдип ослепил себя, узнав с ужасом, что роковое предсказание дельфийского оракула сбылось и он стал, вопреки своей воле, убийцей отца и супругом матери. Миф об Эдипе разработан Софоклом в трагедиях «Эдип-царь» и «Эдип в Колоне».

Стр. 341 (варианты). *...Шли два приятеля вечернею порой...* — Из басни Крылова «Прохожие и собаки».

Стр. 345 (варианты). *Пентефрий отсутствующий?* — По библейской легенде, жена Пантефрия (Потифара), начальника стражи фараона, в отсутствие мужа тщетно соблазнила Иосифа, своего раба («Бытие», гл. 39).

Стр. 351 (варианты). *...не Спинозы да Мартыны Задеки!* — Комическое сопоставление знаменитого философа XVII в. и составителя толкователей снов — Мартына Задеки.

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

Впервые — «Слово». Сборник второй. К десятилетию смерти А. П. Чехова. Под редакцией М. П. Чеховой. Книгоиздательство писателей в Москве, 1914, стр. 8—36: На большой дороге. Драматический этюд в одном действии. А. Чехонте.

Сохранилась рукописная копия — цензурный экземпляр пьесы: На большой дороге. Драматический этюд в одном действии. А. Чехонте. На обложке — штемпель с датой представления в цензуру «29 мая 1885» и запретительная резолюция цензора: «К представлению признано неудобным. 20-го сентября 1885 г. Цензор драматических сочинений Кейзер фон Нилькгейм». На обороте — заглавие с полной фамилией автора и помета карандашом: «К запрещению» (ЛГТБ).

Печатается по тексту цензурного экземпляра с исправлением:

Положите хранение устом! — вместо: Положите хранение устном! (стр. 199, строки 5—6).

Чехов написал драматический этюд, видимо, осенью 1884 г. Он сообщал Н. А. Лейкину 4 ноября 1884 г.: «В эту неделю не посылаю Вам несколько рассказов, ибо был все время болен и занят: пишу маленькую чепуху для сцены — вещь весьма неудачную...» (Такого рода критические отзывы о рассказах и сценках, посылавшихся не в «Осколки», а в другие издания, обычны в письмах Чехова тех лет: редактор «Осколков» был ревнив к тому, что не попадало в его журнал.)

В драматическом этюде «На большой дороге» Чехов воспользовался своим рассказом «Осенью», напечатанным в сентябре 1883 г. в журнале «Будильник» (см. т. II Сочинений).

Из рассказа были взяты место действия (кабак дяди Тихона) и основной конфликт: несчастный, опустившийся барин тщетно вымаливает рюмку водки, отдает кабатчику медальон с портретом неверной и все еще любимой жены, а случившийся тут же мужичонка узнает своего барина и рассказывает его историю.

Переделывая рассказ для сцены, Чехов значительно увеличил его объем — более чем втрое. О людях, укрывшихся от осен-

него дождя в кабаке дяди Тихона, в рассказе сообщалось кратко: «В кабаке дяди Тихона сидела компания извозчиков и богомольцев». В пьесе они стали действующими лицами: богомолки Назаровна и Ефимовна, старик-странник Савва, прохожий фабричный Федя. Драматический конфликт был усилен введением нового действующего лица — бродяги Егора Мерика, у которого в прошлом тоже несчастная любовь и который чуть не убивает жену барина, неожиданно появившуюся в кабаке. (Образ конокрада Мерика, напоминающий Осипа в пьесе «Безотцовщина», позднее возник в рассказе «Воры». 1890 г. См.: Н. К. П и к с а н о в. Романтический герой в творчестве Чехова. Образ конокрада Мерика.— «Чеховский сборник». М., 1929).

Рассказ «Осенью» заканчивался авторским риторическим вопросом: «Весна, где ты?» Сцена «На большой дороге» — драматическими восклицаниями Мерика: «Тоска! Злая моя тоска! Пожалейте меня, люди православные!»

Пьеса была представлена в драматическую цензуру в мае 1885 г. и 20 сентября того же года запрещена к представлению по рапорту цензора Е. И. Кейзер фон Нилькгейма: «Действие происходит ночью, в кабаке на большой дороге. Среди всяких бродяг и проходимцев, зашедших в кабак обогреться и переночевать, оказывается разорившийся дворянин, который умоляет *человальника* дать ему выписать в долг. Из разговора выясняется, что дворянин зачил с горя вследствие того, что жена бросила его в день свадьбы. Случайно, чтобы укрыться от непогоды, попадает в кабак барыня, в которой несчастный пропойца узнает свою вероломную подругу. Один из посетителей кабака, сочувствующий пьяному дворянину, замахивается на нее топором, но его удерживают, и драматический этюд оканчивается неудавшимся покушением. Мрачная и грязная пьеса эта, по моему мнению, не может быть дозволена к представлению». На рапорте цензора надпись: «Запретить. Е. Феоктистов. 20 сент. 1885 г.» (ЦГИА, ф. 776, оп. 24, ед. хр. 4, л. 58; Чехов. Лит. архив, стр. 259—260).

М. П. Чехов вспоминал: «Этюд этот был запрещен драматической цензурой потому, что в нем был выведен провинившийся помещик. Я помню, что в вернувшемся из Петербурга цензуrowанном экземпляре этой пьесы всюду было многозначительно подчеркнuto синим карандашом слово „барин“, очевидно, слово это тогда считалось священным, и провинившийся барин не мог быть выводимым на сцене в кабаке» (М. П. Ч е х о в. Антон Чехов. Театр, актеры и «Татьяна Репина». Пг., 1924, стр. 10). Об этой пьесе М. П. Чехов упоминал в своих воспоминаниях и раньше, однако называл ее по памяти неточно: «Барин» («Новое слово», 1907, кн. 1, стр. 199; «О Чехове». М., 1940, стр. 267).

19 ноября 1911 г. М. П. Чехова обратилась в Главное управление по делам печати с прошением о выдаче «копии пьесы А. П. Чехова „Барин“, написанной им в 1883, 1884, 1885 или 1886 годах» (ЦГИА, ф. 776, оп. 25, ед. хр. 987).

В начале 1912 г. газета «Русские ведомости» в анонимной заметке «Неизвестная пьеса Чехова» сообщила о нашедшейся пьесе: «Те, которые читали „На большой дороге“, отзываются об этом драматическом этюде, написанном еще совсем в старых формах, как о произведении очень тонкого письма и большой художествен-

ной прелести. Лишь конец, по их отзыву, — несколько сгущенный» («Русские ведомости», 1912, 10 февраля, № 33). Рецензент замечал еще, что в изображении «сбывшихся с жизненного пути людей Чехов был как бы предшественником Максима Горького и его „На дне“».

11 февраля в более пространной заметке «Русских ведомостей» рассказывалось содержание пьесы. «Этюд не может, конечно, идти в сравнение с теми произведениями Чехова, которые дали ему славу драматурга. Но и в нем, во многих частностях, в отдельных фразах из разговора ночующих в кабаке на большой дороге чеховское перо чувствуется. И сквозь густую фабулу пробиваются местами тонкие чувства и меткие наблюдения».

В 1914 г., когда отмечалось 10-летие со дня смерти Чехова, пьеса была опубликована М. П. Чеховой в сборнике «Слово», вышедшем под ее редакцией. Тогда же пьеса была поставлена на сцене Малаховского театра (под Москвой). В ней участвовали: Гарин (Борцов), Рындина (Борцова), Нелидов (Мерик), Ворогушин (Федя), Биллер (Назаровна), Блюменталь-Тамарипа (Ефимовна), Кручинин (Савва). Вступительное слово перед спектаклем прочел Ю. Соболев.

В газете «Русское слово» 2 июля 1914 г. был напечатан отклик на спектакль, повторенный 4 июля «Обозрением театров» (В. Н. (В. А. Никольский?). Новая пьеса Чехова. — «Русское слово», 1914, 2 июля, № 151; «Обозрение театров», 1914, 4 июля, № 2486). «Только местами, — замечал рецензент, — вспыхивают на протяжении этой, сильно растянутой пьесы, искры чеховского таланта, то разгораясь и ярко освещая чрезвычайно жизненную фигуру прохожего фабричного Федя, в речах которого чувствуется будущий Епиходов, то потухая под пером неопытного драматурга.

Во всяком случае, для истории чеховского драматического творчества эта недавно открытая пьеса является чрезвычайно ценною, и литературная критика не замедлит, конечно, заняться этим этюдом».

Но литературная критика в ту пору не откликнулась на пьесу, а театральная критика, в лице Эм. Бескина, отозвалась резко отрицательно. «Это — не Чехов», — восклицал Бескин. Не зная, что пьеса была запрещена цензурой, он полагал, что Чехов «скрыл ее» и сетовал: «А еще лучше бы — оставить „На большой дороге“ как биографический документ, в книге, и не пересаживать его на сцену». О самом драматическом этюде Бескин писал: «В нем нет еще совсем будущего автора „Вишневого сада“, нет его элегии, а есть, напротив, та мелодраматическая подчеркнутость, которой грешил Чехов в период своего еще не сложившегося пера. Нам известно о мелодраме „с ужасами“, которую молодой Чехов написал и снес М. Н. Ермоловой. Вернувшись от Ермоловой, он разорвал в клочки и сжег эту мелодраму. „На большой дороге“ разнится от этой мелодрамы, вероятно, только тем, что Чехов не успел разорвать ее» (Эм. Б е с к и н. «На большой дороге». — «Театральная газета», 1914, 6 июля, № 27).

Эта рецензия осталась единственным театральным откликом на постановку Малаховского театра. Публикация «Театральной газеты» представляет, однако, большой интерес — фотографиями первых исполнителей и сцен из спектакля.

Стр. 185. *Был у Тихона Задонского...* — Тихон Задонский (1724—1783), иерарх и духовный писатель, причисленный к лику святых; мощи его находились в Задонско-Богородицком монастыре в г. Задонске Воронежской губернии.

Стр. 199. *Положите хранение устам!* — Часть стиха в одном из псалмов: «Положи, господи, охрану устам моим, и ограда двери уст моих» (Псалтирь, псалом 140, ст. 3).

Ты пренебреги, как говорит Счастливец... — В комедии А. Н. Островского «Лес» в авторском тексте этой реплики нет, однако она прочно закреплена в театральном-сценической традиции актерского исполнения: Начиная с В. Н. Андреева-Бурлака, исполнители роли Счастливецва вставляют ее в последней сцене пьесы (во время монолога Несчастливецва «Аркадий, нас гонят...» и т. д.).

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ (Калхас)

Впервые — сборник «Сезон», 1887, вып. 1, стр. 52—53 (ценз. разр. 11 января 1887 г.). Раздел: Для сцены и эстрады. Заглавие: Калхас. Драматический этюд в 1 действии. Подпись: Ант. Чехов.

В 1888 г. вышло в свет литографированное издание: Лебединая песня (Калхас). Драматический этюд в одном действии А. П. Чехова. Литография Московской театральной библиотеки Е. Н. Рассохиной (ценз. разр. 9 ноября 1888 г.).

Перепечатано в журнале «Артист», 1889, кн. II, октябрь (ценз. разр. 14 октября 1889 г.).

Включено в сборник «Пьесы» (1897).

Вошло в издание А. Ф. Маркса.

Сохранилась рукопись — цензурный экземпляр пьесы: Калхас. Драматический этюд в 1 действии А. П. Чехова. На обложке — штемпель с датой представления в цензуру: «7 янв. 1888» и резолюция цензора: «К представлению дозволено. Цензор др. соч. Альбединский. 7 января 1888» (ЛГТБ).

Печатается по тексту: Чехов, т. VII, стр. 119—129, с исправлением:

Стр. 208, строка 34: П. Светловидов и Никита И в а н ы ч — вместо: П (по сб. «Сезон», ценз. копии, литографированному изданию и журналу «Артист»)

Драматический этюд «Калхас» был написан Чеховым в самом конце 1886 или начале 1887 г. — по одноименному рассказу, опубликованному в «Петербургской газете» 10 ноября 1886 г. (см. т. V Сочинений; о таганрогских реалиях в рассказе и соответствии в пьесе — там же, стр. 664).

14 января 1887 г. Чехов сообщил М. В. Киселевой: «Я написал пьесу в 4-х четвертушках. Игратья она будет 15—20 минут. Самая маленькая драма во всем мире. Играть в ней будет известный Давыдов, служащий теперь у Корша. Печатается она в „Сезон“, а поему всюду разойдется. Вообще маленькие вещи гораздо лучше писать, чем большие: претензий мало, а успех есть... что же еще нужно? Драму свою писал я 1 час и 5 минут».

В сборнике «Сезон» пьеса была напечатана в сокращенном виде: не было всей второй половины пьесы, где Светловидов, вспо-

миная актерскую молодость, читает отрывки из пьес. Действие кончалось словами Никиты Иваныча: «Петрушка! Егорка! Кто тут есть? Боже, свеча тухнет!» 5 сентября 1889 г. Чехов писал Ф. А. Куманину, издателю журнала «Артист»: «(. . .) в „Сезон“ я дал только часть первого монолога».

В конце 1887 г., в связи с постановкой пьесы в театре Корша, была изготовлена рукопись для представления в драматическую цензуру. «Вернувшись вчера от вас,— писал Чехов в конце декабря В. Н. Давыдову,— я усадил своих братцев за переписку,— „Калхас“ готов и посылается Вам в двух экземплярах».

Сравнительно с публикацией пьесы в «Сезоне», текст цензурной рукописи несколько расширен, в речь Светловидова внесены характерные разговорные, порою комические обороты: «Хвалю, мамочка!»; «Пьян! Уф!»; «...а на душе холодно и темно, как в погребке. Если здоровья не жалю, то хоть бы старость-то свою пощадил, шут Иваныч...»; «Смерть-матушка не за горами...»; «Жутко, чёрт подери... По спине мурашки забегали...»; «Зарыл я талант» и т. п. Роль Никиты немного сокращена (см. варианты). Пьеса заканчивалась монологом из «Отелло»: «О, если бы угодно было небу...»

9 февраля 1888 г. Чехов сообщал в Таганрог Г. М. Чехову: «19 февраля в Москве идет моя новая пьеса, но маленькая, в одном действии». Киселевым — в Бабкино: «В пятницу идет моя паршивенькая пьеска в одном акте...» (А. С. Киселеву, 15 февраля 1888 г.). И брату Ал. П. Чехову — в Петербург: «19-го идет моя новая пьеска в одном действии» (15 февраля 1888 г.).

Премьера в театре Корша состоялась 19 февраля 1888 г. Роли исполняли: Светловидова — В. Н. Давыдов, Никиты Иваныча — Ф. П. Вязовский (первые исполнители помечены на титульном листе литографированного издания пьесы). Сохранилось воспоминание М. П. Чехова: «Я был тогда на первом представлении. Этюд этот был мне известен во всех подробностях, потому что я его переписывал не раз. И, батюшки-светы, сколько в него вставил тогда „отсебятины“ Давыдов! И про Мочалова, и про Щепкина, и про других актеров, так что едва можно было узнать оригинал!» (М. П. Чехов в Антон Чехов. Театр, актеры и «Татьяна Репина». Пг., 1924, стр. 17). Позднее М. П. Чехов добавил: «Но в общем вышло недурно и так талантливо, что брат Антон не обиделся и не возразил» (*Вокруг Чехова*, стр. 206).

Вскоре пьесу захотел поставить актер Малого театра А. П. Ленский.

Для постановки на сцене императорского театра требовалось, помимо цензурного разрешения, одобрение Театрально-литературного комитета.

В марте 1888 г. Чехов просил у Давыдова «цензурованного „Калхаса“» (письмо между 7 и 10 марта). 23 апреля писал ему же: «Если „Калхас“ не потерялся, то пришлите; если же потерялся, то чёрт с ним, не хлопочите».

В театральную цензуру был представлен новый вариант конца 2-го явления, в котором изменен монолог из «Отелло» (вместо «О, если бы угодно было небу...» — «Прости покой, прости, мое довольство...»; этот же монолог из трагедии Шекспира в переводе П. И. Вейнберга Чехов цитирует в письме к Е. М. Лянт-

варевой от 9 октября 1888 г.). На обложке прежнего цензурного экземпляра наложена новая резолюция цензора: «Разрешено и под заглавием „Лебединая песня“. Цензор драматических сочинений Альбединский. 18 октября 1888». На «Приложении» — дата представления в цензуру: «15 окт(ября) 1888» и резолюция: «К представлению дозволено. С.-Петербург. 18-го октября 1888 г. Цензор драматических сочинений Альбединский».

17 октября 1888 г. Чехов писал А. Н. Плещееву, бывшему членом Театрально-литературного комитета при дирекции императорских театров: «На сих днях Жан Щеглов притащит к Вам мою одноактную пьесу „Калхас“, или „Лебединая песня“. Нельзя ли прочесть ее в Литературном комитете и пропустить? Достоинства в пьесе отсутствуют; значения ей я не придаю никакого, но дело в том, что Ленскому хочется во что бы то ни стало сыграть ее на Малой сцене. Прошу не столько я, сколько Ленский».

Пьеса была рассмотрена Театрально-литературным комитетом 22 октября на заседании под председательством Д. В. Григоровича и одобрена (см. «Театр и жизнь», 1888, № 166). В этот день Плещеев извещал Чехова: «Сегодня мы Вашего „Калхаса“ читали и пропустили. У меня дома даже переписали второй экземпляр, так как в комитет нужно было представить два» (ЛН, стр. 335).

26 октября Чехов сообщал Ленскому: «...сегодня я был у Вас и оставил „Калхаса“ и копию. Когда цензурованный экземпляр перестанет быть нужным, то, будьте добры, возьмите его от режиссера и сохраните: он пойдет к Рассохиному».

Я назвал „Калхаса“ „Лебединой песней“. Название длинное, кисло-сладкое, но другого придумать никак не мог, хотя думал долго. Простите, что я так долго возился с пьесой. Дело в том, что ей пришлось пройти в этот раз два чистилища: драматическую цензуру и комитет. Если бы не цензура, то она давно уже была бы у Вас».

В Малом театре пьеса поставлена не была, хотя 16 ноября Чехов писал брату Александру Павловичу: «К числу пьес, предполагаемых к постановке на казенной сцене, пока относятся две: „Медведь“ и „Лебединая песня (Калхас)“».

В 1889 г. к Чехову обратился издатель «Артиста» Куманин с просьбой о разрешении поместить в журнале все драматические произведения Чехова, «хотя бы они и были напечатаны ранее в газетах» (ГБЛ).

«Из всех немногочисленных пьес моих,— отвечал Чехов 5 сентября,— можно напечатать только одну, а именно „Лебединую песню (Калхас)“, драматический этюд в одном действии, который шел когда-то у Корша и, кажется, пойдет в Малом театре. Пьеса эта была раньше напечатана в „Сезоне“ Кичеева, но ее целиком, а в сильно сокращенном виде (. . .) Эту „Лебединую песню“ можно достать у Рассохина. Есть она и у меня, буде пожелаете».

9 сентября Куманину был послан экземпляр — видимо, литограф. Текст, опубликованный в журнале «Артист», полностью совпадает с литографированным, за исключением одной поправки: сняты слова «с большой, седой бородой» (о Никите Ивановиче, в списке действующих лиц).

Тексту пьесы в журнале предпослан рисунок Л. О. Пастернака: декламирующий Светловидов и робко прижавшийся к левому углу сцены Никита Иванович. Впоследствии художник вспоминал: «(. . .) я невнимательно прочел сценарий, где было сказано, что суфлер с бородой, и я нарисовал его бритым... Мне рассказывали, что когда Чехов увидел мой рисунок, он тут же „побрил“ суфлера, т. е. вычеркнул из манускрипта слова „с бородой“. По этому поводу мы с ним обменялись письмами» (Л. О. Пастернак. Записки разных лет. М., 1975, стр. 41).

10 октября 1889 г. Чехов писал Куманипу: «Что же касается „Калхаса“, то в прошлый сезон о нем был у меня с Ленским разговор; собирались ставить и всё откладывали. Теперь же я до поры до времени не хотел бы напоминать об этом ни печатно, ни устно. Рисунок Пастернака очень хорош. Простите, что задержал».

Однако 19 января 1890 г. пьеса Чехова исполнялась в Александринском театре в бенефис П. М. Свободина. Как сообщал сам Чехов И. М. Кондратьеву, Условие на постановку в этом театре «Лебединой песни» было заключено по 28 декабря 1891 г. (письмо 28 декабря 1889 г.).

22 декабря 1894 г. пьеса была одобрена драматической цензурой «к представлению на народных театрах» (резолуция на экземпляре ЛГТБ).

При включении «Лебединой песни» в сборник «Пьесы» в тексте были сделаны небольшие перемены. Возраст Светловидова вместо 58—68 лет; соответственно бенефисный спектакль посвящен не 35-летию, а 45-летию его службы в театре. Сокращен (на четыре стиха) монолог из «Отелло», но добавлены две заключительные реплики и отрывок из монолога Чацкого. Как и в других пьесах сборника, несколько изменены грамматические формы речи: вместо «перед ней», «со мной» и т. п. — стало «перед нею», «со мною». Однако в существительных («всему причиною», «его женою») — перемена обратная; стало: «его женой», «всему причиною». Значительно сократилось число восклицательных знаков и многоточий.

В собрании сочинений текст пьесы сохранен почти без изменений. В списке действующих лиц вместо «Василий Васильевич» помечено: «Василий Васильч» и в тексте сделана одна стилистическая поправка: «Гляжу в яму» — вместо «Гляжу на яму».

Чешский переводчик Б. Прусик писал Чехову 26 ноября (9 декабря) 1901 г.: «Высылаю афиши Национального театра в Праге, где играли в моем переводе Вашу „Лебединую песню“ с огромным успехом. Хлопочу, чтобы сыграли все Ваши одноактные пьесы» (ГБЛ; ЛН, стр. 243—244).

При жизни Чехова «Лебединая песня (Калхас)» переводилась на болгарский, немецкий, польский, сербскохорватский и чешский языки.

ИВАНОВ

Редакция 1887 г.

Впервые — отдельное литографированное издание: Иванов. Комедия в 4 действиях и 5 картинах Антона Чехова. Литография Московской театральной библиотеки Е. Н. Рассохиной (ценз.

разр. 10 декабря 1887 г.; вышло в свет с 24 по 31 января 1888 г.; отпечатано 110 экз.).

Сохранилось два списка с текстом ранней редакции: экземпляр театральной цензуры (далее везде — *Ценз. 87₁*; ЛГТБ) и общей цензуры (далее везде — *Ценз. 87₂*; ГЦТМ).

Печатается по тексту *Ценз. 87₂* с восстановлением мест, вычеркнутых цензором (см. ниже), а также с исправлениями по *Ценз. 87₁*:

Стр. 269, строка 18: болела от мысли — *вместо:* болела

Стр. 272, строка 31: Мишка Боркин и граф — *вместо:* Мишка Боркин

1

Ценз. 87₁ — первоначальный сценический вариант пьесы, текст машинописного оттиска (ремингтон), который был отпечатан в октябре 1887 г., до премьеры спектакля, и 2 ноября представлен на утверждение театральной цензуры. На обложке — заглавие: Иванов. Комедия в 4-х действиях и пяти картинах. Слово «комедия» переправлено позднее в цензуре на «драма» — в соответствии с подзаголовком окончательной редакции пьесы. Там же — штемпель с датой регистрации в цензуре: «2 ноя(бря) 1887» и резолюция цензора: «К представлению дозволено. Цензор д(аматических) соч(инений) Кейзер-фоп-Нилькгейм. 6 ноября 1887 года», а также его предупредительная надпись: «с исключ(ениями)».

Цензор в двух местах пьесы исключил «неудобные» с его точки зрения слова — в реплике Лебедева, обращенной к Иванову: «того и гляди, к тебе товарищ прокурора прискачет... Ты и убийца, и кровопийца, и грабитель[, и изменник]» (д. III, явл. 5), и в отзыве Львова о родителях Сарры в их вероисповедании: «они точно хотят удивить [Иегову] своим религиозным закалом» (д. III, явл. 6).

Текст машинописного оттиска не выправлен и содержит большое число разного рода ошибок, пропусков, искажений. Очевидные описки, естественно, в варианты не включаются, однако само их наличие в огромном количестве в тексте оттиска заставляет с осторожностью подходить к определению авторской причастности в ряде разночтений, отраженных в вариантах (например: чёрт подери/чёрт побери, уж/уже и т. п.).

Ценз. 87₂ — отредактированный и подготовленный к публикации текст машинописного оттиска с авторской правкой, который был отпечатан в ноябре 1887 г., уже после премьеры (не позднее 24 ноября): Иванов. Комедия в 4 действиях в 5 картинах Антова Чехова. На обложке оттиска — дата представления в общую цензуру: «8 декабря 1887» и резолюция цензора: «Дозволено цензурою. С.-Петербург. 10 декабря 1887 г. И(сполняющий) д(олжность) цензора Пеликан», а также его предупредительная надпись: «С исключениями».

Тексту пьесы предпослано на отдельном листе авторское уведомление (автограф) о первой ее постановке: «Первый раз была поставлена в „Русском театре Корша“ в Москве, 19 ноября 1887 г., при следующем составе...» (далее шел перечень всех действующих лиц и исполнителей). Этот лист перечеркнут цензором, который

внизу приписал: «Может быть напечатано только на экземпляре, одобренном драматическою цензурою».

В тексте пьесы цензор сделал вычерки в восьми местах, в которых, видимо, по его мнению, неосторожно затрагивались «догматы христианской веры» и «нравственные приличия», что запрещалось цензурным уставом. Первый из вычерков — в оскорбительном отзыве Шабельского о Сарре (Анне Петровне) и ее игре на рояле: «туше возмутительное... [Семитическое, перхатое туше, от которого на десять верст пахнет чесноком...]» (д. I, явл. 2). Другой вычерк — имя Иеговы, исключенное ранее и театральным цензором (см. выше). Следующий — в обращении Львова к Иванову, где снова речь идет о Сарре: «Вы человек, которому она пожертвовала всем: [и верой,] и родным гнездом, и покоем совести...» (д. III, явл. 6); еще один вычерк — в реплике самой Сарры: «Жила я с тобой пять лет, томилась и болела, [что изменила своей вере], но любила тебя...» (д. III, явл. 10).

В двух других местах цензор исключил упоминания о боге и судьбе (провидении), выступающие на фоне заниженной лексики или в комическом контексте: в словах Лебедева «Ну, да что делать, [судьбе кукиша не покажешь...]» (д. IV, к. 2, явл. 3) и в реплике Боркина в сцене его полусутовского признания в любви: «О ты, что в горести напрасно на бога ропщешь, человек...! Что же еще скааать тебе? Выходи, вот и все» (там же, явл. 6).

В сценах объяснения Боркина с Бабакиной сделаны еще два вычерка — в двусмысленно звучащих репликах, в которых можно было усмотреть намек на их близость: в словах Бабакиной «[Что хотите], а насчет денег — очень вами благодарна», где цензор вычеркнутые слова заменил своими: «Как хотите» и т. д. (д. II, явл. 12), а также в реплике Боркина: «Правда, я пользовался взаимностью [в самых широких размерах], но это не удовлетворяло меня» (д. IV, к. 2, явл. 6).

Литографированное издание пьесы (далее везде — *Лит.* 87) не является достоверным источником текста: хотя оно и было перепечатано с авторизованного текста *Ценз.* 87₂, однако при копировании пьесы писец допустил множество отклонений от оригинала: фамилия Косых, которую Чехов склонял (Косыха, Косыху), в тексте литографии во всех случаях унифицирована; вместо «езжай» всюду проставлено «уезжай»; в реплике Иванова «Я женился на Анне...» имя передано с искажением: «Ане»; «взволнованно» заменено на «взволнованная», «одеться» на «одеваться» и т. д. Еще более небрежно копист отнесся к пунктуации оригинала и часто вместо многоточий в конце фраз проставлял точки или восклицательные знаки.

Об источниках текста и ранней редакции «Иванова» см. также: С. Б а л у х а т ы й. К истории текста и композиции драматических произведений Чехова. «Иванов» (1887—1889—1903 гг.).— «Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР», 1927, т. XXXII; А. П. С к а ф т ы м о в. Пьеса Чехова «Иванов» в ранних редакциях.— В кн.: А. С к а ф т ы м о в. Нравственные искания русских писателей. М., 1972; И. Ю. Т в е р д о х л е б о в. К творческой истории пьесы «Иванов».— В сб.: В творческой лаборатории Чехова. М., 1974.

По свидетельству В. Г. Короленко, Чехов в одну из первых встреч в Москве (весной 1887 г.) сообщил ему о намерении писать драму в четырех действиях: «...устремив на меня свои прекрасные глаза с выражением внезапно созревающей мысли, он сказал:

— Слушайте, Короленко... Я приеду к вам в Нижний.

— Буду очень рад. Смотрите же — не обманите.

— Непременно приеду... Будем вместе работать. Напишем драму. В четырех действиях. В две недели.

Я засмеялся (...)

— Нет, Антон Павлович. Мне за вами не ускакать. Драму вы пишете один, а в Нижний все-таки приезжайте». (В. К о р о л е н к о. Памяти Антона Павловича Чехова.— «Русское богатство», 1904. № 7, отд. II, стр. 218; *Чехов в воспоминаниях*, стр. 142).

В сентябре 1887 г. Ф. А. Корш предложил Чехову написать что-нибудь для своего театра, и таким образом перед ним открылась реальная возможность поставить на сцене свою будущую пьесу в том же театральном сезоне. Позднее П. А. Сергеенко, припомнив одну из своих бесед с Чеховым летом 1889 г., привел его рассказ об этом предложении Корша: «Как-то был я в театре Корша. Шла новая пьеса. Вычурная, препротивная. Ни складу, понимаешь, ни ладу. Я и начал, что пазывается, разносить пьесу. А Корш ехидно и говорит: „А вот вы вместо того, чтобы критиковать, лучше взяли бы да сами написали пьесу“. Я говорю: „хорошо, и напишу“. Так и произошел „Иванов“» (П. А. С е р г е е н к о. О Чехове.— «Нива». Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения, 1904, № 10, стлб. 217—218).

О разговоре Чехова с Коршем вспоминал также М. П. Чехов: «Встретившись как-то с Ф. А. Коршем в его же театре в фойе, Чехов разговорился с ним о пьесах вообще. Тогда там ставили легкую комедию и водевиль, серьезные же пьесы были не в ходу, и, зная, что Чехов был юмористом, Корш предложил ему написать пьесу. Условия показались выгодными, и брат Антон принялся за исполнение» (*Вокруг Чехова*, стр. 186).

Первое упоминание самого Чехова о пьесе содержится в его письме к М. В. Киселевой от 13 сентября 1887 г.: «Два раза был в театре Корша, и в оба раза Корш убедительно просил меня написать ему пьесу. Я ответил: с удовольствием. Актеры уверяют, что я хорошо напишу пьесу, так как умею играть на нервах. Я отвечал: мерси. И, конечно, пьесы не напишу (...) мне решительно нет никакого дела ни до театров, ни до человечества... Ну их к лешему!»

Однако в конце сентября Чехов все же принял за пьесу. 10 или 12 октября он сообщил Ал. П. Чехову: «Пьесу я написал нечаянно, после одного разговора с Коршем. Лег спать, надумал тему и написал. Потрачено на нее 2 недели или, вернее, 10 дней, так как были в двух неделях дни, когда я не работал или писал другое». И позднее он с шутливой пренебрежительностью отзывался о пьесе как непредвиденном драматическом «выкидыше»

(А. Н. Плещееву, 23 января 1888 г.). Видимо, со слов самого Чехова создавалась легенда, повторявшаяся затем мемуаристами, о легком и скоропалительном создании пьесы: «Написана она была совершенно случайно, наспех и сплеча» (*Вокруг Чехова*, стр. 186); «„Иванов“ был набросан чуть ли не на пари с Коршем в какие-нибудь две недели» (И. Л. Щеглов. Из воспоминаний об Антоне Чехове. — *Чехов в воспоминаниях, 1954*, стр. 151); «Написал он „Иванова“ в восемь дней, залпом» (Вл. И. Немирович-Данченко. Из прошлого. М., 1938, стр. 14).

Пьеса хотя и была написана быстро, но создавалась с большим творческим напряжением. По свидетельству одного из очевидцев, Чехов, засев за пьесу, «повесил на дверь аншлаг „очень запят“» (А. Грузинский. Шипы и тернии в жизни Чехова (Из моих воспоминаний). — «Южный край», 1904, 18 июля, № 8155). Поглощенный работой, Чехов, по словам Н. М. Ежова, казался «шасмурным», «задумчивым», «молчаливым» «и как будто не в духе» (Н. М. Ежов. Юмористы 80-х годов прошлого столетия. — *ЦГАЛИ*, ф. 189, оп. 1, ед. хр. 2, л. 9, 9 об.).

Таким же «несколько рассеянным, недовольным и как будто утомленным» запомнился Чехов и Короленко, который застал его за писанием драмы: «Он вышел из своего рабочего кабинета, но удержал меня за руку, когда я, не желая мешать, собрался уходить.

— Я действительно пишу и непременно напишу драму, — сказал он. — „Иван Иванович Иванов“... Понимаете? Ивановых тысячи... обыкновеннейший человек, совсем не герой... И это именно очень трудно... Бывает ли у вас так: во время работы, между двумя эпизодами, которые видишь ясно в воображении, — вдруг пустота...

— Через которую, — сказал я, — приходится строить мостки уже не воображением, а логикой?..

— Вот, вот...

— Да, бывает, но я тогда бросаю работу и жду.

— Да, а вот в драме без этих мостков не обойдешься...» (*Чехов в воспоминаниях*, стр. 143).

Эта встреча Короленко с Чеховым произошла, видимо, 26 или 27 сентября 1887 г. (в тот день Чехов читал ему заметку из «Нового времени» от 25-го числа, а 28-го она была уже отослана им Киселевой). В течение трех последовавших за этим недель почти прекратилось участие Чехова в газетах и журналах — случай небывалый в его писательской практике до тех пор. Н. А. Лейкин, ничего не зная о работе Чехова над пьесой, забрасывал его вопросами: «Что значит, что Вы ничего не пишете? Уж не больны ли?»; «Вот уже месяц ни одного рассказа от Вас для „Осколков“!» (8 сентября, 12 ноября — *ГБЛ*). В письмах этого времени сам Чехов объяснял: «Да, я долго не писал...»; «Наверное, Вы сердитесь, что я не пишу рассказов. Увы, я куда не пишу их!»; «Пишу я целый день и до того дописался, что стало противно держать в руках перо»; «был сильно занят в последнее время»; «было много срочной работы»; «Не бываю ни в театрах, ни в гостях, так что мамаша и тетя Ф(едосья) Я(ковлевна) прозвали меня за домоседство „дедом“» (Лейкину, 11 сентября, 7 октября; Г. М. Чехову, 17 октября 1887 г.).

К 5 октября пьеса была закончена. В этот день Чехов известил Ежова: «Моя пьеса готова. Если Вы не раздумали помочь мне, то пожалуйста завтра...» Ежов вспоминал впоследствии, что Чехов обратился с просьбой к нему как хорошему теще «прийти и прочитать ему вслух пьесу» (за эту помощь во время своего «обручения с Мельпомепой» он шутливо называл потом Ежова «пафером» пьесы).

По словам Ежова, «на столе лежала толстейшая тетрадь, четко, красивым и своеобразным почерком Чехова переписанная». Ежов прочел пьесу вслух от начала до конца, без перерыва. Чехов «слушал и все время молчал (. . .) очевидно, взвешивая и оценивая им самим написанное». Ежов читал «с изумлением», так как вместо ожидаемой веселой комедии в чеховском жанре встретил «мрачную драму, переполненную тяжелыми эпизодами». Пьеса ему не пришлась по душе, многих сцен он не понимал, сам Иванов «не представлялся убедительным, и чего ему хотелось, чего он добивался, решить было трудно» (указ. соч., л. 9,9 об). Правда, тогда, в 1887 г. Ежов иначе формулировал свои впечатления о пьесе и в письме к Чехову от 23 ноября называл, например, финальную сцену III акта «дивным и глубоко трагическим местом»: «По-моему, такая сцена должна потрясти зрителей сильнее, чем „разэффектнейшая“ мелодрама „Вторая молодость“ Неvejeина, где публика плачет при прощаньи *ссылаемого* с родными (. . .) Вскоре же Иванова нет никаких *подчеркнутых* обстоятельств, а одна ужасная драма» (ГБЛ).

Окончив пьесу, Чехов отозвался о ней с удовлетворением: «Пьеса у меня вышла легкая, как перышко, без одной длинноты. Сюжет небывалый» (Ал. П. Чехову, 6 или 7 октября). В следующем письме он снова повторял: «Сюжет сложен и не глуп» (10 или 12 октября). Чехов отметил и недостатки своей пьесы: считал, что удалось отделить лишь «несколько действительно сильные и яркие места; мостики же, соединяющие эти места, ничтожны, вялы и шаблонны». В том же письме он замечал далее: «Чувствую, что мои дамы, кроме одной, разработаны недостаточно»; несколько позже он писал, что в пьесе есть «2 прекрасные женские роли» (Лейкину, 4 ноября). Ал. П. Чехов, работавший в редакции «Нового времени», сообщил 9 октября: «Известие о твоей комедии „Иванов“ встречено в редакции весьма сочувственно. Ждут чего-то великого. Петерсен ликует» (Письма Ал. Чехова, стр. 177).

Текст готовой пьесы был тогда же передан в театр. Впоследствии В. А. Гиляровский, описывая одно из своих посещений семьи Чеховых, уточнил, со слов Ивана Павловича, обстоятельства сдачи пьесы: «Пришел Иван Павлович. Припомнил, как он по поручению брата носил к Коршу первую пьесу — „Иванова“ (. . .) „Отдал пьесу. Поправилась Коршу“» (Вл. Гиляровский к и й. Заметки. Накануне у М. П. Чеховой. — «Голос Москвы», 1910, 17 января, № 13; ср. также: *Чехов в воспоминаниях*, стр. 113)

Сообщая о первом впечатлении, произведенном пьесой, Чехов отметил «похвалы, ей расточаемые»: «Всем нравится. Корш не нашел в ней ни одной ошибки и греха против сцены...» (Ал. П. Чехову, 10 или 12 и 21 октября).

Артист В. Н. Давыдов впоследствии вспоминал, что в артистической уборной театра Корша он получил от озабоченного

Чехова сверток с пьесой: «Вернувшись из театра, сел читать. Ужасно мне пьеса понравилась. Едва дождался утра и бросился к Антону Павловичу на квартиру (. . .) Застал его дома и тут же категорически заявил, что „Иванова“ надо непременно играть» (В. Н. Д а в ы д о в. Кое-что о Чехове. Рукопись ЛГТМ; ср. также: Александр П л е щ е е в. Что вспомнилось. Актеры и писатели. Т. III. СПб., 1914, стр. 113). Давыдов утверждал, что именно с этого момента стал горячим приверженцем Чехова-драматурга: «Я не помню, чтобы другое какое-либо произведение меня так захватило, как это. Для меня стало ясно до очевидности, что предо мною крупный драматург, проводящий новые пути в драме» («У В. Н. Давыдова». — «Одесские новости», 1904, 12 июля, № 6362. Подпись: Ъ).

В своих письмах Чехов сообщал, что Давыдов однажды (это было 26 октября) затаячил его к себе, «продержал до трех часов ночи», нашел в пьесе «*пять* превосходных ролей», уверял, что в ней все «тонко, правильно, чинно и благородно», и отнесся к ней «горячо, с восторгом» (Ал. П. Чехову, 29 октября). Давыдов, по словам Чехова, был убежден, что «Иванов» «лучше всех пьес, написанных в текущий сезон» (Лейкину, 4 ноября), что он «написал вполне законченную вещь и не сделал ни одной сцепической ошибки» (Ежову, 27 октября); там же Чехов отметил: «Давыдов (. . .) понял Иванова так, как именно я хочу».

3

После премьеры спектакля в театре Корша Чехов задумал выпустить пьесу отдельным литографированным изданием и сдать ее в театральную библиотеку для рассылки по провинции. Чтобы получить право на публикацию, необходимо было снова представить пьесу в цензуру — уже не драматическую, а общую. С этой целью к 24 ноября им был подготовлен новый текст ранней редакции — исправленный и доработанный (*Ценз.* 87₂).

В текст пьесы были введены дополнительно (видимо, частично с учетом сценической интерпретации пьесы) авторские ремарки: *Плачет, Пьет, Смеется, Встает, Поет, Идя за ней, Пауза* и т. п.

Рукой Чехова в экземпляре *Ценз* 87₂ вычеркнуты слова Саши, характеризовавшие Иванова: «Честен, великодушен, доверчив, мягок, как воск» (д. II, явл. 3). В речи персонажей опущен ряд просторечных и обиходно-фамильярных оборотов, например: «в графини лезет... Ах, волк те заешь...» (в речи Дудкина — д. VI, к. 1, явл. 2), «помер» заменено на «умер» (в речи Бабакиной), «нетушь» на «нет» (в речи лакея) и т. п.

В исправленном тексте простые предложения трансформировались в сложные, точки заменялись многоточиями или восклицательными знаками (подобные разночтения в вариантах не отражены), например: Ах, да — чуть было не забыл. /Ах, да! Чуть было не забыл...; Дядя, закрой окно./ Дядя, закрой окно!.. и т. п.

Отредактированный экземпляр пьесы Чехов послал 24 ноября в редакцию «Нового времени». До представления пьесы в цензуру

с ней познакомились А. С. Суворин, В. П. Буренин, А. Н. Маслов (Бежецкий) и другие лица. Прибыв вскоре и сам в Петербург, Чехов писал оттуда, что «самое живое, первое участие» в пьесе принял Суворин: он был сильно возбужден ею, держал у себя Чехова по целым часам и «трактовал» о ней (Давыдову, 1 декабря).

Передавая мнение своих литературных «судей» в Петербурге, Чехов сообщал, что пьеса произвела на них «очень недурное впечатление», что, по их мнению, «характеры достаточно рельефны, люди живые, а изображаемая в пьесе жизнь не сочинена», «язык безукоризнен». Особое одобрение вызвала сцена IV акта, «где Иванов прибегает перед венцом к Саше. Суворин в восторге от этого места» (там же).

Однако драматургическое построение пьесы вызвало у петербургских ее ценителей серьезные претензии. Отступления от привычных канонов были восприняты с явным неодобрением: «Пьеса написана небрежно. С внешней стороны она подлежит геение огненной и синедрону». Буренин нашел, что «в первом действии нет завязки, — это не по правилам». Указывалось также, что финал пьесы составляет «сценическую ложь» и должен быть переделан. Наконец, в целях разъяснения Иванова Суворин советовал «дать ему монолог» (там же).

Мысли о переделке пьесы зародились у Чехова буквально на следующий день после того, как он увидел «Иванова» на коршевской сцене. Он с огорчением отметил тогда прямолинейно-вульгарное исполнение актерами комедийных сцен («балаган и кабак»), «длиннейший, утомительный аптракт» между двумя картинами в IV акте и пепопятую «охладевшей и утомленной публикой» развязку пьесы (Ал. П. Чехову, 20 ноября). В этих замечаниях Чехова содержались первоначальные пометки плана предстоящих изменений: исключение комедийных сцен с шаферами, объединение двух картин в одну и переделка финала, по поводу которого Чехов писал: «У меня есть вариант».

После премьеры Чехов как будто был преисполнен решимости произвести такую переделку немедленно: «Второй раз пьеса идет 23-го, с вариантом и с изменениями — я изгоняю шаферов» (там же). Однако это намерение вряд ли было реализовано: все существенные изменения текста подлежали обязательному предварительному утверждению драматической цензурой, но никаких «вариантов» Чехов туда не представлял. Да и не было у него в то время необходимого расположения к работе и не заглохли еще воспоминания о неудачной коршевской постановке и приеме, оказанном пьесе московскими рецензентами. Он сам признавался: «...мне после Москвы так опротивела моя пьеса, что я никак не заставляю себя думать о ней: лень и противно» (Чеховым, 3 декабря).

И все же какая-то попытка ввести в текст некоторые исправления была предпринята им сразу же после премьеры: об этом свидетельствуют карандашные пометы (вычерки в тексте и отчерки на полях), сохранившиеся на страницах только что отпечатанного тогда машинописного отiska пьесы (Ценз. 87₂).

Чехов наметил в отписке вычерк (затем он был стерт) двух явлений последнего акта — как раз тех «балаганных» сцен, ис-

полнением которых он был недоволен, исключил шуточную свадебную запевку свахи в III акте (явл. 3), вычеркнул несколько шутовских реплик Боркина и Шабельского и некоторые другие места, связанные с комедийной жанровой основой пьесы.

Намеченная в оттиске правка носила сугубо предварительный характер, она не перешла тогда в текст пьесы и не была учтена в вышедшем вскоре в свет литографированном издании — это правка «дальнего прицела», которая была связана с перспективой будущей перестройки пьесы, с еще не до конца осознанным творческим планом перестройки пьесы из «комедии» в «драму».

К осуществлению этого плана Чехов вернулся только через год, но уже и в 1887 г. о предстоящей перделке пьесы говорилось в литературных кругах как о деле вполне решенном. Например, редактор «Будильника» сообщал тогда своим читателям: «Можно быть уверенным, что „Иванов“ в новой обработке удовлетворит большинству» ((В. Д. Л е в и с к и й.) Театрально-музыкальные заметки исприсяжных рецензентов. — «Будильник», 1887, № 50, 25 декабря, стр. 7. Подпись: Свой).

4

Премьера пьесы состоялась в Москве 19 ноября 1887 г. на сцене Русского драматического театра Корша в бенефис Н. В. Светлова. Роли исполнили: Иванова — В. Н. Давыдов, Анны Петровны — А. Я. Глама-Мещерская, графа Шабельского — И. П. Киселевский, Лебедева — Л. И. Градов-Соколов, Зинаиды Савишны — З. П. Бороздина, Саши — Н. Д. Рыбчинская, Львова — П. Ф. Солонин, Бабакиной — Б. Э. Кошева, Косых — Ф. П. Вязовский, Боркина — Н. В. Светлов, Дудкина — В. И. Валентинов, Авдотьи Назаровны — Е. Ф. Красовская. Декорации I акта были выполнены художником А. С. Яновым, товарищем Н. П. Чехова.

Постановка «Иванова» была поручена режиссеру М. В. Аграмову. Ближайшее участие в ней принял Давыдов, которому, по словам одной из участниц спектакля, «был обязан театр появлением на сцене первой серьезной чеховской пьесы» (А. Я. Г л а м а-М е щ е р с к а я. Воспоминания. М. — Л., 1937, стр. 257). А. А. Плещеев также считал Давыдова «крестным отцом „Иванова“» (Александр П л е щ е е в. Что вспомнилось, стр. 113). Глама-Мещерская вспоминала, что «пьесе Чехова ставили с любовью, с редким вниманием, ибо уже тогда все, начиная с Корша, возлагали большие надежды на молодого автора» (указ. соч., стр. 258).

Будущие участники спектакля сначала собирались у Чехова: «Они читали пьесу и распределяли между собою роли. Антон очень волновался и говорил, что „все бы это было хорошо, если бы артисты проявляли больше жизненных инстинктов“» (А. А. Д о л ж е н к о. Воспоминания родственника об Аптоне Павловиче Чехове. — В кн.: А. П. Чехов. Сб. статей и материалов. Ростов н/Д, 1959, стр. 342). Перечислив имена бывавших тогда у Чехова артистов, мемуарист упомянул также имя артистки Г. И. Мартыновой, которая в окончательный состав исполнителей не вошла, но, видимо, сначала намечалась на роль Саши.

Чехов надеялся, что «Давыдов и Киселевский будут блестящи», и писал, что «Давыдов с восторгом занялся своею ролью» (Лейкину, 4 ноября). Глама-Мещерской роль также была передана, по ее словам, «согласно желанию автора» (А. Я. Глама-Мещерская. Воспоминания, стр. 257). Однако Рыбчинская, назначенная на роль Саши, «неохотно бралась за нее» (там же). С неудовольствием взялся за свою роль и Киселевский. Чехов позднее вспоминал: «Он всюду ходил и жаловался, что его заставляют играть такого сукиного сына, как мой граф» (Суворину, 30 декабря 1888 г.).

24 октября Чехов с беспокойством писал о работе над пьесой в театре: «Актеры не понимают, несут вздор, берут себе не те роли, какие пужбо, а я воюю, веруя, что если пьеса пойдет не с тем распределением ролей, какое я сделал, то она погибнет. Если не сделают так, как я хочу, то во избежание срама пьесу придется взять назад». Чехов разделял в это время опасения Давыдова, что пьеса «у Корша шлепнется, так как играть ее решительно некому» (Ал. П. Чехову, 29 октября); «она неминуемо провалится благодаря бедности коршевской труппы» (Лейкину, 4 ноября 1887 г.).

26 октября Корш подписал условие, по которому он получил «исключительное право постановки в Москве» пьесы до 1 июня 1888 г. (Чехов. Лит. архив, стр. 82). 2 ноября он известил Чехова о посылке пьесы в цензуру и предложил «окончательно решить некоторые вопросы постановки» (ГБЛ). Их встреча, состоявшаяся 3 ноября, убедила Чехова, что «Корш — купец, и ему нужен не успех артистов и пьесы, а полный сбор», и он снова хотел взять свою пьесу назад и передать ее Малому театру (Лейкину, 4 ноября).

Вместо обещанных десяти репетиций было назначено всего четыре (Ал. П. Чехову, 20 ноября). Глама-Мещерская вспоминала, что Чехов на них «постоянно присутствовал, но он скромно сидел в партере и в режиссерскую постановку совсем не вмешивался; актерам никаких замечаний не делал» (А. Я. Глама-Мещерская. Воспоминания, стр. 258).

Однако из писем самого Чехова видно, что репетиции сильно его волновали и постановка отняла у него много первой энергии. Он признавался, что пьеса «заездила и утомила» его (Лейкину, 4 ноября). Об этом времени Чехов вспоминал несколько позже: «Мне кажется, что я весь ноябрь был психопатом»; «В голове такое умопомрачение...»; «После пьесы я так утомился, что потерял способность здраво мыслить и дельно говорить» (Ал. П. Чехову, 24 ноября; Лазареву (Грузинскому), 26 ноября). И. Н. Потапенко писал в своих воспоминаниях: «Чехов часто говорил об особом авторском психозе, которым заболевает человек, ставящий пьесу.

— Я сам испытал это, когда ставил „Иванова“, — говорил он и описывал болезнь: „Человек теряет себя, перестает быть самим собой, и его душевное состояние зависит от таких пустяков, которых он в другое время не заметил бы: от выражения лица помощника режиссера, от походки выходного актера...“ и т. д. (И. Н. Потапенко. Несколько лет с А. П. Чеховым. — «Нива», 1914, № 28, стр. 551; Чехов в воспоминаниях, стр. 344).

Лейкин всячески уговаривал Чехова не вмешиваться в постановку, находил это совершенно излишним и рекомендовал всецело положиться на режиссера и исполнителей. В письме от 12 ноября 1887 г. он горячо убеждал в этом Чехова, ссылаясь при этом на свой собственный опыт драматурга и опыт Суворина: «Напрасно Вы так бьетесь с Вашей пьесой. Конечно, постановка пьесы для Вас новинка, первая пьеса Вас волнует, но нужно быть хладнокровнее. Я сам волиновался при постановке моей первой пьесы, но потом бросил, когда ставились последующие (. . .) Делал я обыкновенно так: являлся на одну, последнюю репетицию, предоставляя постановку пьесы режиссеру. Это самое лучшее. Скажу Вам по опыту: я даже не понимаю, как это автор может ставить пьесу. Автор постановке только мешает, стесняет актеров и в большинстве случаев делает только глупые указания. Суворин то же самое говорит. Я был у него и передавал содержание Вашего письма» (ГБЛ).

На эти доводы Чехов отвечал 15 ноября: «Ваши строки относительно постановки пьес повергли меня в недоумение (. . .) На сие ответчу Вам сие: 1) автор хозяин пьесы, а не актеры; 2) везде распределение ролей лежит на обязанности автора, если таковой не отсутствует; 3) до сих пор *все* мои указания шли на пользу и делалось так, как я указывал; 4) сами актеры просят указаний (. . .) Если свести участие автора к полю, то получится черт знает что... Вспомните-ка, как Гоголь бесился, когда ставили его пьесу! Разве он не прав?»

За несколько дней до премьеры Чехов писал Лазареву (Грузинскому): «К 19-му ноября я готовлюсь, как к вещи» (15 ноября 1887 г.). На первом спектакле присутствовала вся семья Чехова и многие его знакомые. По воспоминанию очевидца (С. Ф. Рассохина), Чехов «ни за что не хотел выходить на вызовы, и его почти вытаскивали артисты, во главе с В. Н. Давыдовым, игравшим Иванова. Смущенно расклапывался А. П. и бессознательно отвечал на одобряющие пожатия руки Давыдова» ((Ф. А. Мухортов). Дебюты Чехова-драматурга. «Иванов» и «Медведь» у Корша. — «Раннее утро», 1910, 17 января, № 13. Подпись: Ор).

О состоявшейся премьеры Чехов писал брату: «Театралы говорят, что никогда они не видели в театре такого брожения, такого всеобщего аплодисменто-шканья, и никогда в другое время им не приходилось слышать стольких споров, какие видели и слышали они на моей пьесе» (Ал. П. Чехову, 20 ноября). В следующем письме он снова повторял, что «на первом представлении было такое возбуждение в публике и за сценой, какого отродясь не видел суфлер, служивший в театре 32 года» (ему же, 24 ноября).

М. П. Чехов позднее тоже вспоминал: «Это было что-то невероятное. Публика вскакивала со своих мест, одни аплодировали, другие шикали и громко свистели, третьи топали ногами. Стулья и кресла в партере были сдвинуты со своих мест, ряды их перепутались, сбились в одну кучу, так что после нельзя было найти своего места; сидевшая в ложах публика встревожилась и не знала, сидеть ей или уходить. А что делалось на галерке, то этого невозможно себе и представить: там происходило целое

побойще между шиказными и аплодировавшими» (*Вокруг Чехова*, стр. 187—188).

Некоторые зрители, в частности, художники И. И. Левитан, Ф. О. Шехтель, Н. П. Чехов, находили, что пьеса на сцене «до того оригинальна, что странно глядеть. В чтении же это незаметно» (Ал. П. Чехову, 24 ноября). Будущий театральный критик Н. Е. Эфрос, присутствовавший на спектакле, утверждал впоследствии, что «несмотря на некоторую грубость коршевского исполнения, нивелировавшего оригинальность новых драматургических методов,— эта оригинальность, специально чеховское — они дошли до зрителей, хотя бы до более молодой их части, они произвели впечатление, захватили, особенно в первом акте, у Чехова — лучшим и наиболее „чеховском“» (Николай Эфрос. *Московский Художественный театр. 1898—1923. М.—П., 1924, стр. 26*).

Очевидное недовольство зрительного зала вызвал последний акт пьесы и особенно развязка, казавшаяся, видимо, недостаточно драматургически подготовленной и малоэффективной (в первой редакции пьесы Иванов умирал естественной смертью — тихо и для всех незаметно). Чехов сам отмечал, что «публика не понимает этой смерти» (Ал. П. Чехову, 20 ноября). В печати говорилось, что окончание пьесы было «встречено относительно холодно» («Новости дня», 1887, 20 ноября, № 319, отд. Театр и музыка). Один из очевидцев потом писал, что публике «особенно странной казалась развязка» (Д. Я. (Д. Я. Языков). *Краткий очерк двадцатипятилетней деятельности театра Ф. А. Корша. 1882—1907. М., 1907, стр. 37*). Эфрос, наконец, прямо заявлял, что «финал резко настроил против пьесы, даже произвел что-то вроде скандала» (Николай Эфрос, указ. ссч., стр. 26).

На следующий день после премьеры к Чехову на дом явился известный драматург В. А. Крылов и предложил кое-что в пьесе «исправить», «изменить», «прибавить» — «с тем, чтобы он, Крылов, шел за полуавтора и чтобы гонорар делился между ними пополам». Удивленный Чехов «деликатно ему отказал» (*Вокруг Чехова*, стр. 188; ср. также: А. Федоров. *А. П. Чехов. — Южные записки*, 1904, № 32, 18 июля, стр. 10).

На втором спектакле, состоявшемся 23 ноября 1887 г., вместо актрисы Рыбчинской, у которой внезапно заболела дочь, в роли Саши выступила без репетиций Е. В. Омурова (позднее она в «Иванове» играла Сарру). Через много лет она вспоминала, что Чехов на другой день прислал ей только что выпущенную в свет свою книгу «Пестрые рассказы» с надписью: «Евгении Викторовне Омуровой, спасшей мою пьесу» (письмо к Чехову от 18 января 1904 г. — *ГБЛ*).

Вскоре выбыл еще один участник спектакля, игравший доктора Льева. Чехов, находившийся тогда уже в Петербурге, получил известие об этом от брата Михаила Павловича, который 7 декабря 1887 г. сообщал ему в числе других новостей: «7., Пьеса твоя еще ни разу не давалась и в течение всей этой недели даваться не будет, ибо —

8., У Солонина при смерти отец, и сам Солонин уехал в Саратов: некому играть врача» (*ГЛМ*).

Таким образом, надежды Чехова на то, что «пьеса пойдет много раз» (Ал. П. Чехову, 21 октября 1887 г.), не оправдались. Он с досадой отзывался о постановке «Иванова» в театре Корша, находил, что его пьесу там «шакостили», «коверкали», «ломали»; он полагал, что «после коршевской игры ни один человек из публики не понял Иванова» (Чеховым, 3 декабря). Чехов указывал на «режиссерские промахи» и «неуверенность» актеров: «Роль знали только Давыдов и Глама, а остальные играли по суфлеру и по внутреннему убеждению». Особенно возмутило его исполнение последнего акта: «Выходят шафера; они пьяны, а потому, видишь ли, надо клоунничать и выкидывать коленцы. Балаган и кабак, приводящие меня в ужас» (Ал. П. Чехову, 20 ноября).

Свою авторскую неудовлетворенность постановкой Чехов, приехав в Петербург, высказал Суворину. Присутствовавший при разговоре фельетонист «Нового времени» В. С. Лялин в очередной газетной заметке передал его содержание и, не называя имен, сообщил о «беседе с молодым автором-драматургом», «о бесчисленных „фантазиях“, допущенных гг. актерами при исполнении его пьесы» и «авторских страданиях, пережитых при первом представлении»: «Один актер, например, совсем не знал роли и говорил что бог на душу положит, не имея никакого понятия о лице, которое он призван изображать; другой, имевший такое понятие, т. е. знавший, кого он должен играть, совсем однако не знал что и как он будет играть, полагаясь во всем на суфлера; комик безбожно перевирал текст, играя, как говорится, совсем из другой оперы».

Подразумевая, без сомнения, сцену графа Шабельского с Лебедевым из IV акта, о которой Чехов упоминал также в приведенном выше письме от 20 ноября 1887 г., фельетонист далее писал: «Сцена такая, например: X., сидя за роялем, под влиянием разных воспоминаний, начинает плакать; Z. спрашивает его, о чем он плачет; X. продолжает плакать, не отвечая на слова; публика недоумевает. В чем дело? X., оказывается, просто забыл, зачем он плачет; что плакать нужно — он помнил, а зачем нужно — забыл. Автор сидит в это время в ложе и все это видит — видит, что места он сам не узнает своей пьесы, до того она переиначена и искажена. Каково ему в это время? Публика между тем, которая пьесы не знает, судит о ней по искаженному тексту, и этот суд иногда окончательный».

Продолжая свой рассказ, фельетонист в следующем номере газеты сообщил, как «драматическая премьерша, перепутавшая одну пьесу с другой, в конце третьего действия залилась вдруг слезами. Бедный автор вне себя вбегает на сцену. „Что вы сделали! — кричит он. — Помилосердствуйте! Вы должны были разгневанной выбежать вон в конце действия, а вы вдруг заплакали!“ — „Ах, извините, отвечала премьерша, я перепутала: я вчера в третьем действии плакала, ну вот я и сегодня заплакала...“» (П е т е р б у р ж е ц. Маленькая хроника. — «Новое время», 1887, 29 ноября, № 4222; 30 ноября, № 4223).

При всех возможных неточностях этого рассказа он представляет несомненный интерес, поскольку основан на действительных фактах, сообщенных Чеховым. Сам Чехов, однако, был возмущен бестактной выходкой «нововременского балбеса»,

который «подвес в газете такую фигу коршевской труппе»; он опасался, что после этой публикации «Корш снимет с репертуара» пьесу (Чеховым, 3 декабря 1887 г.).

В том же сезоне «Иванов» был поставлен и на провинциальной сцене. 7 ноября 1887 г. Чехов сообщал Киселевой, что его пьеса «уже пущена в обращение» и па той же неделе (то есть до премьеры в Москве) «пойдет в Саратов» с Андреевым-Бурлаком в одной из главных ролей». О том же он упоминал и в письме к Ал. П. Чехову от 10 ноября.

Однако документальных сведений об этом спектакле нет. Действительно, труппа товарищества артистов под управлением Г. М. Коврова с участием приглашенного из Москвы В. Н. Андреева-Бурлака гастролировала в саратовском городском театре с 12 по 24 ноября 1887 г. Но ни в объявленном газетам репертуаре, ни в печатных откликах на прошедшие спектакли пьеса Чехова не упоминалась (см.: Ж. С. Н о р е ц. Был ли «Иванов» поставлен в Саратове в 1887 году? — «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института», т. 460, 1970, стр. 140—144).

В Харькове 1 и 14 января 1888 г. «Иванов» ставился труппой товарищества артистов с участием Е. Я. Неделина (Иванов), М. И. Свободиной-Барышевой (Анна Петровна) и А. В. Анненской (Саша). 12 и 28 мая та же труппа сыграла «Иванова» в Екатеринославе. 19 февраля 1888 г. «Иванов» был поставлен в Ставрополе товариществом драматических артистов под управлением С. Н. Томского в бенефис артистки С. С. Багрицкой, исполнявшей роль Бабакиной (об этой постановке Чехов упоминал 7 апреля 1888 г. в письме А. Н. Маслову-Бежецкому). 27 октября пьеса шла в Ярославле в исполнении труппы артистов под управлением Н. А. Борисовского (Лебедев) с участием Е. В. Горской, В. А. Агреновой, С. С. Расатова и т. д.

Впоследствии Г. Г. Ге вспоминал, что он «один из первых» ставил пьесу Чехова в провинции и участвовал в ней: «Поставил я ее в Ковне, где она прошла с огромным успехом. Спустя год „Иванов“ с меньшим успехом прошел в Астрахани. С тех пор эта пьеса стала любимой в провинции» (Л. Л ь в о в. Артисты о Чехове (Воспоминания, встречи и впечатления). Г. Г. Ге. — «Новости и Биржевая газета», 1904, 23 августа, № 232).

5

В печати впервые об «Иванове» сообщалось 9 октября 1887 г. — на страницах «Нового времени»: «Ал. П. Чеховым, как мы слышали, написана комедия в четырех действиях, под заглавием: „Иванов“. Сюжет пьесы нов. Первая постановка на сцену предполагается в Москве (№ 4171, отд. Театр и музыка). Эта «коммерческая заметка» была напечатана по просьбе самого Чехова, который в письме к Ал. П. Чехову от 6 или 7 октября сообщил ее примерный текст для передачи в редакцию.

31 октября та же газета кратко характеризовала пьесу: «Слышавшие „Иванова“ говорят, что это — очень оригинальная, симпатичная вещь. В постройке пьесы замечается такое искусство, такая умелость, что трудно даже признать ее первым дра-

матическим опытом молодого автора» («А. Д. Курепин») Московский фельетон.— «Новое время», 1887, 31 октября, № 4193. Подпись: К.). Извещение о готовившейся «новинке в театре Корша» было напечатано также в «Петербургской газете» (30 октября, № 298), а с 11 ноября анонсы стали публиковаться и московской прессой.

После премьеры одним из первых обрушился на пьесу П. И. Кичеев, который назвал ее «глубоко безнравственной, нагло-цинической путаницей понятий», «отвратительнейшей стряпней», «цинической дребеденью», автора — «бесшабашным клеветником на идеалы своего времени». В Иванове он увидел по «героя переживаемого нами времени», а просто «отъявленного негодяя», совершающего «гнусные выходки», «негодяя, которому нет названия», «негодяя, попирающего все и божеские и человеческие законы» (Петр Кичеев. По театрам.— «Московский листок», 1887, 22 ноября, № 325; см. также письма Чехова А. С. Киселеву и Ал. П. Чехову от 24 ноября). Словам Кичеева о «негодяйстве» Иванова почти буквально вторил Л. И. Пальмин в своем письме Лейкину, написанном в день опубликования статьи Кичеева: «Герой пьесы — невыразимый негодяй, каких и в жизни редко найдешь, но которому автор, очевидно, сочувствует, — может возбудить только чувство омерзения. Во всех сценах нет ничего ни комического, да ничего и драматического, а только ужасная, омерзительная, циническая грязь, производящая отталкивающее впечатление» (см.: Г. А. Бялый. Русский реализм конца XIX века. Изд. ЛГУ, 1973, стр. 158).

В том же тоне и также свидетельствуя о полном непонимании объективной манеры драматургического письма Чехова была выдержана и рецензия С. Н. Филиппова, который обнаружил в пьесе «беспардонное лганье на человеческую природу», «выдумку», «незнание жизни» и аттестовал ее как «десятидневную стряпню», результат «психопатического творчества», «недоношенный плод противузыкающего сожительства авторской неумяненности и самого тупого расчета». Иванова он тоже рассматривал как «заведомого мерзавца», «форменного негодяя», «вонющего мерзавца» («Театр Корша». — «Русский курьер», 1887, 25 ноября, № 325. Подпись: Ph.).

Во взгляде обоих рецензентов на пьесу в обнаженно-вульгарной форме проявилось смешение плана изображения и авторского «я». Они подошли к оценке главного героя пьесы с меркой тех персонажей, которые в самой пьесе трактовали Иванова как заведомого «подлеца». Они отвергли пьесу за то, что автор «симпатизирует своему герою», рисует как «слабохарактерного только и симпатичного страдальца» (Кичеев), «навязывает симпатичнейшие ярлыки» и представляет его «благороднейшим представителем человеческой породы» (Филиппов).

Авторитетный критик «Московских ведомостей» С. В. Флеров-Васильев отнесся к пьесе в целом благожелательно и писал о ней в спокойной-сдержанном тоне (Чехов отметил, что в газете пьесу «похвалили» — Ал. П. Чехову, 24 ноября). В рецензии говорилось: «На театре г. Корша идет новая комедия с оригинальным названием „Иванов“. Это первый драматический опыт

г. Чехова, автора целого ряда небольших рассказов, недавно появившихся отдельной книгой под заглавием „В сумерках“. Г. Чехов начинающий писатель и совсем еще молодой человек. Это чувствуется уже из самой пьесы (. . .) Я не скажу, чтоб это было произведение зрелое. Напротив, в нем много ошибок, ошибок неопытности и неумения. Но оно талантливо».

Критик находил, что «при всей неопытности автора» ему удалось показать в пьесе «живые лица», в которых «тенденции нет никакой». Правда, главный герой представлял рецензентом несколько однопланово: «Иванов прекрасный человек, умный, честный, трудолюбивый, преданный своему делу и отдающий ему всю душу; он безупречный общественный деятель и слывет за умника во всем уезде». Видимо, сознавая, что в пьесе характер Иванова показан гораздо более сложным и выходит за рамки набросанного им портрета, критик склопен был объяснить это расхождение только неопытностью и неумением драматурга: «Я до конца дожидаясь разъяснения мне автором характера Иванова. Разъяснения этого не последовало. Автор виноват (. . .) Я думал сначала, что автор намеренно держит его в первых актах в полутени, чтобы потом одним эффектным сценическим поворотом бросить на него полный свет. Этого не случилось. Г. Чехов просто не справился со своим героем» (С. В а с и л ь с в. Театральная хроника. XII.— «Московские ведомости», 1887, 23 ноября, № 323).

Иной подход к Иванову проявили рецензенты, полагавшие, что пегероническое изображение «героя» пьесы входило в творческие планы драматурга. Так, в анонимной корреспонденции «из Москвы», напечатанной в «Новом времени» и принадлежавшей А. Д. Куренину (его авторство подтверждается письмом Чехова к Ал. П. Чехову от 24 ноября 1887 г.), утверждалось, что главное лицо пьесы было «задумано автором оригинально». Далее говорилось: «Герои пьес обыкновенно отличаются яркими достоинствами или столь же яркими недостатками; у Иванова нет ни тех, ни других. Это — заурядный человек, честный, но не сильный характером; не он создает себе жизнь, а жизнь зачастую распоряжается им». Однако основной конфликт в пьесе был трактован Курениным суженно — только как столкновение честной личности с враждебной внешней средой, как поединок Иванова со сплетней, которая, «измучивши Иванова, окончательно добивает его...» («Новое время», 1887, 22 ноября, № 4215, отд. Театр и музыка).

Стремлением глубже проникнуть в авторский замысел отличалась статья неизвестного автора, написанная в форме письма в редакцию газеты «Новости дня», которую Чехов назвал «длинной защитительной речью» (В. Н. Давыдову, 1 декабря). Нападки на пьесу автор статьи объяснил тем, что рецензенты просто «не отгадали» смысл явлений и характеры лиц, не поняли, что пьеса Чехова скроена не шаблонно, не по известной мерке, что именно в этом и состоит ее особый интерес.

Разъясняя возникшие недоумения, автор статьи писал так, будто ему были хорошо известны авторские намерения: «Об Иванове сложилось мнение как раз в том духе, какой нежелателен был автору, вне всякого сомнения, имевшему в виду, что най-

дется много близоруких людей, составляющих себе убеждения наотмашь. Он нарочно вывел в пьесе несколько посторонних лиц, толкующих об Иванове вкривь и вкось как о человеке безнравственном, бесчестном, и этим как бы хотел предостеречь зрителей от неверного понимания; случилось же наоборот. Иванов не был понят, лучше — его не хотели понять, не хотели признать его живым лицом...».

В статье утверждалось, что Чехов поставил в пьесе целый ряд вопросов животрепещущей важности: ему удалось «схватить выдающиеся черты типичного характера», «вывести его на свет божий, представить его нашим глазам как живую действительность». В понимании рецензента Иванов — обыкновенный, средний, «дюжинный человек, без запаса твердых убеждений, при полном отсутствии характера», который страдает «общепризнанным теперь» недугом — «нервной импотенцией, если можно так выразиться». При этом существенно, что драматичность положения героя автор статьи не свел только к конфликту между ним и пошлым обществом, но отметил также противоречия в «духовной сфере» Иванова, обнаружил в нем самом «целый мир адских мук и терзаний, от которых он не может освободиться» («Еще два слова об „Иванове“ (Письмо в редакцию). — «Новости дня», 1887, 30 ноября, № 329, отд. Театр и музыка. Подпись: N.).

Стр. 221. ...*Nicolas-voilà*... — Из популярных в 80-е гг. куплетов, исполнявшихся, в частности, с большим успехом В. Н. Давыдовым. Впоследствии артист Александринского театра Ю. М. Юрьев писал о нем: «А его „Николя, вуалья-а-а“ — своего рода шедевр» (Ю. М. Юрьев. Записки, т. I. М. — Л., 1963, стр. 439).

Стр. 224. ...*мадам Анго или Офелия*... — Персонажи оперетты Ш. Лекюка «Дочь мадам Анго» и трагедии Шекспира «Гамлет».

...*pschutt*... — пшют, прозвище, обозначавшее праздного прожигателя жизни, модного щеголя и вертопраха с манерами человека «высшего общества».

...*Поймешь ли ты души моей волнение*... — Популярный в 80-е гг. романс Н. С. Ржевской.

Стр. 227. ...*кукуевец* — слово, широко употреблявшееся с нарицательным оттенком в журналистике и обиходной речи в 80-е гг., в том числе — в фельетонах и рассказах Чехова, и обозначавшее тип бесчестного дельца и хапуги. Получило распространение в связи с происшедшей в 1882 г. близ деревни Кукуевки (под Мценском) крупной железнодорожной катастрофой. Расследование ее причин и поиски виновников «кукуевки» вскрыло царившие на Московско-Курской железной дороге беспорядки, преступную безответственность, служебные злоупотребления и хищничество.

...*свинья в ермолке со Моветон*... — Из письма Хлестакова Тряпичкину в комедии Гоголя «Ревизор» (д. V, явл. 8).

Стр. 235. ...*первый заем стоит уже 270, а второй без малого 250*... — В 1887 г. наблюдалось значительное повышение биржевого курса пятипроцентных внутренних выигрышных (лотерейных) займов 1864 г. и 1866 г., имевших преимущественный спрос в среде мелких держателей капитала. Уровня цен,

названного Бабакиной, сторублевые билеты этих займов достигли в августе 1887 г. (в сентябре уже превысили его).

Стр. 243. *Люблю в тебе я прошлые страдания...*— Из стихотворения Лермонтова «Нет, не тебя так пылко я люблю...», положенного на музыку. Наиболее известны романсы П. П. Булахова, Ф. Г. Голицына и А. И. Шипкина.

Знаем, как вы плохо в шашки играете...— Слова Ноздрева, обращенные к Чичикову — из «Мертвых душ» Гоголя (т. I, гл. 4).

Стр. 246. *Я вновь пред тобою.*— Начальные строки «цыганского» романа на слова стихотворения В. И. Красова «Стансы» («Опять пред тобой я стою очарован...»).

Стр. 253. *У Франции политика ясная* *Дратся не будут.*— Милитаристская политика Германии привела в 1887 г. к резкому обострению отношений с Францией. Перспектива франко-германской войны трижды в течение 1887 г. (в январе — феврале, апреле и сентябре) выступала на первый план и волновала общественное мнение европейских стран.

Стр. 254. *...Жомили да Жомили, а о водке ни полслова.*— Из стихотворения Д. В. Давыдова «Песня старого гусара».

Стр. 256. *Доктор, батюшка, спасите, смерти до смерти боюсь...*— Перефразировка строк из «Докторской серенады» В. Х. Давыдова (слова А. М. Ушаковой); в подлиннике: «Доктор, друг, меня спасите, смерти страшно я боюсь...»

Стр. 267. *Явилась ты, как пташка к свету...*— Из романа Е. С. Шашиной «Три слова» (текст О. П. Павловой); в подлиннике: «Явился ты!.. Как пташка к свету, неслась к тебе душа моя...»

Стр. 273. *...акциями Скопинского банка.*— Намек на нашедшее в 1884 г. судебное дело о злоупотреблениях и крахе банка в г. Скопине Рязанской губернии (см. «Картинки из недавнего прошлого» — т. III Сочинений, а также фельетон «Дело Рыкова и комп.» — т. XVI).

Стр. 274. *У Гоголя две крысы сначала понюхали, а потом ушли...*— Городничий в «Ревизоре» рассказывает, что ему снились «две необыкновенные крысы», которые «пришли, понюхали — и пошли прочь» (д. I, явл. 1).

Стр. 280. *Да не сиди, Сашенька, не сиди...*— Одна из «каравайных» песен свадебного обряда, которую подружки невесты поют в день перед венцом, до девичника.

Стр. 282. *...марш из «Бокаччио»...*— Из I акта оперетты Ф. Зуше (1879).

Стр. 283. *...точно Тит Титыч...*— По имени купца Брускова из комедии А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье» (1856).

Стр. 290. *О ты, что в горести напрасно на бога ропщешь, человек...*— Цитата из «Оды, выбранной из Иова, главы 38, 39, 40 и 41» Ломоносова. Тот же стих и так же некстати произносит Хлестаков в момент объяснения с Марьей Антоповной в «Ревизоре» Гоголя (д. IV, явл. 12).

МЕДВЕДЬ

Впервые — «Новое время», 1888, 30 августа, № 4491, стр. 2—3. Заглавие: Медведь. Шутка в одном действии. Подпись: А. П.

В 1888 г. вышло в свет литографированное издание: Медведь. Шутка в одном действии Ал. Чехова. Посвящается Н. Н. Соловцову. Литография Московской театральной библиотеки Е. Н. Рассохвиной (ценз. разр. 4 октября 1888 г.).

Перепечатано в журнале «Артист», 1890, кн. 6, февраль, и в приложении к журналу «Будильник», 1893, №№ 40—42 от 10. 17 и 24 октября.

Включено в сборник «Пьесы» (1897).

Вошло в издание А. Ф. Маркса.

Сохранилась рукопись — цензурный экземпляр пьесы: Медведь. Шутка в одном действии Ал. Чехова. Посвящается Н. Н. Соловцову. На обложке штампель с датой представления в цензуру: «22 сеп(тября) 1888» и резолюция цензора: «К представлению дозволена, с разрешения г. начальника. См. рапорт 24 сентября 1888. Цензор драматических соч(инений) С. Донауров. 27 сентября 1888» (ЛГТБ).

Печатается по тексту: Чехов, т. VII, стр. 5—23, с исправлением:

Стр. 298, строка 11: в комнаты прет — вместо: в комнату прет (по тексту «Нового времени»).

1

Чехов написал пьесу в феврале 1888 г., вскоре после окончания повести «Степь» (отправлена в журнал «Северный вестник» 3 февраля 1888 г.). 22 февраля он сообщал И. Л. Леонтьеву (Щеглову): «Ничего не делаю. От нечего делать написал водевиль „Медведь“. И в тот же день Я. П. Полонскому: «От нечего делать написал пустынький французистый водевильчик под названием „Медведь“. (. . .) На „Степь“ пошло у меня столько соку и энергии, что я еще долго не возьмусь за что-нибудь серьезное».

Сохранилось воспоминание А. С. Лазарева (Грузинского) о том, как зимой 1888 г. Чехов читал свою пьесу: «Взял со стола тоненькую тетрадь и, стоя посреди комнаты, жестикулируя, меняя голос, прочел нам очень живую и веселую пьеску. Это был только что законченный им „Медведь“. Читал Чехов мастерски — известно, что в ранней юности он не без успеха выступал на сцене; всю пьеску он прочел свободно, не задыхаясь, не спадая с голоса, хотя от публичных выступлений на литературных вечерах уклонялся и тогда и позже, ссылаясь на слабость голоса, на быструю утомляемость» (Чехов в воспоминаниях, стр. 170).

В «Новом времени» пьеса была напечатана без подписи, с инициалами: А. П. Угадавший подлинное имя автора А. П. Плещев сранивал Чехова 13 сентября 1888 г.: «А ведь это Вы написали в „Новом времени“ шутку „Медведь“? Мне кажется, па сцене она была бы очень забавка. Я по некоторым штришкам узнаю Вашу руку» (ЛН, стр. 330). Леонтьев (Щеглов) делился

своим впечатлением от пьесы: «Ваш „Медведь“ мне очень понравился — написано бегло, ярко и сжато, именно так, как надо писать подобные вещи. Здесь Савина и Сазонов, а в Москве Мартынова и Соловцов могут сделать безделке популярность» (12 сентября 1888 г. — ГБЛ).

14 сентября Чехов ответил Леонтьеву (Щеглову): «Вам нравится „Медведь“? Коли так, пошло его в цензуру».

23 сентября цензор драматических сочинений С. И. Донауров дал отрицательное заключение: «Неблагоприятное впечатление, производимое этим более чем странным сюжетом, увеличивается вследствие грубости и неприличия тона всей пьесы, и поэтому я полагаю бы, что к представлению на сцене оно совершенно не пригодно» (ЦГИА; Чехов. Лит. архив, стр. 261).

Запрещения, однако, не последовало. Начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов, прочитав рапорт цензора, наложил резолюцию: «Я эту пьесу читал. Мне кажется, что следовало бы исключить из нее некоторые грубые выражения, а что касается сюжета, то, при всей пустоте его, он не содержит ничего предосудительного» (там же). В тексте было вычеркнуто несколько грубых фраз. В явл. 5 слова Смирнова: «Вы узнаете у меня Сидорову козу и Кузькину мать, в рот вам дышло, сто чертей и одна ведьма!» (заменено словами: «Узнаете вы меня!»); в явл. 8 — его суждения о женщинах: «шкодливы, как кошки, трусливы, как зайцы...»; в явл. 9 — слова Поповой: «Бревно грубое!»

Чехов после прохождения пьесы в цензуре заметил в письме от 2 октября А. С. Суворину: «„Медведь“ пропущен цензурой (кажется, не безусловно) и будет идти у Корша. Соловцов жаждет играть его».

Пьеса ставилась и перепечатывалась в дальнейшем без слов, исключенных цензурой. В настоящем издании они также не восстанавливаются, поскольку этого не сделал сам Чехов в сборнике «Пьесы» и в прижизненном собрании сочинений; редактируя в конце жизни равные сочинения, он обычно освобождал их от экспрессивных слов и выражений, подобных тем, какие содержатся в первопечатном тексте «Медведя».

Рукопись, представленная в цензуру, несколько отличалась от газетной публикации: была обозначена фамилия автора, появилось посвящение Н. Н. Соловцову. В репликах Смирнова сняты: «черт меня возьми совсем? Как я могу не сердиться?» (явл. 4) и «Мокрого места не останется!» (явл. 9); в речи Поповой — дважды повторенное «Вы нахал!» (явл. 9). Внесены небольшие стилистические поправки (в основном — перестановка слов).

Литографированное издание, повторившее утвержденный театральной цензурой текст, вышло около 10 октября 1888 г. В журналах «Артист» и «Будильник» водевиль перепечатывался без авторской правки (в «Артисте» нет посвящения Соловцову; в «Будильнике» появилось довольно много опечаток).

Чехов внес новые изменения в текст лишь в 1896 г., для сборника «Пьесы». Вместо пяти явлений стало одиннадцать: первое явление разбито на три, второе — на четыре, третье — на три, и лишь два последних явления остались, как были; в связи с

этим изменены порядковые номера. Спято посвящение Соловцову, появившееся снова в марксовском издании. В тексте сделано несколько поправок: в словах Луки «горничные и кухарки» — на «горничная и кухарка»; в его обращении к Поповой: «Молодые, красивые» — на «Молодая, красивая». Вычеркнута одна фраза в монологе Смирнова о жевтицах (явл. 8) и сняты его нападки на турнюр («не позабыли надеть турнюр», «Хоть турнюр, хоть ямочки на щеках»). Упоминание о «турнюре» все-таки осталось — в явл. 6, но и оно исчезло при подготовке текста для собрания сочинений. В сборнике «Пьесы» нет сердитой реплики Поповой: «Через год получите!» (явл. 8), обострявшей и без того горячий конфликт.

Для собрания сочинений Чехов внес в текст «Медведя» лишь несколько поправок. В речи Луки литературное «да уж поздно будет» заменено народным: «ап поздно будет»; в одежде Смирнова вместо шляпы появилась фуражка (ремарка в явл. 10); в двух случаях изменены слова (одно вставлено, одно поправлено).

Как и в других пьесах, вошедших в марксовское издание, в тексте «Медведя» существенно изменена пунктуация: сокращено число многоточий, меньше стало восклицательных знаков.

2

В середине октября 1888 г. Чехов писал А. Н. Маслову (Бежецкому) о предстоящей постановке «Медведя» в театре Корша и «Лебединой песни» в Малом театре: «В этот сезон у меня пойдут две одноактных штуки: одна у Корша, другая на казенной сцене. Обе написаны между делом. Театра я не люблю, скоро утомлюсь, но водевили люблю смотреть». И добавлял шутливо: «Верую я в водевиль и как автор: у кого есть 25 десятин земли и 10 сноспых водевилей, того я считаю обеспеченным человеком — вдова его не умрет с голоду».

Премьера «Медведя» в театре Корша состоялась 28 октября 1888 г. Роли исполняли Н. Д. Рыбчинская (Попова), Н. Н. Соловцов (Смирнов), Н. В. Светлов (Лука). Вечер был посвящен бенефису Светлова; давали, кроме «Медведя», «Очаровательный сон» Антропова (переделка повести Достоевского «Дядюшкин сон») и «Завтрак у предводителя» Тургенева. Наибольший успех, по отзывам театральных критиков, имела пьеса Чехова. Автор присутствовал на спектакле; его дважды вызывали.

2 ноября 1888 г. Чехов описывал этот спектакль Леонтьеву (Щеглову): «Соловцов играл феноменально. Рыбчинская была прилична и мила. В театре стоял непрерывный хохот; монологи обрывались аплодисментами. В 1-е и 2-е представление вызывали и актеров и автора. Все газеты, кроме Васильева, расхвалили... Но, душа моя, играют Соловцов и Рыбчинская не артистически, без оттенков, дуют в одну ноту, трусят и проч. Игра топорная. (. . .) Видаюсь с Тихоновым. Он советует послать „Медведя“ в Александринку». Леонтьев (Щеглов), отвечая Чехову, советовал то же: «Савина, если захочет, наделает чудеса из Вашей грациозной „Поповки“, а Сазонов, хотя и будет „дуть в одну ноту“, но с Савиной сыграется как нельзя лучше...» (ГБЛ).

На втором спектакле в театре Корша (31 октября 1888 г.) Попову играла А. Я. Глама-Мещерская. «После первого представления, — рассказывал Чехов 2 ноября в письме Леонтьеву (Щеглову), — случилось несчастье. Кофейник убил моего медведя. Рыбчинская пила кофе, кофейник лопнул от пара и обварил ей всё лицо. Второй раз играла Глама, очень прилично. Теперь Глама уехала в Питер и, таким образом, мой пушной зверь поневоле издох, не прожив и трех дней. Рыбчинская обещает выздороветь к воскресенью».

3 ноября 1888 г. Чехов сообщил Плещееву: «Мой „Медведь“ прошел у Корша шумно», а 5 ноября писал Н. А. Лейкипу: «У меня с большим успехом идет у Корша шутка „Медведь“. По всем видимостям, этот медведь надолго прилипнет к репертуару, а в провинции и на любительских сценах его будут часто раздвельвать». Игрой актеров он был, однако, по-прежнему недоволен и 10 ноября написал Плещееву: «Мой „Медведь“ в Москве идет с большим успехом, хотя медведь и медведица играют неважно».

Тогда же М. П. Чехов приглашал двоюродного брата Г. М. Чехова приехать в Москву: «Теперь в театре идет новая пьеса Автона „Медведь“, за которую публика всякий раз вызывает автора и рукоплещет ему с азартом. Приезжай, посмотришь. А посмотреть стоит» (*ЛН*, стр. 857).

7 ноября 1888 г. экземпляр литографированного издания был отправлен в Театрально-литературный комитет. Суворину в этот день Чехов писал: «Все мне советовали послать „Медведя“ в Александринку. У Корша публика рыгочет, не переставая, хотя Соловцов и Рыбчинская играют совсем не артистически. Я с сестрой сыграли бы лучше». И Леонтьеву (Щеглову), который должен был отвезти пьесу в Комитет: «Если пьесу одобрят, то свободный экземпляр возьмите и вручите актеру или актрисе по своему усмотрению. Вы рекомендуете Савину и Сазонова? Хорошо. Тихонов рекомендует Далматова и Васильеву... И это хорошо. То есть, мне решительно всё равно, так как питерской труппы я не знаю».

12 ноября пьеса была представлена в Комитет и одобрена «большинством голосов» к представлению на сцене императорских театров (резолуция на обложке литографированного издания — *ЛГТБ*; письмо Плещеева от 16 ноября 1888 г. — *ЛН*, стр. 338).

Суворин сообщил Чехову о желании М. Г. Савиной играть в «Медведе». «Благодарю Вас, Алексей Сергеевич, за Савину, т. е. за весть о ней, — отвечал Чехов 11 ноября. — Я думаю, она отлично разделала бы медведицу. Но представьте мою маленькую беду! Жан Щеглов, которому я послал 2 экз. „Медведя“ для Театрально-литературного комитета, сегодня пишет мне, что он по совету В. П. Буренина снес моего „Медведя“ Абариновой к ее бенефису. Тон у Жана Щеглова радостный: счастливчик, мол, тебя удостоили! Боюсь, как бы не произошла неловкость. Про Савину я слышал много хорошего, Абариновой совсем не знаю, а потому имею причин разделять радостный тон Щеглова. В ответ на его письмо написал, что я Савиной дал уже согласие», В письме к Леонтьеву (Щеглову), отправленном в тот

же день, Чехов назвал Савину «высокоталантливой и божественной».

«Савина хочет играть моего „Медведя“ — она была у Суворина, взяла мой адрес и номер с „Медведем“. В Москве он идет с треском, пойдет и в провинции шибко. Вот не знаешь, где найдешь, где потеряешь» (Плещееву, 13 ноября 1888 г.).

18 ноября Чехов просил брата Александра Павловича: «Если случится узнать, когда в Александринке пойдет мой „Медведь“, то уведомя». Ал. П. Чехов отвечал шутливо 22 ноября: «Завтра же я еду к Савиной и, если она соблаговолит принять меня во фраке, немедленно отпишу, ибо „Медведя“ хочет и хлопочет ставить она» (*Письма Ал. Чехова*, стр. 223).

Условие с дирекцией императорских театров на постановку «Медведя» было заключено лишь 29 января 1889 г. (*ЦГАЛИ*). Между тем первое литографированное издание разошлось так быстро, что понадобилось второе. Уже 23 декабря 1888 г. Чехов писал Суворину: «„Медведь“ печатается вторым изданием. А Вы говорите, что я не превосходный драматург».

В феврале 1889 г. и второе издание пьесы было «на исходе» (Суворину, 20 февраля 1889 г.).

На сцене Александринского театра водевиль «Медведь» «прошел с фурором» (письмо Плещеева Чехову, 7 февраля 1889 г. — *ЛН*, стр. 344). Премьера состоялась 6 февраля 1889 г. Роли исполняли: М. Г. Савина (Попова), Н. Ф. Сазонов (Смирнов), К. А. Варламов (Лука).

Чехов не был доволен игрой Сазонова: «Сазонов скверно играет в „Медведе“. Это очень понятно. Актеры никогда не наблюдают обыкновенных людей. Они не знают ни помещиков, ни купцов, ни попов, ни чиновников. Зато они могут отлично изображать маркеров, содержанок, испитых шулеров, вообще всех тех индивидуев, которых они случайно наблюдают, шатаясь по трактирам и холостым компаниям. Невежество ужасное!» (Суворину, 25 ноября 1889 г.).

Вскоре пьеса «Медведь» перешла на провинциальные, частные и любительские сцены.

В одном из писем конца 1888 г. Чехов шутил по поводу того, что его «Медведя» «играют у министров» (Суворину, 19 декабря 1888 г.; речь шла о домашних спектаклях у министра финансов И. А. Вышнеградского и в министерстве иностранных дел; здесь роли исполняли профессиональные актеры: М. Г. Савина, Н. Ф. Сазонов, К. А. Варламов, В. Н. Давыдов). Позднее А. А. Хотяинцева, встретившаяся с Чеховым в Ницце в конце 1897 г., вспоминала его слова: «А вы играли в моем „Медведе“? Нет? Очень приятно, а то каждая почти барышня начинает свое знакомство со мной: „А я играла вашего „Медведя“!» (*ЛН*, стр. 610).

О том, с каким триумфом шла пьеса в театрах Москвы и в провинции, рассказывал М. П. Чехов: «Антошиного „Медведя“ ставили у себя на домашних сценах министр финансов и министр иностранных дел; говорят, что весь высший свет хохотал, глядя на пьесу Аптона. На той неделе „Медведь“ пойдет на императорской сцене, а сейчас уже в 11-й раз его жарят в Русском дра-

матическом театре в Москве» (письмо Г. М. Чехову, 14 декабря 1888 г. — *ЛН*, стр. 857). По сведениям, содержащимся в письме М. П. Чехова от 12 марта 1889 г., пьесу «Медведь» играли тогда в Москве, Харькове, Калуге, Полтаве, Новочеркасске, Таганроге, Ревеле, Кронштадте, Томске, Киеве, Туле, Тифлисе, Казани, Ярославле, Иваново-Вознесенске, Костроме, Симбирске. 12 марта 1889 г. в письме к двоюродному брату Георгию в Таганрог М. П. Чехов передавал просьбу старшего брата: «Антоша просит тебя очень убедительно выслать ему или афишку „Медведя“ или тот № „Таганрогского вестника“, где о нем говорится» (*ЛН*, стр. 858).

Артист Е. Я. Неделин, исполнитель роли Иванова в Харьковском товариществе драматических актеров, писал Чехову 18 февраля 1889 г.: «Такое же спасибо примите и за Медведя, которого я играл уже 5 раз, а 6-ой раз играю в прошальной спектакль 19-го февраля. „Медведь“ имел очень большой успех и служил большей приманкой для публики, чем капитальная пьеса спектакля; здесь все положительно восторгается этой пьеской, и приемам нет конца — спасибо!» (*ГБЛ*).

Известно, что одним из первых публичных выступлений В. Э. Мейерхольда было исполнение роли Луки в «Медведе», поставленном пензенским кружком любителей драматического искусства в начале 1890-х гг. (см. *ЛН*, стр. 417).

В Москве о праве ставить пьесу спорили театр Корша и новый театр — Абрамовой (просуществовал один сезон в 1889/1890 г.). 18 сентября 1889 г. Чехов писал Леонтьеву (Щеглову): «(...) из-за „Медведя“ Корш ругается с Абрамовой: первый тщетно доказывает свое исключительное право на эту пьесу, а абрамовский Соловцов говорит, что „Медведь“ принадлежит ему, так как он сыграл его уже 1817 раз. Сам чёрт не разберет!»

С 19 по 30 апреля 1889 г. в Одессе гастролировало Товарищество московских драматических артистов (с участием петербургских актеров), ставившее пьесы «Иванов» и «Медведь». В письме к брату Александру Павловичу Чехов просил собрать «Новороссийский телеграф» с 15 апреля по 1 мая или «соответствующие номера» «Одесского вестника»: «Возьми и скорее вышли мне заказною бандеролью, чем прემного меня обяжешь». В «Новороссийском телеграфе» за время гастролей столбичных артистов подобных рецензий не появилось; о «Медведе» же было сказано, что он служит «блестящим подтверждением истины, что для живого, оригинального, искреннего таланта нет избитых и пустяшных тем» («Новороссийский телеграф», 1889, 25 апреля, № 4399).

Когда в 1890 г. по дороге на Сахалин Чехов был в Сибири, там в разных городах шли «Медведь» и «Предложение». Газета «Восточное обозрение» отмечала превосходное, живое исполнение в иркутском театре шуток Чехова — «бытовых сцен из повседневной будничной жизни», написанных в «гоголевском духе» («Восточное обозрение», 1889, 22 октября, № 43; 1890, 15 и 29 апреля, № 15 и 17). В газете «Владивосток» (1889, 22 и 29 января, № 4 и 5) говорилось, что «прошел очень хорошо» новый водевиль «Медведь» с участием Молчанова и Стрельской (сведения о сибирских газетах сообщены М. Л. Семановой).

3 февраля 1892 г. Чехов смотрел «Медведя» в Воронеже, когда поехал по делам организации помощи голодающим (письмо к М. П. Чеховой).

11 апреля 1895 г. водевиль был поставлен в Обществе искусства и литературы («Русские ведомости», 1895, № 98). Зимой 1900 г. на вечере, устроенном Обществом в Охотничьем клубе на Воздвиженке, присутствовал Л. Н. Толстой. Были поставлены «Свадьба» и «Медведь». Как писала 16 декабря О. Л. Книппер, Толстой «смеялся до упаду, и ему понравилось» («Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер», т. I. М., 1934, стр. 242).

В сентябре 1895 г. Ал. П. Чехов послал брату в письме вырезку из «Кубанских областных ведомостей», где сообщалось о постановках «Медведя» и «Предложения»: «В „Кубанских областных ведомостей“ пишут о Вас: „Весь эффект прекрасного водевиля А. Чехова „Предложение“ пропал, благодаря удивительному незнанию своих ролей г-жою Невериной и г. Дорошенко; только г. Касиненко и заслуживает внимания.

И в том же номере анонсируют: „Сегодня, в воскресенье, пойдет малорусская драма в 5 действ. „Ой, не ходы, Грицю, та на вечерниці“, Соч. М. П. Старицкого, и водевиль „Медведь“, Соч. А. Чехова“» (Письма Ал. Чехова, стр. 314—315).

В 1898 г. «Медведь» шел на сцене Малого театра с участием А. П. Щепкиной (Попова), Н. М. Подарина (Смирнов) и П. Я. Рябова (Лука). По этому поводу к Чехову обращалась 26 сентября 1898 г. Т. Л. Щепкина-Куперник, и Чехов дал согласие на постановку. (Сохранился договор Дирекции императорских театров с Чеховым на представление «Медведя» — ЦГТМ; см. стр. 297.)

Критические отзывы на постановки «Медведя» были немногочисленны.

Шумно откликнулись газеты лишь на первую постановку — в театре Корша. Газета «Новости дня» сообщала: «Новая пьеса „Медведь“, (. . .) данная вчера в бенефис Н. В. Светлова на сцене театра Корша, прошла очень бойко; автор дважды был дружно вызван вместе с г-жой Рыбчинской и г. Соловцовым, исполняющими роли в этой пьесе. (. . .) Бенефициант был встречен публичной аплодисментами и подарком» (1888, 29 октября, № 1910). Через два дня в той же газете была напечатана подробная рецензия на спектакль: «Полная юмора игра г-жи Рыбчинской и г. Соловцова много способствовала успеху пьесы. Фраза Елены: „Я с удовольствием влеплю пулю в ваш медный лоб“ — была покрыта гомерическим аплодисментом. Соловцову аплодировали всей залой во время самого действия» (1 ноября, № 1913). В газете «Театр и жизнь» рецензент, подписавшийся Н. П., писал: «„Медведь“ — это форменная шутка, построенная на „невозможном“ анекдоте и не претендующая на жизнь или „естественность“. (. . .) Благодаря великолепной игре г-жи Рыбчинской и г. Соловцова публика хохотала до упада. Автора вызывали. Театр был полон. Бенефицианта встретили очень ласково и поднесли ему серебряный сервиз на плато, покрытом цветами» (1888, 30 октября, № 172).

«Русские ведомости» отмечали в разделе «Театр и музыка»: «Самой интересной пьесой бенефиса была новая одноактная

шутка г. Ант. Чехова „Медведь“. Это очень грациозная вещица, написанная хорошим языком и с большим талантом. Это шутка, но в ней много жизненного (. . .) Пьеска дышит свежестью таланта и оригинальностью сцен (. . .) Автора шумно вызывали два раза» (31 октября, № 300).

В «Русском курьере» заметка появилась тоже 31 октября (№ 304; подписана: С. Ф.): «Маленькая одноактная шутка г. Антона Чехова „Медведь“ — хорошенькая и грациозная вещица. Только ее следует разыгрывать очень толко. Она вся состоит, особенно мужская роль в ней, из многочисленных переходов и психологических нюансов. Несмотря на простоту рисунка характера этой роли, в ней заключается такой благодарный материал для тонкого исполнения художника-артиста, что последний может преподнести публике настоящий перл». Сочувственный отзыв поместил и журнал «Будильник»: «Наша публика совсем отвыкла от „оригинального“ и „задорного“; между тем в маленькой шутке Чехова она встретила сразу и грубую житейскую правду, и душевную психологию, и невероятный фарс, и яркие искры молодого таланта» (С в о й. Театрально-музыкальные заметки не-присяжных рецензентов. — «Будильник», 1888, 6 ноября, № 43, стр. 6).

Две рецензии были отрицательны. Об одной из них упоминал Чехов в письме к Леонтьеву (Щеглову) — отзыв С. Васильева (псевдоним театрального критика С. В. Флерова): «В пьесе три действующие лица: вдова, гость, лакей. Это нечто вроде французских proverbes; различие лишь в том, что те, при всей своей внешней простоте, обдуманы и обработаны до мельчайших подробностей, как настоящие „кабинетные“ вещицы, между тем как г. Чехов допускает такую вопиющую невозможность, как вызов женщины на дуэль. Эта необдуманная подробность тем более бросается в глаза, что на ней построен перелом пьесы, перемена отношений между двумя лицами».

Г. Соловиков, играющий роль „медведя“, очень верно берет темп, нужный для такого рода вещиц; но даже и при этой быстроте темпа нет возможности „скользнуть“ по неправдоподобности вызова женщины на барьер» («Московские ведомости», 1888, 31 октября, № 302).

В другом отзыве подчеркивалось обилие в пьесе бранных слов: «В чем же кроме этого заключается комизм „Медведя“?.. Мы все видим в Чехове крупный талант, но несомненно ложно направленный. . . „Медведь“ — шутка, но не шуточными последствиями грозит она молодому писателю. Это опасный путь, Чехов!» («Русское слово», 1888, 5 ноября, № 45).

С нападками, веловко завуалированными комплиментами, выступил и рецензент «Новостей и Биржевой газеты» (подпись: XII): «Это — ходульная, но, в то же время, чрезвычайно ловко написанная вещица, — талантливый гротеск, не требующий от зрителя ничего, кроме доброго расположения духа».

Как автор коротеньких рассказов г. Чехов имеет крупный успех среди читающей публики; наоборот, его „большие“ вещи не имели успеха ни в публике, ни среди рецензентов. Та же участь постигла его и на сцене: громоздкая и притязательная комедия его „Иванов“ провалилась; „Медведь“ имел и будет иметь успех —

как очень милый пустячок, улаждающий нетребовательную публику (. . .). Я уверен, что г. Чехов и не мечтал заявиться с этим пустячком на сцене театра, смысл существования которого исчерпывается высокопробным репертуаром, а не материальной стороной дела, не сборами...

В „Медведе“ сказывается слабая сторона автора как драматурга: он „манерничает“, „ломается“... Как в „Иванове“ он угостил нас неестественным выходом какого-то „винтера“, сокрушающегося о потерянной взятке, так и тут: лишняя осьмушка овса, которую неутешная вдова приказывает дать любимой лошади ее покойного мужа и которую она отменяет после того, как воинственный сосед завоевывает ее сердце (*veni, vidi, vici!*¹) — прямо-таки комична!» («Новости и Виржевая газета», 1888, 19 ноября, № 320).

В одной из рецензий было высказано мнение, которое затем утвердилось в литературе о Чехове: «Гстати, нельзя не заметить, что основной мотив вещицы названного автора аналогичен с мотивом, на котором построена одноактная комедия „Победителей не судят“» («Русский курьер», 1888, 31 октября, № 301).

По воспоминаниям Леонтьева (Щеглова), самый замысел «Медведя» возник у Чехова после того, как он увидел в театре Корша одноактную комедию Н. Самойлова «Победителей не судят», представляющую собой переделку французского водевиля Пьера Бертонна «Les jurons de Cadillac», в которой «восхищали в шестидесятых годах в Михайловском театре петербургскую публику г-жа Напталъ-Арно и г. Дьёдонне. У Корша отличались г-жа Рыбчинская и г. Соловцов» (*Чехов в воспоминаниях*, 1954, стр. 150). Главную роль исполнял Н. Н. Соловцов.

В пьесе Самойлова действуют также три лица: графиня (молодая вдова), князь Головин (моряк) и лакей. Сюжет строится на укрощении грубого, но добродушного моряка великосветской красавицей: она обещает выйти за него замуж, если он выдержит испытание — в положенные полчаса разговора не употребить грубых слов. Однако в этом водевиле очень мало общего с пьесой Чехова. Леонтьев (Щеглов) справедливо отмечал, что пьеска Самойлова — «довольно-таки топорная». Вероятно лишь то, что Чехов писал свой водевиль, учитывая будущего исполнителя — Соловцова. «Водевиль этот был написан Чеховым под впечатлением игры и внешности артиста театра Корша Н. Н. Соловцова. Это был огромного роста, неуклюжий, с громким голосом, по довольно талантливый актер, жаловавшийся на то, что его постоянно затирают и не дают ему хороших ролей» (М. П. Чехов. Антон Чехов. Театр, актеры и «Татьяна Репина», стр. 15).

Еще в 1889 г. к Чехову обратился В. К. Миткевич, офицер и литератор, с просьбой о разрешении перевести пьесу на французский язык. Чехов ответил 12 августа 1889 г.: «Против Вашего желания перевести моего „Медведя“ я ничего не имею. Напротив, это желание льстит мне, хотя я заранее уверен, что на француз-

¹ пришел, увидел, победил! (лат.)

ской сцене, где превосходные водевили считаются сотнями, русский водевиль, как бы удачно он написан ни был, успеха иметь не будет».

Миткевич собирался поехать во Францию и там поставить пьесу. Поездка не состоялась, и в 1893 г. он вновь обращался с тою же просьбой (письмо Миткевича от 27 сентября 1893 г. переправил брату Ал. П. Чехов. — *Письма Ал. Чехова*, стр. 496). На это письмо Чехов, вероятно, не ответил.

В 1898 г. завязалась переписка с лектором по русской литературе в Париже Я. С. Мерпертом. Мерперт просил Чехова прислать какую-нибудь пьесу в одном действии, кроме «Медведя», для устраиваемого в Париже русским кружком спектакля в ноябре — декабре 1898 г. Чехов послал сборник «Пьесы», а в последующих письмах рекомендовал водевили других русских писателей: Ив. Щеглова, В. В. Билибина, П. П. Гнедича.

Особенной популярностью пользовался водевиль в Чехословакии (впервые поставлен в г. Брно 17 октября 1889 г.). Зденек Неedly в статье, посвященной творчеству Чехова, писал: «Знаменательно то, что уже в первые годы проникновения Чехова к нам шутка „Медведь“ после Национального театра получила распространение и в провинции, где наши любительские кружки с увлечением играли ее в городах и деревнях, даже недостаточно сознавая, что играют произведение иностранного автора» (*ЛП*, стр. 776).

При жизни Чехова пьеса «Медведь» была переведена на болгарский, венгерский, немецкий, польский, румынский, сербско-хорватский, словацкий и чешский языки.

Стр. 303. *Очи черные, очи страстные...* — Начальные слова цыганского романса на стихи Е. П. Гребенки (муз. Г. Софусь).

...шлёт, робкое дыханье... — Начальная строка стихотворения А. А. Фета.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Впервые — литографированное издание: Предложение. Шутка в одном действии А. Чехова. Литография Московской театральной библиотеки Е. Н. Рассохной (цenz. разр. 27 декабря 1888 г.).

Напечатано в газете «Новое время», 1889, 3 мая, № 4732. Подпись: А. П.

Перепечатано в журнале «Артист», 1889, кн. III, ноябрь. Включено в сборник «Пьесы» (1897).

Вошло в издание А. Ф. Маркса.

Сохранилась рукопись — цензурный экземпляр пьесы: Предложение. Шутка в одном действии А. Чехова. На обложке — шлемпель с датой представления в цензуру: «9 ноя(бря) 1888» и резолюция цензора: «К представлению дозволено. Цензор драматических сочинений Альбедивский. 10 ноября 1888» (*ЛГТБ*).

Корректурa последней страницы текста из журнала «Артист» с исправлением Чехова и надписью: «Корректурa прощу впредь присылать с подлинником. Нелишне назвать номер „Нового времени“, а о том, что пьеса шла в Красном Селе, я полагаю, следует печатать не внизу, а наверху. А. Чехов» — находилась в Красноярском краевом архиве («Красноярский рабочий», 1940, 29 февраля, № 49). Нынешнее ее местонахождение неизвестно.

Печатается по тексту: Чехов, т. VII, стр. 24—42, с исправлением:

Стр. 318, строки 6—7: Ну вот, ей-богу! — *вместо:* Ну вот! (цензурный вычерк).

27 октября 1888 г., извещая А. С. Суворина о постановке «Медведя» в театре Корша, Чехов сообщал о «Предложении»: «Написал я еще один водевиль: две мужские роли, одна женская». И в тот же день — Е. М. Линтваревой: «Весь октябрь я ничего не делал. Приводил в порядок свои сценические безделки». 7 ноября пьеса была отправлена в Петербург, в театральную цензуру. И. Л. Леонтьеву (Щеглову) Чехов писал в этот день — с обычной в отношении своих водевилей шутливостью: «Я нацарапал специально для провинции паршивенький водевильчик „Предложение“ и послал его в цензурию. Просил в прошении выслать в библиотеку Рассохина. Если, ангел, будете в цензуре, то скажите Крюковскому, что в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский и что я купно с Рассохиним слезно молим цензурную гидру не задерживать водевиля в карантине. Водевильчик пошловатенький и скучноватенький, но в провинции пойдет: две мужские роли и одна женская. „Предложение“ ставить в столицах не буду».

Сам Чехов постановку пьесы предполагал лишь осенью будущего, 1889 года. В письме от 23 ноября 1889 г. к Леонтьеву (Щеглову) он заметил по этому поводу: «Я держусь такого правила: пишу пьесы зимою, но не для зимы, а для осени. „Медведя“ и „Предложение“ я написал за полгода до начала сезона. Иначе трудно конкурировать».

Литографированное издание Московской театральной библиотеки Е. Н. Рассохиной по тексту совпадает с рукописной копией, посланной в цензуру. Еще в конце 1888 г. был решен вопрос о печатании пьесы в «Новом времени» (см. ниже письмо Ф. А. Куманину).

5 марта 1889 г. Чехов известил секретаря Общества русских драматических писателей и оперных композиторов И. М. Кондратьева (сведения для каталога пьес, разрешенных к постановке): «(. . .) моя пьеса „Предложение“ будет напечатана под псевдонимом „А. П.“».

Пьеса была поставлена в Петербурге Столичным артистическим кружком 12 апреля 1889 г. Энтузиасту этой постановки, Леонтьеву (Щеглову), Чехов писал 11 марта 1889 г.: «(. . .) В. Н. Давыдов хотел сыграть его на Александринке, по крайней мере, говорил об этом. Вы спросите у него. Если он не рассчитывает играть в „Предложении“, то даю Вам карт-бланш, де-

айте с моей пресловуто-глухой пьесой что угодно, хоть сигарки из нее лепите».

15 марта Леонтьев (Щеглов) ответил, что Давыдов «ничего не имеет против того, чтобы пьеса шла в Столичном артистическом кружке» и «готовые роли уже розданы по принадлежности», а 19 марта переслал Чехову печатный бланк Н. И. Костромитипова, учредителя и директора кружка, с приглашением на репетицию трехактного «Дачного мужа» Щеглова и «Предложения» Чехова. На бланке обращение: «Отвечьте поскорее, не томите» (*ГБЛ*). Чехов подтвердил согласие на постановку, но в письме от 12 апреля сетовал на чрезмерность рекламы (объявления в «Новом времени»): «Вы чуть ли не с самого октября долбите во всех газетах ежедневно про мое „Предложение“. Зачем это? Про маленькое нельзя писать много, надо быть скромным и не давать своему имени мелькать, как пузыри в луже.

Значит, мое „Предложение“ на казенной сцене уж не пойдет. Делайте с ним, что хотите. Чем чаще будете ставить, тем, конечно, лучше, ибо прибыльнее».

Посылая водевиль в «Новое время», Чехов просил Суворина не печатать раньше мая (письмо от 22 апреля 1889 г.).

«Предложение» появилось в газете 3 мая — в несколько измененном, сравнительно с первоначальным текстом, виде. Чехов сделал стилистические поправки и ряд сокращений. Ослаблялась внешняя, скандальная сторона столкновения, отчего его внутренняя сущность выделялась рельефнее. В последних явлениях были вычеркнуты примирительные реплики Натальи Степановны и Ломова, а также урезонивающие слова Чубукова (см. вариапты).

5 мая 1889 г. Ал. П. Чехов сообщал брату: «Твое „Предложение“, напечатанное фельетоном, очень понравилось публике» (*Письма Ал. Чехова*, стр. 232). 22 мая Чехову писал А. Н. Плещеев: «Читал я в „Новом времени“ „Предложение“. Это ужасно смешно, и на сцене будет гораздо забавнее „Медведя“. Нельзя без хохота читать. Мы читали в компании» (*ГБЛ; Слово*, стр. 264).

9 августа 1889 г. «Предложение» было поставлено в Красносельском театре, о чем на другой день Чехову сообщал игравший в пьесе П. М. Свободин; роли исполняли, кроме него, Ильинская (Наталья Степановна) и Варламов (Чубуков): «Хохот стоял в зале непрерывный (. . .) Вызывали нас два раза, — чего не бывает в официально-чинном Красносельском театре» (письмо от 10 августа 1889 г. — *Записки ГБЛ*, вып. 16, стр. 195—196). 24 августа о том же писал В. В. Билибин (*ГБЛ*), а 16 сентября — Плещеев: «Ваше „Предложение“ имело, говорят, огромный успех» (*ЛН*, стр. 351).

По этому поводу Чехов заметил в письме Леонтьеву (Щеглову): «Мне пишут, что в „Предложении“, которое ставилось в Красном Селе, Свободин был неподобен; он и Варламов из плохой пьесенки сделали нечто такое, что побудило даже царя сказать комплимент по моему адресу. Жду Станислава и производства в члены Государственного совета».

В сентябре 1889 г. к Чехову обратился Куманин, редактор журнала «Артист», с просьбой перепечатать «Предложение».

Чехов ответил 5 сентября: «Мое „Предложение“ было уже напечатано в „Новом времени“ № 4732, куда я обещал его еще в прошлом году. Что касается напечатания этой пьесы в „Артисте“, то оно едва ли возможно. Не в моей власти разрешать печатать то, что уже было однажды напечатано в газете и за что мною уже получены деньги. Неловко. Если, конечно, Суворин разрешит перепечатать с соответственным примечанием, что эта-де пьеса была раньше помещена в „Новом времени“, то я ничего не буду иметь против». 23 октября Чехов сам написал Суворину, и в ноябре «Предложение» было перепечатано в «Артисте» с примечанием о первой публикации в «Новом времени». Судя по напечатанному здесь тексту, в корректуре Чехов внес небольшие поправки. Возможно, по цензурным причинам в репликах действующих лиц исчезли слова: «боже мой», «слава богу».

В Москве «Предложение» было поставлено 3 сентября 1889 г. — в театре Горевой, только что открывшемся (в тот же вечер шла «Гроза» Островского). Рецензент «Московских ведомостей» С. Васильев (критически отзывавшийся раньше о «Медведе» в театре Корша) теперь заметил, что «Предложение» — «очень свежая и милая безделка»: «Это очень забавная маленькая вещь, написанная с несомненным сценическим талантом и прекрасно разыгранная гг. Сашиным (Ломов) и Волхевским (Чубуков). Роль дочери играет г-жа Велизарий; первый выход ее был очень хорош; в дальнейшем ходе пьесы исполнительница суежилась несколько более чем нужно» (С. В а с и л ь е в. Театральная хроника. — «Московские ведомости», 1889, 4 сентября, № 244).

После нескольких спектаклей водевиль был снят с репертуара по желанию Чехова. 18 сентября он заметил в письме Леонтьеву (Щеглову): «С моими водевилями целая революция. „Предложение“ шло у Горевой — я снял с репертуара». За два дня до этого П. Д. Боборыкин (заведовавший в ту пору в театре Горевой репертуаром) написал Чехову: «Я передал Горевой Вашу просьбу (. . .) Препятствовать она Вам не будет, а я могу только пожалеть о том, что Вам у нас не понравилось. Против пустоты залы я не имею иных средств, кроме репертуара и труппы: репертуар — мой только с 18 сентября; труппа была составлена хозяйкой театра, а не мною» (ГБЛ).

В Александринском театре «Предложение» впервые было поставлено 12 сентября 1889 г. Свободин сообщал Чехову, что пьеса «до слез нравится публике», и добавлял о первом спектакле: «(. . .) Публика непременно желала вызвать с нами вместе автора и до того настоятельно, что покорнейшему слуге Вашему пришлось, наконец, доложить, что автора в театре нет...» (ГБЛ).

Позднее Свободин в письме к Чехову высказал свое мнение о водевилях, в которых играл: «Что же касается изящного и талантливого пустяка „Медведя“ и такового же „Предложения“, так это даже удивительно, какой черт научает Вас так писать для театра, в котором Вы... хотел сказать, ничего не смыслите, да уж бог с Вами! Так мастерски писали и пишут лучшие европейские писатели (. . .) Вот чем и объясняется „бессмертию и несоколебанию“ „Медведя“ и „Предложения“» (ГБЛ).

А. И. Сумбатов-Южин решил ставить «Предложение» в Малом театре. Премьера состоялась 20 февраля 1891 г. Роли исполняли: Наталья Степановна — Н. А. Никулина, Ломов — Н. И. Музиль, Чубуков — В. А. Макшеев. Чехов присутствовал на утреннем спектакле 24 февраля (22 февраля с просьбой о билетах он обращался к режиссеру Малого театра А. М. Гондратьеву).

Как и водевиль «Медведь», «Предложение» сделалось сразу «любимейшим детищем провинциальных сцен» (воспоминания Леонтьева-Щеглова. — *Чехов в воспоминаниях*, стр. 151).

Оказавшись в мае 1890 г. по дороге на Сахалин в Томске, Чехов писал родным: «В Томске на всех заборах красуется „Предложение“. Пьеса была поставлена 10 мая местным драматическим обществом. В газете «Сибирский вестник» спектакль был назван «выдающимся событием». Водевиль был хорошо сыгран, а «местами даже мастерски», «особенно был неподдельно комичен Л. М. Ленин и возбуждал взрывы хохота. Очень хорош был также М. Г. Пепеляев и весьма живо и бойко веда роль Н. М. Пепеляева». Зрители много раз вызывали актеров («Сибирский вестник», 1890, 13 мая, № 53).

18 марта 1892 г. «Предложение» было одобрено драматической цензурой («к представлению в народных театрах» (резюльция на экземпляре ЛГТБ).

В мае 1901 г. к Чехову обращался А. И. Куприн; в Ялте устраивался любительский спектакль, Куприн должен был играть Чубукова (ЛН, стр. 379).

Включая пьесу в сборник и затем в собрание сочинений, Чехов внес несколько поправок.

В сборнике «Пьесы» изменилась разбивка на явления: вместо шести стало семь (выделен в самостоятельное явление монолог Ломова). В последнем споре Натальи Степановны с Ломовым исключены повторные реплики: «Лучше!» — «Хуже!».

В последнем авторизованном тексте (марксовское издание) были еще сделаны некоторые сокращения. Появились слова: «здоровый, упитанный, но очень мнительный помещик» в характеристике Ломова.

И в сборнике, и в собрании сочинений проводилась небольшая стилистическая и грамматическая редакция. Исправлены такие выражения, как «давали вам своей молотилки», «Дайте мне пожа!», «Дайте мне пистолета!»

По воспоминаниям А. С. Лазарева (Грузинского), для «Предложения» Чехов пользовался находившейся в его библиотеке книгой Дранского «Записки мелкотравчатого», откуда взял оригинальные охотничьи термины» (*Чехов в воспоминаниях*, стр. 153).

В 1890 г. пьеса была поставлена в Пражском национальном театре режиссером Франтишекком Коларом (премьера 30 мая). Публика встретила ее одобрительно, причем особенно понравилась роль Ломова в исполнении замечательного актера Индржиха Мошны. Отзывы же критики в основном были отрицательными, что отчасти объяснялось неудачным переводом.

Известный поэт Ярослав Врхлицкий упрекал автора в целом ряде художественных погрешностей, но при всем этом его за-

хватило неподдельное веселье чеховской шутки. Он считал, что имеется мало пьес, где зритель так смеялся бы от всей души. «Русский юмор,— писал он,— действительно великолепен, может быть,— я не боюсь этого богохульства,— великолепнее, чем русский пафос. Не знаю почему, но во время представления этой пьески Чехова мне вспомнилось знаменитое определение русского смеха, которое дает Гоголь в „Мертвых душах“...» («Hlas Národa», 1890, 3 июня, № 151). «Удивительная это была комедия,— вспоминал позднее рецензент газеты „Národní listy“.— Кто-то на сцене страдал, корчился от боли, а весь театр смеялся» (1901, 22 апреля, № 111.— *ЛН*, стр. 754).

При жизни Чехова пьеса была переведена на английский, болгарский, венгерский, немецкий, сербскохорватский и чешский языки.

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ
НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ ¹

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ (Калхас)

Болгарский язык

Колхас. Лебедева песен. Драматически етюд в едно действие.
Прев. А. Я. Макавеев.— Звезда, I, 1900, кн. 4, април

Немецкий язык

Das Schwanenlied des Komikers. Dramolet in I Aufz. Im orig. bet.
«Kalchas». Übers.: L. Flachs — Fokschaneanu. Berlin, E. Bloch,
1901
Schwanenlied.— Agramer Tagblatt, Zagreb, XVI, 1901, br. 241

Польский язык

Łabędzi śpiew.— Tygodnik Słowa Polskiego (dodatek do Słowa Polskiego), 1902, nr. 54.

Сербскохорватский язык

Labodnica. Prev. P. Mihlavac-Podravski.— Ljubljanski zvon,
Ljubljana, 21/1901, br. 9
Лабудова песма.— Штампa, III, 1904, № 280

Чешский язык

Labutí píseň.— Čechov A. P. Labutí píseň. Dramatická scéna.
Přel. V. Prusík. Praha, M. Knapp, 1901
Labutí píseň. Přel. V. Prusík.— Lukavski J. Kamenny ideal.
Praha — Karlin, Knapp, 1903

МЕДВЕДЬ

Болгарский язык

Мечка.— Чехов А. Мечка. Комедия в едно действие. Русе,
Н. Рачиков, печ. С. И. Роглев, 1889 (13 февруари)
Мечка.— Чехов А. Мечка. Комедия в едно действие. Русе,
Н. Рачиков, печ. С. И. Роглев, 1890

---

¹ Составители Л. П. Северская и М. Рев (венгерский язык).

Мечка.— Чехов А. Мечка. Горна Оряховица, книж. Д. Ивапов, 1904

Мечка.— Чехов А. Мечка. В. Търново, печ. П. Х. Панайотов, 1904

Мечка. Глума в едно действие. Прев. А. В. Изворов.— Българска сбирка, XI, 1904, кн. 3, 1 март

Венгерский язык

A medve.— Csehov A. Vigjáték egy felvonásban. Ford. Ivánfi J. 1901. január 11. Bemutató: Nemzeti Színház.

A medve.— Csehov A. A parasztokés egyéb elbeszélések. Bdp., Légrády, 1901.

A medve.— Csehov A. A parasztokés egyéb elbeszélések. 2 kiadás. Bdp., Légrády, 1904.

A medve.— Csehov A. A medve. Ford. Ivánfi J. Bdp., Rényi Károly, 1903.

Немецкий язык

Der Bär.— Tschecchhoff A. P. Der Bär. Grotteske in I Aufz.—Ein Heiratsantrag. Scherz in I Aufz. Übers.: L. Flachs-Fokschananu. Leipzig, Reclam, 1903

Польский язык

Niedźwiedz. Komedyjka w I akcji. Tłum. G. B. (Gustaw Baumfeld). Lwów, H. Altenberg, 1902

Румынский язык

Ursul. Comedie într-un act. Trad. de L. Măgură.— Revista ideălistă, Buc., I, 1904, p. 491—506

Сербскохорватский язык

Медвед.— Застава XXXV, 1900, №№ 279—281

Medved. Prev. P. Miklavac-Podravski.— Ljubljanski zvon, Ljubljana, XXI, 1901, br. 11

Медвед.— Чехов А. П. Медвед. Прев. С. Петровић. Београд, 1901

Медвед.— Nagybecskerek. 1902. majus. 31.

Medved.—Pancsova. 1903. januar 16.

Medvjed. Prev. S.—Srđ, Dubrovnik, II, 1903, br. 22

Словацкий язык

Medved'.—Hlas, 1903, č. I, s. 6—18. Přel. I. Gregor — Fajovský

Medved'.—Cechov A. P. Medved'. Přel. I. Gregor — Fajovský. Ružomberk, 1903

Чешский язык

Medvěd. Přel. E. Bílá.— Ludové noviny, 1900, č. 281

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Английский язык

A marriage proposal. Transl. by W. H. H. Chambers.— Bates A. The drama; its history, literature, & influence on civilization. Lnd., The Athenian Society, 1903

Болгарский язык

Предложение.— Чехов А. Предложение. Комедия в едно действе. Лом, печ. Димитров и Тодоров, 1903
Предложение.— Чехов А. Предложение. Горна Оряховица, книж. Д. Иванов (печ. П. Х. Григорев), 1904

Венгерский язык

Leánykérés. Bohòzat egy felvonásban. Ford. Pintér A'. Vígsház. 1903. szeptember 24.
Leánykérés.— Csehov A. Magyar Szó, 1903. szeptember 25. 227/14. sz.
Leánykérés.— Csehov A. Leánykérés. Ford. Pintér A'. Vígsház, 1903

Немецкий язык

Ein Heiratsantrag.— Tschchow A. Der Bär.— Ein Heiratsantrag. Übers.: L. Flachs — Fokschaneanu. Leipzig, Reclam, 1903

Сербскохорватский язык

Чудо од жене.— Србобран, XVIII, 1901, №№ 56, 57
Ženidbena ponuda. Prev. D. Šambek.— Građanin, Novi Sad, 9/1904, br. 22—27
Prosidba.— Narodne novine, Beograd, LXX, 1904, br. 183, 184
Prosidba.— Smotra dalmatinska, Zadar, XVII, 1904, br. 81—83
Prosidba.— Srđ. Dubrovnik, III, 1904, br. 14, 15

Чешский язык

Námluvy. Přel. A. Mikulejský.— Čechov A. P. Námluvy. Praha, F. Šimáček, 1892

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- А. П. Чехов. *Фотографии 1883 г. Москва* . . . . .
- «Безотцовщина». *Последняя страница рукописи. Автограф (ЦГАЛИ)* . . . . .
- «Лебединая песня (Калхас)». *Обложка цензурного экземпляра (ЛГТБ)* . . . . .
- «Иванов». *Обложка цензурного экземпляра. СПб. цензурный комитет (ГЦТМ)* . . . . .
- «Иванов». *Первая страница цензурного экземпляра (автограф), перечеркнутая цензором (ГЦТМ)* . . . . .
- «Иванов». *Страница текста в цензурном экземпляре с правкой Чехова (ГЦТМ)* . . . . .
- «Иванов». *Обложка литографированного издания пьесы с дарственной надписью Е. И. Эфрос (ГБЛ)* . . . . .
- «Медведь». *Страница текста в цензурном экземпляре с цензорским вычерком (ЛГТБ)* . . . . .
- Бланк *Условия дирекции императорских театров на постановку «Медведя», с подписью Чехова (ГЦТМ)* . . . . .
- «Предложение». *Обложка цензурного экземпляра (ЛГТБ)* . . . . .
- «Предложение». *Страница текста в цензурном экземпляре с цензорским вычерком (ЛГТБ)* . . . . .
- Бланк *Условия дирекции императорских театров на постановку «Предложения», с подписью Чехова (ЦГАЛИ)*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПЬЕС

«Безотцовщина»	5
Иванов	217
Лебединая песня (Калхас)	205
Медведь	293
На большой дороге	181
Предложение	313

СОДЕРЖАНИЕ

	Текст	Вари- анты	Приме- чания
〈Безотцовщина〉. 〈Пьеса в 4-х действиях〉	5	333	393
На большой дороге. <i>Драматический этюд в од- ном действии</i>	181	—	402
Лебединая песня (Калхас). <i>Драматический этюд в одном действии</i>	205	359	405
Иванов. <i>Комедия в 4 действиях и 5 картинах</i>	217	362	408
Медведь. <i>Шутка в одном действии</i>	293	370	426
Предложение. <i>Шутка в одном действии</i>	313	373	435
ВАРИАНТЫ		331—375	
ПРИМЕЧАНИЯ		377—440	
Условные сокращения		379	
Вступительная статья к примечаниям		381	
Прижизненные переводы на иностранные языки		441	
Список иллюстраций		444	
Алфавитный указатель пьес		445	

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

✻

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ (главный редактор),
Д. Д. БЛАГОЙ, Г. А. БЯЛЫЙ, А. С. МЯСНИКОВ,
Л. Д. ОПУЛЬСКАЯ (зам. главного редактора),
А. И. РЕВЯКИН, М. Б. ХРАПЧЕНКО

Текст подготовили и примечания составили
М. П. Громов, И. Ю. Твердохлебов

Редактор одиннадцатого тома
Н. Ф. Бельчиков

*

Редактор издательства
М. Б. Покровская
Оформление художника
И. С. Клеймарда
Художественный редактор
С. А. Литвак
Технический редактор
О. М. Гуськова
Корректоры
В. А. Алешикина,
В. Г. Петрова, Л. Д. Собко
ИБ № 32 167

Сдано в набор 18. 02. 85.
Подписано к печати 10. 09. 85.
Формат 84×108¹/₃₂
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 23,6. Усл. кр. отт. 23,7
Уч.-изд. л. 23,3
Доп. тир. 400 000 экз. 1 завод (1—200 000)
Зак. № 6—183. Цена 2 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90
Отпечатано с матриц
ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени МПО
Первой Образцовой типографии
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
113054, Москва, Валовая, 28
на Киевской книжной ф-ке,
252054, Киев, ул. Воровского, 24.

